

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И
ЭТНОГРАФИИ
АМЕРИКИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Алексей Владимирович
ЕФИМОВ
(1896—1971)

ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ
АМЕРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1979

Сборник посвящен памяти крупного исследователя истории и этнографии Америки, члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова. В книге дается обзор научной и педагогической деятельности А. В. Ефимова, показан его творческий вклад в разные области американистики.

Авторы рассматривают вопросы исторического развития США, этническую историю Латинской Америки и Канады, показывают вклад России в исследование Северо-Западной Америки.

Редакционная коллегия:

Ю. В. БРОМЛЕЙ (ответственный редактор),
Ю. П. АВЕРКИЕВА, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ш. А. БОГИНА,
И. Ф. ХОРОШАЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Авторский коллектив сборника посвящает свою работу памяти члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова — крупного исследователя истории и этнографии Америки. Статьи написаны учениками и коллегами А. В. Ефимова, а также другими специалистами, так или иначе вовлеченными в орбиту его научного влияния. Тематика этих статей не охватывает, однако, всего спектра научных интересов А. В. Ефимова, которые отличались большой широтой и разнообразием.

А. В. Ефимов был зачинателем советской исторической американистики, и в этом заключается, пожалуй, его главная научная заслуга. История США мало изучалась в дореволюционной России и немногим более — в первые полтора послереволюционных десятилетия. А. В. Ефимов поставил и исследовал, руководствуясь марксистской методологией, основные проблемы истории США доимпериалистического периода — проблему промышленного переворота, рабства, так называемых свободных земель, гражданской войны и т. д. Уже несколько десятилетий разросшаяся школа советских американистов продолжает успешно разрабатывать эти проблемы.

Историк широкого профиля, А. В. Ефимов занимался также европейской историей (особенно Великой французской буржуазной революцией). Он выступал по этим вопросам как автор, редактор и лектор (много лет читал в вузах курс новой истории). Ему же принадлежит учебник новой истории, по которому учились многие поколения школьников.

В последние два десятилетия жизни А. В. Ефимов, руководивший сектором народов Америки Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, уделял большое внимание этнографическому изучению США, а также Канады и Латинской Америки.

Он всегда проявлял большой интерес к теории. Занимался философией истории, историографией, стремился к теоретическим обобщениям и поощрял к этому своих учеников.

Занимаясь историей русских землепроходцев в Сибири и Северо-Западной Америке и в связи с этим общей историей землеведения, он выдвинул интересную и плодотворную концепцию географического открытия. Русские географические открытия в

Сибири и на Тихом океане А. В. Ефимов рассматривал как открытие Америки со стороны Азии. Так смыкались два направления его исторических исследований. Разысканиями и публикациями по истории русских географических открытий он внес весомый вклад и в историческую науку, и в историю картографии, и в историю географии.

* * *

Первый раздел настоящего сборника дает обзор научной, а также педагогической деятельности А. В. Ефимова по ее главным направлениям — американистике, истории географических открытий, преподаванию новой истории.

Статьи второго раздела посвящены истории и этнографии Северной Америки, преимущественно истории США. Здесь анализируются народные движения в американских колониях Англии, важнейшие внешнеполитические аспекты войны за независимость, некоторые моменты русско-американских отношений середины XIX в. В двух статьях разбираются вопросы этнического развития американской нации: роль ирландских иммигрантов в гражданской войне и особенности своеобразной этнической группы — пенсильванских немцев; одна статья посвящена этническому формированию населения Канады в связи с войной за независимость США.

Следующий раздел посвящен Латинской Америке. В нескольких статьях исследуются этногенетические процессы в древней Центральной и Южной Америке, а также этнические процессы, протекавшие в отдельных странах этих регионов в колониальный период и в период независимости. В статьях рассматривается индийская иммиграция на Тринидад, разбирается отношение некоторых европейских стран к важным событиям латиноамериканской истории, исследуются взгляды Карлейля на южноамериканскую революцию, на материале живописи освещается отношение разных слоев европейского общества к узловому событию истории Мексики и др.

Северо-Западной Америке и русским исследованиям этого района с XVI по XIX в. посвящен специальный раздел. В одной из статей рассматривается хозяйство коренного населения этих мест, но основное внимание уделено деятельности Российско-Американской компании.

Сборник завершается списком основных научных трудов А. В. Ефимова.

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
А. В. ЕФИМОВА

*

Н. Н. Болховитинов

О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЕФИМОВА

На протяжении почти полувека имя члена-корреспондента АН СССР, профессора А. В. Ефимова было неразрывно связано с развитием советской исторической науки. Ученый широкого диапазона и большой эрудиции, А. В. Ефимов внес крупный вклад в изучение истории и этнографии стран Америки, русских географических открытий и истории нового времени. На его книгах и учебниках воспитывалось несколько поколений советских школьников, студентов, учителей и преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и научных работников.

Признание и известность пришли к ученому, разумеется, далеко не сразу. Они явились результатом упорного и настойчивого труда, итогом многолетней научной и педагогической деятельности. А. В. Ефимов родился 18(30) января 1896 г. в г. Баку, в семье юрисконсульта. Историческое образование получил в Бакинском и Московском университетах. После окончания в 1922 г. Московского университета А. В. Ефимов работал научным сотрудником Музея Революции, преподавал историю на Ломоносовском рабфаке. Важную роль в формировании взглядов молодого историка-марксиста сыграло его пребывание в 1926—1930 гг. в аспирантуре Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (РАНИОИ).

В начале 30-х годов А. В. Ефимов преподавал в различных высших учебных заведениях Ростова-на-Дону, а с 1934 по 1944 г. работал в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, сначала в качестве доцента, а затем (с 1938 г.) — профессора, заведующего кафедрой и декана исторического факультета. Одновременно он активно сотрудничал в научно-исследовательских учреждениях, являлся старшим научным сотрудником Коммунистической академии (1933—1936 гг.), а затем Института истории АН СССР (1936—1941 гг.), где некоторое время возглавлял сектор новой истории.

С середины 30-х годов А. В. Ефимов занял ведущее место в разработке программ и учебников по новой истории (период до Парижской коммуны) для средней и высшей школы. Он читал вузовские курсы по этому периоду, публиковал статьи и заметки в периодической печати, выступал с докладами и лекциями для учителей, в научных учреждениях, на предприятиях.

В 1938 г. А. В. Ефимов защитил докторскую диссертацию на

тему: «К истории капитализма в США», а в 1939 г. он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Накануне войны, в 1940 г., вышел в свет школьный учебник Ефимова по новой истории — «Новая история (1640—1870)». Эта книга выдержала свыше 300 изданий, и можно с полным основанием сказать, что она принесла ему самую широкую известность не только в нашей стране, но и в социалистических странах Европы и Азии, на Кубе, в Мексике и в странах Южной Америки.

Особенно активную патриотическую деятельность развернул А. В. Ефимов во время Великой Отечественной войны: выступал перед советскими воинами и гражданским населением в Москве и Калининне, в Латвии и Татарии, на Урале и Украине, подготовил за эти годы свыше 30 статей для советской и иностранной прессы. В апреле 1942 г. по инициативе А. В. Ефимова (в то время декана исторического факультета МГУ) в Москве была созвана научная сессия «700-летие победы Александра Невского на Чудском озере». Сессия прошла успешно и получила положительный отклик в центральной печати.

С 1944 по 1957 г. А. В. Ефимов работал в Институте методов обучения Академии педагогических наук РСФСР, а с 1957 г. и до конца жизни был заведующим сектором народов Америки Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Научную работу в системе АН СССР и АПН РСФСР он на протяжении многих послевоенных лет совмещал с преподаванием новой истории стран Европы и Америки в Московском государственном институте международных отношений. Им подготовлено большое число высококвалифицированных специалистов, которые успешно развивают разрабатывавшуюся им проблематику и с благодарностью и теплотой вспоминают своего учителя.

Многолетняя научная и педагогическая деятельность А. В. Ефимова была отмечена высокими правительственными наградами. В 1942 г. он был удостоен Государственной премии СССР за участие в написании первого тома «Истории дипломатии», а в 1954 г. — награжден орденом Ленина.

При всем разнообразии творческих интересов А. В. Ефимова в центре его внимания неизменно оставалась тема Америки, Америки не в узком, а в самом широком смысле слова, начиная от истории великих географических открытий, генезиса капитализма в странах Западного полушария и кончая проблемами методологии и историографии американской истории. Принадлежит к первому поколению советских историков-марксистов, А. В. Ефимов шел непроторенным путем первопроходца. Он не только исследовал деятельность американских пионеров, русских землепроходцев и мореплавателей, но и сам во многих случаях был пионером и первооткрывателем новых тем и направлений в молодой советской американистике. Его первая большая работа «К истории капитализма в США» (М., 1934) была в то же время и первой монографией по истории Соединенных Штатов в Совет-

ском Союзе. Изучив разнообразный круг документальных источников и американскую литературу, автор сумел поставить наиболее важные теоретические проблемы развития капитализма в США, а именно: проблему так называемых свободных земель и их роли в истории Соединенных Штатов, характер американского рабства, основные этапы и особенности промышленного переворота.

Важной заслугой ученого является и детализация на материале США проблемы развития капитализма вглубь и вширь. Изучив американские цензы 1860—1910 гг., он тщательно исследовал историю принятия акта о гомстедах, коммутации гомстедов и развитие капитализма в сельском хозяйстве США в последней трети XIX в. и показал, что классовая борьба внутри США за «свободные земли» была борьбой за различные пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Приведенные в работе данные подтвердили, что «американский» путь явился революционным, связанным с раздроблением рабовладельческих латифундий путем развития капитализма в сельском хозяйстве, а не раздроблением капиталистических хозяйств на трудовые»¹.

Подводя итоги исследованию, автор подчеркнул, что развитие США шло в соответствии с общими законами капиталистического общества, открытыми К. Марксом и Ф. Энгельсом, и пришел к выводу, что нет никаких оснований «для утверждения о какой-то исключительности» американского капитализма»². Главное, по мнению автора, заключается в том, чтобы не преувеличивать значения специфических особенностей американского капитализма и не забывать о его основных чертах.

Одним из первых в нашей стране А. В. Ефимов начал читать специальные и общие курсы по истории США. На основе его лекций для студентов Московского государственного института международных отношений были опубликованы «Очерки истории США», вышедшие двумя изданиями в 1955 и 1958 гг.³ В этой книге давалось систематическое изложение истории США — от открытия Америки до окончания гражданской войны 1861—1865 гг. и восстановления Союза. Особое внимание уделялось социально-экономической истории, проблемам генезиса капитализма, движению фермеров, рабочих и негров-рабов, а также истории русско-американских отношений. А. В. Ефимов подробно проанализировал предпосылки гражданской войны в США, проследил общий ход и этапы развития революции по восходящей и нисходящей линиям. Важное значение имеют теоретические выводы автора о гражданской войне как своеобразной буржуазно-демократической революции, анализ классового состава радикальных республиканцев — выразителей интересов прогрессивных кругов промышленной буржуазии северных штатов. Эти выводы получили развитие в коллективном труде «К столетию гражданской войны в США» (М., 1961), в котором А. В. Ефимов выступал не только как редактор (совместно с проф. Л. И. Зубоком), но и

как автор двух важных разделов (теоретического введения ко всему сборнику и статьи «Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны»).

Общие итоги своих многолетних исследований по истории Соединенных Штатов А. В. Ефимов подвел в обширном труде «США. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха», вышедшем в конце 1969 г. Теперь, когда все основные работы А. В. Ефимова по американской истории (кроме глав в дважды издававшемся первом томе «Истории дипломатии». 1-е изд. М., 1941; изд. 2-е М., 1959) были собраны воедино, вполне отчетливо и ясно представляется вклад их автора в исследование истории Соединенных Штатов.

Одной из основных идей обобщающего труда А. В. Ефимова стала мысль о связи внутреннего и внешнего в истории США, диалектика части и целого, отдельной страны — США — и всего остального мира. Заселение в конце XIX в. почти полностью западных земель, отмечал автор, не привело к прекращению развития капитализма США вширь, а лишь изменило формы этого развития. Вступив в стадию монополистического капитализма, США начинают захват новых территорий, превращая их в свои колонии и полукolonии. Это прежде всего Гавайские острова, Пуэрто-Рико, Филиппины, Куба и т. д. Начинается усиленный вывоз капитала, возвращающегося затем в страну в возрастающих размерах. «По нашему мнению, — отмечал автор, — развитие капитализма в США вширь теперь, в 60—70-е годы XX в., переживает новые 90-е годы XIX в., когда были исчерпаны так называемые «свободные земли». В нашу эпоху народы сопротивляются попыткам рассматривать их земли как «свободные» для экспансии американских монополий. Не случайно экспансионизм в США терпит одно за другим поражения в разных регионах и на разных континентах»⁴. Свои выводы об общем и особенном в развитии Соединенных Штатов в доимпериалистическую эпоху А. В. Ефимов доложил на XIII Международном конгрессе историков в Москве в августе 1970 г.

При оценке работ А. В. Ефимова по истории США следует учитывать, что ему приходилось начинать почти на пустом месте. В дореволюционной русской историографии глубокой традиции исследования американской истории не существовало. Что касается американских марксистов, то школа профессиональных историков (Дж. Аллен, Г. Аптекер, Ф. Фонер и др.) складывается там лишь накануне второй мировой войны. В 30-е и 40-е годы советские библиотеки имели весьма ограниченные материалы по истории США, а многие публикации не были еще включены в научный оборот. Естественно поэтому, что источниковедческая база первых советских работ по истории США (в том числе и трудов А. В. Ефимова) оставалась еще не вполне удовлетворительной. Большие трудности возникали и в концепционном отношении, поскольку марксистская трактовка многих важных проб-

лем американской истории давалась А. В. Ефимовым, по существу, впервые, и приходится только удивляться, как умело и правильно ученый сумел применить марксистскую методологию для понимания развития США в доимпериалистическую эпоху.

Конечно, теперь, спустя более 40 лет после опубликования первых трудов А. В. Ефимова по истории США, нетрудно заметить в них определенные пробелы и изъяны. Но более важно другое. Ведь даже сейчас, много лет спустя после их выхода, каждый советский специалист, начиная изучение той или иной важной проблемы истории США, продолжает обращаться к книгам А. В. Ефимова, находит в них отправные моменты и идеи для подробного исследования и дальнейшего развития. Вполне закономерно поэтому, что А. В. Ефимов считается главой школы советских историков-американистов, работы которых в настоящее время получили признание как в СССР, так и за рубежом (даже со стороны наших идейных противников). Так, например, в 1976 г. в США вышел объемистый (более 400 с.) указатель работ советских американистов, опубликованных в 1945—1970 гг. В предисловии к этому изданию д-р Роберт В. Аллен подчеркнул, что ряд советских работ представляют собой «настоящий вклад в историческую науку и заслуживают уважительного отношения»³.

Значительный и оригинальный вклад А. В. Ефимов внес в изучение истории русских географических открытий на Тихоокеанском севере. Его исследовательские труды — «Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века» (М., 1948), «Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах» (М., 1950), «Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке» (XVII—XVIII вв.)» (М., 1964) и др. по-новому представили историю открытия Америки русскими мореплавателями. В них впервые введены в научный оборот многочисленные архивные документы, в том числе уникальные географические карты, которые коренным образом изменили старые представления о значении русских географических открытий.

Особый интерес в этой связи представляет упомянутый выше «Атлас», в составлении которого принимали участие также М. И. Белов и О. М. Медушевская. Содержание публикуемых в «Атласе» карт было подвергнуто тщательной проверке данными архивных документов, причем в некоторых случаях те или иные ошибки на картах помогли установить источники, положенные в их основу. Как отмечал, в частности, сам А. В. Ефимов, нанесение на карту сплошного массива, который, начинаясь на некотором расстоянии от побережья Северного Ледовитого океана и огибая Чукотский полуостров, переходил в материк, находящийся против северо-восточной оконечности Азии, дало возможность датировать происхождение этого неправильного представления, так как те же сведения сообщены в расспросных речах казака

Малгина в Анадырском остроге в 1710 г. Широкий исторический подход при изучении картографических источников, учет состояния и уровня географических знаний соответствующего периода позволили составителям внести множество важных уточнений при анализе хронологии, происхождения и авторства публикуемых в «Атласе» карт.

По мнению А. В. Ефимова, переломным моментом в изучении и картографировании Северо-Восточной Азии (можно добавить — и Северо-Западной Америки) явилась Сибирско-Тихоокеанская экспедиция 1724—1743 гг. «С этого времени наибольшее значение для развития научных знаний имеют не примитивные чертежи местных служилых людей, а карты с градусными сетками. Новыми и значительными достижениями науки после этой экспедиции являются не определение очертаний и конфигурации целых континентов, а частичное уточнение береговых линий, открытие и нанесение на карту новых островов»⁶.

До последних дней исследователь продолжал активно работать над новым, более полным собранием карт, освещающих процесс открытия и освоения русскими людьми северо-западной части Американского континента. Завершение этой важной работы и ее скорейшее опубликование является почетным долгом его учеников в секторе истории стран Америки Института этнографии АН СССР. В 1971 г. в издательстве «Наука» вышло дополненное и переработанное издание основного труда А. В. Ефимова по истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах в XVII и XVIII вв.⁷

В качестве специальной главы в это издание вошла методологическая статья «Вопрос об открытии Америки», впервые опубликованная на страницах журнала «Новая и новейшая история» (1966, № 4). «Открытие Америки, — пишет А. В. Ефимов, — было не однократным актом, а многоступенчатым процессом... Открыть одновременно всю Америку было просто невозможно — неизбежной являлась многоступенчатость этого процесса. Даже первооткрытие огромного ненаселенного Американского материка монголоидами было лишь началом его заселения и открытия, длительного движения от Аляски до Патагонии и архипелага Огненной Земли»⁸.

Если в конце XV — начале XVI в. были сделаны великие географические открытия на Западе, то позднее, в XVII — первой половине XVIII в., были осуществлены великие географические открытия на Востоке, причем по своему значению и влиянию на судьбы и ход мировой истории они в ряде случаев не уступали географическим открытиям на Западе. А. В. Ефимов показывает, что открытие Нового Света следует рассматривать как вопрос об открытии Америки и с запада, и с востока. Географические экспедиции в Сибири, Северном Ледовитом и Тихом океанах, на северо-восточной оконечности Азии и на Аляске имели прямое отношение к истории открытия и освоения Америки. Среди тех,

кто первым познакомился с новым континентом, почетное место принадлежит «колумбам русским» и их отважным сотоварищам.

Освоение Россией территории Сибири, Дальнего Востока, а затем Северной Америки имело огромное историческое значение. Даже в тяжелых условиях царской России народы ее окраин вовлекались в сферу влияния русской культуры и приобретали в лице русского народа надежного союзника в борьбе за свое освобождение от отсталости и угнетения. Прогрессивное значение имело и распространение на гигантские пространства Сибири более совершенных форм земледелия. «Открытие Америки со стороны России, — приходит к выводу ученый, — было не только результатом правительственной политики, но и результатом народных усилий... Имеются все основания для вывода о том, что исследованием северной части Тихого океана русские «землепроходцы», мореплаватели и географы сделали огромный вклад в науку. И вклад их так велик, что мы с полным основанием можем говорить о великих русских географических открытиях»⁹.

Оригинальные и плодотворные идеи А. В. Ефимова о мотивах экспедиций В. Беринга, А. Чирикова, И. Федорова, М. Гвоздева и другие продолжают служить предметом пристального внимания и оживленной дискуссии вплоть до настоящего времени¹⁰. Следует отметить, что именно А. В. Ефимов дал наиболее подробное описание экспедиции Федорова—Гвоздева и представил доказательства того, что уже в 1732 г. русские мореплаватели достигли северо-западных берегов Америки¹¹.

Исследования и выводы А. В. Ефимова по истории русских географических открытий получили широкое признание. Географическое общество республики Колумбия избрало его в 1961 г. своим почетным членом, а Географическое общество СССР в 1966 г. присудило ученому премию им. С. Дежнева.

Примерно со второй половины 50-х годов А. В. Ефимов начал уделять все большее внимание теоретическим проблемам складывания наций и руководству крупными коллективными работами в области истории и этнографии стран Америки. Широкую известность и признание получил фундаментальный коллективный этнографический труд «Народы Америки» (т. I—II, М., 1959), а также многочисленные комплексные работы по истории и этнографии стран Америки и сборники «Против расизма», подготовленные под руководством и при непосредственном авторском участии А. В. Ефимова. Уже после смерти А. В. Ефимова вышла в свет коллективная монография о национальных процессах в США, в которой его перу принадлежит обобщающее введение «К вопросу о сложении нации США и некоторых тенденциях ее развития». По мнению ученого, существенным признаком нации является ее «непрерывное диалектическое развитие». Основное в становлении наций — это «не время их возникновения, а принадлежность к той или иной общественно-экономической формации. Нации, возникшие, сложившиеся и сформировав-

шиеся в определенный период, продолжают развиваться и после своего формирования. Например, в США нация складывалась еще до образования независимого государства во второй половине XVIII в. и спаялась в огне первой буржуазной революции, но процесс ее дальнейшего развития не закончился и по сей день»¹². Исходным «признаком-направлением» в жизни нации и соответственно в ее изучении А. В. Ефимов считал «принадлежность нации к определенной общественно-экономической формации. В связи с производительными силами изучается ее материальная культура, в связи с отношениями по производству — социальная культура, в связи с надстройками — государство и духовная культура»¹³.

Много сил и энергии неизменно отдавал А. В. Ефимов подготовке учебных пособий для высшей и средней школы. Его школьный учебник «Новая история (1640—1870)» вышел, как уже отмечалось, первым изданием еще в 1940 г. В 1963 г. новый вариант учебника был удостоен премии и остается стабильным учебником до настоящего времени.

В 1939 г. под грифом Института истории АН СССР вышел в свет первый советский учебник новой истории для исторических факультетов университетов и педагогических институтов. В жизни советской высшей школы это было крупным событием. Постановления ЦК Коммунистической партии и Советского правительства середины 30-х годов о преподавании истории в средней и высшей школе¹⁴ привели, как известно, к возрождению системы исторического образования в стране. Были воссозданы исторические факультеты в Московском, Ленинградском и некоторых других университетах. Специалистов-историков стали готовить в Московском и Ленинградском институтах истории, философии и литературы. Студентам вузов, преподавателям, всей советской интеллигенции нужны были учебники, в которых последовательно излагалась бы история нашей Родины и зарубежных стран, учебники, опирающиеся на марксистско-ленинскую науку, свободные от схоластических схем и вульгарно-социологических построений. Важное место среди таких книг занял учебник по новой истории. Его создание — заслуга группы профессоров и преподавателей, объединившихся вокруг редакционной коллегии, в которую вошли Е. В. Тарле, В. М. Хвостов, А. В. Ефимов и др.

Помимо организаторской и редакционной работы, А. В. Ефимов написал для учебника 12 глав: «Европа и Северная Америка накануне Французской революции» (3 главы), главу о революции 1848 г. в Италии, пять глав в разделе «Европейская реакция и национально-объединительные движения 50—60-х годов XIX в. I Интернационал» и, наконец, раздел «Франко-прусская война и Парижская коммуна» (3 главы).

А. В. Ефимов был также автором и редактором некоторых методических пособий, первых в СССР школьных атласов и вузовских хрестоматий по новой истории. В 1958 г. в серии «Из-

вестий Академии педагогических наук» вышла в свет монография «Некоторые теоретические вопросы методики истории», в которой суммированы многолетние исследования А. В. Ефимова в этой области. Один из наиболее трудных вопросов при определении содержания курсов истории в средней школе — это проблема логического стиля изложения. Алексей Владимирович выдвинул и обосновал положение о вариантности логического стиля обучения истории. Важнейшие моменты излагаются подробно, с красочными и яркими описаниями, преимущественно в индуктивном плане, когда от фактов учащиеся подводятся к выводам и обобщениям. Для менее значительных тем, которые, однако, необходимы для связи между крупнейшими событиями, применяется метод обобщенно-конспективного изложения с усилением элементов дедукции.

Заслуги А. В. Ефимова в развитии советской педагогической науки дали основание для избрания его в 1947 г. членом-корреспондентом АПН РСФСР, а в 1968 г. членом-корреспондентом АПН СССР. В 1966 г. ему была присуждена медаль К. Д. Ушинского, а в 1971 г. А. В. Ефимов был награжден почетным знаком «Отличник просвещения СССР».

Давая общую оценку научных трудов А. В. Ефимова, следует, конечно, иметь в виду, что они не лишены и известных недостатков. Некоторые из его работ несут отпечаток известной поспешности, а при их переиздании А. В. Ефимов, к сожалению, не внес необходимые изменения и поправки.

Однако характерной чертой А. В. Ефимова как ученого было его умение мыслить, видеть главное и отбросить второстепенное, не только анализировать отдельные факты, но в первую очередь их обобщить. Не случайно поэтому на протяжении всей его научной деятельности внимание ученого привлекали крупные теоретические и методологические проблемы истории нового времени и международных отношений. Еще в 30-е годы А. В. Ефимов принимал участие в дискуссии об азиатском способе производства, а сравнительно недавно в научных журналах появились его статьи: «Структуры общества и их модификации» (1969), «В. И. Ленин о развитии капитализма и некоторых национальных проблемах в США» (1970)¹⁵ и др. Перу А. В. Ефимова принадлежит теоретический очерк развития американской буржуазной историографии, а также оригинальные исследования о таких крупных историках прошлого, как С. М. Соловьев и Ф. Д. Тернер. Как подчеркнул А. В. Ефимов, Ф. Д. Тернер превратил «особенности истории США в ее сущность» и построил свою концепцию, исходя из географических условий. А. В. Ефимов обратил внимание и на теоретическую концепцию международных отношений у С. М. Соловьева, отмечавшего, в частности, что «только в обществе других народов народ может развивать свои силы, может познать самого себя»¹⁶.

Таким образом, А. В. Ефимов по праву занимает почетное ме-

сто пионера и зачинателя советской американистики. Он был первым историком-американистом в нашей стране, который, внимательнейшим образом изучив труды основоположников марксизма-ленинизма, успешно применил марксистскую методологию при написании как общих, так и специальных работ по истории Америки. На протяжении всей своей жизни ученый продолжал систематически обращаться к трудам классиков марксизма-ленинизма, используя их как принципиальные ориентиры при изучении океана противоречивых исторических фактов и событий.

В заключение нельзя не упомянуть и о некоторых личных качествах А. В. Ефимова. Широко образованный и эрудированный ученый, Алексей Владимирович был наделен редким человеческим обаянием. С неизменным радушием и гостеприимством в доме Татьяны Федоровны и Алексея Владимировича Ефимовых принимали известного ученого и начинающего специалиста, аспиранта и студента. У Ефимовых всегда можно было обсудить новую проблему, получить совет и поддержку, наконец, просто обменяться мнением по тому или иному вопросу. Десятки и даже сотни советских историков, географов и этнографов считают А. В. Ефимова своим учителем и старшим товарищем. Многие из них являются и участниками настоящего коллективного труда, посвященного его памяти.

- ¹ Ефимов А. В. К истории капитализма в США. М.: Соцэкгиз, 1934, с. 248.
- ² Ефимов А. В. К истории капитализма в США, с. 246. Первыми рецензентами книги были Б. Ф. Поршнев (Книга и пролетарская революция. М., 1935, II, с. 60—63) и Л. И. Зубок (Историк-марксист. М., 1935, IV, с. 120).
- ³ Подробный анализ этой работы был дан И. П. Деметьевым в журнале «Вопросы истории», 1956, № 12, с. 164—170.
- ⁴ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха. М.: Наука, 1969, с. 684.
- ⁵ U. S. History and Historiography in Post-War Soviet Writings, 1945—1970; A Bibliography. Compiled by L. Okinshevich. Introduction by R. V. Allen. Santa Barbara, 1976, p. XV—XVII.
- ⁶ Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964, с. X.
- ⁷ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971.
- ⁸ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий, с. 17.
- ⁹ Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий, с. 291.
- ¹⁰ Fisher R. H. Bering's Voyages. Seattle, 1977, p. 20, 154—156, 170—172.
- ¹¹ Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М.: Воениздат, 1948; *Он же*. Из истории великих русских географических открытий.
- ¹² Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, с. 20.
- ¹³ Ефимов А. В. О направлениях в изучении наций.— Новая и новейшая история, 1967, № 4, с. 42.
- ¹⁴ Постановление Совпаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР от 15 мая 1934 г.— Правда, 1934, 16 мая; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой от 23 июня 1936 г.— В кн.: КПСС

в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1971, т. 5, с. 270—281.

- ¹⁵ Новая и новейшая история, 1969, № 6; Советская этнография, 1970, № 5.
¹⁶ Ефимов А. В. Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера.— Вопросы философии, 1956, № 5; *Он же*. Соловьев С. М. как историк международных отношений.— В кн.: История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966, с. 332, и др.

Р. Ф. Иванов

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО КАПИТАЛИЗМА В ТРУДАХ А. В. ЕФИМОВА

Только при условии анализа всего сложного комплекса экономических, политических, идеологических проблем истории американского капитализма на всем ее протяжении можно дать правильную оценку американского империализма на современном этапе его развития. В связи с этим закономерен большой интерес советской научной общественности к трудам основателя советской американистики члена-корреспондента АН СССР А. В. Ефимова, в трудах которого были всесторонне исследованы закономерности и особенности развития капитализма в США.

Теоретические выводы и обобщения, сделанные А. В. Ефимовым, послужили отправной точкой для исследовательской работы его многочисленных учеников, которые в своих трудах развили и дополнили эти выводы и обобщения, выдержавшие испытание временем.

Рассматривая вопрос об исследовании истории американского капитализма в трудах А. В. Ефимова, целесообразно в первую очередь дать оценку тех работ, которые автор включил в монографию «США. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха»¹. Этот обобщающий труд А. В. Ефимова вызвал большой интерес. Рецензии на это издание публиковались на протяжении всего 1970 г. в журналах «Новая и новейшая история» (№ 4), «Вопросы истории» (№ 8), «США. Экономика, политика, идеология» (№ 8), «Советская этнография» (№ 6). Указанная монография является собранием основных работ А. В. Ефимова по истории США, однако здесь они публиковались в значительно переработанном и дополненном виде.

Свою основную задачу А. В. Ефимов видел в том, чтобы раскрыть на конкретном историческом материале теоретическое положение В. И. Ленина о развитии капитализма в США «вглубь и вширь», показать значение того нового, что внесено в теорию развития капитализма и историю США ленинской концепцией «американского», или фермерского, пути развития капитализма.

Ученый определяет исторические корни особой агрессивности американского империализма. Большое внимание он уделяет исследованию раннего этапа американской экспансионистской внешней политики.

В историографической главе своей работы, в которой рассматриваются все основные школы и направления американской и советской историографии США, А. В. Ефимов с полным основанием пишет, что перед советскими американистами со всей остротой стоят задачи «освоения и критической проработки той огромной исторической продукции, которая создана и создается в США, то есть такой работы, в направлении которой нами до сих пор сделано еще не так много»². Большим вкладом в решение этой исключительно важной задачи являются труды А. В. Ефимова.

Бурные темпы экономического развития США были одной из главных причин появления мифа о так называемой «исключительности» американского капитализма, о его будто бы принципиальном отличии от капитализма других стран.

Сторонники «теории исключительности» утверждают, что на США не распространяются законы классовой борьбы, что в истории США не было классовых катаклизмов, а имевшие место противоречия не носили антагонистического характера и разрешались путем компромиссов и в интересах поступательного развития страны.

Критика этой порочной теории может основываться только на глубоком анализе закономерностей и особенностей развития американского капитализма. Исследованию этой сложной теоретической проблемы посвящена первая часть монографии А. В. Ефимова. Основываясь на известном положении В. И. Ленина³, автор усматривает важную особенность истории США в наличии «свободных» земель. Эта проблема исследуется Ефимовым в неразрывной связи с вопросом о колонизации западных земель, проблемой «границы», борьбой широких трудящихся масс за гомстеда, с вопросом о месте и роли рабства негров в истории США.

А. В. Ефимов показывает, что колонизация Запада отнюдь не представляла собой идиллическую картину освоения безбрежных пространств фермерами-пионерами, которые жили в добром согласии друг с другом и с представителями других классов американского общества. Колонизация Запада была чудовищным по своей жестокости и масштабам актом геноцида по отношению к аборигенам, который осуществлен поистине в американских масштабах.

Первым в советской научной литературе по истории США А. В. Ефимов осветил роль индейцев. Он рассказал о героической борьбе аборигенов против белых поработителей, о том, как самая передовая для своего времени буржуазная демократия огнем и мечом расчищала путь американскому капитализму

Против индейцев сложился единый фронт, начиная от скваттеров-фермеров и кончая крупными аграриями и промышленниками. Но когда новая территория «очищалась» от индейцев, начиналась ожесточенная борьба за право на обладание ею, решающую роль приобретал «вопрос о том, в интересах каких классов будет использован новый земельный фонд»⁴. На основании многочисленных фактов автор делает вывод, что «большую роль в колонизации Запада сыграла классовая борьба»⁵.

Исход этой борьбы в конкретных исторических условиях той эпохи был предрешен: буржуазия Севера и плантаторы-рабовладельцы Юга, несмотря на упорное сопротивление скваттеров и фермеров, сумели добиться разрешения аграрного вопроса в основном в своих классовых интересах.

Как отмечает А. В. Ефимов, было бы упрощением рассматривать сложный процесс классовой борьбы за решение аграрной проблемы в США только в одном этом плане. В США в конечном счете аграрный вопрос был решен более демократическим путем, чем в любой другой стране, что и обеспечило развитие капитализма в сельском хозяйстве США по «американскому» пути, как его определял В. И. Ленин. А столбовой дорогой к этому пути была ожесточенная, бескомпромиссная классовая борьба.

Исключительно важное значение для правильного понимания истории США имеют теоретические выводы А. В. Ефимова о месте аграрной проблемы во второй американской революции (Гражданская война 1861—1865 гг. и Реконструкция Юга 1865—1877 гг.). Автор дает всесторонне аргументированную, увязанную с крупнейшими революционными событиями периодизацию борьбы широких народных масс за гомстеда, за демократическое решение аграрной проблемы. Он исследует закон о гомстедах в неразрывной связи с крупнейшими революционными событиями второй американской революции. «Акт о гомстедах,— делает вывод А. В. Ефимов,— был одним из моментов буржуазно-демократической революции в Америке...»⁶ Оценка гражданской войны как буржуазно-демократической революции для того времени, когда был сделан этот теоретический вывод, являлась новым словом в марксистской исторической литературе. Этот вывод получил признание и дальнейшее развитие в других марксистских работах по истории США как в самих Соединенных Штатах, так и в СССР.

На основании огромного фактического материала глубоко разработано А. В. Ефимовым важнейшее положение Маркса и Ленина о диалектическом, противоречивом влиянии колониального фонда на развитие капитализма в США. С одной стороны, этот фонд задерживал развитие капиталистического способа производства, с другой — он расширял сферу его действия и в конечном итоге стимулировал будущее форсированное развитие капитализма. Большой интерес представляет критический разбор

автором вопроса о «свободных» землях и исторической концепции Ф. Тернера, в которой отчетливо проявилась тенденция к провозглашению «исключительности» американского капитализма.

Сторонники американской «исключительности» фальсифицируют и идеализируют процессы, связанные с освоением «свободных» земель в США. В. И. Ленин писал, что наличие «свободных» земель «служит в Америке *прикрытием* процесса экспроприации мелких земледельцев, идущего в уже заселенных и наиболее промышленных районах страны»⁷.

То, о чем писал Ленин, получило всемерное развитие в современных Соединенных Штатах. В настоящее время в США быстрыми темпами развивается процесс разорения независимых фермеров, хозяйство которых поглощается монополистическими объединениями.

Исследование А. В. Ефимовым проблем аграрной истории США помогает в какой-то степени понять сложные экономические и социально-политические явления современного фермерского движения в этой стране.

Проблеме рабства А. В. Ефимов придает исключительно важное значение, прямо пропорциональное той большой роли, которую этот институт сыграл в истории страны. «Без разрешения вопроса о характере американского рабства, — пишет он, — невозможно понимание ни национальных особенностей американского капитализма, ни предпосылок и содержания гражданской войны в США, и останется невыясненным вопрос о связи «свободных» земель в США с наличием рабства в этой стране»⁸.

История США — неопровержимый приговор капиталистической системе, она доказывает, что самая передовая для своего времени американская демократия могла 80 лет развиваться параллельно и мирно сожительствовать с самой отвратительной формой рабства. А после того как это рабство было уничтожено, сохраняются его грубейшие пережитки в виде «постыднейшего явления современности — варварского преследования 25-миллионного негритянского населения США»⁹.

В истории США наблюдается характерная закономерность: составной частью каждого серьезного национального кризиса всегда являлась негритянская проблема. Это было присуще войне за независимость, гражданской войне и реконструкции, современному периоду, характеризующемуся большим размахом негритянского движения.

Теоретическая интерпретация проблемы рабства и негритянского вопроса в истории США, данная А. В. Ефимовым, позволяет ответить на вопрос, в чем причина исключительной живучести негритянской проблемы в США. Работы А. В. Ефимова — убедительная иллюстрация к выводу В. И. Ленина о неспособности капитализма решить расовую и национальную проблемы. Как констатировал В. И. Ленин, анализируя негритянский вопрос в

США, «капитализм не может «вместить» иного освобождения, кроме правового, да и это последнее всячески урезывает»¹⁰.

Проблемы аграрной истории США в трудах А. В. Ефимова неразрывно связаны с исследованием промышленного переворота, который в конкретных исторических условиях этой страны имел ряд особенностей. Анализируя предпосылки промышленного переворота, он отмечает, что предварительным условием первоначального накопления в Америке была экспроприация земель индейцев. Ефимов подчеркивает также, что если в Англии лишённые земли крестьяне превращались в рабочих, то в Америке обезземеленные индейцы были обречены на физическое истребление.

Важнейшим источником формирования и пополнения класса наёмных рабочих в Америке являлась иммиграция из европейских стран. Эта особенность исторического развития США также исследована в работах А. В. Ефимова.

В советской и зарубежной исторической литературе высказываются различные точки зрения по вопросу о периодизации промышленного переворота в США. А. В. Ефимов с полным основанием отмечает как одну из особенностей промышленного переворота в Америке многоукладный характер экономики, который и явился причиной неравномерного развития этого процесса. Определив этапы промышленного переворота, начавшегося с модернизации текстильной промышленности, ученый делает вывод, что только в самый канун гражданской войны началось производство машин при помощи машин.

Анализ проблем промышленного переворота позволил А. В. Ефимову дать всестороннее исследование борьбы между системой рабства и системой капитализма, которая была «характерной чертой истории Соединенных Штатов с начала текущего столетия» (XIX в. — *Р. И.*)¹¹.

Исследование закономерностей и особенностей экономического развития США позволило ему поставить и в главных чертах разрешить вопросы, связанные с формированием и развитием рабочего класса и рабочего движения на протяжении всего домонополистического этапа развития капитализма в Соединенных Штатах. На многочисленных примерах А. В. Ефимов показывает, что вся история формирования и развития рабочего класса США — это история никогда не прекращавшейся классовой борьбы американского пролетариата за свои жизненные интересы. Наличие свободных земель до определенного времени амортизировало классовые столкновения между пролетариатом и буржуазией. Но этот своеобразный клапан в силу целого ряда причин отнюдь не всегда срабатывал, и история США знает многочисленные примеры ожесточеннейших классовых боев и в домонополистическую эпоху, не говоря уже о периоде империализма.

На основании изучения закономерностей и особенностей капиталистического развития США А. В. Ефимов делает глубоко

аргументированный вывод «об отсутствии каких бы то ни было оснований для утверждения о какой-то «исключительности» американского капитализма»¹².

Две американские революции — война за независимость и гражданская война, как и всякие революции, явились высшей формой классовой борьбы. И вполне естественно, что особенно большое внимание в работах А. В. Ефимова уделяется анализу этих революционных периодов истории США.

А. В. Ефимов тщательно исследует те проблемы войны за независимость, которые игнорируются или фальсифицируются буржуазными авторами, и в первую очередь вопросы, связанные с анализом классовой борьбы внутри колоний в годы войны. «Война за независимость против Англии, — пишет он, — была в то же время и классовой борьбой в самих колониях против английской аристократии», «...борьба за национальную независимость колоний была направлена против феодальных пережитков и аристократии, была своеобразной формой буржуазной революции»¹³.

А. В. Ефимов уделяет значительное внимание проблемам, которые не были решены этой революцией. В частности, буржуазно-плантаторский блок, являвшийся гегемоном революции, оставил в неприкосновенности рабство в южных штатах. «Исход первой буржуазной революции, — делает вывод автор, — посеял семена новой революции — гражданской войны и реконструкции (1861—1876 гг.) в США»¹⁴.

Большое внимание уделено в трудах А. В. Ефимова второй американской революции, гражданской войне 1861—1865 гг. Это естественно и закономерно, так как в истории американского капитализма гражданская война, уничтожившая рабство как главное препятствие на пути развития капитализма, сыграла исключительно важную роль.

А. В. Ефимов впервые в марксистской литературе дал классовый анализ деятельности радикальных республиканцев. С полным основанием он рассматривает их как представителей наиболее революционных кругов промышленной буржуазии Севера.

Новое и оригинальное в оценке гражданской войны в работах А. В. Ефимова заключается и в том, что, опираясь на известное высказывание В. И. Ленина о величайшем, всемирно-историческом, прогрессивном и революционном значении гражданской войны в США¹⁵, он показывает, какое воздействие она оказала на развитие революционного движения в других странах и как была тесно связана с многочисленными революционными событиями начала второй половины XIX в. в других странах.

Анализ двух американских революций, данный в работах А. В. Ефимова, способствует пониманию сложных проблем современной борьбы за создание единого демократического, антимонополистического фронта в США. Работы А. В. Ефимова дают цельную концепцию истории США, содействующую верной оцен-

ке сложнейших проблем внутренней и внешней политики этой страны на современном этапе.

А. В. Ефимов рассматривает внешнеполитические проблемы США в неразрывной связи с вопросами внутренней истории американского капитализма. Он делает важный теоретический вывод: агрессивность внешней политики американского империализма объясняется всем ходом исторического развития этой страны.

Внешнеполитические разделы работы А. В. Ефимова разоблачают сторонников американской «исключительности», пропагандирующих миф о том, что США никогда не была присуща экспансия. Для подтверждения этого тезиса широко используется, в частности, тот факт, что США не имели и не имеют колониальной империи.

Анализируя внешнюю политику США на протяжении большого исторического периода, А. В. Ефимов приводит убедительные факты, подтверждающие вывод Ленина о том, что отсутствие колониальной империи не аргумент в пользу антиколониальной политики ¹⁶.

Экспансионистские тенденции отчетливо прослеживались уже в период освободительного движения североамериканских колоний Англии. А. В. Ефимов показывает, как зарождался и развивался экспансионизм в заокеанской республике, определяет периодизацию внешней политики США, отмечает, как потребности внутреннего развития капитализма на Севере и рабовладения на Юге влияли на выработку внешнеполитических доктрин и их практическое воплощение в жизнь. Промышленные штаты Северо-Востока были заинтересованы в экспансии на Север, в частности, против Канады. Южные рабовладельческие штаты нуждались в новых неистощенных почвах, пригодных для выращивания хлопка. В силу этого магистральным направлением экспансии рабовладельцев был Юг.

Экспансионизм США находил свое проявление в постоянных войнах против индейцев. Грубо нарушая договоры, подписанные с индейскими племенами, американские войска захватывали большие территории, отведенные для поселения индейцев.

Своеобразной формой экспансии являлась покупка территорий, принадлежавших в Северной Америке другим державам.

А. В. Ефимов внес значительный вклад в изучение дипломатической истории США, в частности в изучение русско-американских отношений, которые на протяжении многих десятилетий носили дружественный характер, несмотря на различия в формах государственного управления. Россия занимала объективно благоприятную позицию по отношению к США во время двух наиболее важных периодов, когда решалась судьба страны, — войны за независимость и гражданской войны.

Работы А. В. Ефимова — это не только история американского капитализма, но и важный этап возникновения, становления

и развития советской марксистской школы историков США. Соединенные Штаты Америки были и остаются главной страной капиталистического мира, которая во многом определяла и определяет пути развития капитализма как общественно-экономической формации. В силу этого понятно сколь важное значение имеет всестороннее изучение проблем истории американского капитализма.

Именно эти проблемы, получившие свое дальнейшее развитие в трудах многочисленных учеников А. В. Ефимова, занимали особенно важное место в научном творчестве этого выдающегося советского историка.

- ¹ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха. М.: Наука, 1969.
- ² Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 633.
- ³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 211.
- ⁴ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 57.
- ⁵ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 50.
- ⁶ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 164.
- ⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 211.
- ⁸ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 182.
- ⁹ Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. М., 1969, с. 40.
- ¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 345.
- ¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 15, с. 314.
- ¹² Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 280.
- ¹³ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 380; с. 355.
- ¹⁴ Ефимов А. В. США. Пути развития капитализма..., с. 478.
- ¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 58.
- ¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 67.

А. И. Алексеев

А. В. ЕФИМОВ — ИСТОРИК ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

В своих многочисленных историко-географических исследованиях А. В. Ефимов убедительно доказал, что если Колумб открыл Америку со стороны Атлантического океана, то русские землепроходцы и мореплаватели сделали это со стороны Азии. Процесс исторического освоения русским народом Северо-Восточной Азии привел к первоначальному исследованию и освоению азиатского тихоокеанского побережья, а затем к открытию северо-западной части Америки и островов, лежащих между Азией и Америкой.

В 1948 г. вышла в свет работа А. В. Ефимова «Из истории русских экспедиций на Тихом океане», за которой последовали новые исследования, публикации архивных документов, рукописных карт и учебные пособия. Разрабатывая историко-географическую проблему великих русских географических открытий в XVII — первой половине XVIII в., А. В. Ефимов, кроме розыска и анализа найденных архивных письменных источников, обратил особое внимание на рукописные карты того периода, отнесясь к ним, как к важнейшим историческим источникам. Начало изучения данной темы связано с публикацией статьи «О картах, относящихся к великим русским географическим открытиям XVII и первой половины XVIII в.»¹, а затем монографии «Из истории великих русских географических открытий»². В этих работах рассматривались карты Ремезова, Якутская карта, карты И. Львова, И. Кириллова, П. Шишкина, И. Козыревского, Я. Елчина, И. Евреинова, А. Чирикова, Академии наук, и др.

Исходя из трудов К. Маркса и на основании найденных в архивах неизвестных ранее материалов, А. В. Ефимов написал и издал в 1949 г. ценное учебное пособие, в котором дается исторический очерк великих русских географических открытий на Тихом океане и показывается их значение для человечества³.

А. В. Ефимов учел указания К. Маркса о том, что географические открытия оказали большое влияние на общий ход исторического развития: «Великие революции, происшедшие в торговле в XVI и XVII веках в связи с географическими открытиями и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют один из главных моментов, содействовавших переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, возросшее разнообразие обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система — все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства»⁴⁻⁵.

Обилие введенного в научный оборот картографического материала и публикация ценнейших архивных документов по истории географического изучения северо-востока Азии и северо-запада Северной Америки привлекли к этому изданию внимание широкой общественности. Письменные источники, проанализированные А. В. Ефимовым вместе с картографическими материалами, позволили автору наметить основные этапы открытия Америки со стороны Тихого океана, определить значение русских географических открытий и показать их место в мировой истории, сформулировать сущность понятия «географическое открытие».

Уже в учебном пособии (1949 г.) А. В. Ефимов пришел к основному выводу, который в последующих работах получил дальнейшее развитие: «Если в конце XV и в начале XVI в. были

сделаны великие географические открытия на Западе, то в XVII и первой половине XVIII в. были сделаны великие географические открытия на Востоке, которые по своему влиянию на судьбы мировой истории, на ее ход отнюдь не уступают географическим открытиям на Западе. Это — продолжение и завершение величайших открытий в области землеведения. На Востоке замкнулся круг великих географических открытий на Западе»⁶.

Примечателен, патриотичен общий вывод, к которому пришел А. В. Ефимов: «Открытие Америки со стороны России было не только результатом правительственной политики, но и народных усилий. Теперь мы можем назвать имена тех, кто больше всех сделал для разрешения этой грандиозной научной, экономической и политической задачи. В XVII в. первым должно быть названо имя Семена Дежнева, а в XVIII в. — это Петр I, Прокопий Нагибин, Афанасий Мельников, Иван Федоров, Михаил Гвоздев, Алексей Чириков и Витус Беринг»⁷.

В 1950 г. вышло в свет второе издание труда А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий». В нем автор продолжал развивать вопрос об открытии Америки русскими путешественниками, вопрос, который неразрывно связан с выходом русских на Тихий океан. Справедливо указывая на то, что каждый новый этап географических открытий отображался на картах, А. В. Ефимов сделал вывод, что «эти карты являются историческими документами, источниками, дающими ценнейшие историко-географические обобщения»⁸.

Отыскав карты, которые тщетно до него в течение ста и более лет разыскивались учеными и зачастую считались безвозвратно утерянными, и карты вовсе неизвестные, и подвергнув их анализу как исторические источники, совместно с новыми архивными письменными источниками, А. В. Ефимов пришел к важному историко-географическому обобщению, что «достижение русскими промышленниками и служилыми людьми северо-восточной оконечности Азии к концу XVIII в. было завершением длительного этапа открытия»⁹ и освоения Сибири. В то же время возникла и новая задача — исследовать и освоить прилегающие к Азии острова и земли.

Диапазон вопросов, рассмотренных в этой монографии А. В. Ефимовым, широк — от географических представлений античного мира и средневековья о северо-восточной части Азии до планов освоения Америки и подготовки экспедиций в первой половине XVIII в. Автор монографии указал, что «задолго до того, как Миллер нашел в Якутском архиве отписки и челобитные Дежнева», сведения о новых землях были известны не только в Сибири, но и в Западной Европе и нашли свое отражение на картах¹⁰. Воздав должное русским землепроходцам и мореплавателям в расширении географических знаний во второй половине XVII и начале XVIII в., Ефимов тщательно изучил первые карты Чукотки, Камчатки и Северной Америки (карты В. Кип-

риянова, Большого Камчатского наряда, И. Евреинова, экспедиций И. Федорова — М. Гвоздева и В. Беринга — А. Чирикова).

В процессе работы у А. В. Ефимова возникла мысль опубликовать найденные документы и карты. В 1951 г. вышел в свет сборник документов¹¹, составленный Н. С. Орловой и отредактированный А. В. Ефимовым. В него был включен 231 документ, обнаруженный в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА). В предисловии к сборнику А. В. Ефимов, в частности, писал, что эти документы «свидетельствуют о приоритете русских исследователей в изучении огромных пространств северо-востока Сибири»¹². В издании в основном нашли свое отражение материалы, так или иначе связанные с плаванием С. Дежнева. Здесь собраны документы о торговых операциях служилых и промышленных людей, живших и промышлявших по сибирским рекам и Северному Ледовитому океану, документы 40-х годов XVII в. о служилых людях Якутского острога, о плаваниях Ф. Алексеева и С. Дежнева в 1648 г., биографические сведения о последнем, а также документы об Анадырском остроге, когда в нем служили приказчиками С. Дежнев и К. Иванов, и др.

В 1964 г. вышел в свет монументальный атлас рукописных карт¹³ («Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв.»), подготовленный А. В. Ефимовым совместно с М. И. Беловым, О. М. Медушевской и при участии других советских ученых под общей редакцией А. В. Ефимова. Этот атлас, содержащий 194 карты, привлек внимание зарубежных ученых и был представлен на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Он явился убедительным доказательством большого вклада русских людей в изучение северной части Тихого океана, северо-востока Азии и северо-запада Северной Америки.

Перед составителями стояла большая и трудная задача: из всего многообразия архивных материалов и старинных карт отобрать те, которые наиболее полно отражают состояние картографической изученности северо-востока Азии и северо-запада Америки. Анализ карт помогает перекинуть мост от мифологических, древних и средневековых карт Запада к русским картам. В атласе наглядно и убедительно показано влияние русских картографических материалов на развитие представлений о Сибири и северо-восточной Азии.

Материалы «Атласа» собраны в 14 групп. В первых пяти помещены карты, в которых отражаются мифологические и религиозные представления о мире; карты, отражающие сведения о северо-восточной Азии в древности и в средние века; доколумбовы и колумбовы карты; карты XVI—XVII вв., на которых делаются попытки показать соотношение Азии и Америки, и карты, в основном русские или составленные по русским материалам, непосредственно влиявшие на развитие мировых представлений о Сибири и Северо-Восточной Азии.

Как справедливо отметил во введении А. В. Ефимов, с начала XVI и до конца XVIII в. иностранных карт Сибири и северо-западной Америки не было, и разрешение грандиозных географических задач в этой области принадлежит нашей отечественной науке. В «Атласе» хорошо представлен период, начало которому положил ремезовский этап картографии Сибири и северо-западной Америки. 16 карт, приведенных в «Атласе», — далеко не весь картографический материал Ремезова, но и то, что опубликовано, убедительно показывает размах картографических работ в Сибири в конце XVII — начале XVIII столетий.

Большой раздел занимает редчайшая коллекция карт, связанных с историей Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции (так называл А. В. Ефимов экспедицию В. Беринга — А. Чирикова). Коллекция карт представила научные материалы о севере Сибири, запечатлела великие открытия русских и разрешила проблему географического соотношения Азии и Америки. Правда, эти карты были опубликованы в различных трудах и раньше, но в «Атласе» они собраны воедино и прокомментированы.

Великая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция дала большой толчок развитию мореходства на севере и северо-востоке Азии, XVIII век насыщен походами промышленников, мореходов, а также правительственными экспедициями, во время которых был окончательно картографирован весь район северной части Тихого океана. В «Атласе» все эти события отражены достаточно широко. Здесь представлены многие карты экспедиции П. Креницына — М. Левашева, И. Биллинга — Г. Сарычева, промышленников П. Шишкина, И. Антипина, П. Зайкова и др. В особую группу выделены карты, в которых отражено изучение Шпицбергена и Белого моря, а также Чукотского полуострова. В этих группах большой интерес представляют карты экспедиции В. Я. Чичагова и карты чукчи Н. И. Дауркина.

«Атлас» хорошо издан. Основные сведения переведены на английский язык. Каждая карта полностью расшифрована и прокомментирована. Многие из них впервые прочитаны до конца. Во введении и при разборе карт приведены ссылки на многих авторов, которые своими трудами помогли составителям.

Значительный интерес вызвал доклад А. В. Ефимова на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук — «Открытие Америки со стороны Азии»¹⁴, в котором рассмотрен вопрос о сущности понятия «географическое открытие» и намечена периодизация открытия Америки со стороны Азии. Автор различает открытие населенного и ненаселенного географического объекта. Во втором случае важнейшим критерием географического открытия следует считать перводостижение географического объекта, его картирование, описание и исследование, а не получение из других источников первых сведений об объекте.

Все обстоит по-другому, если географический объект населен. В этом случае, отмечает А. В. Ефимов, географическое открытие есть акт двусторонний, в котором встречаются представители двух различных стран, устанавливающие связи между различными народами с соответствующими историческими последствиями, или появляется новый этап этих связей. Открытие же Америки европейцами, начатое Колумбом, «изменило жизнь не только населения Америки, но и населения Европы и Африки. Открытие «Большой земли», открытие Америки со стороны России также привело к началу нового этапа издавна сложившихся взаимоотношений между жителями крайнего северо-востока Азии и северо-западной части Северной Америки. Как известно, в дальнейшем началась русская колонизация Аляски и частично Калифорнии»¹⁵.

Подводя итоги открытиям русских в Северной Америке, А. В. Ефимов выделил четыре этапа:

1. От первозаселения до похода С. Дежнева.
2. С середины XVII до середины XVIII в., который характеризуется описанием и картографированием территории.
3. С середины XVIII до 80-х годов XVIII в., характерный заселением и изучением русскими Алеутских островов и Аляски.
4. 80-е годы XVIII в. и далее. В этот период происходило дальнейшее заселение и освоение Аляски русскими.

Все эти этапы явились этапами единого процесса — процесса освоения русскими людьми Алеутских островов и северо-западной Америки (Аляски и побережья Америки до Калифорнии включительно).

В 1971 г. вышло в свет третье издание монографии А. В. Ефимова «Из истории русских географических открытий». Это последнее издание во многом отличается от первых двух, поскольку с момента второго издания прошло два десятка лет. В историографической части автор рассмотрел работы, вышедшие за истекшее время. В книге много дополнений, поправок, в ней значительно обновлен иллюстративный материал.

Следует отметить новый подход к методике изучения рукописных карт как исторических источников, новый способ определения авторства карты. Нередки, как известно, случаи, когда исследователь имеет дело с картой, не имеющей прямого указания на авторство, или же с частью карты, на которой отсутствуют вообще какие-либо выходные данные. Обычно в данных случаях исследователь прибегал к анализу водяных знаков, почерков (картографического и обычного), манеры исполнения и письма, принадлежности карт к тому или иному фонду, к анализу тематики карт и т. д. А. В. Ефимов подчеркнул, что для него «основным способом для определения авторства и значения карт являлся анализ круга географических знаний, отраженных на исследуемых картах»¹⁶. Этот способ в настоящее время широко используется историками и географами, занимающимися истори-

ко-географическими исследованиями (М. И. Белов, Л. А. Гольденберг, О. М. Медушевская и др.).

А. В. Ефимов был неперенным участником заседаний Отделения истории географических знаний и исторической географии Московского филиала Географического общества СССР и Секции истории геолого-географических наук Советского национального объединения историков естествознания и техники, принимал активное участие в деятельности общества «Знание», выступая с лекциями и докладами.

В последние годы жизни А. В. Ефимов планировал опубликовать обобщающее исследование по географическим открытиям — «Атлас русских географических открытий в северо-западной Америке XVIII—XIX вв.» Однако эту работу он не успел закончить.

Историк, географ, этнограф, историко-географ, педагог, лауреат премии им. С. И. Дежнева Географического общества СССР, А. В. Ефимов был одним из основоположников советской школы историко-географов. Марксистско-ленинский подход к проблемам, тщательнейший анализ письменных и картографических источников сделали труды ученого выдающимися произведениями советской историко-географической науки.

- ¹ В книге: *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.; Л.: Географгиз, 1949, с. 771—816.
- ² *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, М.: Географгиз, 1950.
- ³ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1949.
- ⁴⁻⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 365.
- ⁶ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1949, с. 7.
- ⁷ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1949, с. 90.
- ⁸ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1950, с. 8.
- ⁹ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1950, с. 18.
- ¹⁰ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий, 1950.
- ¹¹ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Отв. редактор А. В. Ефимов, состав. Н. С. Орлов. М., 1951.
- ¹² Открытия русских землепроходцев..., с. 48.
- ¹³ Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964.
- ¹⁴ *Ефимов А. В.* Открытие Америки со стороны Азии.— В кн.: Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.
- ¹⁵ *Ефимов А. В.* Открытие Америки со стороны Азии, с. 4—5.
- ¹⁶ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971, с. 4.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТОВАРИЩЕ

С Алексеем Владимировичем Ефимовым я познакомилась в 1923 г., будучи преподавательницей рабфака им. Ломоносова. Он и я оказались в одном коллективе, преподавали обществоведение. Для молодых педагогов, какими мы тогда являлись, то была пора ответственной работы. Учащимися рабфаков были рабочие и выходцы из демократической интеллигенции, стремившиеся получить среднее образование, которое по разным причинам им не удалось приобрести в дореволюционное время. Надо сказать, что слушатели рабфаков предъявляли к преподавателям очень высокие требования. Преподаватель должен был не только хорошо знать свой предмет, но быть теоретически зрелым, выдвигать перед учащимися наиболее актуальные проблемы, раскрывать всю сложность событий прошлого. Изложение требовалось выразительное и доходчивое.

Алексей Владимирович Ефимов быстро завоевал большой авторитет среди учащихся рабфака. В этом сыграла значительную роль широта его кругозора, большая культура, которой он обладал. Ответы его на вопросы слушателей бывали глубоки и конкретны. Сказалась также его исключительная добросовестность в отношении к работе, скромность и деловитость. Это было прираще его деятельности и на дальнейших ее этапах.

После окончания аспирантуры в 1930 г. он был направлен в университет в Ростов-на-Дону в качестве преподавателя общественных наук. Вернувшись в Москву, Алексей Владимирович преподает в МГУ. На вновь открытом историческом факультете Московского университета он читал курс новой истории, вел семинары, впоследствии руководил кафедрой новой и новейшей истории. Семинары его — по проблемам американской истории — бывали очень интересны и поучительны для студентов. Он развивал в студентах навыки исторического исследования, пробуждал интерес к документу, поощрял поиски обобщений. Его личный авторитет, широкий кругозор, большая эрудиция позволили ему внести большой вклад в подготовку молодых историков.

В 1939 г. Алексей Владимирович выступил в качестве автора учебной литературы. Значительную роль сыграла его работа по созданию стабильных учебников для высшей и средней школы, в которых он являлся автором и редактором. Первый советский учебник новой истории для исторических факультетов высшей школы вышел в 1939 г.¹ В двух томах этого учебника перу А. В. Ефимова принадлежит ряд ценных глав. Они характеризуют экономическое и политическое развитие крупных европейских стран и Соединенных Штатов. Для того периода, в который они писались, эти главы были новаторскими, поднимали подчас

не тронутые марксистским исследованием проблемы. Алексей Владимирович всю жизнь стремился к изучению малоисследованных областей истории и к теоретическому осмыслению исторических процессов.

Почти одновременно с учебником вышло подготовленное А. В. Ефимовым методическое пособие по новой истории, содержащее богатый фактический материал. Это пособие было очень важным для учителей. Оно помогало им применять марксистский метод в обучении истории и правильно распределять материал.

Исключительную известность получил учебник «Новая история» для восьмых классов средней школы, написание которого было поручено А. В. Ефимову в 1940 г. Автор с исключительной добросовестностью отнесся к своему заданию. Работа над учебником была длительной и упорной. А. В. Ефимов считал, что учебник должен быть научным, основанным на последних изысканиях советских историков. В задачу автора, как он ее понимал, входило усиление занимательности учебника. Книга должна быть интересной, доставлять радость учащимся. Автор как бы очень доверительно беседовал со своими читателями-школьниками. Из обильного исторического материала было отобрано самое важное и самое нужное. Много внимания уделял автор характеристике исторических деятелей. В учебнике изложено много вопросов, важных и безусловно необходимых для усвоения марксистской идеологии, нужных для понимания основных этапов рабочего движения. Хорошо написаны биографии Маркса и Энгельса. Солидарность рабочих всех стран показана на ярких примерах.

Первое издание учебника вышло в 1940 г. В дальнейшем он переиздавался много раз. В процессе переиздания А. В. Ефимов делал дополнения, непрерывно обновляя свой труд. Учебник переводился на языки многих республик СССР, а также зарубежных стран. Его выход был большой победой как советской педагогики, так и советской исторической науки. Наша молодежь, обучавшаяся по этой книге, получила хорошее историческое образование. И в этом огромная заслуга Ефимова.

Алексей Владимирович был добрым товарищем. Он помогал людям, с которыми приводилось ему работать, и делом, и словом. Деятельно, инициативно заботился о научном росте своих сотрудников и учеников. Его радовали их творческие поиски, он старался культивировать дух подлинного исследования. «Что здесь нового?» — с таким вопросом он подходил к любой статье, диссертации, а читать их ему приходилось великое множество.

Много было у Алексея Владимировича Ефимова учеников. Он относился к руководству ими очень серьезно, направлял их, помогал им и поощрял их научную самостоятельность. Далекое не всем историкам его поколения посчастливилось создать научную школу. Алексею Владимировичу удалось это сделать.

Друзья, коллеги, ученики помнят Алексея Владимировича как человека сильного, целеустремленного, с пытливym умом и боевым темпераментом. К своей научной работе он относился со страстью исследователя, изучая исторические события и процессы в свете творческого марксизма.

- ¹ Новая история. Т. I. От французской буржуазной революции до франко-прусской войны (1799—1870 гг.). М.: Соцэкгиз, 1939; Новая история. Т. II. От франко-прусской войны и Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны (1870—1918 гг.). М.: Соцэкгиз, 1939.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ
СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

*

Г. П. Куропятник

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ В СЕВЕРОАМЕРИКАНСКИХ КОЛОНИЯХ В XVII В.

В своих фундаментальных трудах Алексей Владимирович Ефимов исследовал основные теоретические проблемы развития капитализма в США ¹. В ряду других вопросов он глубоко и всесторонне проанализировал проблему феодальных отношений в английских колониях на Североамериканском материке и процесс первоначального накопления капитала, имеющие большое значение для понимания развития американского капитализма в целом. Проследив на конкретных исторических фактах этапы колонизации Северной Америки и рассмотрев вопрос о судьбах индейских племен и народов после вторжения колонизаторов на континент, А. В. Ефимов делает на основе марксистско-ленинской методологии ряд оригинальных выводов относительно феодальных отношений в Новом Свете: «... в Северной Америке не было недостатка в попытках установить систему феодальных отношений. Однако эти попытки потерпели крушение. Характерное для феодального строя противоречие между владельцами крупной земельной собственности и крестьянством в США при обилии там доступных для заселения земель разрешалось путем скваттерства на землях индейцев или собственников, а в некоторых колониях еще в XVII в. революционным путем, путем борьбы против собственников» ².

Выводы, сделанные А. В. Ефимовым по основным проблемам колониального периода, послужили отправным пунктом для детального исследования отдельных вопросов этой эпохи в работах других советских историков ³. Одновременно А. В. Ефимов наметил пути дальнейшего изучения многих важных проблем истории американского капитализма. Предлагаемый читателю обзор наиболее крупных выступлений колонистов против феодальных лордов-собственников и колониальных властей Англии во второй половине XVIII в. навеян анализом и выводами, к которым пришел Алексей Владимирович в монографии, вышедшей в свет более 40 лет назад.

* * *

Феодальный гнет крупных землевладельцев в североамериканских колониях Англии порождал жгучую ненависть и ропот трудящихся-колонистов. Особо оскорбительными для поселенцев яв-

лялись обязательства по уплате фиксированной ренты — знака феодальной зависимости колонистов от лорда-собственника и инструмента угнетения со стороны зачастую отсутствующего ленд-лорда. Причем фермерам всегда приходилось быть начеку из-за постоянно существовавшей угрозы увеличения нормы ренты. При неуплате ренты в срок довольно часто применялись принудительные меры: налагался арест на имущество и скот должника, последний заключался в долговую тюрьму. В случае трехлетней задолженности по уплате ренты земля и ферма подлежали конфискации и продаже ⁴.

В XVII в. борьба против ренты носила в основном стихийный характер и принимала различные пассивные и активные формы. Часто задолжавшие фермеры просто скрывались в соседних лесах во время наездов сборщиков. В отдаленных поселениях на западной границе колонисты открыто сопротивлялись сбору ренты и выгоняли сборщиков из пределов своих земельных участков. В других местах фермеры настаивали на замене денежных взносов натуральными. При уплате натурой — табаком, пшеницей или рисом — часто возникали споры между фермерами и сборщиками ренты относительно стоимости товара, его сортности, а также по поводу того, за чей счет будут оплачены расходы по его доставке в амбары лорда-собственника. Сплошь и рядом возникали волнения и стихийные вооруженные столкновения, когда сборщики ренты, агенты лордов-собственников и шерифы прибегали к насильственным мерам. Участвовавшие в сборе ренты шерифы получали 10% от собранной суммы ⁵. Во второй половине XVII в. лорды-собственники и английские колониальные власти предприняли попытки строго взыскивать фиксированную ренту. Это привело к резким столкновениям с мелким фермерством, которые вылились в некоторых колониях в вооруженные бунты.

Выступая против крупного землевладения и феодальных повинностей, поселенцы требовали снижения налогового гнета и свободного предоставления земли.

Наиболее драматические конфликты произошли в Вирджинии. Здесь правление находилось в руках губернатора и совета, рьяно защищавших интересы лордов-собственников и английских торговцев, строивших свое благополучие на труде задавленных долгами и поборами мелких фермеров, ремесленников и белых рабов — контрактованных работников. В Вирджинии, как и во многих других английских колониях в Америке, в это время проявилась тенденция к созданию крупных земельных владений, что заставляло менее удачливых поселенцев находить и занимать мелкие земельные участки далеко на западе ⁶. Крупные владения оказывались более эффективными. По мере усиления этой тенденции мелкие фермеры теряли свои участки, а местная аристократия, британские торговцы и ростовщики в еще большей степени использовали нужду в деньгах обанкротившихся ферме-

ров, ремесленников, плантаторов или освобожденных от своего временного рабства законтрактованных работников. Фермеры закладывали свои фермы и обработанные земельные участки за определенную сумму. Крупные плантаторы и торговцы снабжали их кредитом, который должен был выплачиваться с процентами определенными частями и в определенные сроки. Если цена на табак падала, то мелкий фермер был в опасности залезть в еще большие долги. До тех пор, пока оставалась задолженность, фермер был вынужден продавать урожай и покупать товары только у своего кредитора. В силу этого у мелких фермеров создавался безвыходный круг зависимости от земельной и торговой аристократии ⁷.

Возникшая во второй половине XVII в. депрессия (в связи с перепроизводством табака и усилением торговых ограничений Британии) сильнее всего ударила по фермерам и мелким плантаторам в западной части Вирджинии, над которыми висели огромные долги. Монополисты — скупщики табака и английские торговцы — забирали их продукцию по бросовым ценам, и колонисты таким образом находились под двойным гнетом — местного землевладельца и британского торговца ⁸.

В этой обстановке английский король Карл II, предпочитавший расплачиваться за свои личные или политические долги землями в американских колониях, передал в 1674 г. лордам Арлингтону и Калпеперу на 31 год права короны на земли почти всей Вирджинии. Никогда не бывавшие там новые лорды-собственники получили право не только назначать шерифов и других колониальных чиновников, но и право распоряжаться землями и собирать ренту ⁹. Несмотря на то что «большинство округов находилось в огромной задолженности по выплате фиксированной ренты», в колонии вводятся новые налоги, основная тяжесть которых падает на плечи беднейших слоев фермерства и ремесленников, принимаются строгие меры по взысканию долгов, ренты и недоимок по ней ¹⁰. Само королевское пожалование и мероприятия новых лордов-собственников глубоко оскорбили и взволновали фермерство и плантаторов Вирджинии. К экономическим трудностям прибавилось наступление колониальной аристократии на гражданские и политические права поселенцев: были сведены на нет права ассамблей, которая в определенной степени выражала интересы фермеров, мелких плантаторов и немногочисленных ремесленников; путем повышения имущественного ценза было ограничено избирательное право бедных слоев населения ¹¹.

Предел народному терпению наступил в правление губернатора Бэркли. Произвол крупных феодальных землевладельцев и английской администрации, коррупция при разделе земель, строгости при взыскании ренты и, наконец, отказ властей принять меры против набегов индейцев на западные поселения колонистов привели к открытому выступлению против земельной аристократии ¹².

Восстание возглавил мелкий плантатор Натаниэл Бэкон. Отряд Бэкона двинулся на столицу Вирджинии — Джемстаун и заставил власти провести выборы в новое законодательное собрание, в котором подавляющее большинство получили сторонники восставших. Собрание не только отменило прежние дискриминационные законы, но и приняло серию актов в интересах фермеров и ремесленников, в том числе закон о предоставлении избирательных прав всем свободным поселенцам¹³. В своих выступлениях перед народом Бэкон провозгласил, что «жизнь, свобода и владение землей» являются главными ценностями, которыми должны быть обеспечены все колонисты. Нет сомнения, что это требование восставших колонистов XVII в. оказало 100 лет спустя огромное влияние на автора Декларации независимости, вписавшего в нее знаменитую фразу о праве североамериканцев на «жизнь, свободу и стремление к счастью»¹⁴.

В декларации Бэкона от имени народа Вирджинии объявлялось о конфискации земельных владений и собственности сторонников губернатора¹⁵. Восставшие фермеры выдвигали требование «дележа богатых имений»¹⁶, отмены фиксированной ренты и аннулирования всех недоимок по ней. Власти Вирджинии объявили Бэкона бунтовщиком и арестовали его. Освободившись, Бэкон собрал новый отряд повстанцев и снова занял Джемстаун. Чтобы привлечь на свою сторону Бэкона, губернатор назначил его начальником вирджинского ополчения и послал на борьбу с индейцами. Вслед ему губернатор отправил отряд в тысячу человек для умирения бунтовщиков.

Восставшие разгромили войско губернатора, но их предводитель Бэкон вскоре умер. Внезапная смерть его внесла смятение в ряды суеверных повстанцев, и властям уже не стоило больших усилий подавить восстание. 14 человек были повешены, имущество многих повстанцев конфисковано, почти все демократические завоевания отменены¹⁷.

Это было первое значительное выступление фермеров, ремесленников и мелких плантаторов против гнета крупных феодальных землевладельцев и колониальных властей, оказавшее огромное влияние на развитие классовой борьбы во всех английских колониях на Американском континенте. Натаниэл Бэкон вошел в национальную историю США как предводитель самого крупного народного восстания XVII в., как провозвестник, «знаменосец революции»¹⁸, потрясшей Северную Америку ровно через 100 лет.

После разгрома восстания, несмотря на прибытие английских войск, в самой Вирджинии долгое время сохранялось брожение среди беднейших слоев населения — разоренных фермеров, ремесленников и законтрактованных работников. В 1681 г. на запрос из Лондона сообщалось: «В Вирджинии имеется серьезная опасность восстания законтрактованных работников. Они находятся в большой нужде и испытывают недостаток в одежде, что может привести к разграблению складов и кораблей». И дейст-

вительно, законтрактованные работники и фермеры, ставшие батраками, направили свой гнев против непосредственных угнетателей — крупных землевладельцев. В 1681—1682 гг. по Вирджинии прокатилась волна мятежей. Взбунтовавшиеся батраки и законтрактованные работники уничтожали посевы табака на плантациях, поджигали амбары с просушенным и готовым к отправке товаром. Эти стихийные восстания обездоленных и отчаявшихся слоев колониального населения были зверски подавлены, а предводители казнены¹⁹.

Как и в других колониях, стремившиеся к экономической самостоятельности поселенцы Массачусетса нарушали навигационные акты и другие законы метрополии, препятствовавшие развитию земледелия, ремесла, промышленности и торговли. В целях охраны интересов господствующих классов Англия усилила надзор за соблюдением ограничительных мер и распустила законодательное собрание Массачусетса. Во время социальных конфликтов в колониях Англия всегда находила опору в лице колониальной аристократии. В Массачусетсе вся полнота власти была передана в руки губернатора и членов совета, назначаемых английским королем²⁰.

Первым действием присланного из Англии нового губернатора Эдмунда Эндроса было объявление незаконным прежнего раздела земли в колонии, что явилось угрозой существованию основной массы поселенцев²¹. Одновременно Эндрос предоставил большие земельные площади английской знати, главным образом за счет общинных земель. Покушаясь на общинные земли колонистов, Эндрос и его помощники Рэндольф и Дэндли пытались убедить Лондон в том, что эти земли якобы никому не принадлежат. Поселенцы Массачусетса испытывали постоянную тревогу за свои земли из-за посягательств на них губернатора и феодальных лордов-собственников²². Обманывая короля, губернатор раздавал крупные земельные пожалования своим друзьям и приближенным, которые придерживали землю до повышения на нее цены, а потом распродавали ее мелкими участками и быстро обогащались. В ущерб основной массе населения — фермерам, ремесленникам, мастеровым, мелким лавочникам и местным купцам — был введен новый порядок налогообложения²³. Строжайшее ограничение торговли в соответствии с навигационными актами привело к поднятию цен на многие товары. Начались притеснения пуританской церкви. На протест городской сходки бostonцев против этих мероприятий власти ответили запрещением созыва таких собраний. Наконец, попытка Эндроса обложить земельную собственность феодальными повинностями, которые были отменены еще в 1641 г., и ввести ренту вызвала отчаянное сопротивление колонистов²⁴.

Распространявшиеся среди народа памфлеты резко осуждали намерения губернатора Эндроса и лордов-собственников Мэсона и Джорджеса заставить поселенцев платить ренту за «земли,

доставшиеся им в результате огромных усилий и борьбы с дикой природой, земли, которыми они в течение многих лет владеют на основе самых законных прав, какие только имеются или могут быть у любого народа во всем свете». Другие памфлеты призывали поселенцев к защите своих прав на землю, которую «их отцы добыли своим трудом». Трактат «Оправдание революции в Новой Англии» предупреждал фермеров, что за попыткой введения фиксированной ренты может последовать захват и раздел их земель между представителями королевской власти в Новой Англии²⁵.

После получения известий о свершившейся в Англии «славной революции» 1688 г. накопившееся недовольство аграрной, торговой, налоговой и религиозной политикой колониальной аристократии вылилось в широкое и бурное движение²⁶. 18 апреля 1689 г. бостонцы — ремесленники, мастеровые, лавочники, купцы и жители окрестных ферм — направились к зданию английской администрации, арестовали Эндроса и его помощников и, проведя их по городу, посадили в крепость. В сообщении об этом английскому королю говорилось, что губернатор Эндрос пытался отобрать у населения Новой Англии «земли, дававшие продукты и средства, необходимые для существования». Это была последняя попытка ввести феодальные порядки в колониях Новой Англии. Королевская хартия 1691 г. признавала существование свободной земельной собственности без каких-либо феодальных повинностей и ограничений²⁷.

За восстанием в Массачусетсе последовало свержение колониальной администрации в других колониях Новой Англии. Главными завоеваниями восставших были: сохранение земли за их владельцами, восстановление деятельности законодательного собрания, некоторая демократизация избирательного права²⁸. Причем после этих событий в Коннектикуте и Род-Айленде не только ассамблеи, но и губернаторы избирались колонистами. Восстание фермеров, ремесленников, мастеровых и купечества в Массачусетсе и сопутствовавшие ему народные движения в других колониях Новой Англии имели большое значение в закреплении буржуазных форм земельной собственности в этих колониях.

Мелкие фермеры и арендаторы колонии Нью-Йорк с симпатией следили за довольно успешной борьбой своих соседей в Новой Англии против попыток введения феодальных порядков. Еще будучи принцем, король Яков II роздал в колонии Нью-Йорк представителям английской знати огромные земельные площади²⁹. Свою землю лорды-собственники не продавали, а предпочитали сдавать в аренду мелким фермерам. В результате они получали с них и арендную плату, и фиксированную ренту. Против гнета феодальных монополистов земли и крупных торговцев в 1689 г. здесь вспыхнуло восстание под руководством Джекоба Лейслера. Симпатии и солидарность бедноты из среды фермеров, ремесленников, мастеровых и законтрактованных работников соседних колоний и городов были на стороне «смутьянов»³⁰.

Повстанцы свергли деспотические органы управления, которые находились в руках крупных лендлордов и торговцев, провели выборы в ассамблею и приступили к демократическим преобразованиям. Прежде всего они аннулировали некоторые земельные и торговые монополии, изменили систему налогообложения в пользу трудящихся колонистов и провели ряд демократических реформ в области самоуправления. После жестокого подавления восстания в 1691 г. большинство демократических завоеваний Лейслера было уничтожено³¹.

На протяжении 70—80-х годов XVII в. бурным движением протеста против произвола лордов-собственников, земельных захватов и фиксированной ренты были охвачены также штаты Нью-Джерси, Каролина и Мэриленд. Восставшие фермеры Нью-Джерси прекратили выплату фиксированной ренты, избрали новую ассамблею колонии и в течение нескольких лет до прибытия английских войск не признавали власти лордов-собственников³². С прибытием войск они вынуждены были отступить. Не добились успеха и фермеры Каролины в своем стремлении отменить фиксированную ренту и некоторые налоги на табак³³.

В 1689—1692 гг. колонисты Мэриленда подняли вооруженное восстание против лорда-собственника Балтимора с целью «защиты жителей от насилия, притеснения и уничтожения»³⁴. На их знамени был написан ставший популярным девиз восстания Бэкона: «Жизнь, свобода и владение землей»³⁵. Восставшие захватили власть в колонии и прогнали лорда-собственника. Захват власти был признан в Лондоне, и управление провинцией перешло непосредственно в руки короля. Но от такого «успеха» основной массе колонистов не стало легче жить. Лорд Балтимор не был лишен прав феодального собственника на землю. Он по-прежнему свободно распоряжался своими владениями, а с пожалованных ему земель, как и раньше, взыскивал фиксированную ренту, получая ежегодно 700 фунтов стерлингов³⁶. Таким образом, так же, как в штатах Вирджиния, Нью-Йорк, Нью-Джерси и Каролина, феодальные порядки в Мэриленде не были поколеблены.

* * *

Усилия лордов-собственников и английской колониальной администрации к введению и закреплению феодальных отношений во второй половине XVII в. вызвали яростное сопротивление со стороны трудящихся слоев колонистов. В основе его было стремление получить свободную от всяких феодальных обложений землю и отменить различные ограничения метрополий на развитие местных ремесел и торговли. Вспыхнувшие восстания привели в ряде случаев к ликвидации феодальной государственной власти лордов-собственников в их манорах и постепенному переходу большинства собственнических колоний под власть короля.

Однако крупная земельная собственность феодалов оставалась нетронутой, взимание фиксированной ренты продолжалось, по-прежнему действовали законы о неотчуждаемости и неделимости феодальных маноров, развитие ремесла, торговли и местной промышленности сдерживалось Навигационными актами. Несмотря на то, что социальные взрывы, происходившие в течение второй половины XVII в., не разрешили острых противоречий между колониальной аристократией и трудящимися слоями переселенцев, народные восстания в Вирджинии, колониях Новой Англии, Нью-Йорке, Мэриленде, Нью-Джерси, Каролине явились важным историческим этапом в нараставшей борьбе североамериканских колонистов против гнета феодальных собственников и колониальных властей.

- ¹ *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США. М.: Соцгиз, 1934; *Он же.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М.: Наука, 1969; *Он же.* Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера.— *Вопросы философии*, 1956, № 5.
- ² *Ефимов А. В.* К истории капитализма в США, с. 38; *Он же.* США. Пути развития капитализма, с. 43.
- ³ *Болдовитинов Н. Н.* О роли «подвижной границы» в истории США.— *Вопросы истории*, 1962, № 9; *Он же.* О механизме действия «предохранительного клапана» в истории США.— *Новая и новейшая история*, 1970, № 4; *Он же.* Некоторые проблемы генезиса американского капитализма (XVII — первая половина XIX в.).— В кн.: *Проблемы генезиса капитализма.* М.: Наука, 1970; *Косарев Б. М.* К вопросу о возникновении и развитии плантационного рабства в США.— *Учен. зап. Костромского пед. ин-та*, 1957, вып. 2; *Он же.* К вопросу о социально-экономическом строе рабовладельческого Юга США.— *Учен. зап. Костромского пед. ин-та*, 1957, вып. 2; *Он же.* К вопросу о социально-экономическом строе рабовладельческого Юга США.— *Учен. зап. Ярославского и Костромского пед. ин-тов*, 1968, вып. 62; *Страганович В. Ф.* К вопросу о первоначальном накоплении капитала в английских колониях в Северной Америке в XVII—XVIII вв.— *Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской*, 1966, вып. 6, т. CLIX.
- ⁴ *Shepherd W. R.* The Land System of Provincial Pennsylvania.— *The Annual Report of the American Historical Association for the Year 1895.* Washington, 1896, p. 121; *Harris M.* Origin of the Land Tenure System in the United States. Ames, 1968, p. 328, 329.
- ⁵ *Robinson W. S.* Mother Earth — Land Grants in Virginia, 1607—1699. Williamsburg, 1957, p. 57.
- ⁶ *American Colonial Documents to 1776* / Ed. by M. Jensen. London, 1955, p. 325.
- ⁷ *Washburn W. E.* The Governor and the Rebel: A History of Bacon's Rebellion in Virginia. Chapel Hill, 1957, Ch. 1-2; *Антекер Г.* Колониальная эра. М.: ИЛ, 1961, с. 84—85.
- ⁸ *Антекер Г.* Колониальная эра, с. 85.
- ⁹ Extract from a Manuscript Collection of Annals Relative to Virginia.— *Force's Collection of Historical Tracts.* New York, 1947, vol. II, p. 9.
- ¹⁰ *American Colonial Documents.* Document N 94C, p. 587—590; *Robinson W. S.* Mother Earth — Land Grants in Virginia, p. 62.
- ¹¹ A True Narrative of the Late Rebellion in Virginia, 1677. *Narratives of the Insurrections, 1675—1690* / Ed. by Ch. M. Andrews. New York, 1952, p. 107.
- ¹² The Beginning, Progress and Conclusion of Bacon's Rebellion in Virginia in the Years 1675 and 1676.— *Force's Collection of Historical Tracts*, vol. I,

- р. 7—24; *Бурин С. Н.* Восстание Бэкона в Виргинии.— Вопросы истории, 1973, № 6, с. 210—212.
- ¹³ An Account of Our Late Troubles in Virginia.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. I, p. 3—10; A Narrative of the Indian and Civil Wars in Virginia, in the Years 1675 and 1676.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. I, p. 9—29.
- ¹⁴ *Warner Ch. W. H.* Road to Revolution. Richmond, 1961, p. 26.
- ¹⁵ American Colonial Documents, Document N 94A, p. 585.
- ¹⁶ *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма..., с. 324.
- ¹⁷ A List of Those that Have Been Executed for the Late Rebellion in Virginia, by Sir William Berkeley, Governor of the Colony.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. I, p. 3—4.
- ¹⁸ *Wertebaker T. J.* Torchbearer of the Revolution. Georgetown, 1965.
- ¹⁹ *Morris R. B.* Government and Labor in Early America. New York, 1947, p. 177; *Анткер Г.* Колониальная эра, с. 68.
- ²⁰ The Revolution in New England Justified.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. IV, p. 12—14.
- ²¹ The Revolution in New England Justified, p. 9, 19, 56.
- ²² The Revolution in New England Justified, p. 23.
- ²³ The Revolution in New England Justified, p. 38, 56.
- ²⁴ The Declaration of the Gentlemen, Merchants, and Inhabitants of Boston, and the Country Adjacent, April 18, 1689.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. IV, p. 6—12.
- ²⁵ The Revolution in New England Justified.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. IV, p. 18; *Самойло А. С.* Английские колонии в Северной Америке в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 309, 310.
- ²⁶ An Account of the Late Revolution in New-England.— Force's Collection of Historical Tracts, vol. IV, p. 4—5.
- ²⁷ Narratives of the Insurrections, p. 173—174, 199—202; *Jennings J.* Boston-Cradle of Liberty, 1630—1776. Garden City, 1947, p. 69—70.
- ²⁸ *Mead N.* Connecticut as a Corporate Colony. London, 1906, p. 77—81; *F. Bates.* A Short History of Rhode Island. New York, 1898, p. 117—119.
- ²⁹ State of the Land in the Province of New York in 1732.— The Documentary History of the State of New York, arranged by E. B. O'Callaghan. 4 vols. Albany, 1850—1851; vol. I, p. 250; Report of Governor Wm. Tryon on the State of the Province of New York, 1774.— The Documentary History..., vol. I, p. 509.
- ³⁰ *Livingston R.*— Edmund Andros, 14 April 1690,— A Documentary History..., vol. I, p. 193.
- ³¹ См. подробнее: *Reich J. R.* Leisler's Rebellion: A study of Democracy in New York, 1664—1720. Chicago, 1953.
- ³² *Pomfret J.* West New Jersey, 1609—1702. New York, 1956, p. 177—187.
- ³³ Narratives of the Insurrections, 149—164; *Анткер Г.* Колониальная эра, с. 83—84, 90—91.
- ³⁴ Declaration of Protestant Subjects in Maryland, 1689. Narratives of the Insurrections, p. 312.
- ³⁵ Declaration of Protestant Subjects in Maryland, 1689, p. 311.
- ³⁶ Dictionary of American Biography, vol. IV, p. 369, 430.

ПОПЫТКА АМЕРИКАНСКОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА В КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

История попытки США выступить в роли мирного посредника в Крымской войне, по существу, пока еще остается не освещенной в литературе. Даже в таком капитальном труде, как «Крымская война» Е. В. Тарле, об этом эпизоде нет ни единого слова, хотя известно, что покойный академик всегда уделял большое внимание вопросам дипломатии. Беглые упоминания об этом имеются лишь в труде А. Г. Жомини о русской дипломатии в годы Крымской войны¹ и в некоторых исследованиях историков русско-американских отношений, например, в работах Фрэнка Голдера².

Кое-кто еще в годы Крымской войны видел в этой американской попытке «ответную услугу США за известное русское посредничество в англо-американской войне 1812—1814 гг.»³ Для того чтобы определить, допустимо ли сопоставление между собой этих двух дипломатических акций, мы и постараемся в настоящей статье кратко восстановить по документам историю забытой, по-своему весьма характерной попытки США выступить в роли посредника в Крымской войне.

Англо-французское соперничество еще со времен возникновения США рассматривалось американскими политическими деятелями как великое для них благо: оно мешало Англии и Франции в осуществлении их экспансионистских планов в Западном полушарии и порою позволяло американским дипломатам извлекать для себя те или иные политические выгоды. Поэтому возникновение перед Крымской войной англо-французского военного союза не могло не встревожить американских политических деятелей. Особенно их беспокойство возросло после того, как 31 января 1854 г. английский министр иностранных дел лорд Джордж Кларендон открыто заявил, что «счастливое согласие» между Англией и Францией отныне будет распространяться на оба полушария земного шара⁴. В этих условиях многие американцы пришли к выводу, что будущее США в какой-то мере зависит от России, от ее военной силы. Если Россия и впредь останется для союзников сильнейшим противовесом, то угрозы Кларендона не будут опасны для США. Именно поэтому сразу после начала Крымской войны многие американцы стали искренне желать успеха русскому оружию, и одновременно намечилось русско-американское дипломатическое сближение.

Но в США часто высказывались сомнения, сможет ли крепостная, отсталая Россия выдержать начавшийся против нее натиск сильной военной коалиции. Поэтому кое-кто из американских политиков стал задумываться над вопросом: не следует ли США попытаться своевременно погасить вспыхнувший на Востоке кон-

фликт, не дожидаясь того момента, когда сильная коалиция нанесет России непоправимый удар. Американские политики, естественно, не хотели, чтобы Россия перестала быть той силой, которая мешала союзникам начать активные действия в Западном полушарии. Поэтому с весны 1854 г. сами члены американского правительства заинтересовались вопросом, не следует ли США выступить в качестве посредника между враждующими сторонами в Крымской войне. Американским политикам льстило то, что США при этом смогут выйти на «мировую арену» и начать играть пусть скромную, но все-таки уже заметную роль в международных отношениях стран Европы. Возможное участие США в будущей конференции, казалось, сулило и различные политические выгоды, которыми нельзя было пренебрегать. Иной вопрос: желали ли тогда американские политические деятели в своем подавляющем большинстве быстрого окончания Крымской войны?

Если Россия будет в состоянии вести длительную борьбу против своих врагов, начнет успешно изматывать их силы, то такое развитие событий, по мнению большинства американских политических деятелей, было бы для США весьма выгодным.

Прежде всего в условиях ожесточенной войны в Европе вмешательство англичан и французов в дела Западного полушария оказалось бы нереальным, а это позволило бы США еще более активизировать свою политику в Западном полушарии. Особенно в этом были заинтересованы плантаторы юго-западных штатов. Как отмечал глава русской дипломатической миссии в Вашингтоне Эдуард Стеклъ, они рассчитывали «привести в исполнение проекты аннексий и завоеваний»⁵.

Вместе с тем Крымская война принесла немало выгод различным буржуазным кругам в Америке. Как указывал К. Маркс, «она вызвала неслыханный подъем их судостроения и торговли судами и создала им рынок сбыта для некоторых видов сырья, поставившихся ранее главным образом или исключительно Россией»⁶. Особенно прибыльной Крымская война была для американских поставщиков оружия. Даже сам президент США Джеймс Пирс вынужден был в декабре 1854 г. признать в своем годовом послании конгрессу: «В продолжении настоящей войны граждане наши продавали без разбору всяким покупателям порох и оружие... Наши торговые суда были нанимаемы и нанимаются теперь Францией и Англией для доставки на театр войны войск, съестных припасов, боевых снарядов»⁷.

Вместе с тем в США существовало немало общественных и религиозных организаций, которые резко осуждали войну в Европе и даже требовали от правительства США, чтобы оно сделало все возможное для ее прекращения. Петиции с требованиями прекратить войну были получены правительством из Нью-Йорка, Бостона и других городов⁸. С этими настроениями нельзя было не считаться, тем более что в ноябре 1854 г. предстояли очередные выборы в конгресс. Поэтому государственный секретарь США Вильям

Мэрси решил, что ему следует предложить европейским государствам посредничество США с целью прекращения Крымской войны. Но с самого начала это был чисто политический маневр. Мэрси прекрасно понимал, что весной 1854 г. еще ни одна из воюющих сторон не склонна будет принять всерьез американское предложение о мире: ведь военные действия еще только начинались. И чтобы окончательно убедиться в этом, Мэрси заговорил о возможности американского посредничества с французским посланником в США Сартижем. Последний с подозрением отнесся к американскому запросу, полагая, что его подлинным автором является русское правительство, ибо Сартиж хорошо знал, насколько тесными стали в тот период отношения между русскими и Мэрси. Сартиж (так по крайней мере утверждал позднее Мэрси во время своей беседы с русским дипломатом Эдуардом Стеклем) заявил ему, что союзники согласятся на мир только в том случае, если Россия откажется... от Финляндии и Крыма!⁹ Очевидно, что такие условия Россия принять не могла. Лишь после этого Мэрси решил заговорить о посредничестве с руководителем русской миссии в США Эдуардом Стеклем.

Разговор велся в весьма торжественных тонах. Вначале Мэрси воздал хвалу Александру I за то, что он «в столь трудное для США время», в дни англо-американской войны 1812—1814 гг., предложил свое посредничество. Теперь, заявляя Мэрси, наступил момент и им, американцам, оказать русским ответную услугу. Правда, Мэрси на всякий случай оговорился, идея американского посредничества еще не получила одобрения президента США Пирса, который в это время находился в своей летней резиденции¹⁰.

Стекло заинтересовался американским предложением, но с первых минут своего разговора с Мэрси понял, насколько оно практически малоосуществимо. Стекло откровенно признался, что он не надеется на успех американского посредничества. В ответ на это Мэрси, улыбувшись, воскликнул: «Вы мне говорите, что Англия отвергнет посредничество. Весьма вероятно. Но этим, в конце концов, мы вызовем против нее еще большее неудовольствие, чем то, которое уже существует. Для вас это не может быть неприятным!»¹¹ Подобное откровение американского государственного секретаря сразу же раскрыло Стекло истинные причины американского маневра.

Стекло определил, что идеей посредничества правительство США хотело, с одной стороны, создать себе среди американского народа славу бескорыстных благодетелей, несущих Старому Свету оливковую ветку мира, сделать внешне дружественный шаг по отношению к популярной в США России, а с другой стороны,—умышленно спровоцировать Англию на официальный отказ прекратить войну и этим вызвать, из соображений внутривосточного характера, еще большую враждебность к Англии в американском народе. Поэтому Стекло впоследствии в одной из своих депеш писал: «Чисто местные соображения более, чем какие-либо

другие мотивы, породили первую идею посредничества. Играть активную роль в делах Европы — перспектива, которая могла только польстить исключительному тщеславию американцев». Демократы во главе с Пирсом мечтают и заботятся лишь о своей популярности. «Такова, — заканчивает Стекло, — главная цель их демарша»¹². Более того, русский дипломат уже тогда считал, что эта попытка правительства США вмешаться в дела Европы вопреки принципу, провозглашенному еще Джорджем Вашингтоном, создаст опасный прецедент. Еще тогда Стекло не без прозорливости писал: «Это вмешательство Соединенных Штатов в дела Старого континента... может представить серьезную опасность в будущем»¹³.

Поэтому русские дипломаты встретили предложение Мэрси без энтузиазма. И все-таки Мэрси после «неутешительных бесед» с Сартижем и Стеклом попросил их официально довести до сведения своих правительств о намерении США выступить в роли посредника в Крымской войне.

Первым на это заявление американского правительства откликнулся французский министр иностранных дел Друэн де Люис. Уже 26 июня 1854 г. он послал Сартижю частное письмо, в котором подробно изложил отношение Наполеона III к американскому предложению. А 20 июля Франция уже направила официальный ответ правительству США, в котором Друэн де Люис объявлял попытку американского посредничества бесполезной¹⁴. Американский историк Леланд, читавший эту инструкцию, утверждал, что она содержала «унизительные размышления об истинных целях политики США»¹⁵.

Осенью 1854 г. секретарь русской миссии в Вашингтоне Константин Катакази, временно находившийся в Петербурге, по поручению министра иностранных дел К. В. Нессельроде написал об американском предложении посредничества небольшую «Записку»¹⁶. В ней Катакази кратко суммировал причины американского маневра. Демократическая партия, по мнению Катакази, желала использовать ожидаемый отказ Англии, чтобы искусственно возбудить в американцах еще большую неприязнь к Англии. Таким способом она боролась за голоса ирландцев. По мнению Катакази, английский отказ принять американское посредничество нужен был правительству США и для того, чтобы иметь возможность ответить Англии столь же резким отказом, если бы она попыталась вмешаться в возможный будущий испано-американский вооруженный конфликт из-за Кубы.

Узнав по депешам Стекла и «Записке» Катакази об истинных причинах выдвижения американцами предложения о посредничестве, русское правительство предпочло от него отказаться. В официальном ответе, естественно, не было и намека на подлинные причины американской инициативы. Наоборот, предложение посредничества расценивалось как новое доказательство дружественного расположения Соединенных Штатов к России. Сам Нико-

лай I считал нужным выразить за это свою благодарность американскому правительству. Тем не менее министерство иностранных дел России, сославшись на то, что в качестве посредников уже предложили свои услуги Австрия и Пруссия, в вежливой форме отказалось от американского предложения.

Как видно из инструкции Нессельроде Стекло от 10 ноября 1854 г., русское правительство опасалось, что выдвижение американцами предложения о посредничестве даже может причинить ущерб интересам России. Дело в том, что союзники достаточно хорошо знали, насколько тогда были близкими отношения между русскими и американцами. Поэтому у них могло создаться впечатление, что американцы выступили с идеей посредничества по просьбе русских. А если это так, то союзники усмотрят в этом предложении, как писал Нессельроде, «признание наших затруднений»¹⁷.

Но это писалось уже тогда, когда в настроениях членов американского правительства произошли существенные перемены. Сведения о желании правительства США выступить в роли мирных посредников в Крымской войне проникли в печать и встревожили многих американских предпринимателей, которым война уже успела принести немало различных выгод. Вместе с тем американские политики к этому времени уже убедились в том, что Россия вполне способна оказывать длительное военное сопротивление союзникам, и потому Крымская война, связав руки союзникам, позволит американским экспансионистам осуществить их аннексионистские планы. Недаром одна английская газета, «Weekly Dispatch», не без раздражения отметила: «Европа охвачена пожаром, а пожар — лучшее время для покраж»¹⁸.

Учтя все особенности создавшейся обстановки, президент Пирс предпочел отказаться от идеи американского посредничества. 27 июля (8 августа) 1854 г. Мэрси официально известил Стекла об этом. В качестве благовидного предлога были использованы появившиеся в печати соображения о предполагаемом посредничестве Австрии и Пруссии. Мэрси высказал опасения, что выступления американцев с предложением посредничества лишь повредят России, поскольку союзники хорошо знают, насколько тесными стали отношения между американцами и русскими. Кроме того, США сами находятся в достаточно натянутых отношениях с Великобританией. Поэтому скорее всего США натолкнутся на отказ Англии принять американское посредничество¹⁹. Мэрси заявил, что правительство США боится «унижения отказа»²⁰. И это говорил Мэрси, который до этого сознательно желал услышать такой отказ из уст англичан!

В своей депеше от 2 (14) сентября 1854 г. Стекло прямо указывает, что американцы отказались выступить в роли посредников прежде всего потому, что они «без сожаления видят, как продолжается война, которая отвлекает в нашу сторону все внимание Великобритании и Франции»²¹.

Но в США существовали определенные круги, которым Крымская война принесла некоторые убытки. Дело в том, что война не только вызвала падение спроса в Европе на хлопок, но и рост цен в самих США на продовольствие. Это задело интересы южных плантаторов и торговцев хлопком. Поэтому уже в конце 1854 г. ричмондские торговцы хлопком потребовали от правительства США начать переговоры с воюющими сторонами с целью прекращения Крымской войны.

В начале декабря 1854 г. председатель комитета по иностранным делам палаты представителей Томас Клингман (Северная Каролина) предложил на рассмотрение конгресса следующий проект резолюции: «В связи с тем, что народ США с сожалением видит, что некоторые великие державы Европы вовлечены в войну, которая грозит быть весьма длительной и несчастной по своим последствиям для промышленных и социальных интересов большей части цивилизованного мира, и так как он, по воле провидения, довольствуется всеми благами мира, находясь вдали от театра военных действий, то народ США, как не связанный с причинами спора между воюющими сторонами и как нация, не имеющая непосредственного интереса в споре и не признающая за собой право вмешиваться с применением оружия или угроз, все же придерживается мнения, что спор может быть урегулирован мирным соглашением посредством вмешательства нейтральной и дружественной державы. Поэтому сенат и палата представителей США, собравшиеся в конгрессе, постановляют запросить президента предложить воюющим посредничество США в той форме, какая, по его мнению, может привести к миру»²².

С аналогичным предложением в сенате выступил сенатор Стефан Дуглас, сильно скомпрометированный в глазах многих северян нашумевшим Канзас-Небрасским биллем 1854 г. Дуглас, видимо, стремился воспользоваться «рецептом» Мэрси — он желал услышать отказ из уст английских дипломатов, чтобы начать свою очередную антианглийскую кампанию. Так он стремился обеспечить себе голоса ирландцев²³.

После первого выступления Клингмана конгрессмен Гамильтон предложил отсрочить обсуждение проекта резолюции о посредничестве, и палата охотно согласилась на эту отсрочку²⁴.

18 декабря 1854 г. Клингман вновь поднял вопрос об обсуждении его предложения. И тут произошел весьма характерный инцидент. Как только Клингман закончил вторичное чтение проекта своей резолюции, раздался голос Майкла Уолша из Нью-Йорка: «Я возражаю. Дайте им съесть друг друга» («Let them eat each other up!»)²⁵. Столь откровенное заявление Уолша привело членов палаты в веселое расположение духа. Уолша всегда считали «любителем шуток»²⁶. Но когда спикер палаты предложил приступить к обсуждению проекта Клингмана, Уолш сухо заметил: «Я не отказался от своего возражения»²⁷. И обсуждение проекта резолюции Клингмана было вновь отложено.

Стекль в своей депеше от 12(24) декабря 1854 г. отмечал, что предложения Клингмана и Дугласа все же «были весьма хорошо приняты публикой и прессой»²⁸.

3 января 1855 г. Клингман сделал новую попытку поднять в палате представителей вопрос об американском посредничестве в Крымской войне. На этот раз он указал, что война уже привела к тому, что европейские страны заметно сократили закупки американского сахара и табака, а общая торговля с Россией вообще сократилась из-за войны на 50%. Клингман утверждал, что через два года Европа настолько «одичает», что вынуждена будет по бедности сократить закупки даже американского зерна. В итоге не будет, утверждал он, «ни экспорта, ни импорта»²⁹. Особое внимание Клингман уделил политическим последствиям войны. «Если союзники...— говорил он,— окажутся победителями, то их успех может дать им не только великую мощь, но также и сильное желание вмешиваться в наши дела на этой стороне земного шара. Поэтому с точки зрения равновесия держав в Европе вы ничего не измените, не поставив нас в худшее положение, чем то, которое мы занимаем сейчас. Я полагаю, что если они [силы европейских держав] будут сбалансированы, то каждая такая держава сможет оказаться способной удержать другую в узде и предупредить несчастье»³⁰.

Таким образом, Клингман желал, чтобы Россия и впредь оставалась достаточно сильной державой, способной связать руки союзникам. Бесспорно, коллеги Клингмана тогда в своем подавляющем большинстве отнюдь не желали поражения России: это было бы несчастьем для США. Но они считали, что до решительной победы союзников дело не дойдет. Это ясно показал опыт героической обороны Севастополя³¹. А следовательно, Клингман явно преувеличивал опасность. На самом же деле продолжение Крымской войны было для американских политиков более выгодным, чем ее окончание. Поэтому и на этот раз проект резолюции Клингмана не получил поддержки.

9 января 1855 г. член палаты представителей Эйкен, выполняя волю Чарльстонской торговой палаты (резолюция торговой палаты от 29 декабря 1854 г.), вновь поднял вопрос об американском посредничестве³². И снова против предложения выступил Майкл Уолш³³.

Но что же побуждало Майкла Уолша столь упорно возражать против американского посредничества? Бесспорно, он таким способом хотел завоевать популярность среди тех, кто желал продолжения Крымской войны. В выборе средств он никогда не был разборчив. Свою карьеру он начал в качестве издателя газеты, которая была вскоре закрыта за клевету. Некоторое время Уолш подвизался в различных рабочих организациях и добился того, что при поддержке нью-йоркских рабочих его избрали в конгресс³⁴. После своего избрания он быстро забыл о своих обещаниях, которые давал рабочим. В апреле 1853 г. на митинге нью-йоркского со-

юза один из рабочих даже воскликнул: «Где Майк Уолш? Майк — в конгрессе»³⁵. В ноябре 1854 г. нью-йоркские рабочие дружно голосовали против «рenegата» Уолша и провалили его на выборах. И тогда Майкл Уолш в последние дни своего пребывания в конгрессе развил большую политическую активность, чтобы на этот раз завоевать поддержку тех кругов, которые извлекали из войны только выгоды. К тому же к этому времени ему удалось стать членом одной нью-йоркской судостроительной компании, а, как известно, именно судовладельцы были особенно заинтересованы в продолжении весьма выгодной для них войны в Европе. Большинство членов палаты представителей, безусловно, в этом вопросе разделяли взгляды Уолша. Однако лишь немногие из них решились открыто заявить о том, что они хотят продолжения Крымской войны. В этом отношении особенно характерна речь некоего конгрессмена Чемберлена из Индианы, произнесенная в палате представителей 24 января 1855 г.

Чемберлен открыто заявил, что Крымская война принесла США самые различные выгоды. Она «повернула торговлю Европы с ее обычных путей к выгоде американского бизнеса». Она сковала руки Англии. «Это, сэр, — говорил он, обращаясь в сторону Клингмана, — дает нам наилучшую гарантию нашей собственной безопасности от ее нападения... Если нашим навязчивым вмешательством мы дадим ей возможность выпутаться из теперешней безрассудной и губительной авантюры, она будет иметь в своих руках огромные неиспользованные накопления военных материалов, и она вспомнит о своих неисполнившихся угрозах покончить с тем, что она благоволит именовать дерзостью нашей агрессивной демократии. Она же имеет против нас старый зуб по все еще неразрешенным вопросам. Мы убедимся, что наше вмешательство явится лишь приглашением к ней и ее союзникам вмешаться в наши дела...»³⁶

Чемберлен признавал, что из-за войны «народы страдают, проливают кровь и умирают»³⁷, но это-де полезно для самих страдающих: близится революция и растет сознание необходимости прекращения всех войн. Из этого Чемберлен делал вывод: пусть война продолжается. «Предоставьте им достаточный простор для того, чтобы эта дьявольская игра была сыграна!» — резюмировал Чемберлен³⁸. Выступление Чемберлена станет еще более понятным, если мы укажем, что он был тесно связан с торговцами американским зерном, цены на которое резко возросли в связи с Крымской войной.

В конце февраля 1855 г. председатель комитета по иностранным делам палаты представителей Клингман вынужден был публично признать, что проект его резолюции о посредничестве по существу не получил одобрения палаты и потому он «должен быть отложен, если не снят совсем». Тогда в конгрессе выступил священник Чарльз Апхэм из Массачусетса. 28 февраля 1855 г. он заявил в палате, что США морально обязаны оказать помощь

России, которая в свое время оказала американцам весьма серьезную помощь. «Россия, — говорил Апхэм, — наш постоянный друг, вмешательство которого спасло нас от ужасов войны и даровало нам честный мир. Жертвуя своим смелым и преданным народом, она защищает в пределах границ свою собственную территорию без посторонней помощи против наиболее сильной из когда-либо возникших коалиций, против тех, кто по существу угрожает всей остальной Европе и Азии... В данном случае нам предоставляется возможность заплатить ей долг»³⁹.

Враги посредничества были этой речью крайне недовольны. Конгрессмен Уолбридж поспешил немедленно выступить с нападениями на Россию. Он дошел до того, что стал цитировать так называемое «завещание Петра I». И хотя в США было хорошо известно, что «завещание Петра I» было фальшивкой⁴⁰, никто из конгрессменов не возразил Уолбриджу.

Так предложение об американском мирном посредничестве в Крымской войне было окончательно похоронено в палате представителей. То же самое произошло и в сенате. Касаясь причин провала этого предложения, Эдуард Стекль указывал: успешное посредничество США в Крымской войне «не было в их интересах»⁴¹. 6(18) апреля 1855 г. Стекль писал: «Большинство американцев далеки от того, чтобы желать мира, ибо они убеждены, что чем дольше продлятся военные действия, тем сильнее будет подорвано могущество Британии. Унизить их соперника — доминирующее желание Соединенных Штатов»⁴².

Еще весной 1854 г. французский посланник в США Сартиж говорил Мэрси, что американское посредничество может оказаться реальным лишь после падения Севастополя⁴³. Осенью 1855 г. союзники ценою больших потерь овладели городом. Однако в США уже тогда ни один политический деятель не решился вновь поднять вопрос о посредничестве.

В середине февраля 1856 г. в США поступили первые сообщения о начале мирных переговоров в Европе. Как сообщал Стекль, большинство политических деятелей, получив эту вест, были «столь же удивлены, как и мало удовлетворены»⁴⁴. А некоторые встретили ее даже... «как бомбу»⁴⁵. Причина? Стекль здесь повторял уже нам известное: «Американцы... надеялись, что борьба продолжится и позволит им потребовать и все получить от англичан»⁴⁶. Когда же пришло сообщение о подписании в Париже мирного договора, то в США его встретили, как писал Стекль: «с безразличием, не без доли плохого настроения»⁴⁷.

Итак, идея американского мирного посредничества в Крымской войне потерпела неудачу прежде всего потому, что американская буржуазия и многие южане-плантаторы, сторонники территориальных захватов, были заинтересованы в продолжении весьма выгодной для них Крымской войны. Некоторые же американские политики поддерживали идею посредничества из чисто политических соображений; они не верили и в ее осуществление,

по рассчитывали ее использовать для дальнейшего пагнетания антианглийских настроений. Влияние же в политике США тех, кто искренне желал быстрее окончания Крымской войны, было весьма невелико. Поэтому попытку американского посредничества в 1854—1855 гг. никак нельзя считать «ответной услугой США за известное русское посредничество в англо-американской войне 1812—1814 гг.». Во-первых, в 1854—1855 гг. подобная услуга русским так и не была оказана. Во-вторых, и сам подход к посредничеству в 1812—1814 гг. был совершенно иным: тогда (особенно после захвата Вашингтона английскими войсками) Россия была кровно заинтересована в том, чтобы спасти США от возможного поражения в войне. Для России Соединенные Штаты были необходимы как дополнительная сила, противоборствующая Англии.

Во время Крымской войны многие политические деятели России знали, по каким мотивам в США было выдвинуто предложение о мирном посредничестве в Крымской войне, и в Петербурге сознательно не обращали внимания на неблагоприятность поведения отдельных американцев, поскольку ценили главное: сохранение наилучших межгосударственных отношений. Поэтому в России всегда особое внимание уделяли заявлениям тех американцев, которые искренне стремились к сближению с Россией. И то, что во время Крымской войны часть американцев настаивала на мирном посредничестве с желанием оказать услугу России, было вполне оценено в Петербурге⁴⁸. В России всегда одобряли деятельность тех американцев, которые не придавали значения несходству политических систем обоих государств и все свое внимание сосредоточивали на важнейших общих интересах, особенно на наличии общей серьезной опасности, которая лучше всего способствовала сближению между обоими государствами.

А. Г. Жомини, автор ранее упоминавшейся работы по истории дипломатических отношений в эпоху Крымской войны, справедливо отмечал: «Соединенные Штаты Северной Америки давно уже высказывают доброе расположение к России, на которое не имели влияния диаметрально противоположные принципы, представляемые обоими правительствами. Такие чувства основываются на сознании общности политических интересов, а в глазах нации столь положительной подобная основа должна служить самой прочной гарантией добрых отношений»⁴⁹.

¹ Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны.— Вестник Европы, 1886, т. IV, с. 246; Etude diplomatique sur la Guerre de Crimée (1852 à 1856). Par un ancien diplomate, St. Petersburg, 1878, p. 79—80.

² Golder F. A. Russian-American Relations during the Crimean War.— The American Historical Review, 1926, vol. XXXI, Apr., N 3, p. 472. Сведения об архивных документах о посредничестве имеются во втором выпуске составленного Ф. А. Голдером «Guide to Materials for American History in Russian Archives». Washington, 1937, vol. 2.

³ Об этом посредничестве см.: Болховитинов Н. Н., Дивильковский С. И. Русская дипломатия и англо-американская война 1812—1814 гг.— Новая и новейшая история, 1961, № 4, с. 31—45; более подробно см.: Болхови-

- тинов Н. Н. Становление русско-американских отношений, 1775—1815. М.: Наука, 1966, с. 515—562.
- ⁴ Parliamentary Debates, 3rd ser., vol. CXXX, p. 43; Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны, с. 252.
- ⁵ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 20.
- ⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1-е изд., т. X, с. 237.
- ⁷ Journal of the House of Representatives, 1855—1856. 34 Congress, 2 Session, pt 1, p. 514.
- ⁸ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 8.
- ⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 218.
- ¹⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 219.
- ¹¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 227.
- ¹² АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 280.
- ¹³ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 280—281.
- ¹⁴ Guide to Materials for American History in the Libraries Archives of Paris, vol. II. Archives of the Ministry of Foreign Affairs by Leland W. G., Meng J. J., Doysie Abel. Washington, 1943, p. 671.
- ¹⁵ Guide to Materials..., p. 672.
- ¹⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 222—227.
- ¹⁷ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 168, л. 241.
- ¹⁸ Цит. по кн.: Ettinger A. A. The Mission to Spain of Pierre Soule. 1853—1855. New Haven, 1932; Weekly Dispatch, 1854, 10.XII.
- ¹⁹ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 167, л. 278.
- ²⁰ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 8.
- ²¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1854, д. 168, л. 32—33.
- ²² The Congressional Globe (далее — CG), 33 Congr., 2 Sess., p. 27.
- ²³ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 7.
- ²⁴ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 27.
- ²⁵ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 76.
- ²⁶ The New York, Daily Tribune, 1853, 23.XII.
- ²⁷ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 76.
- ²⁸ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 8.
- ²⁹ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 61.
- ³⁰ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 61.
- ³¹ Об отношении американцев к обороне Севастополя см.: Болховитинов Н. Н., Полевой Б. П. Общественность США и оборона Севастополя в 1854—1855 гг.— Новая и новейшая история, 1978, № 4, с. 35—52.
- ³² CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 218.
- ³³ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 218.
- ³⁴ Dictionary of American Biography, 1936, vol. XIX, p. 390—391; Commons J. R. The History of Labor in the United States, New York, 1921, vol. 1, p. 617.
- ³⁵ Appendix to the Congressional Globe.
- ³⁶ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 109.
- ³⁷ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 110.
- ³⁸ CG, 33 Congr., 2 Sess.
- ³⁹ CG, 33 Congr., 2 Sess., p. 257.
- ⁴⁰ Именно в 1854 г. легенда о существовании «завещания Петра Великого» была разоблачена на страницах газеты «The New York Daily Tribune».
- ⁴¹ АВПР, ф. Канцелярии, 1856, д. 241, л. 218.
- ⁴² АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 199.
- ⁴³ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 6.
- ⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярии, 1856, д. 241, л. 18. Из депеши Э. Стекля министру иностранных дел России К. В. Нессельроде от 9(21) февраля 1856 г.
- ⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 18.
- ⁴⁶ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 18.
- ⁴⁷ АВПР, ф. Канцелярии, 1855, д. 227, л. 279. Из депеши Э. Стекля К. В. Нессельроде от 13(25) апреля 1856 г.
- ⁴⁸ Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны, с. 251.
- ⁴⁹ Жомини А. Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны с. 246, 247.

«УТЕЧКА УМОВ» В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ — НОВАЯ ФОРМА ТРУДОВЫХ МИГРАЦИЙ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Марксистско-ленинская наука об обществе исходит из того, что не существует абстрактных законов народонаселения, неизменно действующих во всех общественно-экономических формациях. «Всякому исторически особенному способу производства, — отмечал К. Маркс, — в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения»⁴.

Современная научно-техническая революция вносит много нового в социальные условия развития общества, в том числе и в миграционные процессы. Она обуславливает появление новой формы международных трудовых миграций — перемещение высококвалифицированных специалистов (ученых, инженеров, преподавателей, врачей). Эта форма миграций, получившая образное название «утечка умов» (brain drain), является, с одной стороны, частью общего миграционного процесса и в силу этого подчиняется основным закономерностям, которые присущи международным трудовым миграциям населения. С другой стороны, этому процессу свойственна своя собственная специфика, качественно отличающая его от миграционных потоков других категорий рабочей силы.

Представляется целесообразным выделить некоторые сходные признаки рассматриваемого вида миграций с другими формами международных миграций. Во-первых, мобильность высококвалифицированных специалистов, подобно мобильности других категорий рабочей силы, коренится в основе капиталистических производственных отношений — в отрыве рабочей силы от средств производства; во-вторых, в основе исследуемого процесса лежат также социально-экономические закономерности, которые по преимуществу обуславливают трудовые миграции населения; в-третьих, важной экономической причиной «утечки умов», в частности в США, является более высокий уровень жизни там и разница в зарплате; в-четвертых, тесная зависимость динамики иммиграционного потока от конъюнктуры на рынке высококвалифицированной рабочей силы в стране иммиграции.

Вместе с тем иммиграция высококвалифицированных специалистов в США — значительно более сложный и противоречивый процесс, характеризующийся рядом новых черт. Прежде всего следует указать на то, что нынешняя «утечка умов» в США — явление современного этапа империалистической стадии развития капитализма — этапа научно-технической революции, в наиболее масштабной и рельефной форме используемое американским им-

специализмом для обеспечения военно-политического, экономического и научно-технического превосходства в современном мире.

По сравнению с другими формами трудовых миграций мобильность высококвалифицированных специалистов потенциально повышается вследствие профессиональной гибкости, контактов между специалистами всех стран, их образованности и т. п.

Современный иммиграционный поток в США характеризуется тем, что в общей численности иммигрантов существенно повысилась доля специалистов, в том числе высококвалифицированных. В то же время численность этой категории специалистов сравнительно невелика (13—18 тыс. ежегодно), что обусловливается преобладанием интенсивных, а не экстенсивных факторов современного производства в США. В целом за послевоенный период (1949—1976 гг.) Соединенные Штаты «импортировали» 255 тыс. высококвалифицированных специалистов, из которых 45 тыс. научных работников в области естественных наук, 10 тыс. — в области социальных наук, 123 тыс. инженеров и 77 тыс. врачей². Дело здесь, конечно, не только и не столько в численности миграционного потока, сколько в высокой квалификации иммигрантов, подчас в их уникальных специальностях и выдающихся способностях. В лице иммигрантов-специалистов Соединенные Штаты приобретают, по выражению журнала «Рисерч мэнэджмент», «огромный источник дополнительной интеллектуальной мощи»³.

В составе основных категорий высококвалифицированных специалистов заметно преобладание представителей из тех сфер науки и техники, которые олицетворяют собой научно-технический прогресс. Это инженеры в области электроники, вычислительной техники, механики, химии, научные работники — физики, химики, биологи, экономисты, психологи. В конце 60-х — начале 70-х годов в составе иммиграции высококвалифицированных специалистов значительно возросла доля врачей (в 1974 г. до 44%)⁴. Анализ демографической структуры показывает, что преобладают лица мужского пола, сравнительно молодых возрастов — 30—40 лет⁵, т. е. возрастов, наиболее благоприятных для проявления творческих способностей.

Характерной особенностью национального состава современной иммиграции высококвалифицированных специалистов в США является резкий сдвиг в географической структуре, выразившийся в падении удельного веса иммигрантов из промышленно развитых стран и повышении доли специалистов из развивающихся стран до 86%⁶, т. е. по существу современная «утечка умов» в США — это иммиграционный поток специалистов из развивающихся стран. Наиболее интенсивно этот процесс идет в странах Азии, особенно в странах дальневосточного региона. Правда, значительный поток специалистов направляется в США из сравнительно небольшого числа развивающихся стран: Индии, Филиппин, Пакистана, Южной Кореи, Турции, Ирана, Колумбии, Бразилии, Чили, АРЕ, Нигерии и др.

Резкое увеличение «утечки умов» из развивающихся стран в конце 60-х — начале 70-х годов было обусловлено в основном двумя обстоятельствами. С одной стороны, сильно возросшие темпы подготовки высококвалифицированных специалистов значительно опередили темпы экономического роста развивающихся стран, что привело к серьезным диспропорциям и нарушению баланса между численностью подготовленных кадров и реально существующими экономическими возможностями эффективного использования специалистов.

Другим моментом, повлиявшим на увеличение «утечки умов» из развивающихся стран, явился пересмотр иммиграционного законодательства в США⁷, что выразилось в отказе от национальных квот и в переходе к системе преференций. Согласно новому иммиграционному закону, вступившему в силу 3 октября 1965 г., национальность не рассматривается ныне в качестве основного критерия для решения вопроса о допуске иностранца в США, а действуют такие факторы, как одаренность, профессия, квалификация, а также наличие родственников в США. Важным отличительным признаком современной иммиграции в США высококвалифицированных специалистов является то, что этот процесс поощряется частными и государственными учреждениями, а также более тщательно (по сравнению с прошлыми трудовыми миграциями) регулируется правящими кругами США. В этой связи важное место отводится иммиграционному законодательству.

Одной из особенностей иммиграции рассматриваемой категории работников является принципиально новая совокупность профессиональных причин, что включает в себя различия между США и странами-донорами в оснащенности научным оборудованием, уровне исследований и разработок, в возможностях внедрения результатов научно-исследовательских работ, уровне научного руководства и перспективах профессионального роста научных и инженерных кадров.

Исследуемый процесс обуславливается усилением неравномерности экономического, научно-технического и политического развития промышленно развитых капиталистических и развивающихся стран, что нашло в нынешних условиях выражение в экономическом и технологическом разрыве между США и странами-донорами.

Важно отметить, что «утечка умов» в Соединенные Штаты вызывается не одной какой-либо причиной или их группой, а сложным комплексом различных экономических, социальных, профессиональных, психологических и других причин, для отдельных же стран в определенные периоды и политических причин, хотя последние для рассматриваемой формы иммиграции не являются определяющими.

Важной причиной послевоенной «утечки умов» в Соединенные Штаты является быстрый рост потребностей этой страны в кадрах высококвалифицированных специалистов, что было вызвано

ускоренными темпами развития научно-технической революции в США, развертыванием крупномасштабных научно-исследовательских программ (военных, космических, океанографических и т. п.), а также расширением объемов производства и масштабов научных исследований и разработок в промышленности, университетах и бесприбыльных организациях. Серьезный стимул для иммиграции врачей в США заключается в значительной нехватке медицинских кадров в стране, что является одной из наиболее серьезных проблем в американской медицине.

Отличие современной иммиграции высококвалифицированных специалистов коренится в особенностях содержания их труда. Он носит более творческий характер, чем у основной массы рабочих, включает определенный риск. Этот труд выражается в расходовании главным образом умственной, а не физической энергии. Следовательно, и воспроизводство этой своеобразной рабочей силы включает гораздо более обширный комплекс различных факторов, связанных не только с удовлетворением условий функционирования человеческого организма и некоторых культурных и духовных потребностей, но и с более обширным кругом запросов, необходимых для обеспечения условий творческого труда.

Новая форма иммиграции — «утечка умов» — представляет собой, подобно другим социальным явлениям, сложный диалектический процесс. При его анализе необходимо прежде всего учитывать изменение конкретно-исторических условий. Классовая борьба во всемирном масштабе развивается ныне главным образом в рамках экономического и научно-технического соревнования между социализмом и капитализмом. Вследствие этого одностороннее увеличение интеллектуального потенциала Соединенных Штатов за счет других стран нельзя расценивать иначе, как отрицательное явление современности.

Соединенным Штатам «утечка умов» приносит большие экономические, социальные и отчасти политические выгоды. Во-первых, они экономят большие средства на подготовке нужных им специалистов. По нашим подсчетам, за послевоенный период (1949—1976 гг.) Соединенные Штаты сэкономили свыше 12,9 млрд. долл.⁸ на подготовке высококвалифицированных научно-технических и медицинских кадров. Но особенно велики выгоды от реализации потенциальной ценности специалистов в течение их трудовой деятельности. На основе оценок, полученных экспертами ЮНКТАД, нами была рассчитана общая сумма, которую могут получить Соединенные Штаты от использования специалистов, иммигрировавших в эту страну в послевоенный период (1949—1976 гг.). Она оказалась равной примерно 98,2 млрд. долл.⁹ Однако эти выгоды намного превосходят чисто экономический эффект, они имеют большое социальное и политическое значение, ибо означают вклад в науку и технику, который оказывает влияние на развитие не только экономики, но и военной и политической мощи США. Вклад иностранных медицин-

ских кадров имеет большое социальное значение, особенно ввиду острого дефицита врачей и среднего и младшего медицинского персонала в США.

Благодаря «утечке умов» Соединенные Штаты получают возможность знакомиться с опытом, секретами других стран, устанавливать контакты с научной общественностью стран-доноров, широко использовать идеи, родившиеся в других странах, извлекать большие преимущества из так называемого международного смешивания.

Кроме того, одностороннее приращение интеллектуального потенциала в Соединенные Штаты происходит за счет «обескровливания» ценных человеческих ресурсов в странах-донорах. Эмиграция высококвалифицированных специалистов затрагивает самым непосредственным образом такую важнейшую проблему, как социально-экономическое развитие развивающихся стран. Качественное изменение характера изучаемой формы миграции обусловлено, в частности, новой ролью образования и подготовки кадров в социально-экономическом развитии. В свете этого становится ясно, что массовая эмиграция высококвалифицированных специалистов наносит странам-донорам большой экономический ущерб, который выражается не только в потере средств на подготовку кадров, но и в утрате возможности использовать потенциальную ценность специалистов в течение их трудовой деятельности. Следует при этом иметь в виду, что экономические потери, какими бы большими они ни были, следует все же рассматривать как наименее важный вид потерь. Существенное значение имеет социальный ущерб, который выражается во многих формах. Однако именно это не поддается количественной оценке.

Иммиграция в США ученых, инженеров, врачей и других категорий высококвалифицированных специалистов ухудшает и без того низкую обеспеченность производства, науки, медицины кадрами, сужает возможности стран «третьего мира» решать свои актуальные проблемы: развивать научные исследования, создавать необходимые отрасли промышленности, преобразовывать и модернизировать сельское хозяйство и др. Эмиграция медицинского персонала серьезно влияет на качество медицинского обслуживания в развивающихся странах. «Утечка умов» в США — один из стратегических маневров неоколониализма.

Изучаемый процесс, как уже отмечалось, непосредственно связан со стремлением США максимально эффективно использовать «мозговую потенциал стран-доноров» для обеспечения своего превосходства в научно-технической, военно-политической, а также экономической сферах. Стремление американского империализма удержать свои позиции вызвано укреплением социалистической системы, обострением межимпериалистических противоречий, усилением конкуренции со стороны западноевропейских стран и Японии, а также серьезными экономическими трудностями внутри страны.

Эмиграция высококвалифицированных специалистов из развивающихся стран свидетельствует об уродливых проявлениях международных экономических отношений в мире капитала, о стремлении некоторых промышленно развитых стран, в том числе Соединенных Штатов, паразитировать за счет чужих ресурсов, используя преимущества своих экономических и научно-технических позиций.

«Утечка умов» в США принципиально отличается от другого современного миграционного процесса работников умственного труда — международного обмена учеными и инженерами, осуществляемого на основе двусторонних и многосторонних соглашений между государствами, в том числе с различным социально-экономическим строем, а также в рамках международных научных программ. Такое научно-техническое сотрудничество базируется на взаимовыгодной основе и служит целям укрепления принципа мирного сосуществования.

Прогнозирование динамики исследуемого процесса зависит от переплетения большого числа различных, зачастую противоречивых факторов, связанных с условиями как в самих Соединенных Штатах, так и в странах-донорах. Нивелировка уровней экономического развития между США и странами Западной Европы, а также более быстрые темпы научно-технического прогресса в этих странах будут ослаблять тенденцию к эмиграции специалистов из них. Что же касается большинства развивающихся стран, то несравненно более глубокий экономической и технологической разрыв между ними и Соединенными Штатами будет способствовать сохранению тенденции к иммиграции кадров в США. Многие, разумеется, будут зависеть от соотношения спроса-предложения на рынке труда высококвалифицированных специалистов в самих США. По некоторым данным, в 70-е годы и вплоть до середины 80-х годов Соединенные Штаты столкнутся с проблемой серьезного структурного несоответствия между количеством выпускников вузов и потребностями американской экономики в высококвалифицированных специалистах, предложение которых будет резко превышать спрос на них. Это обстоятельство по-видимому, может уменьшить заинтересованность США в импорте иностранных специалистов, хотя в отдельные периоды и на отдельных участках будет наблюдаться нехватка кадров.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23, с. 646.

² Подсчитано по: Scientists, Engineers, and Physicians from Abroad. Trends Through Fiscal Year 1970.— NSF, 1972, p. 1; Immigrant Scientists and Engineers Decline in FY 1972, Physicians Increase Sharply.— NSF, 1973, 20.VIII, p. 2; Immigration of Scientists and Engineers Drops Sharply in FY 1973, Physician Inflow Still Near FY 1972 Peak.— NSF, 1974, 29.III, p. 2; Statistical Abstract of the United States. Department of Commerce, 1975, p. 554.

³ Research Management, 1967, March, p. 199.

⁴ Подсчитано по: Statistical Abstract of the United States, p. 554.

- ⁵ Scientists, Engineers, and Physicians from Abroad. Trends Through Fiscal Year 1970.—NSF, 1973, July, p. 9.
- ⁶ Подсчитано по: Immigration of Scientists and Engineers Drops Sharply in FY 1973, Physician Inflow Still Near FY 1972 Peak.—NSF, 1974, 29.III, p. 2.
- ⁷ См. более подробно: *Шлепаков А. Н.* Расово-национальные основы иммиграционной политики США в 20—60-х годах XX в.— В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973; *Филиппов С. В.* США. Иммиграция и гражданство. М.: Наука, 1973.
- ⁸ Подсчитано, исходя из стоимости подготовки высококвалифицированного научного работника или инженера в условиях США в размере 36 тыс. долл., а врача — 83 тыс. долл.
- ⁹ Подсчитано, исходя из потенциальной стоимости научного работника в размере 337 тыс. долл., инженера — 272 тыс. долл., а врача — 672 тыс. долл. согласно оценкам экспертов ЮНКТАД.

А. А. Фурсенко

ФРАНЦИЯ И АМЕРИКАНСКАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

(из предыстории франко-американского договора 1778 г.)

В начале февраля 1778 г. Франция и США заключили первый в истории взаимоотношений между этими странами договор¹. Для каждой из сторон он был важен по-своему. Прошло всего полтора года со времени провозглашения независимости США, которым приходилось отстаивать ее в тяжелой кровопролитной борьбе с Англией. Эта борьба требовала средств и огромного напряжения сил. Молодая американская республика остро нуждалась в помощи и обратилась за поддержкой к Франции.

Для Франции договор с Соединенными Штатами имел иное значение. Восстание американских колоний отнюдь не вызывало симпатий французского двора. Но, вступив с ними в союз, Франция рассчитывала нанести удар своей сопернице Англии. Поражение в Семилетней войне 1756—1763 гг. лишило французов их владений в Америке. Подписав униженный договор с Англией, Франция надеялась впоследствии взять реванш и начала подготовку к новой войне. События в Америке давали удобный повод выступить. Английские силы были разбросаны и ослаблены напряженной борьбой за океаном. В Париже внимательно следили за ходом этой борьбы, выжидая подходящего момента.

С началом вооруженного восстания колоний в 1775 г. интерес Франции к американским делам резко возрос. В записке по этому поводу отмечалось, что значение событий в Америке настолько велико, что они способны «изменить характер мировой торговли и повлиять на политику ведущих стран». «В особенности это касается Франции и Испании»; которые, по мнению автора записки,

должны были принять незамедлительные меры, дабы обеспечить свои интересы². Эти соображения находили живой отклик во французских правящих верхах. Партия реванша с нетерпением ожидала подходящего момента для выступления.

Составитель современной антологии, посвященной истории внешней политики США, А. Раппопорт, касаясь франко-американских отношений того периода, ставит вопрос, как оценивать политику Франции в отношении американских повстанцев. «Почему, — спрашивает он, — французское правительство сначала тайно, а потом открыто стало помогать Америке?» Диктовалась ли французская политика соображениями «обороны» или «агрессии»? Раппопорт публикует статьи и выдержки из книг историков, представляющих разные точки зрения. Сам он склоняется к тому, что французская политика носила агрессивный характер³. К этому выводу можно присоединиться, но необходимо подчеркнуть, что агрессивная политика Франции была политикой реванша. Она развивалась в рамках международного колониального соперничества и, как уже отмечалось, являлась ответом на захват Англией французских владений в результате Семилетней войны.

Чтобы получить поддержку короля, министр иностранных дел граф Вержени пытался убедить его в необходимости военных приготовлений в целях обороны на случай войны с Англией. Подобного рода аргументация традиционно использовалась для оправдания политики захватов. В августе 1775 г. было принято важное решение о посылке в Филадельфию неофициального французского представителя А. Бонвуалюра. По прибытии на место он сразу вступил в контакт с Комитетом секретной корреспонденции, которому Континентальный конгресс поручил вести сношения с иностранными государствами. Члены комитета поставили перед Бонвуалюром несколько вопросов: 1) Можно ли рассчитывать на благожелательное отношение Франции? 2) Согласна ли Франция поставлять Америке оружие и военное снаряжение? 3) Готова ли она открыть для американских судов свои порты? Французский представитель ответил, что уверен в добром отношении своего правительства к американцам, но посоветовал обратиться по этому поводу официально. Покупка оружия — вопрос чисто коммерческий. А допуск американских судов во французские порты официально будет затруднен, так как вызовет взрыв враждебности со стороны Англии. Однако выход имеется и здесь — Франция может просто закрыть глаза на то, что американские суда будут посещать ее порты⁴. Отчасти этот ответ был удовлетворительным. Ясным было одно — необходимы дипломатические переговоры, чтобы склонить Францию занять нужную для США позицию.

Задача эта не являлась чрезмерно трудной, но и не была простой. В правящих кругах Франции понимали выгоды создавшегося положения, но проявляли колебания. 12 марта 1776 г. ми-

нистр иностранных дел Франции Верженн впервые в пространной записке королю изложил свои соображения по поводу американских сил. Он заявлял, что Франции ни на минуту не следует забывать о возможности войны с Англией. С этой целью он предлагал всемерно содействовать углублению англо-американского конфликта, дабы затянуть его по крайней мере на год. Это обескровит Англию и даст французам время для дальнейших военных приготовлений. Каким путем министр иностранных дел хотел добиваться этой цели? С одной стороны, он считал необходимым оказывать тайную помощь деньгами и оружием американским повстанцам, подталкивая Америку к более решительным действиям и обещая заключить формальный союз в случае провозглашения независимости и создания самостоятельного американского правительства. С другой стороны, чтобы сбить с толку Англию, Верженн предложил делать все возможное, чтобы рассеять подозрения англичан в подлинных намерениях Франции и убедить их в ее дружеских чувствах. Главный вывод записки Верженна заключался в том, что Франции необходимо вести форсированные приготовления к войне⁵. Этот документ был передан Людовиком XVI на заключение четырем членам королевского совета: премьер-министру графу де Морепа, министру финансов Тюрго, морскому министру де Сартин и военному министру графу Сен-Жермену. За исключением Тюрго, все члены совета поддержали предложения Верженна. Министр финансов отверг их, посчитав неосуществимыми из-за бедственного состояния государственного казначейства. Он считал, что войны необходимо избежать во что бы то ни стало, ссылаясь на дефицит в 20 млн. ливров. «Армия и флот были,— по его словам,— настолько слабы, что даже трудно себе представить»⁶.

Отсутствие согласия министра финансов затрудняло дело. Была и другая трудность — Людовику XVI нужна была поддержка его союзника — испанского монарха. Обе ветви Бурбонов, французская и испанская, были единодушны в стремлении нанести удар своему сопернику — английскому королю. Но испанский монарх по-прежнему проявлял большую осторожность. Поэтому Верженн решил подойти с другой стороны так, чтобы это не было сопряжено непосредственно с политическим риском. Он предложил испанскому правительству выделить деньги на оказание помощи американцам. И этот вариант не был принят сразу, только три месяца спустя испанское правительство тайно передало Франции один миллион ливров⁷. Двумя месяцами раньше такая же сумма была выделена французским правительством⁸. Эти деньги поступили тоже тайно. Их получила подставная фирма «Родериг Горталез э К^о», специально организованная для оказания помощи американским повстанцам⁹.

Расположенная в самом центре Парижа, она стала неофициальным посредником французского правительства, важным источником снабжения американской армии вооружением и припаса-

ми. Своим возникновением и успехами эта фирма, как и в целом организация помощи американцам, была обязана инициативе и напористости Карона Бомарше, соединившего в себе талант драматурга (автора «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро»), искусного мастера-часовщика, виртуозного музыканта и увлекающегося коммерсанта. Участие Бомарше в кампании по оказанию помощи американским повстанцам, однако, отнюдь не было простым увлечением. Его выступление в поддержку американцев в меморандумах Верженну и обращениях к королю, участие в переговорах с американским представителем в Лондоне, куда Бомарше совершал тайные поездки, решающая роль в создании и деятельности «Родериг Горталез э К°» — все это не было только личной инициативой, а отражало настроение определенных кругов французского общества.

Если в правящих кругах руководствовались интересами колониальной политики и реванша, то третье сословие, выходящее из которого был Бомарше, смотрело на вещи иначе. Сторонник республиканских взглядов, последователь французских просветителей Дидро и Вольтера, Бомарше представлял буржуазные демократические круги. Хотя французская буржуазия сама поддерживала колониальную экспансию и в этом смысле ее интересы совпадали с интересами придворных кругов, в положении буржуазии была и существенная разница — она глубоко симпатизировала американским повстанцам. Это была иная политическая позиция. В период, когда во Франции росло демократическое движение и назревала буржуазная революция, американская война за независимость была в глазах третьего сословия прежде всего вызовом тирании и примером, достойным подражания. Именно такой она и была в глазах Бомарше, а также его единомышленников, что, впрочем, не мешало организаторам «Родериг Горталез» использовать это предприятие для различных спекулянтских махинаций.

Многогранные способности Бомарше и литературная слава открыли ему доступ ко двору, позволили использовать беседы с королем, чтобы добиться расширения деятельности своего предприятия и склонить французское правительство более активно помогать американцам. Бомарше лично вложил большие деньги в «Родериг Горталез». Со свойственным ему энтузиазмом и изобретательностью он отдавал свое время, силы и средства, чтобы добиться осуществления поставленной цели. Имя знаменитого французского драматурга по праву вошло в число главных действующих лиц тех исторических событий, которым суждено было соединить союзом Францию и Америку.

Бомарше не был одинок в своих устремлениях. В это самое время двадцатилетний маркиз Лафайет, представитель либерального дворянства, впоследствии участник французской революции (на начальном ее этапе), вопреки запрету короля снарядил на свои деньги корабль, символически названный им «Победой»,

и во главе отряда французских добровольцев отплыл в Америку. Он сражался в войсках Вашингтона, оставив, как любят отмечать французы, молодую жену, друзей и возможность блестящей карьеры у себя дома¹⁰. За дело американской независимости воевал и молодой Сен-Симон, впоследствии один из основоположников утопического социализма, а также многие другие.

В отношении французского общества к американским повстанцам парадоксально соединились два противоположных по существу направления. С одной стороны, интересы придворных кругов, с другой — солидарность третьего сословия, демократических и либеральных слоев с освободительной борьбой американцев. Разница в настроениях этих общественных группировок определяла и различие в их позиции по вопросу о помощи Америке. Если Бомарше и его единомышленники выступали за смелые, решительные действия, то придворная верхушка действовала предельно осторожно.

Придавая большое значение развитию отношений с Францией и прежде всего получению от нее военной помощи, Комитет секретной корреспонденции решил направить в Париж своего эмиссара Сайласа Дина¹¹. Прибыв на корабле в Бордо и встретившись с тамошними торговыми представителями, ведавшими отправкой грузов в Америку, Дин проследовал в столицу, где вскоре имел негласное свидание с Верженном. В общих словах его заверили, что поставки оружия будут продолжены. Практические переговоры по этому поводу рекомендовали вести с частной фирмой «Родериг Горталез». Дин был озадачен таким ответом и повсёдал об этом ученому Б. Дюбуру, к которому в случае надобности ему рекомендовал обратиться Б. Франклин, поддерживавший с парижанином дружеские отношения. Узнав, что компанию возглавляет Бомарше, Дюбур выразил сомнение в коммерческих способностях драматурга. Американский эмиссар был совершенно обескуражен и поспешил за разъяснением к министру иностранных дел. Разыскав К. А. Жерара, который служил переводчиком во время его первой беседы с Верженном и через которого французский министр велел американцу поддерживать связь, Дин попросил новой аудиенции. Он изложил Верженну свои опасения, но в ответ услышал, что может «положиться» на «Родериг Горталез», «каковы бы ни были коммерческие методы г-на Бомарше». После этого американский представитель решил сам познакомиться с Бомарше, и встреча с ним рассеяла всякие сомнения. Вслед за тем Дин сообщил Жерару, что предпочитает иметь дело только с Бомарше и «ни с кем иным больше»¹².

Во время первой аудиенции с Верженном Дин задал ему вопрос, как отнесется Франция к провозглашению независимости американских колоний и примет ли она в Париже их посла¹³. Этот разговор состоялся 10 июля 1776 г. А 4 июля, за шесть дней до этого, конгресс уже принял Декларацию независимости, провозгласив создание нового государства — Соединенных Шта-

тов Америки. Но известие об этом пришло в Европу лишь к середине августа. По тем временам самая быстрая почта из-за океана поступала лишь через полтора-два месяца. Провозглашение независимости американских колоний было как раз той целью, которой желало французское правительство. Однако Вержени воздержался от каких-либо официальных обещаний, заявив лишь, что, по «его личному мнению», Франция не позволит силой лишить американцев независимости, если они отделятся от Британской империи, что им будет оказана помощь: они могут быть уверены в «единодушной поддержке правительства и народа Франции»¹⁴.

13 августа французский поверенный в делах в Лондоне сообщил в Париж, что из-за океана пришло известие о провозглашении независимости. Официальное заявление Сайласа Дина по этому поводу было сделано французскому правительству лишь в ноябре. Отправленное Дину ранее сообщение не дошло. Зато теперь американский эмиссар смог сообщить Верженну, что конгресс США назначил специальную дипломатическую миссию во главе с Б. Франклином, в состав которой входили также он и находившийся в Лондоне А. Ли. Цель этой миссии заключалась в подписании с Францией договора о дружбе и торговле¹⁵.

Как только известие о провозглашении независимости достигло Парижа, Вержени обратился к королю с призывом ускорить военные приготовления против Англии. 31 августа он представил королевскому совету записку, в которой предлагал признать США, вступить с ними в союз и затем вместе с Испанией объявить войну Англии. На этот раз совет единогласно одобрил предложение министра иностранных дел. Однако в Мадриде все еще опасались поспешных решений, и только 8 октября оттуда был получен весьма уклончивый ответ. К этому времени стали поступать известия о неудачах американских войск, падении Нью-Йорка и захвате англичанами Лонг-Айленда. Известия эти охладили пыл сторонников войны¹⁶.

Тем не менее переговоры о франко-американском договоре уже начались. Первые предложения по этому поводу были внесены С. Дином на основе им самим разработанных условий. Они были продолжены по прибытии во Францию Б. Франклина. 22 декабря американская дипломатическая миссия в полном составе собралась в Париже, а 28 декабря она была принята министром иностранных дел.

Назначение Франклина руководителем дипломатической миссии США во Францию получило широкий резонанс. Выдающийся американский ученый и общественный деятель, он был известной и популярной личностью. Со дня своего вступления на французский берег Франклин привлек всеобщее внимание. Передовые слои французского общества с восторгом приветствовали прославленного деятеля американской революции. По свидетельству Джона Адамса, посланного в 1777 г. в помощь американ-

ской дипломатической миссии, во Франции «едва ли был такой крестьянин или горожанин, камердинер, кучер или лакей, горничная или судомойка, которые не знали бы о нем и не считали бы его другом человечества»¹⁷.

Франклина с почетом принимали в литературных и философских салонах Парижа. С ним поддерживали знакомство французские просветители и крупнейшие ученые. Его популярность и воздействие на общественное мнение были важным элементом деятельности американской дипломатической миссии. В официальных кругах Франклин встретил более прохладный прием, хотя и там ему не было отказано в гостеприимстве. Министерству иностранных дел пришлось выдержать атаку британского посла лорда Стормонта, внимательно следившего за связями французского правительства с американцами и заявившего резкий протест по поводу разрешения Франклину находиться в Париже¹⁸.

Во время свидания Верженн заверил Франклина, что он и его спутники могут рассчитывать на расположение двора, хотя попытка добиться официальной аудиенции у короля оказалась безуспешной. Верженн заявил, что Франция должна еще выработать общую линию поведения со своей союзницей Испанией, и предложил американцам изложить конкретные пожелания относительно поставок вооружения. Эти предложения были незамедлительно переданы французскому правительству. Они содержали, в частности, просьбу обеспечить конвоирование судов с грузами для США, чтобы предотвратить их возможный захват британским флотом. Верженн отклонил ее, сославшись на то, что это может быть поводом к войне с Англией. Он отметил, что имеется перспектива создания союза Франции и Испании с Соединенными Штатами, но до поры до времени открытая связь Франции с американцами была бы, по его словам, нежелательна. Вместе с тем министр иностранных дел сообщил американским представителям, что французское казначейство выделит дополнительно два миллиона ливров на приобретение необходимых для США припасов и вооружения¹⁹.

С прибытием Франклина деятельность американской дипломатии резко активизировалась. Однако сношения с французским правительством были серьезно осложнены английским шпионажем. Британские шпионы буквально наводнили Париж, отслеживая каждый шаг американских представителей²⁰. Даже среди ближайшего окружения Франклина находился британский агент. Еще когда Сайлас Дин отправлялся в Париж, Франклин посоветовал ему привлечь в качестве помощника себе англичанина Банкрофта, которого он знал по пребыванию в Англии, представляя американские колонии при королевском дворе. Дин написал Банкрофту и пригласил его приехать, но уже через месяц его завербовала британская разведка. Через Банкрофта британское правительство получало самую точную информацию о действиях американских представителей в Париже и их переговорах с

французским правительством²¹. Франклин ни в чем не подозревал Банкрофта, но, оценивая сложность обстановки, держал в секрете от всех, кроме Сайласа Дина, свои переговоры с Верженном. В интересах конспирации аудиенции Франклина с министром иностранных дел, а также с Жераром устраивались ночью. Это послужило даже поводом для сплетен о том, что Франклин занимается по ночам не подходящими для его лет развлечениями²².

Несмотря на меры предосторожности, британское правительство было хорошо осведомлено о франко-американских связях. В 1776—1777 гг. Соединенные Штаты получили из Франции крупные партии военного снаряжения, что имело, по признанию американского историка У. Стинчкомба, «решающее значение для продолжения военных действий»²³. Английский посол Стормонт заявлял Верженну протесты, обвиняя Францию в нарушении нейтралитета. Однажды посол потребовал конфискации груза американских кораблей, находившихся во французских портах, ссылаясь на то, что груз этот был захвачен американцами в результате нападения в открытом море на английские суда. «Не рассчитывайте,— ответил ему Верженн,— что вам удастся переложить бремя войны, которую ведете вы, на наши плечи. Всякое разумное государство гарантирует свои интересы мерами собственной безопасности». Стормонт парировал: «Даже если бы мы обладали зрением (многоглазого великана) Аргуса, мы были бы не в силах уследить за тем, что происходит». Верженн ответил, что если бы у англичан были глаза Аргуса, они могли бы убедиться только в одном — в «нашем искреннем желании мира». Посол настаивал, что ему известно об отъезде французских офицеров в Америку. «Да,— согласился Верженн,— французы любят приключения»²⁴.

«Родериг Горталез» снаряжала корабли и организовывала массовую отpravку в США пороха, ружей, амуниции, медикаментов и даже пушек, на которых значилась монограмма Людовика XVI²⁵. Располагая достоверной информацией, британский посол заявлял протесты Верженну. Ему неизменно отвечали, что Франция продолжает придерживаться нейтралитета. Чтобы не раздувать конфликта, министр иностранных дел иногда давал распоряжения соответствующим службам задержать отpravку судов. Не зная подоплеки этих распоряжений и не понимая, что происходит, Бомарше обращался к Верженну с отчаянными призывами о помощи в осуществлении им же санкционированных мер²⁶. В конечном итоге запреты снимались и суда следовали намеченным курсом. Британские представители были осведомлены и об этом. Но ни французская, ни британская сторона не желали войны. Поэтому конфликт ограничивался дипломатической сферой.

В переговорах с французским правительством Франклин настаивал на официальном признании США и на том, чтобы Фран-

ция оказывала им более активную помощь. Однако в Париже предпочитали выжидать. В правительстве преобладала умеренная партия. Ее сторонники далеко не во всем соглашались с Верженным, считая необходимым избежать войны с Англией. В связи с прибытием Франклина в Париж один из представителей этой партии в записке на имя короля заявлял, что Соединенные Штаты, видимо, хотят «прямого участия» Франции в войне, но, «с точки зрения наших финансов», это — «совсем не желательное». Он соглашался с тем, что необходимо объединить интересы Америки и Франции, используя создавшееся положение, чтобы заставить Англию пересмотреть условия подписанного в результате Семилетней войны договора. Однако автор записки полагал, что Франции следует соблюдать нейтралитет, добываясь лишь, чтобы Англия за это хорошо заплатила. «Каково бы ни было наше желание видеть Англию разбитой, — настаивал он, — мы не должны принимать участия в войне непосредственно»²⁷. Эти настроения особенно усилились вследствие неудач американской армии. По мере того как поступали известия о новых поражениях армии Вашингтона, идея открытой поддержки американских повстанцев стала остывать. После падения столицы США Филадельфии, которое под влиянием пропагандистских усилий лорда Стормонта многие рассматривали чуть ли не как конец американской независимости, умеренные настроения во французских правящих кругах еще более укрепились²⁸.

Кроме того, французское правительство опасалось, что сама Англия может пойти на примирение с американцами, признает независимость США и объединится вместе с ними против Франции. Это опасение постоянно преследовало Верженна, и к тому имелись веские основания. Еще в ноябре 1776 г. французский посол в Лондоне Ноай сообщил, что лорд Рокингем обратился к парламенту с призывом любой ценой добиться примирения с Америкой, признав независимость США, чтобы затем вступить с ними в союз и совместными усилиями ответить на военные приготовления Франции и Испании.

В мае 1777 г. французская секретная служба выяснила, что в Лондоне хорошо знают о характере и размерах французской помощи США и о том, что Франция готовится к войне с Англией. «Пусть нам придется воевать со всеми, — заявил лорд Кэмден, — но мы должны заключить мир с Америкой». Подобные заявления, конечно, вызывали беспокойство французского правительства. Это беспокойство переросло в настоящую тревогу, когда вслед за известием о победе американских войск в сражении у Саратоги в октябре 1777 г. представители различных политических группировок в Англии решительно поддержали идею признания США и англо-американского союза против Франции²⁹.

Исход сражения при Саратоге имел исключительно важное значение. Англичане были настолько уверены в успехе, что Стормонт заранее нанес визит во французское министерство иност-

ранных дел и посетил представителей дипломатического корпуса, уведомив их о полной победе английских войск. Тем ошеломительнее было известие о поражении англичан. 4 декабря Франклин сообщил об этом Верженну и опроверг версию Стормонта перед дипломатическим корпусом.

Победа американцев при Саратогe вызвала во Франции бурный восторг. Передовые слои французского общества с огромным воодушевлением приветствовали успехи революционных войск. В отчете конгрессу американские представители в Париже сообщали, что известие это «вызвало такую всеобщую радость во Франции, как если бы это была победа ее собственных войск над ее собственными врагами». Победа при Саратогe произвела нужное впечатление и на французский двор. Подвергнув анализу создавшееся после Саратогe положение, военные эксперты пришли к выводу, что Франции необходимо вступить в союз с Америкой³⁰.

Уже через два дня после известия о победе при Саратогe Верженн с санкции Людовика XVI заявил Франклину, что Франция готова признать независимость США и подписать с ними союзный договор³¹. Были начаты переговоры. Правда, и теперь продолжались проволочки. Между тем английские представители перешли от слов к делу. Агенты британского правительства установили контакты с американской дипломатической миссией и попытались нащупать пути к соглашению. Французская секретная служба следила за каждым шагом британских представителей. Впрочем, Франклин не делал секрета из своих переговоров с англичанами, сознательно подогревая французов и подталкивая их к скорейшему подписанию договора. Эта тактика полностью себя оправдала, и 6 февраля 1778 г. франко-американский договор был заключен. Франция признавала американскую независимость, обязалась поддержать США в их претензиях на континентальные владения Англии и Бермудские острова, а Соединенные Штаты — претензии Франции на английские колонии в Вест-Индии. Был подписан и торговый договор.

Подписание франко-американских договоров было крупным успехом молодой американской дипломатии и лично Б. Франклина. В ходе длительных и сложных переговоров он добился международного признания США и во многом способствовал изоляции Англии. Франклин сумел установить хорошие отношения с послами ряда иностранных держав, аккредитованными при французском дворе, и помог привлечь на сторону США общественное мнение Европы. Договор 1778 г. явился как бы заключительным аккордом его сложной и ответственной миссии.

Выдающийся ученый, просветитель и политический деятель, представитель демократического крыла американской революции, Б. Франклин показал себя как блестящий дипломат. В течение нескольких лет он являлся представителем колоний в Англии, где не раз в сложных условиях добивался успеха. Назначенный

послом США во Францию, он сумел и здесь оказать большие услуги своей стране. В результате переговоров Б. Франклина с французским правительством и постоянного контакта с Бомарше поставки американской армии стали регулярными и достигли внушительных размеров. Разные существуют точки зрения по этому поводу. Одни считают даже, что французские поставки имели решающее значение для победы в войне за независимость, что «без Франции американцы были бы совершенно беспомощны»³², что 90% оружия и боеприпасов американских войск, разбивших англичан у Саратоги, были французского происхождения³³. Другие не согласны с этой точкой зрения. Признавая, что французская помощь была «существенной», они отрицают, что она имела решающее значение³⁴.

Переоценка роли Франции в войне за независимость США стала особенно заметной в последние годы, что, по-видимому, связано с охлаждением франко-американских отношений. Эта переоценка распространяется на договор 1778 г., на переговоры о его подписании и на роль участников этих переговоров, включая Б. Франклина. Автор нескольких работ, посвященных дипломатической деятельности Франклина, американский профессор С. Каррей дошел до того, что поставил под сомнение репутацию Франклина как патриота, обвинив его в связях с британской разведкой³⁵. Каррей заявляет, что, находясь в Париже, Франклин поддерживал контакты с британскими агентами, а назначениями во Францию добивался, дабы окупиться в богатую развлечением жизнь французской столицы, и бездумно расходовал государственные средства на эти развлечения³⁶.

Подобные обвинения, однако, выглядят по меньшей мере бездоказательно. Как уже отмечалось, Франклин рекомендовал Банкрофта до того, как последний был завербован британской разведкой. Что же касается собственных связей Франклина и его встреч с английскими представителями во время пребывания в Париже, то они являлись составной частью дипломатических переговоров и были успешно использованы им в интересах США. Когда Франклин был назначен послом в Париж, ему исполнилось 70 лет. Жалуясь на здоровье и усталость, он вскоре после подписания договора 1778 г. подал прошение об отставке, чтобы вернуться на родину. Однако конгресс США отклонил эту просьбу. Обвинение в том, что престарелый американец вел расточительный и распутный образ жизни также носит голословный характер. Все, что нам известно, свидетельствует как раз об обратном. Франклин покорила французское общество своей подчеркнутой скромностью.

Каррей упрекает Франклина в том, что его слова расходились с делами³⁷. Он критикует биографов Франклина за слишком доверчивое отношение к его письмам, нотам и заявлениям. Эта критика отчасти обоснована. Однако произвольное обращение с фактами и документами, да и вся концепция Каррея не выдер-

живают критики. Его собственный подход отличается крайней тенденциозностью. Поэтому нет никаких оснований пересматривать оценку дипломатической деятельности Франклина и его роли в заключении франко-американского союза.

Признание Францией независимости США и подписание союзного договора 1778 г. имели важное международное значение. После того как Франция объявила войну Англии, к ней присоединилась Испания, а затем и Голландия. «В своей трудной войне за освобождение, — отмечал В. И. Ленин, — американский народ заключал... «соглашения» с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей... в интересах массы угнетенных»³⁸. Таким образом, в результате международного соперничества держав с Англией в борьбе за раздел колониальных владений на стороне США оказалась целая коалиция держав, оказавшая своими действиями существенную помощь борьбе американцев за независимость.

- ¹ Впервые в советской историографии вопрос о франко-американских отношениях этого периода был освещен А. В. Ефимовым. См.: История дипломатии. М., 1941, т. I, с. 303—309.
- ² Записка Малоне. Январь 1776 г.— Ministère des Affaires Étrangères.— Archives diplomatiques. Paris (далее — Archives); Mémoires et documents. États-Unis, vol. 1, p. 79.
- ³ Rappaport A., ed. Issues in American Diplomacy. London, 1969, vol. 1, p. 53.
- ⁴ Meng J. Historical Introduction.— In: Despatches and Instructions of C. A. Gerard. Baltimore, 1939, p. 45—47.
- ⁵ Doniol H., ed. Histoire de la participation de la France a l'établissement des États-Unis d'Amérique. Paris, 1886, vol. 1, p. 273—278.
- ⁶ Van Tyne C. H. Influences which Determined the French Government to Make the Treaty with America.— American Historical Review, 1915—1916, vol. 21, p. 530.
- ⁷ Doniol H. Histoire de la participation..., vol. 1, p. 485.
- ⁸ Van Tyne C. H. The American Revolution. New York; London, 1905, p. 210.
- ⁹ Van Tyne C. H. The American Revolution, p. 212—213; Corwin E. S., French Policy and the American Alliance of 1778. Hamden, 1962, p. 79; Bemis S. F. The Diplomacy of the American Revolution. London, 1957, p. 36—37.
- ¹⁰ Sagnac Ph. La fin de l'Ancien Régime et la Revolution Américaine (1763—1789). Paris, 1947, p. 333; Bemis S. F. The Diplomacy of the American..., p. 51.
- ¹¹ Bemis S. F. The Diplomacy of the American..., p. 36—37.
- ¹² Meng J. J. Historical Introduction, p. 61—63.
- ¹³ Meng J. J. Historical Introduction, p. 62.
- ¹⁴ Meng J. J. Historical Introduction, p. 63.
- ¹⁵ Bemis S. F. The Diplomacy of the American..., p. 45—49.
- ¹⁶ Stinchcombe W. C. The American Revolution and the French Alliance. New York, 1969, p. 9; Stourzh G. Benjamin Franklin and American Foreign Policy. Chicago, 1954, p. 132—135.
- ¹⁷ Van Tyne C. H. The American Revolution, p. 218—219; История дипломатии, т. I, с. 306.
- ¹⁸ Van Tyne C. H. The American Revolution, p. 218.
- ¹⁹ Meng J. J. Historical Introduction, p. 69—70; Doniol H. Histoire de la participation..., vol. II, p. 120—122.
- ²⁰ Van Doren C. Secret History of the American Revolution. New York, 1968, p. 61; Van Tyne C. H. The American Revolution, p. 213.

- ²¹ Bemis S. F. British Secret Service and the French-American Alliance.— In: American Historical Review, 1923—1924, vol. 29, p. 475—476.
- ²² Augur H. The Secret War of Independence. New York, 1955, p. 250.
- ²³ Stinchcombe W. C. The American Revolution..., p. 9.
- ²⁴ Van Tyne C. H. Influences..., p. 531.
- ²⁵ Van Tyne C. H. Influences..., p. 530—531.
- ²⁶ Meng J. J. Historical Introduction, p. 72.
- ²⁷ Записка «Соображения одного французца о повстанцах Америки». Январь 1777 г.— Archives. Correspondance politique. États-Unis, vol. 1, p. 76—79.
- ²⁸ Ефимов А. В. Очерки истории США. М.: Наука, 1958, с. 125.
- ²⁹ Van Tyne C. H. Influences..., p. 535—539; Clark D. M. British Opinion of Franco-American Relations, 1775—1795.— William and Mary Quarterly, 3d ser., 1974, vol. 4, p. 306—307.
- ³⁰ Записка «Размышления по поводу недавних событий. Военный аспект». 10 января 1778 г.— Archives. Correspondance politique. États-Unis, vol. 3, p. 12—17.
- ³¹ Doniol H. Histoire de la participation..., vol. II, p. 626.
- ³² Van Alstyne R. W. Empire and Independence: The International History of the American Revolution. New York, 1965, p. 153.
- ³³ Van Tyne C. H. French Aid Before the Alliance of 1778.— American Historical Review, 1925, vol. 1, p. 37—40.
- ³⁴ Morris R. B. The American Revolution Reconsidered. New York, 1968, p. 98.
- ³⁵ Currey C. B. Road to Revolution: Benjamin Franklin in England, 1765—1775. New York, 1968; ejusd. Code Number 72: Ben Franklin, Patriot or Spy. Englewood Cliffs; New York, 1972.
- ³⁶ Currey C. B. Ben Franklin in France: A Maker of American Diplomacy.— In: Makers of American Diplomacy / Ed. by F. J. Merli, Th. A. Wilson. New York, 1974, vol. 1, p. 1—23.
- ³⁷ Currey C. B. Ben Franklin in France..., p. 19—20.
- ³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 56.

Ш. А. Богина

ИРЛАНДСКИЕ ИММИГРАНТЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В США

Накануне гражданской войны выходцы из Ирландии (числом в 1,6 млн. человек) составляли крупнейшую группу американских иммигрантов — почти 39% иммигрантского населения США и более 5% всех жителей страны¹. Большинство их бежало из Ирландии от «великого голода», поразившего эту страну в конце 40-х годов XIX в. и приведшего в условиях английского колониального господства к катастрофическим для ее населения последствиям. Обнищавшие арендаторы и батраки, ирландские иммигранты, образовали в США низшие, неимущие слои рабочей силы. На их долю доставалась самая тяжелая и низкооплачиваемая работа. Так создалась своего рода модель, которой на протяжении многих десятилетий следовали иммигранты других национальностей. Соперниками ирландцев на рынке труда зачастую бывали негры.

Влияние католической церкви на ирландских иммигрантов было исключительно велико и усугублялось воспоминаниями об угнетенном положении этой церкви на родине. Национальная дискриминация, которой подвергались ирландцы в США, также усиливала влияние церкви и способствовала сохранению обособленности и сплоченности ирландской группы.

Какую же роль играла ирландская национальная группа в общественной борьбе периода гражданской войны? Сама постановка этого вопроса в известной мере условна, так как ирландское население США было разделено на классы, хотя и в меньшей степени, чем остальные жители страны. Однако влияние буржуазии и духовенства на ирландские трудящиеся массы позволяло им использовать ирландское население в целом в своих видах.

Ирландское население считалось опорой демократической партии. Демократы, название которых в первые десятилетия XIX в. еще понималось в буквальном смысле, слыли друзьями иммигрантов, их поддёрживали и другие иммигрантские национальные группы. Уильям Фостер указывал, что демократическая партия, ведшая свое начало от Джефферсона, на протяжении ряда лет пользовалась поддержкой рабочего класса². Для ирландцев же, которые в большинстве своем принадлежали к рабочему классу, было естественно поддерживать эту партию. Перед каждым выбором борющиеся партии начинали оказывать ирландцам усиленное внимание, причем каждая утверждала, что именно она защищает их интересы, а противница им враждебна. «В Америке же партии кокетничают, чтобы привлечь ирландские голоса,— писал Энгельс,— многое обещают, но ничего не выполняют»³.

Ненависть к Англии, вековой угнетательнице, наследственному врагу, была жива в среде американских ирландцев и преднамеренно культивировалась их националистическими руководителями. Она в немалой мере объединяла ирландских иммигрантов. То обстоятельство, что в Англии были влиятельны противники порабощения негров, служило в ирландской среде доводом против аболиционизма⁴. Видный ирландский деятель, адвокат Брейди, публично клялся в ненависти к Англии и заявлял, что считает это чувство свойственным каждому ирландцу. «Я не был бы самим собой,— восклицал Брейди,— если бы не хотел видеть Англию в развалинах!»⁵ Когда во время набора в армию Севера в 1862 г. некоторые ирландцы обратились в английское консульство в Сент-Луисе за бумагами, освобождающими от военной службы в Америке, это было воспринято как скандальное нарушение ирландской этики. Ирландцы Сент-Луиса устроили собрание протеста, объявили «злоумышленников» неирландцами, пошли к консульству и избили их⁶.

Деятели ирландского национального движения, в том числе и американские, стремились использовать в своих целях каждого действительного или возможного военного противника Англии.

Во время Крымской войны ирландские революционеры в Европе пытались связаться с российскими представителями. Русское посольство в Вашингтоне получило в феврале 1854 г. письмо, автор которого, подписавшийся «Amicus», объявлял себя другом России, предлагал пойти в тайные агенты русского царя и давал России советы, как вести войну. «России,— писал он,— следует пригласить Джона Митчела, ирландского патриота, и дать ему средства поднять революцию в Ирландии и провозгласить в Ирландии республику»⁷. Сам Митчел посетил русского посланника барона Стекля, предложил ему устроить антианглийскую диверсию и просил денег. Стекль уклонился и от того и от другого. В своей газете «Citizen» Митчел, уже публично, советовал ирландцам нанести удар Англии, воспользовавшись Крымской войной. Под диверсией, вероятно, подразумевалось нападение на Канаду силами ирландцев, к которому подстрекал ирландцев известный американский экспансионист Сьюард⁸.

Но самые большие надежды возлагали ирландские деятели на военный конфликт между Соединенными Штатами и Англией. Они культивировали традиции войны за независимость, англо-американской войны 1812—1814 гг. и воспоминания о всех англо-американских конфликтах, которыми изобилует XIX век. Гражданская война оживила и вражду к Англии и надежды на войну с ней Америки. Англия помогала Югу, и угроза вооруженной интервенции с ее стороны все время маячила перед северянами. В какой-то мере этим объясняется активное участие в гражданской войне ирландцев, очень многие из которых отнюдь не были сторонниками правительства Линкольна.

Демократическая партия, которую поддерживали ирландцы, окончательно стала в 50-х годах оплотом рабовладения. В той или иной мере эта политика защищалась и в ирландских политических кругах. Католическая церковь оправдывала рабство⁹, такова же была в основном линия католической прессы. Митчел, в прошлом один из руководителей «Молодой Ирландии», выступил в 1854 г. с совершенно бесстыдной защитой рабства. «Мы отрицаем,— писал он в газете «Citizen»,— что держать рабов или покупать рабов, продавать рабов, заставлять их работать посредством порки или другого необходимого принуждения — это преступление или зло или даже грешок... а что касается участия в этом зле, то мы, со своей стороны, желали бы иметь в Алабаме хорошую плантацию, в достатке снабженную здоровыми неграми»¹⁰. Бывший революционер и сторонник мелкобуржуазного социализма, Митчел пошел и дальше по своему «американскому пути». В годы гражданской войны он был активным сецессионистом, его сыновья сражались в войсках Конфедерации; к концу войны северяне заключили его в крепость, но по ходатайству ирландских организаций выпустили¹¹.

Политическая позиция ирландской верхушки накануне гражданской войны не могла не оказывать влияния на ирландские

массы. Правда, в самом ирландском стане раздавались, хоть изредка, иные голоса. Но тон эти голоса не задавали. Характерен, быть может, хотя и не типичен, пример семьи Теренса Паудерли, впоследствии руководителя «Ордена рыцарей труда». Эта семья ирландских железнодорожников и шахтеров, как рассказывает Паудерли в своих воспоминаниях, жила в горняцком поселке Пенсильвании. Отец Паудерли был демократ, мать — аболиционистка. В доме всегда шли горячие политические споры. Но когда началась гражданская война, старшие братья ушли на фронт, а над домом, с общего согласия, все время развевался национальный флаг США¹².

Идея восстановления государственного единства, нарушенного южанами, была чрезвычайно популярна у ирландского населения США. В гражданской войне сражалось на стороне Севера и, по всеобщему признанию, весьма храбро, очень много ирландцев. При первом же призыве в армию, в апреле 1861 г., в добровольцах-ирландцах недостатка не было. Отчасти это объясняется тем, что экономический спад, сопровождавший канун и начало войны, вызвал массовую безработицу и снижение заработной платы, добровольцам же выдавались пособия, и они зачислялись на государственное довольствие. Эти экономические причины были для неимущей ирландской массы весьма существенны. Идеологические же побуждения заключались, как упомянуто выше, в американском патриотизме, а во многих случаях — в стремлении подготовить военные кадры для вооруженной борьбы против Англии. Ярче всего американский патриотизм ирландцев проявился в первый период гражданской войны.

Когда летом 1862 г. в Нью-Йорк возвращался из плена командир 69-го ирландского полка Коркоран, ему была устроена триумфальная встреча, в которой приняли участие далеко не одни ирландцы. В своих многочисленных речах Коркоран утверждал верность ирландцев американскому государству и призывал их поддерживать его военные усилия. Но тем и ограничивалась его программа, как и программа других «властителей умов» лояльного ирландского населения. В Филадельфии Коркоран заявил: «Я буду сражаться за Американский Союз — ни за что более и ни за что менее»¹³. Это значило, что сражаться за освобождение рабов он не намерен. В Бостоне же Коркоран сказал: «Мы не имеем ничего общего с вопросом о рабстве. Он, разумеется, уладится сам собою по мере нашего продвижения»¹⁴. А между тем в то время освобождение рабов стало уже не только экономической и социальной, но и военной необходимостью.

Прокламация Линкольна об освобождении рабов была встречена ирландской прессой неодобрительно. Против нее высказалась, например, влиятельная бостонская ирландская газета «Pilot», которая писала, что рабство — это естественное состояние негра¹⁵. Не встретила прокламация поддержки и в связанных с демократической партией ирландских политических кругах,

особенно в Нью-Йорке. Отдельные ирландские деятели занимали другую позицию. Настроение же рядовых ирландцев, пожалуй, всего вернее может быть выражено строкой из стихов популярного ирландского политического поэта, примыкавшего к «военным демократам» и писавшего под псевдонимом «Майлс О'Рейли»: «И мы не за «ниггера»¹⁶, но за войну»¹⁷.

По всей вероятности, немалое влияние имели на американских ирландцев прямые пособия Юга. Сразу после окончания войны, например, целый ряд ирландских служанок и офицантов были уволены из нью-йоркских ресторанов и патриотических семейств за одобрение убийства Линкольна¹⁸.

На отношение ирландцев к освобождению негров горько жаловалась «Нью-Йоркская трибуна»: «И... в сущности масса католиков-мирян... в свободных штатах... называет себя демократами и по этому признаку противится, мешает, препятствует всем усилиям, всем чаяниям извратить нашу страну от величайшего преступления и позора девятнадцатого столетия»¹⁹.

Такие настроения коренились в том факте, что между ирландцами и свободными неграми существовала упорно разжигаемая эксплуататорами конкуренция на рынке труда. «Конкуренция,— писал Энгельс, вскрывая суть отношений между английскими и ирландскими рабочими в Англии,— есть наиболее полное выражение господствующей в современном гражданском обществе войны всех против всех... Рабочие конкурируют между собой, и буржуа конкурируют между собой»²⁰.

Ф. Фонер отмечает, что особенно поддавались антинегритянским настроениям ирландско-американские рабочие, которые составляли основную массу неквалифицированных пролетариев и которых легко можно было заменить неграми²¹. В крупных промышленных и торговых центрах, где сосредоточивались ирландские рабочие, всегда была, большая или меньшая, безработица. В большинстве своем ирландцы, как уже указывалось выше, нанимались на ту же черную работу, на которую брали и негров, и часто за меньшую плату. Так обстояло дело, например, в морских и озерных портах, где ирландцы работали грузчиками, а предприниматели применяли классическую для американского капитализма тактику натравливания одной народности на другую, использовали негров, чтобы срывать ирландские стачки. Так, в апреле 1863 г. в нью-йоркском порту забастовали ирландские грузчики. Хозяева наняли негров. Бастующие напали на этих негров, забрасали их кирпичами. Ирландцев было 300, а негров 12 человек. Стали избивать и других негров. Негры сопротивлялись, один из них ранил ирландца из револьвера. Грузчики-ирландцы заявляли, что намерены положить конец найму негров на погрузочные работы²². Картина эта довольно типична.

Ирландско-негритянская рознь использовалась и разжигалась ирландской верхушкой в политических целях демократической партии, т. е. для защиты рабовладения. «Демократы сочувству-

ют нашей собственной белой расе, — писала газета «Daily Globe». — Для ее благосостояния лучше всего, если беглого раба мы пошлем домой, а эмигранта, бежавшего от европейской тирании и угнетения, примем с распростертыми объятиями»²³. В разгар президентской избирательной кампании 1860 г. газета «New York Herald» обратилась к ирландским и немецким рабочим с таким призывом: «Если Линкольн будет избран, вы встретитесь с конкуренцией труда 4 миллионов освобожденных негров»²⁴.

Естественно, что в негритянской среде бытовали такие же предубеждения против ирландцев, как в ирландской среде против негров, и на той же в общем почве. Негры называли ирландцев «белые ниггеры», самое слово «ирландец» считалось среди них бранным, как слово «ниггер» среди белых²⁵.

Ирландско-негритянская рознь отнюдь не была исключительным явлением, хотя в рассматриваемый период она представляла собой наиболее характерное и существенное из явлений этого порядка. Не была она порождена и какими-либо национальными или расовыми особенностями данных народов. Столкновения трудящихся разных народностей характерны для Америки и этого и последующих периодов. В годы гражданской войны частые столкновения ирландцев и негров в ряде случаев поощряли и организовывали приспешники рабовладельцев. Так, в 1862 г. ирландские грузчики Цинциннати выступили против негров, нанятых на разгрузку судна, хотя, по словам корреспондента «Трибуны», работа имелась и для ирландских грузчиков. Негров старались терроризировать, а мэр и полиция сочувствовали насильникам. Корреспондент «Трибуны» объяснял все это агитацией «медянок», «пятой колонны» Юга во главе с Валландигхэмом, которые старались раздуть беспорядки и напугать ими весь Север²⁶.

В Бруклине произошел в августе того, 1862 г., негритянский погром. На двух табачных фабриках работали наряду с белыми негры, в большинстве женщины и дети. В округе жили преимущественно ирландцы. Видимо, местные демократические политики, подстегиваемые близостью выборов, а также реакционные газеты решили устроить антинегритянское выступление в районе, где все прежде было спокойно. Для этого воспользовались днем, когда большинство негров-мужчин уехали на праздник в честь годовщины освобождения рабов в Вест-Индии. Перед табачными фабриками собралась толпа в 2—3 тыс. человек. Раздавались крики: «Прогнать негров!», «Долой негров!» Фабрики попытались поджечь. Находившиеся там рабочие успешно оборонялись. Полиция, в которой также были ирландцы, появилась поздно и занялась в основном избиванием негров, которые попали в число арестованных. Впрочем, в списке задержанных большинство оказались уроженцами Ирландии. Их вожак, кабатчик Патрик Кинэн, заявил на допросе, что негров следует прогнать даже ценой жизни. На следующее утро арестованных ирландцев готовилась за-

щипать группа адвокатов, а негров — только один. В конце концов дело было замято и прекращено²⁷.

«Трибуна» совершенно определенно обвиняла в поощрении налетов на негров Нью-Йорка и его окрестностей «некоторых членов общества Таммани». Эти пособники южан хотели запугать население Севера и не допустить освобождения негров, но была у них и другая цель, о которой писал Грили Линкольну в своем известном открытом письме «Мольба 20 миллионов»: «Мятежники используют повсюду недавние антинегритянские бунты (riots) на Севере... чтобы убедить рабов, что им не на что надеяться в случае успеха Союза»²⁸.

Однако самые крупные антинегритянские выступления произошли уже после выпуска прокламации об освобождении рабов, летом 1863 г., и из них серьезнейшим был нью-йоркский мятеж. Мятеж этот, довольно явно подготовленный и организованный приспешниками рабовладения, северным оплотом которых был Нью-Йорк, начался как движение против принудительного набора в армию. Организаторы мятежа умело использовали недовольство масс, вызванное тяготами войны, а пуще всего тем обстоятельством, что богачи, по условиям набора, имели возможность откупиться от фронтовой службы, заплатив 300 долл. или поставив заместителя. Мятежники, набранные из городских низов, в том числе из уголовных элементов, громили призывные пункты, травили и убивали негров и т. д.

Нью-йоркский мятеж начался 13 июля и продолжался около трех дней. Самое известное свидетельство о нем оставила писательница-аболиционистка и защитница женских прав Анна Дикинсон, которую расистская печать именovala «гниеной в женском платье». «Банды мужчин и мальчишек, состоявшие из железнодорожников, рабочих механических мастерских и огромной толпы... воров... городских подонков, преступников,— пишет Анна Дикинсон,— отправились в центр города, заставляя рабочих попадавших по пути предприятий бросать работу и идти с собой»²⁹. Они нападали на встречных солдат, полицейских и особенно негров, которых травили и убивали. Толпа громила призывные участки, арсенал, здание газеты «Нью-Йоркская трибуна», дом мэра, грабила магазины, подожгла приют для негритянских сирот — вокруг него особенно неистовствовали женщины. Раздавались возгласы в честь Джефферсона Дэвиса, президента южной Конфедерации. Жизнь огромного города была совершенно дезорганизована. Негритянский погром разрастался. Погибло — и со стороны мятежников и со стороны их жертв — много людей, по разным данным — от 100 до 1100 человек. Современный исследователь вопроса Адриан Кук считает самой правдоподобной цифру 200, но он явно склонен преуменьшать число погибших, особенно негров.³⁰

С первого дня мятежа терроризованные нью-йоркские негры сотнями бежали из города, многие искали защиты в полицейских

участках, вест-индские негры — в британском консульстве, а черные моряки с судов Британской Вест-Индии — на стоявшем в гавани французском фрегате³¹. Однако были случаи и самообороны: на одной улице вооруженные негры, распевая псалмы, охраняли свои жилища³². После подавления мятежа пострадавшие негры помощи не получили, если не считать совершенно не достаточной благотворительности. Возместить свои материальные убытки по суду им, в отличие от белых, удавалось редко. В результате событий этого периода негритянское население Нью-Йорка резко снизилось — с 1860 до 1865 г. на 20%³³.

Значительную часть мятежников составляли ирландцы — это общепризнано. Соответствующие данные приводит и Кук³⁴, не склонный придавать этому серьезное значение, хотя многие его материалы свидетельствуют об этом. Полиция, также в значительной степени ирландская, противодействовала мятежу, но современника-республиканца Стронга, например, удивляло ее отсутствие в самых важных местах³⁵. Впрочем, она была бессильна, а войска были выведены из города для отражения набега южан. Видимо, к этому моменту и приурочили беспорядки их истинные организаторы — агенты рабовладельцев.

Окончательно мятеж был подавлен только вызванными из Пенсильвании войсками генерала Мида. Ослаблением армии Мида в результате необходимости подавлять мятежи в Нью-Йорке и в других городах американские историки Морисон и Коммеджер объясняют то обстоятельство, что Мид не мог после Геттисберга преследовать противника и нанести ему сокрушительный удар. На этом основании они приравнивают результаты нью-йоркского мятежа к победе южан³⁶. Такая точка зрения высказывалась современниками событий из лагеря республиканцев. Для Анны Дикинсон нью-йоркское восстание было «не что иное, как попытка со стороны северных мятежников помочь южным в самый критический момент войны, когда ополчение штата и наличные войска находились в соседнем штате...»³⁷ Стронг восклицал в первый же день восстания: «Если слухи верны хоть на одну четверть, то это — организованное восстание в интересах мятежа, и сегодня Нью-Йорком правит Джефферсон Дейвис»³⁸. «Трибуна» во главе с Грили считала нью-йоркское восстание диверсией, приуроченной к вторжению южан в северные штаты, и требовала расследования, но оно было замято правительством³⁹.

Иные стороны мятежа подчеркивали его современники из католического лагеря, а впоследствии — авторы, примыкавшие к этому направлению. Здесь предпочитали писать о социальном возмущении нищих ирландских рабочих. Адриан Кук относит версию о заговоре южан, как и об ирландском характере мятежной толпы, к области мифологии⁴⁰, однако обильный документальный материал его книги свидетельствует против этого взгляда. Впрочем, Кука интересуют аналогии между нью-йоркским мятежом 1863 г. и городскими восстаниями нашего времени.

Можно предположить, что нью-йоркское восстание 1863 г. было действительно организовано северными пособниками рабовладельцев как военная диверсия, но при этом они умело использовали и законное народное недовольство, и предубеждения ирландских низов.

Мятеж 1863 г. вызвал в американском населении рецидив неприязни к ирландцам. Они дорого заплатились за происки «медянок», которые сумели демагогически использовать предубеждения темных ирландских масс и реакционное влияние на них католической церкви. В Нью-Йорке были попытки возродить шовинистическое, антиирландское движение «незнаек»⁴¹, но успеха эти попытки не имели⁴², обстановка гражданской войны не благоприятствовала этому. Быть может, А. Кук прав в том, что появившиеся в это время сомнения в верности ирландских иммигрантов американскому государству заставили их лидеров подчеркивать в дальнейшем свою преданность Соединенным Штатам, что способствовало внедрению в ирландский автостереотип пылкого американского патриотизма⁴³.

* * *

При всей сложности этого процесса гражданская война сближала иммигрантов, в частности ирландцев, с остальным американским населением, способствовала их ассимиляции. Сражаясь за единство американской нации, ирландцы, естественно, в большей мере, чем прежде, чувствовали себя американцами, и это распространялось на их семьи в тылу. Военные подвиги ирландских частей и отдельных бойцов снискали им популярность. Буржуазно-демократическая революция, какой была гражданская война, существенно изменила социально-экономическую жизнь Америки, определила ее путь на десятилетия вперед. Она не могла оставить и не оставила неизменным соотношение национальных групп в стране. Дав мощный толчок развитию американского капитализма, она консолидировала американскую нацию, сплотив все участвовавшие в этой революции национальные группы.

¹ Population of the United States in 1860. Compiled from the Original Returns of the 8th Census. Washington, 1864, p. XXVIII, XXXI.

² *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М.: ИЛ, 1955, с. 364.

³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 35, с. 282.

⁴ *Gibson F.* The Attitudes of the New York Irish Toward State and National Affairs, 1848—1892. New York, 1951.

⁵ New York Daily Tribune, 1852, 23.VII, p. 4—5.

⁶ New York Daily Tribune, 1862, 31.VII, p. 2, с. 1.

⁷ Архив Внешней политики России. Ф. Посольства в Вашингтоне, 1854, оп. 512/3, д. 57, л. 65.

⁸ *Gibson F.* The Attitudes of the New York..., p. 67—68, 118—119; *Athearn R. Thomas Francis Meagher. An Irish Revolutionary in America.* Boulder (Colorado), 1949, p. 46, 89.

- ⁹ *Богина Ш. А.* Иммиграция в США. М.: Наука, 1965, с. 80, 81.
- ¹⁰ *Gibson F.* The Attitudes of the New York Irish..., p. 64.
- ¹¹ *Walsh L. J. John Mitchel.* London — Dublin, 1934, p. 88—89.
- ¹² *Powderly Terence V.* The Path I Trod. New York, 1940, p. 1—26.
- ¹³ New York Daily Tribune, 1862, 22.VIII, p. 8, с. 3—4.
- ¹⁴ New York Daily Tribune, 1862, 30.VIII, p. 8, с. 4.
- ¹⁵ *Roberts E.* Ireland in America. New York, 1931, p. 49—51.
- ¹⁶ Пренебрежительная кличка негров.
- ¹⁷ *Gibson F.* The Attitudes of the New York Irish..., p. 126.
- ¹⁸ The Diary of George Templeton Strong / Ed. by A. Nevins M. H. Thomas. New York, 1952, vol. 3, p. 586.
- ¹⁹ New York Daily Tribune, 1862, 13.V, p. 6, с. 3—4.
- ²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 311.
- ²¹ *Фонер Ф.* История рабочего движения в США. М.: ИЛ, 1949, с. 307.
- ²² *Lee B. L.* Discontent in New York City, 1861—1865. Washington, 1943, p. 141—142.
- ²³ New York Daily Tribune, 1850, 6.XI, p. 5, с. 3.
- ²⁴ *Фонер Ф.* История рабочего движения в США, с. 335.
- ²⁵ *Wittke C.* The Irish in America. Baton Rouge, 1956, p. 125—126.
- ²⁶ New York Daily Tribune, 1862, 1.VIII, p. 5, с. 1.
- ²⁷ New York Daily Tribune, 1862, 5.VIII, p. 4, с. 1, p. 5, с. 4—5; 6.VIII, p. 4, с. 1, 4—5.VIII, p. 8, с. 6; 24.IX, p. 4, с. 1. *Lee, Brother B. L.* Discontent in New York City, 1861—1865. Washington, 1943, p. 139.
- ²⁸ New York Daily Tribune, 1862, 19.VIII, p. 5, с. 4.
- ²⁹ The Blue and the Grey. The Story of the Civil War as Told by Participants Ed. by H. S. Commager. Indianapolis. New York, 1950, p. 714.
- ³⁰ *Cook A.* The Armies of the Streets. New York City Draft Riots of 1863. The University Press of Kentucky, 1974, p. 193, 194, 310.
- ³¹ *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 83, 98.
- ³² *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 113.
- ³³ *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 174, 175.
- ³⁴ *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 196, 311.
- ³⁵ The Diary of George Templeton Strong..., p. 336.
- ³⁶ *Morison S. E. and Commager H. S.* The Growth of the American Republic. Oxford; New York, vol. 1, p. 706.
- ³⁷ The Blue and the Grey..., p. 719.
- ³⁸ The Diary of George Templeton Strong..., p. 336.
- ³⁹ *Gibson F.* The Attitudes of the New York Irish..., p. 157.
- ⁴⁰ *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 189.
- ⁴¹ *Богина Ш. А.* Иммиграция в США.
- ⁴² The Diary of George Templeton Strong..., p. 343.
- ⁴³ *Cook A.* The Armies of the Streets..., p. 189.

*

В. А. Скрозникова

О ПЕНСИЛЬВАНСКИХ НЕМЦАХ В ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ США

Иммиграция немцев из Европы в северо-американские колонии Англии, начавшаяся в XVII в., приняла в первой половине XVIII в. массовый характер. В большинстве своем иммигрантами были жители феодальных государств юго-западной Германии (выходцы с берегов Рейна, из графства Вюртемберг и др.),

а также Швейцарии. Большинство покидало родину вследствие разрухи, нищеты и голода. Многие люди эмигрировали и по политическим и религиозным мотивам (в частности, это были приверженцы различных протестантских сект).

К 1727 г. население немецкого происхождения составляло в Пенсильвании 20, а в 1745 г. — 45 тыс. человек. Перед войной за независимость Франклин считал, что немцы составляли треть населения колонии Пенсильвания (от 110 до 125 тыс. человек) ¹.

Именно от этого населения, поселившегося в Пенсильвании в начале XVIII в., происходят современные пенсильванские немцы, которых иногда называют не Pennsylvania Germans, а Pennsylvania Dutch. В XVII и XVIII вв. в Америке и в Европе жителей Германии называли Dutch. Весьма вероятно, что это — фонетическая редукция слова Deutsch — немецкий ².

Иммигранты-немцы говорили на нескольких немецких диалектах, отчетливо сохранивших местные особенности. Это было следствием раздробленности Германии, в условиях которой процесс образования национального немецкого языка не был еще завершен. В связи с преобладанием в составе указанного иммигрантского потока выходцев из Рейнской области именно их речь стала доминирующей на новом для всех этих людей месте жительства.

Первым препятствием на пути их ассимиляции в американском обществе был языковой барьер. Немцы английского языка не знали и изучали его с большим нежеланием. Занимаясь в то время в основном сельским хозяйством, живя компактно в своих фермерских поселках и упорно стремясь сохранить образ жизни своих отцов, они не проявляли интереса к общественной жизни колонии. Эти люди были типичными представителями культуры и идеологии крестьянина или мелкого бюргера Германии той эпохи. Как представителей этой «чужеродной» культуры, да к тому же еще скептически относящихся к общественным институтам колонии, их нередко обвиняли в «упрямом консерватизме», происходящем якобы от «явного невежества» ³. Подобное отношение чаще всего порождало еще большую замкнутость и отчужденность немецких иммигрантов.

Большинство англоязычных жителей Пенсильвании, не веря в возможность даже частичной ассимиляции немцев, полагали, что последние всегда будут «инородным телом» в американском обществе. Видные общественные деятели Пенсильвании воспринимали компактные и, как их тогда называли, «островные» поселения немцев на территории колонии как «потенциально опасные» ⁴.

Англоязычных колонистов тревожила не только политическая и общественная индифферентность немцев. Они с беспокойством убеждались, что немцы, упорно сопротивляясь внешнему воздействию американского образа жизни на их быт и культуру, отказывались обучать своих детей английскому языку. Выдающийся общественный деятель той эпохи В. Франклин резко критиковал немцев Пенсильвании за то, что они оставались верны своему

языку и своим «не английским» привычкам, которые, как он полагал, в конечном счете смогли бы «прижиться» в Пенсильвании. По его словам, немцы были вполне способны «онемечить» жителей Пенсильвании вместо того, чтобы последние «англизировали» их⁵.

С середины XVIII в. правительство Пенсильвании предприняло ряд мер с тем, чтобы обучать немецких детей в государственных школах. Это должно было способствовать распространению английского языка среди немцев Пенсильвании. В. Франклин, в частности, возлагал большие надежды на английские школы, созданные на территории Пенсильвании, которые, однако, были не только не поддержаны немцами, но подверглись с их стороны активной обструкции и вскоре были закрыты⁶. Тем не менее, в результате соприкосновения с окружающим их англоязычным населением большинство немецких иммигрантов, несмотря на стремление к консервации родного языка, постепенно становилось двуязычным. При этом немецкий язык, точнее, его пфальцский диалект⁷, сохранялся ими для общения между собой.

Многие из приехавших на территорию Пенсильвании немцев и швейцарцев являлись приверженцами таких религиозных сект, как меннонитская церковь или церковь Амиш⁸. Замкнутый и обособленный образ жизни, к которому обязывала сектантов их религия, был не менее серьезным препятствием для ассимиляции пенсильванских немцев, чем языковой барьер.

Часть пенсильванских немцев колониального периода выгодно отличалась от других иммигрантов по уровню образования, полученного ими еще на родине. Этого, однако, никак нельзя сказать о сектантах, как правило, отрицавших светское образование и отказывавшихся посылать своих детей в школы. И хотя церковные школы тоже обучали детей грамоте, именно отношением сектантов, да и многих фермеров-немцев к светской школе и к образованию вообще можно, видимо, объяснить сравнительно большой в XVIII в. процент неграмотных и малограмотных среди пенсильванских немцев. При этом даже до середины XIX в. лица немецкого происхождения весьма неодобрительно относились к государственным школам и упорно настаивали на обучении своих детей в школах с учетом их конфессиональной принадлежности⁹.

В отличие от последующих потоков иммиграции из Германии рассматриваемые нами иммигранты-немцы особой роли в общественной жизни Пенсильвании, сначала колонии, а затем штата, так и не сыграли. Тем не менее нельзя не упомянуть о таком, например, известном деятеле в области книгопечатания, как К. Заур, который в течение многих лет издавал и популяризировал разнообразную литературу на немецком языке в Америке, или об известном педагоге К. Докке, создавшем в результате своей тридцатилетней педагогической деятельности (1714—1744) первую в Америке книгу по теории педагогики («Schul-Ordnung»,

1750). Заметное влияние оказали иммигранты-немцы и на музыкальную жизнь страны, так как Пенсильвания была своеобразным музыкальным центром американских колоний¹⁰.

Основным культурным наследием современных пенсильванских немцев является их диалект (Pennsylvania Dutch), который представляет собой своеобразное смешение ряда немецких диалектов. Основой его, как уже сказано, была речь иммигрантов, ранее проживавших по обоим берегам р. Рейн, подвергнувшаяся влиянию английского языка.

Бюро переписи не дает информации о числе лиц, говорящих на пенсильвано-немецком диалекте, об их расселении, а также о социальной и классовой структуре этой сравнительно немногочисленной в настоящее время части потомков первых немецких колонистов в Пенсильвании. Полагаясь, однако, на данные американских исследователей, можно считать, что, во-первых, во многих местностях графств Беркс, Дофин, Ланкастер, Лебанон, Лихай, а также в районах западнее р. Саскуэханна пенсильвано-немецкий диалект является основным средством общения в быту рассматриваемого нами населения. Во-вторых, в социальном составе этого населения наряду с фермерами имеется сравнительно большое число лиц, занятых в промышленности, в частности в угледобывающей промышленности штата (в качестве шахтеров на шахтах графств Карбон, Льюсерн и др.). Потомки колониальных иммигрантов-немцев проживают и в других графствах штата Пенсильвания (Йорке, Монтгомери, Нортгемптоне, Нортамберленд). Их поселки имеются и в прочих штатах страны, таких, например, как Делавэр, Индиана, Иллинойс, Огайо, Мичиган и др., и даже в некоторых графствах провинции Онтарио в Канаде¹¹.

В среде потомков немцев, приехавших в Пенсильванию в XVIII в., прежние религиозные секты сохранились до настоящего времени. Жители религиозных общин, проживающие и по сей день обособленными колониями в сельских местностях или на отдельных улицах (районах) городов штата Пенсильвания, чаще всего являются носителями пенсильвано-немецкого диалекта. Обучение детей, как и ранее, является одной из важнейших проблем для этого населения. Обитатели религиозных общин нередко организуют свои собственные приходские школы, как бы противостоящие государственным. Так, например, под охраной и наблюдением сектантской церкви в одном только графстве Ланкастер в середине 60-х годов XX в. действовало 44 начальных приходских школы и даже особое высшее учебное заведение — колледж в Элизабеттауне. Невзирая на штрафы и накладываемые на них взыскания, родители из среды изолированно живущих обитателей общин нередко стараются забрать своих 14-летних детей из школ, хотя по закону штата Пенсильвания обучение лиц, не достигших 17 лет, является обязательным. Конфликты местных властей с сектантами проявляются и в том, что последние зачастую не под-

чиняются постановлениям, которые не согласуются с их верой. Так, например, приверженцы церкви Амиш и лица немецкого происхождения из числа некоторых других религиозных сект сопротивляются осуществлению ряда правил общественного порядка (не хотят, например, подчиняться правилам безопасности движения на дорогах, считая, что установление электрических сигналов поворота на транспортных средствах противоречит их вере), противятся системе государственного социального обеспечения, так как, по их представлениям, человеческая жизнь не подлежит заботе государства, отказываются вообще от каких-либо государственных субсидий и т. п.¹²

Пенсильвано-немецкий диалект повлиял в какой-то степени на английский язык в региональном масштабе (что усматривается многими исследователями-лингвистами); оставили свой след немецкие поселенцы в Пенсильвании и в топонимике штата. Географические названия этого происхождения могут быть условно разделены следующим образом: 1) собственно немецкие названия населенных пунктов типа Хамберг (Hamburg), Манхейм (Manheim), Хайдельберг (Heidelberg) и др. Сюда же можно отнести географические названия немецкого происхождения, такие, как Вомельсдорф (Womelsdorf), Хозензак (Hosensack), Эшбах (Eshbach) и др.; 2) географические названия, оформленные с помощью окончания *burg/berg*: Уилкинсберг (Wilkinsburg), Геттисберг (Gettysburg) и др.; 3) названия, созданные соединением немецкого слова с французским словом *ville* (город) или английским *town* (город), т. е. со словами, обладающими в этих случаях (как и немецкое *burg/berg*) словообразовательной функцией: Катзтаун (Kutztown), Хеллертаун (Hellertown), Рейнольдсвилл (Reynoldsville) и др.; 4) прочие географические названия немецкого происхождения, в том числе сочетающие немецкую фамилию с английским именем существительным типа Райнхолдс Стейшн (Reinhold's Station) или Хаммелс Уорф (Hummel's Wharf) и т. п.¹³

Заслуживает внимания и литература на пенсильвано-немецком диалекте. В XVIII в. на нем было написано много поэтических произведений, а в XIX в. — проза, главным образом религиозного содержания. В 30-е же годы нашего века началось своеобразное возрождение этой литературы. Именно тогда опять появилось сравнительно много авторов, пишущих на пенсильвано-немецком диалекте стихи, рассказы и пьесы. Газеты некоторых городов Пенсильвании (такие, как «Аллентаун Морнинг Колл» или «Ланкастер Санди Ньюс») стали публиковать разнообразные материалы (письма, корреспонденции и т. п.) на этом диалекте. Немаловажными в плане пробуждения интереса к пенсильвано-немецкому диалекту были такие события в культурной жизни Пенсильвании, как конференция писателей, пишущих на диалекте (1938 г.), введение спецкурса по его изучению на факультете немецкого языка Пенсильванского университета (1946 г.) или из-

дание учебника грамматики диалекта для высших учебных заведений (1954 г.). С 1949 по 1957 г. издавался даже специальный журнал («The Pennsylvania Dutchman»), целью которого было распространение сведений о пенсильванских немцах среди американской публики¹⁴.

Существует мнение, что в 1950-е годы произошел как бы окончательный отход детей и юношества из среды пенсильванских немцев от своего родного языка. Однако если в конце 40-х годов американские ученые отмечали, что пенсильвано-немецким диалектом предпочитают традиционно пользоваться лишь лица старше 50 лет, то в конце 50-х годов нашего века, как подтверждают данные опросов и анкетирования, проведенные исследователем пенсильванского фольклора Дж. Корзоном, этот диалект являлся почти единственным средством общения в семьях немцев Пенсильвании. Большинство же детей, поступивших в приходских школ графства Ланкастер, по словам очевидца, совершенно не владело английским языком. Эти факты говорят не только о сохранении пенсильвано-немецкого диалекта среди потомков иммигрантов-немцев колониального периода, но и о продолжающемся повышении интереса к нему в их среде¹⁵.

Своеобразие диалекта пенсильванских немцев привлекло к нему внимание многих ученых США. Сначала их исследование носили чисто лингвистический характер (особенности фонологической, морфологической и синтаксической систем; заимствования из английского языка, взаимодействие и взаимовлияние английского языка и пенсильвано-немецкого диалекта на территории сначала колонии, а затем штата Пенсильвания), а позже совершенно естественно возникла проблема изучения причин столь длительного сохранения одного из старейших иммигрантских языков в условиях англоязычного окружения.

Изучение языка пенсильванских немцев не могло в свою очередь не привести к исследованию их фольклора. В 1927 г. в г. Гаррисберге было создано Пенсильванское фольклорное общество, целью которого были поиски, обработка и классификация материалов народного творчества, собираемых им совместно с членами Пенсильванской федерации исторических обществ, а также Общества пенсильванских немцев (существовавшего еще с 1890 г.) и Пенсильвано-немецким фольклорным обществом (организованным в г. Аллентаун в 1935 г.). Фестивали народного творчества немцев Пенсильвании (с 1936 по 1941 г. в г. Аллентауне и с 1950 г. — в Катзтауне) дали в распоряжение историков, этнографов, искусствоведов и лингвистов богатый и разнообразный материал для исследований¹⁶.

Основные фольклорные жанры, бытующие среди немцев Пенсильвании (народные песни, пословицы и поговорки и т. п.), весьма своеобразны и могут быть условно разделены, во-первых, на привезенные иммигрантами-немцами из Германии и немецкой

Швейцарии, во-вторых, на созданные уже на территории Пенсильвании и, наконец, в-третьих, на переведенные на пенсильвано-немецкий диалект английские и американские сюжеты¹⁷.

Особое место в песенном фольклоре немцев Пенсильвании занимают духовные гимны (типа негритянских спиричуэлс), находящиеся как бы на грани фольклорных жанров и религиозных песнопений. Их изредка транслируют по радио, иногда исполняют на фестивалях народных песен, но чаще всего поют на молениях сектантов¹⁸.

Нельзя обойти вниманием и жанр своеобразного рабочего фольклора, встречаемого в рассматриваемом регионе, — это песни шахтеров Пенсильвании (указанных выше графств), многие из которых исполняются на пенсильвано-немецком диалекте. Само наличие этого жанра пополняет наше представление о народном творчестве немцев Пенсильвании¹⁹.

Значительный интерес представляет вклад пенсильванских немцев в область материальной культуры. Приехав из различных местностей Германии, где были развиты разнообразные народные ремесла, иммигранты-немцы привезли на территорию колонии Пенсильвании свойственный их родине европейский крестьянский стиль в народном искусстве. Хотя в общем его характере и сказывается влияние английских и собственно американских традиций, в целом этот стиль фактически сохранился до настоящего времени. Будучи искусными ремесленниками, пенсильванские немцы внесли особый колорит и в оформление своих жилищ, домашнего инвентаря и предметов домашнего обихода. Незатейливые узоры и композиции, изображенные на различных предметах быта, вышивки на тканях и полотенцах, изделия, отлитые из железа, умело изготовленные гончарные изделия, традиционно украшенная одежда — все это прочно укоренилось в прикладном искусстве отдельных местностей Пенсильвании²⁰.

Образцы декоративного и прикладного искусства немцев Пенсильвании экспонируются во многих музеях страны. Популяризация их народного искусства приобретает иногда и коммерческий характер. На дорогах, ведущих к местам компактного расселения немецких религиозных общин, появились красочные рекламы, призывающие посетить фермы и дома «населения Амиш», приобрести их глиняные и фаянсовые изделия, незатейливые безделушки и украшения, отведать национальные блюда. Обитатели общин отрицательно относятся к подобным рекламам, которые служат прежде всего обогащению американских коммерсантов и очень односторонне знакомят американцев с бытом и культурой немцев Пенсильвании²¹.

Такие важные факторы, как компактное поселение лиц, общающихся на пенсильвано-немецком диалекте, или издание на нем разнообразной литературы вне всякого сомнения способствовали сохранению пенсильвано-немецкого диалекта в условиях англоязычной среды. Большое значение имело и постоянное употребле-

ние диалекта в быту, а также в качестве литургического языка в церковных приходах²².

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что по сравнению с другими старыми иммигрантскими национальными группами в США пенсильванские немцы в несколько меньшей степени подверглись ассимиляции, сохранив до настоящего времени многие из своих национальных особенностей.

Буржуазные авторы создали немало интересных в фактическом отношении исследований, обогащающих наши представления об истории, быте, роде занятий пенсильванских немцев, специфике их фольклора и т. п. Тем не менее некоторые вопросы, например специфика двуязычия этого населения, его классовая и социальная характеристика, а также место в общественной и политической жизни страны в условиях современности в целом далеки от разрешения.

- ¹ *Wittke C. We Who Built America. The Saga of the Immigrant. New York, 1946, p. 71; Он же. The German-Language Press in America. Kentucky: University of Kentucky Press, 1957, p. 10; Graeff A. D. Pennsylvania, the Colonial Melting Pot.— In: The Pennsylvania Germans. Princeton, 1943, p. 3—26.*
- ² *Klees F. The Pennsylvania Dutch. New York, 1951, p. 8—9.*
- ³ *Weaver G. Benjamin Franklin and the Pennsylvania Germans.— In: The Aliens. A History of Ethnic Minorities in America. New York, 1970, p. 49; Богина Ш. А. Иммиграция в США накануне и в период гражданской войны (1850—1865 гг.). М.: Наука, 1965, с. 123—126.*
- ⁴ *Weaver G. Benjamin Franklin..., p. 49—50.*
- ⁵ *Weaver G. Benjamin Franklin..., p. 57; Wertebaker Th. J. The Golden Age of Colonial Culture. Ithaca, 1954, p. 14—15.*
- ⁶ *Weaver G. Benjamin Franklin..., p. 51; Graeff A. D. The History of Pennsylvania. Philadelphia, 1945, p. 94.*
- ⁷ *Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948, с. 48.*
- ⁸ Меннонитство возникло в начале XVI в. в Нидерландах. Меннониты — последователи голландского священника Менно Симона; в результате раскола швейцарских меннонитов образовалась так называемая церковь Амиш (по имени ее основателя Якоба Аммана). Расхождения между этими сектами основаны лишь на различном толковании отдельных догматических положений. См.: *Крестьянинов В. Ф. Меннониты. М.: Политиздат, 1967, с. 9—24, 44—47.*
- ⁹ *Kloss H. German American Language Maintenance Efforts.— In: Language Loyalty in the United States. The Hague, 1966, p. 217 а. о.; Wittke C. The German-Language Press in America, p. 11; Stine C. The Pennsylvania Germans and the School.— In: The Pennsylvania Germans, p. 105—127. Население немецкого происхождения в США стремилось обучать своих детей на родном языке (Muttersprache) и вело в свое время борьбу за немецкие государственные школы или введение в школах немецкого языка. См.: *Богина Ш. А. Иммиграция в США..., с. 157—159; Weaver G. Benjamin Franklin..., p. 61.**
- ¹⁰ *Wittke C. We Who Built America, p. 87—89, 91—92; Он же. The German-Language Press in America, p. 12—28. Участие пенсильванских немцев в войне за независимость несколько увеличило их вес в политической жизни Пенсильвании. См.: Graeff A. D. Pennsylvania..., p. 13—17.*
- ¹¹ *Stoudt J. J. Pennsylvania Folk Art. An Introduction Allentown, 1948, p. XIV; Korson G. Black Rock. Mining Folklore of the Pennsylvania Dutch. Baltimore, 1960, p. 51.*

- ¹² National Geographic, 1965, August, vol. 128, N 2, p. 244—250.
- ¹³ Klees F. The Pennsylvania Dutch, p. 247.
- ¹⁴ Werner W. L. Pennsylvania German: 1927—1937.— American Speech, 1938, Febr., vol. XIII, N 2, p. 10—15; Wittke C. We Who Built America, p. 90; German Life and Letters.— A Quarterly Review. Jan. 1960, vol. XIII, N 2, p. 145—153; Kloss H. German American..., p. 221.
- ¹⁵ Kloss H. German American..., p. 223; Schach P. Hybrid Compounds in Pennsylvania German.— American Speech, 1948, April, vol. XXIII, N 2, p. 124—134; Korson G. Black Rock..., p. 228—229; National Geographic, 1965, August, vol. 128, N 2, p. 250.
- ¹⁶ Folksingers and Folksongs in America, New York, 1965, p. 444—445.
- ¹⁷ Songs along the Manhantongo. Pennsylvania Dutch Folksongs. Lancaster, 1951; Brendle F. R. and Troxell W. S. Pennsylvania German Songs.— In: Pennsylvania Songs and Legends. Baltimore, 1960.
- ¹⁸ Yoder D. Pennsylvania Spirituals. Lancaster, 1961.
- ¹⁹ Korson G. Black Rock...
- ²⁰ Stoudt J. J. Pennsylvania Folk Art; Lichten F. Folk Art of Rural Pennsylvania. New York, 1946; Christensen E. The Index of American Design. New York, 1950, p. 2.
- ²¹ National Geographic, 1965, August, N 2, p. 252.
- ²² См.: Верецагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969, с. 138—139; Kloss H. German American..., p. 216.

Л. Н. Фурсова

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ КАНАДЫ (к этнической истории Канады)

В трудах А. В. Ефимова содержатся многочисленные указания о влиянии войны за независимость (первой американской революции) на социально-экономическое и политическое развитие Канады. Этот период — конец XVIII — начало XIX в. — является одним из важнейших и в этнической истории страны. В данной статье нас интересует прежде всего прямое и косвенное воздействие войны за независимость и образование Северо-Американских Соединенных Штатов на формирование населения Канады, на характер ее демографических и этнических процессов.

В результате американской революции в Канаду хлынул поток оставшихся верными английской короне поселенцев из Нью-Йорка и других центров колоний. Этот поток, несомненно, можно считать первой значительной волной британской иммиграции в Канаду после завоевания ее англичанами. Канадские и американские ученые, а также советские авторы приводят различные данные о численности этих иммигрантов. Известный канадский историк Б. Хатчисон даже утверждает, что «никому неизвестно точное число прибывших в Канаду лоялистов»¹. Это

отмечают и многие другие исследователи, а также составители канадских переписей². Кроме того, следует учесть, что лоялистская эмиграция в британские колонии продолжалась много лет и после заключения мира. Разночтения в этом вопросе столь велики, что амплитуда цифр колеблется от 30—40 до 80—100 тыс. По весьма приблизительным подсчетам общее число переселившихся в Канаду в ходе войны и после заключения мира лоялистов составляло 40—60 тыс. человек.

Помимо лоялистов, а среди них были и богатые плантаторы и бедные квакеры, в Канаду прибыли также демобилизованные солдаты распущенной армии, участвовавшие в войне с американскими колонистами³. Кроме того, продолжалась интенсивная иммиграция в Канаду американских фермеров, трапперов, торговцев. Дж. Ронг утверждает даже, что она была более многочисленна, чем иммиграция лоялистов⁴. По национальному составу лоялистская иммиграция являлась менее однородной, чем по социальному⁵. Среди эмигрантов из США были люди разных национальностей: англичане, ирландцы, шотландцы, немцы, голландцы, скандинавы, негры и др. Например, среди переселенцев, осевших по верхнему течению р. Св. Лаврентия, в районе будущей провинции Онтарио, были англичане, немцы, швейцары, французы⁶. Однако большинство составляли лица британского происхождения и «неистовые приверженцы протестантизма по религии»⁷.

Миграция из Соединенных Штатов в рассматриваемый период способствовала формированию в Канаде немецкой этнической группы. Первое же немецкое поселение — Луненберг — было основано еще в 1753 г. в Новой Шотландии. Появление немецких наемников, вступивших в Канаду вместе с английской армией, и 1 тыс. семей немцев-лоялистов из Нью-Йорка привело к тому, что немцы среди ранних лоялистов заняли по численности второе место после лиц британского происхождения. Первые сельские поселения в Верхней Канаде создавались вокруг форта Ниагара (1783 г.) и других военных постов. Земельные участки предоставлялись военным и другим преданным королю подданным, из которых с 1784 г. 40% составляли немцы⁸. И позднее власти щедро одаривали землей «лояльных» чиновников, разных привилегированных особ, английских и немецких солдат и офицеров.

Революция ускорила разрушение поселений немцев-меннонитов в Пенсильвании, нарушив их привычный образ жизни. Поэтому, когда в конце 70-х годов английские власти гарантировали меннонитам свободу их религии, привилегии, богатые земли, а также сохранение их культуры в британских колониях Северной Америки, немцы-меннониты переселились в Канаду. Первая миграция, которая привела к созданию постоянного поселения здесь меннонитов, произошла в 1786 г. и совпала с одним из основных потоков лоялистского движения. Прибывавшие в это время из США меннониты основывали поселения главным обра-

зом в Онтарио, а также в Приморских провинциях⁹. Меннониты не относились к разряду истинных лоялистов, «слуг короля», которым бесплатно жаловались земли. Однако, будучи умелыми земледельцами, они скупали земли у тех лоялистов, которые не имели навыков ведения сельского хозяйства (у кадровых военных, чиновников) и охотно продавали землю. К началу XIX в. меннониты достигли значительных успехов в земледелии и торговле в районах, позднее получивших название Линкольн, Ватерлоо, Валенд и Йорк.

Вследствие создания в Канаде немецких поселений и благожелательного отношения к немецкой иммиграции со стороны английских властей немцы превратились в одну из «старых» этнических групп страны (к первой переписи 1871 г. они занимали по численности третье место после англоканадцев и франкоканадцев). Канада стала для немцев традиционной страной иммиграции.

Непосредственно с американской революцией связано появление в Канаде негритянской этнической группы. Но впервые негры появились во французской Канаде в первой четверти XVII в. Это были рабы, купленные на невольничьих рынках Вест-Индии или завезенные из Новой Англии¹⁰. После окончания войны за независимость несколько тысяч негров, бежавших от своих хозяев — южных плантаторов — и сражавшихся в рядах английской армии, вместе с ней отступили в Канаду. Наряду с эмигрантами-неграми из США конца XVIII — начала XIX в. они образовали ядро свободного негритянского населения Канады. В годы войны за независимость Канада приняла и большую группу негров-рабов. Многие лоялисты, нашедшие в Канаде прибежище от революции, привезли с собой и своих негров-рабов. Причем у некоторых рабовладельцев было по нескольку десятков рабов¹¹. Как и в XVII в., в XVIII в. негры-рабы являлись в Канаде домашней прислугой белых рабовладельцев. Поскольку в Канаде не было плантационного хозяйства, труд рабов, в отличие от соседних Соединенных Штатов, не стал важным фактором экономики страны. Именно это обстоятельство наряду с антирабовладельческими настроениями привело в 1833 г. к официальной отмене рабства в Канаде.

Следующий большой приток негров в Канаду произошел в годы англо-американской войны 1812—1814 гг. После ее окончания 3 тыс. рабов, многие из которых сражались в английской армии против американцев, покинули США и поселились в провинциях Новая Шотландия и Нью-Брансуик.

Традиционным районом проживания негров в Канаде стала Новая Шотландия¹². В Галифаксе — главном городе провинции, куда стекались тысячи лоялистов, до сих пор сосредоточено больше негров, чем в любом другом городе Канады. Препятствием к ассимиляции негров Новой Шотландии была расовая дискриминация и неравенство. Негры стали селиться отдельно от

белых, в районах сегрегации. В новом для них обществе они оказались в изоляции. Это предопределило их судьбу и осложнило борьбу за существование в условиях сурового северного климата, при отсутствии опыта ведения самостоятельного хозяйства. У них за плечами был только печальный опыт рабства. К тому же неграм были предоставлены худшие земли с неплодородной почвой.

Основную массу переселенцев из восставших североамериканских колоний, как уже отмечалось, составляли лица британского происхождения. Наибольшей интенсивности миграция лоялистов в колонии, оставшиеся верными Англии, достигла после заключения Парижского мира 1763 г. Но их перемещение на канадские земли началось уже в первые годы войны за независимость, после эвакуации Бостона английскими войсками в 1776 г. Капитуляция у Саратоги в 1777 г. сопровождалась также бегством лоялистов на север, в частности в Квебек. В колониях Квебек и Новая Шотландия власти предоставили беженцам земельные участки размером от 200 до 1200 акров, а также сельскохозяйственные орудия, пищу, одежду.

При рассмотрении расселения лоялистов и других американских иммигрантов в британских колониях Северной Америки обращают на себя внимание те же разночтения в отношении их численности, о которых мы говорили выше. Три четверти лоялистов поселились на Атлантическом побережье, в Новой Шотландии и на острове Принца Эдуарда¹³. В Новую Шотландию прибыло 20 тыс. лоялистов¹⁴. Численность жителей колонии быстро возросла в три раза, составив 35 тыс. человек¹⁵.

Приток лоялистских беженцев (и вообще американских иммигрантов), увеличив небольшое английское население Новой Шотландии, в конечном итоге привел к тому, что первоначальное французское население превратилось в меньшинство в Приморских провинциях, ставших англоязычными. Таким образом, лоялистами был решен вопрос, будет ли Акадийский полуостров английским или французским.

Внезапный поток переселенцев, хлынувших в Новую Шотландию, сказался и на быстром росте ее городов. Особенно много беженцев стекалось в Галифакс, основанный в 1749 г. К концу войны за независимость десятки транспортных судов везли сюда тысячи беженцев: «Некоторые были очень богаты и обладали состоянием, многие — без пени. В толпе выделялись сотни негров, печальные женщины, плачущие дети. Все они теперь тысячами теснились в маленьком гарнизонном городе»¹⁶. Зимой 1783—1784 гг. здесь собралось 30 тыс. беженцев¹⁷. Поскольку Галифакс не мог вместить всех вновь прибывших, они стали строить новый город Шельбурн. Расположенный на лесистом берегу океана, в юго-западной части острова, город был разделен на широкие улицы, окружен фермами. К 1785 г. здесь было 12 тыс. жителей¹⁸. Британское правительство снабжало их про-

дуктами питания и другими предметами первой необходимости. Но после 1787 г. Шельбурн в силу ряда причин пришел в упадок.

Однако судьба других городов, основанных лоялистами, сложилась более удачно. На западной стороне залива Фанди был большой, тогда почти полностью незаселенный район — нынешний Нью-Брансуик. Его земли раскинулись по берегам судоходной реки Сент-Джон. 10 мая 1783 г. сюда прибыл флот из 20 транспортных судов, на котором находилось 3 тыс. беженцев из Нью-Йорка¹⁹. Их путешествие продолжалось три долгих недели. И хотя до их приезда у устья реки уже существовало небольшое поселение, тем не менее превращение Сент-Джона в город полностью связано с лоялистской иммиграцией²⁰. Вскоре он стал самым крупным городом провинции Нью-Брансуик. Здесь же, в этой провинции, были основаны лоялистами еще два городка. Поселения лоялистов вдоль р. Сент-Джон подтвердили британские притязания на территорию, которая соединяла Квебек и Атлантическое побережье²¹.

В результате лоялистской иммиграции в 1784 г. из Новой Шотландии был выделен Нью-Брансуик, ставший отдельной колонией. Характерно, что столицей ее стал не самый крупный тогда город в колонии, не шумный Сент-Джон, расположенный на берегу океана, а Фредериктон. Когда-то на месте будущего административного центра Нью-Брансуика Фредериктона находилась французская деревушка Сен-Ан. Бежавшие сюда осенью 1783 г. лоялисты способствовали основанию и этого города. В отличие от Сент-Джона он находился в глубине колонии, по верхнему течению реки.

Вторым по значению и численности стал для лоялистов район будущей провинции Онтарио. Основная масса их прибыла сюда в 1784 г. Они пересекли границу в районе Великих озер и заселили неосвоенную тогда белыми колонистами область верхнего течения р. Св. Лаврентия. Тем самым был создан барьер на пути расширения франкоканадского этнического ареала.

Однако прибывавшие сушей по старой дороге из Нью-Йорка и Пенсильвании к Ниагаре беженцы далеко не все являлись лоялистами. Среди поселенцев было много чуждых лоялизму неграмотных бедняков, фермеров, готовых вести здесь жизнь пионеров. Появилось немало и спекулянтов земель²². Вся эта масса американских мигрантов заселила прибрежные районы р. Св. Лаврентия — от оз. Св. Фрэнсиса до оз. Онтарио, берега оз. Онтарио, окрестности р. Ниагары и р. Детройт. 10 тыс. переселенцев, осевших в этом районе, составили ядро жителей будущей провинции Онтарио²³. Земли здесь отличались удивительным плодородием и резко контрастировали с землей Новой Шотландии. Поэтому они привлекали многих американцев, которые вовсе не являлись лоялистами и не интересовались политикой. К 1787 г. было уже трудно определить, кто же являлся истинным лоялистом, а кто иммигрантом, пересекшим границу в поисках земли²⁴.

В 1791 г. Квебек был разделен на две части: Верхнюю (Онтарио) и Нижнюю (Квебек) Канаду. К этому году в Верхней Канаде было 25 тыс. человек, из которых 20 тыс. — лоялисты. Они получили от английской короны 12 млн. акров земли²⁵.

Здесь, в Онтарио находится город, подобно Сент-Джону обаянный своим возникновением лоялистам. Это — Кингстон. Но в отличие от Сент-Джона, где лоялистский элемент долго преобладал в населении, этнический состав жителей Кингстона не был столь однороден. Потомки лоялистов смешивались здесь с переселенцами из разных стран²⁶, прибывавшими сюда от десятилетия к десятилетию все в больших размерах.

Меньше всего лоялистов и вообще американских беженцев осело в Квебеке, хотя это была самая населенная и освоенная часть тогдашней Канады. Франкоязычные канадцы встретили их более чем настороженно и рассматривали нашествие «слуг короля» как усиление английской гегемонии и ухудшение своего положения. Лишь небольшая часть лоялистов в 6 тыс. человек осталась в Квебеке, главным образом в Монреале²⁷. Группки лоялистов осели в Лашене, Сен-Жане, Шамбли, Сореле, Бо-де-Шадлер и его окрестностях²⁸.

Появление лоялистов не только вызвало упрочение британских позиций к северу от 49 параллели, но и создало предпосылки для дальнейшей эмиграции переселенцев с Британских островов. Поощрение иммиграции из Великобритания английскими властями явилось непосредственным результатом американской революции²⁹. Все это в конечном счете привело к численному преобладанию в Канаде британского этнического элемента и формированию англоканадской нации.

Рост англоязычного населения Канады явился для жителей Британских островов — будущих переселенцев — дополнительным стимулом к эмиграции за океан. Известно, что выбор страны иммиграции часто определяется наличием там родственной переселенцу этнической группы. В конце XVIII — начале XIX в. в Канаду эмигрировали ирландцы (в том числе северные ирландцы-ольстерцы), англичане, шотландцы. В этот период еще не сложилось ядро будущей англоканадской нации, единой народности с английским языком. Это было время количественного роста англоязычного населения. Приток новых колонистов из Англии, Ирландии, США задерживал формирование англоязычной народности. Подобно тому, как англоязычное население североамериканских колоний характеризовалось этнической пестротой (в него входили англичане, ирландцы, шотландцы, ольстерцы, уэльсцы), имелись все эти этнические компоненты и среди лоялистов. В США в период революции и до нее происходил процесс смешения этих групп, начавших считать себя американцами. В Канаде этот процесс замедлился.

Приток мигрантов из США в результате революции не только изменил национальный состав населения колоний, оставшихся

верными английской короне, «устроив» его за счет возникновения и роста других этнических групп и усилив прежде всего в нем британский элемент. Он внес существенные изменения в карту заселения Канады и колонизации ее земель белыми, привел к образованию новых колоний и городов. Кроме того, иммиграция из США и с Британских островов в конце XVIII — начале XIX в. вызвала изменение этнического баланса между двумя основными группами населения: франкоканадцами и англоканадцами, заложив основы для двунациональной Канады. Канада стала все больше превращаться из французской в английскую колонию переселенческого типа. Уже зарождались истоки главного национального антагонизма Канады, определившего характер этнической истории и национальных отношений в стране — между угнетенным франкоканадским населением и господствующей англоканадской верхушкой. Создавались предпосылки социально-политического, экономического и национального неравенства франкоканадской нации. В этом одна из причин, а также следствие принятия Акта 1791 г.

К началу бурных событий на Североамериканском континенте и накануне массового въезда лоялистов франкоканадцы, представлявшие уже сложившуюся этническую общность, были расселены компактно в провинции Квебек. Только себя они считали и называли канадцами (*canadiens*). Большая часть их народа уже несколько поколений прожила в Новом Свете, так как подавляющее большинство франкоканадцев к началу войны за независимость являлись потомками колонистов, переселившихся в Канаду в XVI—XVII вв.

Массовый приток англоязычных поселенцев не мог не вызвать настороженности и враждебности со стороны франкоканадского населения. Квебекцы видели в англичанах завоевателей, а поселения лоялистов привели к упрочению господства Англии в Канаде. Крупные землевладельцы, чиновники и другие представители привилегированной части общества были приверженцами английской короны и английского владычества. К тому же политика расселения лоялистов на территории британских колоний Северной Америки привела к созданию вокруг французской Канады англоязычных анклавов. Именно потому такое большое значение придавалось властями поселению большой группы лоялистов в западном Квебеке, положившему начало заселению территории к северу от Великих озер англоязычными переселенцами. Вместе с тем под влиянием революции сложился своеобразный союз франкоканадцев и англоязычных лоялистов. Основой его явилось общее требование — создания представительных учреждений. В результате американской и французской революций в Квебеке также развернулось демократическое движение за отмену феодальных повинностей и введение английской системы землевладения. Оно завершилось отменой Квебекского акта 1774 г. и введением нового Конституционного акта 1791 г. Акт

1791 г., принятый английскими властями в самый разгар французской революции, открыл известный простор для развития капиталистических отношений в Канаде, особенно в Онтарио.

Несмотря на активное участие в этом движении франкоканадского населения, в первую очередь буржуазных элементов города, новый Конституционный акт не покончил с засилием феодального землевладения и клерикализма во французской Канаде. Тем самым франкоканадское общество было обречено на длительное прозябание, а буржуазные преобразования затянулись на многие десятилетия. Пережитки феодализма в экономической жизни страны, в ее социальной структуре, в духовной и культурной сферах сохранились вплоть до последних десятилетий XX в. Акт 1791 г. заложил прочную основу неравенства двух частей Канады, предопределив длительное экономическое и социально-политическое отставание франкоканадской провинции. Закрепленное Актом различие в социально-экономических условиях двух частей оказало решающее влияние на развитие этнонациональной структуры Канады. Замкнутое в своем патриархально-клерикальном провинциализме, франкоканадское общество было искусственно и искусно отделено от притока новых иммигрантов. Вместе с тем Конституционный акт был направлен на превращение англоканадской верхушки, в противовес франкоканадскому населению, в опору британского владычества в Канаде³⁰.

После потери 13 колоний в Северной Америке Англия стремилась во что бы то ни стало удержать Канаду. Поэтому британские власти перешли к тактике определенных уступок своим колониям в Канаде. Собственно, само рождение Канады как нового государства,— отмечает Г. Н. Милейковский,— явилось в известном смысле результатом англо-американской борьбы за господство в Северной Америке³¹.

Заслуживает особого внимания исследование влияния американской революции на исторические судьбы тогда еще многочисленных индейских племен Северо-Запада. Непосредственным результатом революции и массового притока лоялистов была широкая кампания грабежа индейских земель. Только в 1784 г. на западе от Квебека у индейцев были «куплены» за бесценок английской администрацией свыше 3 млн. акров земли³². Заселение Верхней Канады проходило путем массовой экспроприации и изгнания живших там индейских племен. Например, в 1792 г. племя миссисауга (оджибвеи) в обмен на обещание ежегодной выплаты 1180 фунтов стерлингов уступило англичанам около 3 млн. акров земли³³. Другой формой обмана индейцев было заключение с ними договоров, согласно которым все их земли становились собственностью английской короны, а в действительности уже им не принадлежали. Индейцы поняли это лишь спустя несколько десятилетий. Занятие индейских земель проходило в несколько этапов. Первым шагом в переговорах с индейцами являлись соглашения, заключавшиеся с представителями племен,

о снабжении продовольствием. На каждой стадии переговоров индейцы получали товары или маленькую сумму деньгами. Полгвиней явились ценой за полосу земли вокруг современного Торонто. Границы участков, отдававшихся колонистам, определялись простым способом: «Так далеко, как человек может пройти за день». Индейские вожди, после того как договор был заключен и переведен, ставили на нем знак своего тотема³⁴.

Работы А. В. Ефимова, первые в советской американистике показавшие особенности капиталистического развития США и роль расширения границ государства и колонизации земель индейцев в этом процессе, имеют большое значение для понимания специфики развития капитализма Канады. При всех различиях в методах и условиях освоения и заселения американского и канадского запада между ними имеются и определенные черты сходства. По аналогии с явлениями, отмеченными А. В. Ефимовым для США, можно определить роль освоения северо-западных территорий в развитии канадского капитализма.

С американской революцией связано принятие первого международного правового документа, определившего границу между США и Британской Северной Америкой (т. е. будущей Канадой). Этот акт имел далеко идущие последствия для судеб коренного населения Североамериканского континента. Протянувшись от Атлантического океана до озера Вуд, граница искусственно рассекла индейские племена, оказавшиеся по разные ее стороны. Были разделены государственной границей, например, равнинные индейцы. Граница не только помешала их дальнейшему сплочению, но и подорвала их традиционное хозяйство.

В результате экспроприации индейских земель, разрушения их традиционного хозяйства и гибели племен численность индейского населения Канады резко сократилась. В 1801 г. оно насчитывало 150 тыс. человек³⁵. К этому времени белое население британских колоний Северной Америки превышало коренное более чем в два раза. По переписи 1871 г. общая численность населения Канады составляла 4 млн., аборигенов же было всего 102 тыс.³⁶

В англо-американской войне 1812—1814 гг. Канада отразила нападение США. В начале войны американские лидеры были уверены, что на территории Канады война «будет короткой и бескровной прогулкой и ее можно будет победить в шесть недель». Джефферсон даже заявил, что не будет необходимости в сражениях: «веселый поход на Квебек обеспечит дисциплину для дальнейшего захвата Галифакса и изгнания англичан с континента»³⁷. Произошло обратное. Отстаивая свою страну от поглощения более могущественным соседом, народ Канады оказал решительное сопротивление вторжению американцев. Франкоканадцы так же решительно защищали свои земли, как и англоязычные жители колоний. В Кингстон из Нижней Канады прибыли четыре роты вольтижеров, а также два полка франкоязычных

швейцарцев и французов. Чтобы облегчить набор добровольцев, британские власти пошли на назначение Жак-Дюберона Баби командующим отрядом ополчения всей Верхней Канады. Эти 400 франкоканадских добровольцев сыграли важную роль в освобождении города Детройта в августе 1812 г. В войне приняли участие и другие отряды добровольцев — три роты капитана Роже, около 200 бойцов отряда Макдональда и др.³⁸ Война привела к изгнанию американских войск из Канады. Граница между двумя странами осталась неизменной. Это была первая захватническая война американской буржуазии, вызвавшая сопротивление всего народа и показавшая опасность агрессии. Главным средством проникновения США в Канаду впоследствии стала экономическая экспансия.

Война имела большое значение и для дальнейшего национального развития страны. Сопротивление американскому вторжению пробудило солидарность у канадцев разного этнического происхождения и прежде всего у англо- и франкоканадцев. Она послужила тем первым толчком, который способствовал пробуждению и укреплению общеканадского национального самосознания.

«Для Канады, — отмечает Малания, — война 1812 г. имела то значение, что она внушила канадцам чувство сознания своей, канадской национальности и способности защищать страну. Французы, которые выиграли одну из самых блестящих побед в этой войне у Шаротей, так же героически защищали свою страну, как и англичане в Верхней Канаде. Это вызвало у обоих народов сознание, что Канада — их общая родина»³⁹.

«В войне 1812 г. канадцы боролись против вторжения Соединенных Штатов и спасли нашу страну от аннексии»⁴⁰, — отмечается в документе КПК.

Таким образом, война была одним из тех исторических факторов, которые ускорили формирование единой канадской общности. Под ее влиянием англоязычные жители, считавшие себя до того либо «британскими американцами», либо англичанами, шотландцами, ирландцами, стали проникаться сознанием своей канадской принадлежности. Теперь канадцами назывались не только французы, но и англоязычные жители страны. Появился общеканадский патриотизм — показатель роста общеканадского самосознания.

Англо-американская война 1812—1814 гг. и ее исторические последствия имели сложный, противоречивый характер для национального развития Канады. В результате победы, одержанной в решающей степени благодаря мужеству и героизму угнетенных британским колониализмом канадцев, Англия надолго закрепила за собой свои владения в Северной Америке. Казалось бы, защищая свою землю от захватчиков и выступая одновременно тем самым на стороне колониальной державы против Соединенных Штатов, канадцы укрепляли власть метрополии на северо-американском континенте. Действительно, без их решающего сопротивления агрес-

сии, в основе которого лежали растущий патриотизм и углублявшееся национальное самосознание, Англии едва ли удалось бы одержать верх над своим противником и удержать Канаду. На самом же деле, однако, этот успех Великобритании в исторической перспективе оказался призрачным и недолговечным. Активное участие в войне канадцев различного этнического происхождения, одержанная в ней победа вызвали у них чувство собственного достоинства, убежденность в своей силе и в праве на самостоятельное от метрополии национальное существование. Зародившееся и укрепившееся таким образом общеканадское самосознание объективно и субъективно подрывало устои колониального господства Англии в Канаде. После войны не только франкоканадцы, но и часть англоязычных канадцев все более проникались сознанием нетерпимости дальнейшего сохранения чужеземного господства над их родиной.

Последствия войны 1812—1814 гг. так же, как идеи американской и французской революций, сказались на программе канадских революционных демократов. Восстание 1837 г. против английского колониального режима, в котором наряду с франкоканадцами участвовали и прогрессивно настроенные англоязычные канадцы, явилось одним из главных этапов на пути превращения бывших британских колоний Северной Америки в самостоятельное государственное образование в форме конфедерации и образования в 1867 г. доминиона Канада.

- ¹ *Hutchison B. The Struggle for the Border. Toronto, 1967, p. 167.*
- ² *Censuses of Canada. 1665 to 1871. Ottawa, 1876, vol. IV, p. XIII.*
- ³ *Райерсон С. Основание Канады. М.: ИЛ, 1961, с. 258.*
- ⁴ *Wrong G. The Canadians. The Story of a People. Toronto, 1939.*
- ⁵ О социальном составе лоялистов и дальнейшей дифференциации их по прибытии в Канаду, так же как об углубляющихся социальных и расовых конфликтах между привилегированными и бедными слоями лоялистской иммиграции, см.: *Тишков В. А. Американская революция в XVIII в. и колониальная политика Великобритании в Канаде.— В кн.: Американский ежегодник. М.: Наука, 1975; Он же. Американские лоялисты: старые мифы и новые интерпретации.— Вопросы истории, 1976, № 4.*
- ⁶ *Irving I. A. The Culture of Contemporary Canada. Toronto, 1970, p. 243; Wrong G. The Canadians..., p. 11.*
- ⁷ *Reaman S. The Trail of the Black Walnut. Toronto, 1957, p. 195.*
- ⁸ *Epp F. Mennonites in Canada, 1786—1920. The History of a Separate People. Toronto, 1974, p. 55.*
- ⁹ *Epp F. Mennonites in Canada..., p. 54, 56.*
- ¹⁰ *Greaves I. The Negro in Canada. Montreal, 1932, p. 9; Winks I. The Blacks in Canada. Toronto, 1969, p. 11.*
- ¹¹ *Callahan N. Flight from Republic. The Story of the American Revolution. New York, 1967, p. 4—5.*
- ¹² См. подробнее: *Фурсова Л. Н. Расовая дискриминация в современной Канаде.— В кн.: Против расизма. М.: Наука, 1966.*
- ¹³ *Kerr D. and Davidson P. Canada. A Visual History. Toronto, 1966, p. 23; McInnis E. W. The Unguarded Frontier. A History of American-Canadian Relations. New York, 1942, p. 76.*

- ¹⁴ 1961 Census of Canada. Ser. 7, Bull. 7, 1—6.
- ¹⁵ 1961 Census of Canada. Ser. 7, 1. Bull. 7, 1—6, p. 6—3.
- ¹⁶ *Wrong G.* The Canadians..., p. 238—239.
- ¹⁷ *Wrong G.* The Canadians...
- ¹⁸ *Wrong G.* The Canadians..., p. 239. Хатчисон пишет о 8—10 тыс. человек; *Hutchison B.* The Struggle for the Border, p. 169—170.
- ¹⁹ *Wrong G.* The Canadians..., p. 240.
- ²⁰ *Lower A.* Loyalist Cities — Saint John New Brunswick and Kingston, Ontario. Queen's Quarterly, 1966, vol. LXXII, N 4, p. 657; *Wrong G.* The Canadians..., p. 240.
- ²¹ *Upton L.* The 1780's. Colonists and Canadians. 1760—1867. Toronto, 1971, p. 47.
- ²² *Hutchison B.* The Struggle for the Border, p. 172; *Epp F.* Mennonites in Canada..., p. 56.
- ²³ 1961 Census of Canada. Series 7, 1, Bull. 7, 1—6, p. 6—3; Censuses of Canada 1665 to 1871. Ottawa, 1876, p. XI.
- ²⁴ *Upton L.* The 1780's. Colonists..., p. 50.
- ²⁵ *Epp F.* Mennonites in Canada..., p. 55.
- ²⁶ *Lower A.* Loyalist Cities-Saint John, p. 657.
- ²⁷ *Reaman S.* The Trail of the Black Walnut, p. 195.
- ²⁸ *Lower A. R.* Colony to Nation. Toronto, 1961, p. 153.
- ²⁹ *Rawlyk G.* The 1770's. Colonists and Canadians, 1760—1867. Toronto, 1971.
- ³⁰ См. подробнее: *Райерсон С.* Основание Канады. М.: Изд-во иностр. лит., 1961; *Он же.* Неравный союз. М.: Прогресс, 1969.
- ³¹ *Милейковский А. Г.* Англо-американские противоречия в Канаде. М.: Наука, 1959.
- ³² *Epp F.* Mennonites in Canada..., p. 55; *Macdonald N.* Canada, 1763—1841. Emigration and Settlement. London, 1939, p. 11.
- ³³ *Райерсон С.* Основание Канады, с. 257; см. также: *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974; *Она же.* Индейцы в войне за независимость.— В кн.: Война за независимость и образование США. М.: Наука, 1976.
- ³⁴ *Upton L.* The 1870's Colonists..., p. 52.
- ³⁵ Seventh Census of Canada. 1931. Summary. Ottawa, 1936, vol. 1, p. 99.
- ³⁶ 1871 Census of Canada. Ottawa, 1876, vol. IV, p. 111.
- ³⁷ Цит. по: *Wrong G.* The Canadians..., p. 260.
- ³⁸ *Godbout A.* L'origine des écoles françaises dans l'Ontario. Ottawa, 1972, p. 23, 24.
- ³⁹ *Малания И.* Краткая история Канады. Торонто, 1945.
- ⁴⁰ Canadian Independence and People's Parliament. Canada Path to Socialism. Toronto, 1954, p. 16—17.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

М. С. Альперович

КАРЛЕЙЛЬ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Кому не знакомо имя выдающегося английского писателя и эссеиста, историка и философа Томаса Карлейля? Автор множества исторических трудов, очерков, философских и публицистических произведений, блестящий лектор, он еще при жизни (1795—1881 гг.) получил признание и приобрел известность далеко за пределами Англии. Его сочинения читали и к его словам прислушивались писатели и ученые, мыслители и государственные деятели. Среди друзей и знакомых Карлейля были Диккенс, Дж. Ст. Милль, Эмерсон, Мадзини, Роберт Пиль, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, в числе его корреспондентов — Гёте, Вальтер Скотт, Герберт Спенсер, Дизраэли, Бисмарк. О нем писали Маркс и Энгельс, Чернышевский, П. Л. Лавров, Ипполит Тэн, Е. В. Тарле, Н. И. Кареев и многие другие. Королева Виктория удостоила его личной аудиенции, а британское правительство предложило ему на выбор титул баронета или орден Бани. Он отклонил, однако, эти почести, и в соответствии с его желанием близкие Карлейля не воспользовались впоследствии лестным предложением похоронить его в Вестминстерском аббатстве.

Взгляды Карлейля оказали заметное влияние на развитие исторической науки, общественной мысли, революционного движения. В частности, без карлейлевского «культа героев» трудно понять идеологию и практическую деятельность русских народников и эсеров, исходивших из пресловутой теории «героев и толпы», развенчанной в свое время Г. В. Плехановым и окончательно опровергнутой В. И. Лениным.

Эта субъективно-идеалистическая концепция пронизывает большую часть обширного литературного наследия Карлейля. Она намечена уже в его первом крупном (и, как многие считают, лучшем) историческом труде «История Французской революции» (1837 г.), а затем развита и наиболее четко сформулирована в цикле публичных лекций «Герои, культ геросов и героическое в истории», прочитанных весной 1840 г., и в памфлете «Прошлое и настоящее». Указанная идея легла также в основу известного издания середины 40-х годов «Письма и речи Оливера Кромвеля». Наконец, она отчетливо прозвучала и в последней ольшой работе маститого писателя — шеститомной «Истории Фридриха Великого», вышедшей в 50—60-х годах прошлого века¹.

Суть этой концепции настолько общеизвестна, что вряд ли

есть необходимость воспроизводить ее во всех деталях. Напомню лишь, что Карлейль рассматривал историю как биографии великих людей, а последних считал главной движущей силой общественного развития, творцами истории. «В основе философских воззрений Карлейля,— отмечает Н. А. Ерофеев,— лежал субъективный идеализм: он исходил из убеждения, что исторический процесс не подчиняется каким-либо объективным закономерностям, а зависит от деятельности отдельных личностей»². При этом в упомянутых выше произведениях 30—40-х годов XIX в. подобные идеи сочетались с признанием неизбежности революций, а подчас даже с их положительной оценкой. Но «там, где он признает революцию и даже превозносит ее,— писали в 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс,— там она концентрируется для него в одной какой-нибудь личности, в каком-нибудь Кромвелле или Дантоне»³. Таким образом, карлейлевские герои раннего этапа его творчества — преимущественно люди, совершившие революцию или воспользовавшиеся ее плодами.

В дальнейшем реакционное начало, заложенное в исторической концепции Карлейля, получило свое логическое завершение. Отрицая демократию, он решительно выступал против парламентаризма и избирательной реформы, призывал к восстановлению рабства в Британской Вест-Индии, прославлял милитаристско-бюрократический режим прусской монархии. «Его увлечение героями, аристократизм и презрение к массам — это отвратительно», — заметил Л. Н. Толстой⁴.

В центре внимания Карлейля всегда находились проблемы европейской истории, литературы, общественной жизни. Английская революция XVII в., Великая французская революция, чартистское движение, царствование Фридриха II, немецкая литература и т. д. — вот волновавшие его темы. Его излюбленными героями являлись Кромвель, Мирабо, Дантон, Наполеон, Данте, Шекспир, Лютер, Фридрих Прусский.

Однако при очевидном европоцентризме Карлейля, с точки зрения своей исторической концепции, он несомненно интересовался и тем, что происходило за пределами Старого Света. Об этом наглядно свидетельствует сравнительно малоизвестный очерк «Д-р Франсиа», посвященный революционным событиям первой половины XIX в. в Южной Америке. Следует заметить, что хотя это произведение, как правило, упоминается почти во всех важнейших работах о Карлейле, подавляющее большинство исследователей его специально не анализируют и не рассматривают в связи с общеисторическими воззрениями автора⁵. Между тем оно представляет значительный интерес во многих отношениях.

Очерк был опубликован без авторской подписи и без заголовка (название «Д-р Франсиа» было обозначено не перед текстом, а лишь наверху всех четных страниц и в оглавлении) в июльском номере лондонского журнала «The Foreign Quarterly Re-

view» за 1843 г.⁶ В первой его части, сравнительно небольшой по объему, освещались некоторые факты южноамериканской революции первой четверти XIX в. и роль ее руководителей — Боливара, Сан-Мартина, О'Хиггинса. Источниками послужили изданные в Англии путевые заметки Джона Майерса, записки генерала Миллера, мемуары бывшего мексиканского императора Итурбиде.

Характеризуя южноамериканские революции как весьма сложное явление, Карлейль указывал, что о них и о «героях Южной Америки» знают очень мало, особенно в Европе. Он рассказывал о героических подвигах «колумбийского Вашингтона» — Симона Боливара, об его отчаянной борьбе «не на жизнь, а на смерть» против испанцев, о выдающихся победах при Карабобо, Аякучо и др., красочно описывал походы Сан-Мартина в Чили и Перу; сравнивая переход освободительных армий через горные хребты Анд со знаменитым альпийским походом Ганнибала. Выражая свое восхищение мужественной борьбой южноамериканских патриотов, Карлейль с одобрением отзывался о достигнутых ими положительных результатах (рост торговли, ликвидация государственных монополий, отмена рабства, конфискация церковного и монастырского имущества).

Вместе с тем он подчеркивал, что успехи революции являлись в первую очередь заслугой «освободителей», усилия которых, по его словам, постоянно наталкивались на противодействие выборных органов и изданных последними законов. Так, Боливар разработал, как считал Карлейль, «самую разумную демократическую конституцию, какую только можно было составить», но она была отвергнута народом. Сан-Мартин заставили покинуть Перу и Чили, хотя населению этих стран следовало бы «сделать его своим Наполеоном». Бернардо О'Хиггинс, став правителем Чили, почти ничего не мог предпринять вследствие мешавших ему законодательных актов. Таким образом, условия, сложившиеся в ходе революции на Американском континенте, лишили, по мнению Карлейля, ее «героев» возможности до конца выполнить свою историческую миссию. Ближе других к этой цели подошел Итурбиде — «Наполеон Мексики, великий человек в этой заурядной стране», ставший императором Агустином I, но и он был свергнут, изгнан и вскоре расстрелян⁷.

Единственным человеком, которому удалось справиться со своей нелегкой задачей, оказался, с точки зрения английского историка, парагвайский диктатор Хосе Гаспар Родригес де Франсия. «Из всех южноамериканских феноменов, — писал он, — самым замечательным является несомненно доктор Франсия и его диктатура в Парагвае»⁸. Этот сюжет и составляет главное содержание очерка Карлейля. Прежде чем перейти к анализу основной части данного произведения, необходимо напомнить некоторые обстоятельства, предшествовавшие его выходу в свет.

Таинственный Парагвай после установления долголетней диктатуры Франсии (1814—1840 гг.), изолированный от внешнего

мира, вызывал в Англии, как, впрочем, и в остальной Европе, значительный интерес. Однако опубликованные в британских газетах и отдельными изданиями доклады членов дипломатической миссии США, побывавшей в 1818 г. на Рио-де-ла-Плате⁹, содержала лишь весьма краткие, отрывочные и неточные сведения об этой стране, ибо североамериканские представители сами там не были и располагали только очень ограниченной и тенденциозной информацией, полученной в Буэнос-Айресе из официальных и иных источников.

Более или менее подробные данные о Парагвае появились в английской прессе в конце лета 1824 г.: 23 августа лондонская газета «The Morning Chronicle» опубликовала большую анонимную статью «Парагвай», автор которой (то был, по всей вероятности, либо сам Франсиа, либо кто-то, действовавший по его указанию), безусловно, был хорошо осведомлен о положении в стране и явно склонен к идеализации Франции и его режима¹⁰. Кое-какие факты, приведенные в этой статье, фигурировали в книге английского путешественника Александра Колдкля, посетившего в 1819—1821 гг. Южную Америку¹¹. Довольно широко материал упомянутой публикации использован в анонимной брошюре, приписываемой Висенте Пасосу Канки¹². Однако оба последних автора лично в Парагвае не бывали, документами не располагали и о многом писали понаслышке, на основании сведений, полученных отнюдь не из первых рук. Поэтому они совершенно не касались некоторых существенных вопросов, и ко многим их утверждениям следует отнестись критически.

Первым сравнительно объективным прямым свидетельством очевидцев, имевших возможность непосредственно наблюдать парагвайские события и способных оценить их более или менее беспристрастно, явился «Исторический очерк революции в Парагвае и диктаторского правления доктора Франсии» швейцарских врачей Ренггера и Лоншана, находившихся в Парагвае с июля 1819 по май 1825 г. Изданный весной 1827 г. в Париже, он быстро получил широкий резонанс, в частности вышел вскоре в английском переводе¹³ и надолго стал важнейшим источником изучения диктатуры Франсии, хотя хронологически охватывал (как и предыдущие публикации) лишь непродолжительный период — до середины 20-х годов XIX в. Несмотря на достаточно решительную критику некоторых действий диктатора, Ренггер и Лоншан отмечали и положительные аспекты его деятельности, пытаясь, таким образом, дать о ней полное и всестороннее представление.

На протяжении последующего десятилетия в исторической литературе при характеристике режима Франсии в общем преобладал тон, заданный Ренггером и Лоншаном. На фоне такого, если не благожелательного, то, во всяком случае, вполне нейтрального отношения к Парагваю, обусловленного стремлением осмыслить особенности его специфического развития, тщательно

взвесить все «за» и «против», позитивные и негативные моменты, в конце 30-х годов резким диссонансом прозвучало выступление братьев Робертсонов.

Молодой шотландский купец Джон Пэриш Робертсон прибыл в Парагвай в первой половине 1812 г. с грузом товаров и получил разрешение на ведение торговли. Барыши предприимчивого шотландца оказались столь велики, что он поспешил вызвать из Англии своего младшего брата Уильяма, который в мае 1814 г. приехал в Асунсьон. Несколько месяцев спустя Робертсон-старший решил отправиться по делам на родину, в связи с чем Франсиа (занимавший в то время пост консула Парагвайской республики) попросил его передать британскому парламенту предложение об установлении торговых и дипломатических отношений между обоими государствами, а также образцы парагвайской продукции. Пообещав выполнить просьбу, Робертсон выехал в Буэнос-Айрес, но обстоятельства сложились так, что ему пришлось отложить поездку в Европу. В середине 1815 г. он возвратился в Асунсьон, имея при себе адресованное Франсии письмо главы буэнос-айресского правительства Альвеара, просившего прислать парагвайских солдат в обмен на оружие и боеприпасы. Считая, что Робертсон за его спиной вступил в тайный сговор с Альвеаром, Франсиа, и без того крайне раздосадованный тем, что его поручение не выполнено, а также конфискацией предназначенного ему груза робертсоновского судна «Инглесита», выслал обоих братьев из Парагвая.

В 1817 г. Д. П. Робертсон все же уехал в Англию, но в 1820 г. вернулся в Южную Америку, которую окончательно покинул в 1829 г. К тому времени он уже успел разориться и занялся литературной деятельностью. У. П. Робертсон оставался за океаном до 1834 г., а по возвращении в Лондон служил управляющим одной столичной фирмы, был консулом Перу и Эквадора и т. д.

Следовательно, личные наблюдения Робертсонов в Парагвае ограничивались 1812—1815 гг., когда еще не была установлена пожизненная диктатура Франсии. О том, что происходило в дальнейшем, они могли знать лишь из свидетельств Ренгера и Лоншана, а также некоторых других лиц. Поэтому, претендуя на освещение периода до середины 1838 г., Робертсоны вместе с тем признавали, что их сведения о правлении Франсии фактически заканчиваются 1826—1827 гг.

Изданные ими в 1838—1839 гг. «Письма о Парагвае»¹⁴ писались братьями попеременно, в соответствии с хронологической последовательностью излагаемых событий. Рассказ о пребывании шотландских купцов в Парагвае сменялся описанием различных фактов политической жизни страны, очевидцами которых они являлись. Большая часть книги была посвящена периоду до конца 1815 г., а последний раздел третьего тома (письма XXII—XXVIII) — событиям, происходившим после высылки авторов

на Парагвая; в нем давалась также общая оценка диктатуры Франции.

Разумеется, среди обильного фактического материала, составлявшего содержание трехтомного труда Робертсонов, попадаются подчас достоверные данные и справедливые замечания. Но они встречаются в порядке исключения и никак не определяют сущность этого крайне тенденциозного сочинения, от начала до конца проникнутого неприкрытой ненавистью к Франции и стремлением представить его в самом неприглядном виде. В изображении Робертсонов парагвайский диктатор выглядел жестоким тираном и деспотом, установившим террористический режим насилия и произвола, поработившим свою страну и народ. Путь его, по их словам, запятнан неслыханными преступлениями, это один из самых дурных и презренных людей, бич человечества и т. п.¹⁵ Порицая своих предшественников — Ренггера и Лоншана за чрезмерную мягкость и снисходительность, проявленную будто бы по отношению к Франции, авторы употребляли для нарисованного ими зловещего портрета исключительно черную краску, настойчиво подчеркивали отрицательные стороны политики и характера диктатора и умалчивали о положительных¹⁶, не гнушались повторять самые нелепые и дикие домыслы, слухи, анекдоты.

Аналогичную, крайне мрачную характеристику режима Франции почти одновременно дал в своей книге «Буэнос-Айрес и провинция Рио-де-ла-Платы», вышедшей в 1839 г., британский дипломат Вудбайн Пэриш¹⁷, являвшийся в 1824—1825 гг. генеральным консулом, а в 1825—1832 гг. — поверенным в делах Англии в Буэнос-Айресе. Информацию о Парагвае он почерпнул главным образом из доклада о состоянии торговли на Рио-де-ла-Плате, подготовленного в июле 1824 г. комитетом английских купцов Буэнос-Айреса, и неоднократных бесед с одним из Робертсонов¹⁸.

Если Пэриш, посвятивший Парагваю лишь небольшой раздел книги, писал не на основе собственных впечатлений, то пространное сочинение Робертсонов в большей своей части (тома I—II целиком и добрая половина III тома) базировалось, по их утверждению, на личных наблюдениях авторов. Поэтому естественно, что оно сразу привлекло внимание читающей публики и вызвало известную сенсацию. Уже в 1839 г. в Лондоне вышло второе издание, а в Кведлинбурге — немецкий перевод. Сокращенное изложение этого произведения было опубликовано в петербургской печати¹⁹.

В связи с явной тенденциозностью и в то же время легковесностью робертсоновских писаний они были встречены в британской прессе с недоверием. В мартовском номере лондонского журнала «The Quarterly Review» за 1839 г. под заглавием «Письма о Парагвае» появилась анонимная рецензия на три тома Робертсонов и английский перевод книги Ренггера и Лоншана²⁰.

Отмечая пристрастность шотландских коммерсантов, рецензент объяснял ее так: «Поскольку их торговые спекуляции потерпели неудачу, а сами они были высланы из страны, где перед ними открывалось широкое поле деятельности, ненависть к тирану, преследовавшему братьев и их друзей, должна была сохраняться даже в течение 20 или 30 лет». Поэтому Робертсоны постарались изобразить Франсию гораздо хуже, чем он был на самом деле. Автор рецензии склонен был «отдать предпочтение более спокойному изложению фактов и мнений» Ренггером и Лоншаном, знавших диктатора «значительно дольше и позднее», нежели Робертсоны²¹.

Сравнивая описание отдельных аспектов политики Франции в той или другой книге, рецензент подчеркивал разный подход авторов при объяснении причин тех или иных явлений: там, где Ренггер и Лоншан видели стечение обстоятельств или особенности характера, Робертсоны обязательно усматривали только козни и злую волю. Рецензент указывал, что применявшиеся Франсией жесткие методы обуславливались обстановкой и стремлением сохранить независимость Парагвая, испытывавшего постоянную угрозу со стороны внешних и внутренних врагов; эта политика принесла в конечном счете свои плоды. «...Справедливость требует заметить,— говорилось в рецензии,— что как бы сурова ни была власть этого деспота, подчиненная ей страна избежала в результате тысячи бедствий, пережитых в тот же период другими испанскими колониями»²².

Критические замечания в адрес Робертсонов вызвали с их стороны соответствующую реакцию. На первых страницах своей новой книги «Письма о Южной Америке», вышедшей в начале 1843 г., они вступили в острую полемику с рецензентом. Отвергая обвинения в извращении и предвзятом толковании фактов, относящихся к парагвайской диктатуре, Робертсоны в доказательство ссылались на Ренггера и Лоншана, а также на Пэриша. О всех описанных ими актах тирании в Парагвае, заявляли они, еще раньше сообщили швейцарские врачи, но сделали это очень робко, так как над ними довлел страх перед диктатором. Робертсоны же считали, по их словам, своим долгом высказать всю правду о Франсии, не скрывая отвращения и возмущения по поводу его действий²³.

Дискуссия о диктатуре в Парагвае, видимо, заинтересовала Карлейля и побудила его специально заняться данным вопросом, а затем взяться за перо. В мае-июне 1843 г. он подготовил большой очерк, главным героем которого являлся скончавшийся в 1840 г. доктор Франсиа. Вследствие крайней скудости материалов о парагвайском диктаторе основным источником Карлейлю послужила книга Ренггера и Лоншана, хотя она его далеко не удовлетворяла. Все же он считал ее «достоверной, правдивой, умеренной и точной; хотя тощая и сухая, она... содержит все наиболее важное, что известно в Европе до сего дня о докторе-деспоте»²⁴.

Писания Робертсонов Карлейль подверг уничтожающей критике, не скупясь на насмешки и язвительные реплики в их адрес. «Господа Робертсоны заимствовали почти все важные факты у Рентгера и Лоншана, дополнив их рядом собственных не очень существенных воспоминаний,— писал он.— Таким образом получился квадратный дюйм мыла, растворенного в робертсоновской болтливости, торгашеском остроумии, газетной философии и других водянистых субстанциях, пока не заполнилась бочка,— том в 400 страниц»²⁵. Касаясь нападок Робертсонов на Францию в связи с их высылкой из Парагвая, Карлейль замечал, что диктатор имел все основания так поступить, ибо они обманули его, не выполнив поручение, данное старшему из братьев²⁶.

Характеризуя Францию как единственного человека, способного в то время успешно руководить парагвайским государством, английский историк утверждал, что с его приходом к власти положение в стране значительно улучшилось: он упорядочил управление, обеспечил спокойствие и возможность населению заниматься мирным трудом, организовал обучение войск и охрану границ, добился заметного прогресса в сельском хозяйстве, привел в порядок финансы, гарантировал нормальное отправление правосудия, поощрял развитие народного образования, вел борьбу с предрассудками и суевериями, искоренял взяточничество и коррупцию, не терпел праздности и лени и т. д. В очерке отмечались выдающиеся личные качества Франции — государственный ум, честность, справедливость, энергия, любознательность, указывалось, что он вел чрезвычайно скромный образ жизни.

Карлейль признавал, что Франция прибегал к весьма суровым мерам (изоляция страны от других государств, строгая регламентация внешней торговли и даже ее прекращение, тюремное заключение и казни противников режима). В течение 26 лет диктатор был, по его мнению, неограниченным повелителем Парагвая, новым Дионисием — тираном Парагвайским. Но такой образ действий не вызывал у Карлейля осуждения. Напротив, ему казалось вполне естественным, что Франция не терпел возражений и неповиновения, не останавливался перед жестокими репрессиями, включая тюрьмы и казни. Применявшиеся им методы принуждения Карлейль объяснял государственными соображениями, заботой об интересах Парагвая, о его процветании и благополучии. Решительные действия диктатора диктовались, как он полагал, исключительно необходимостью пресечь происки врагов, посягавших на безопасность страны. Поэтому Карлейль оправдывал, в частности, подавление заговора и расправу с его участниками (в том числе казнь свыше 40 заговорщиков) в начале 20-х годов XIX в. Он указывал, что так называемое «царство ужаса», о котором со столь благородным негодованием писали Робертсоны, на самом деле продолжалось всего два-три года. А с прекращением заговоров Франция почти совсем отказалась от подобных кровавых мер воздействия²⁷.

Защищая Франсию от нападок Робертсонов, Карлейль заметил, что «человек не имеет права болтать языком, а тем менее царапать пером по бумаге, ничего не сообщая». Он решительно отвергал робертсоновские претензии на роль судей поступков Франсии, подчеркивая, что последний «вовсе не был обязан смотреть на мир глазами Ренггера и Робертсонов, для этого у него были собственные глаза»²⁸.

При сопоставлении карлейлевского очерка с упомянутой выше анонимной рецензией «Письма о Парагвае» сразу обращает на себя внимание большое сходство между ними. Поскольку в то время публикации без подписи были весьма распространенным явлением, вполне правомерно предположить, что более ранняя рецензия также принадлежала перу Карлейля. В пользу такого допущения говорят некоторые обстоятельства. Обе статьи, вышедшие с относительно небольшим интервалом в четыре года, посвящены одной и той же теме, написаны в основном на базе одних и тех же источников; позиции авторов имеют много общего, а оценка ими диктатуры Франсии почти совпадает, отличаясь лишь некоторыми деталями и незначительными оттенками.

Правда, в наиболее полном библиографическом указателе трудов Карлейля, составленном И. У. Дайером, отсутствует публикация под названием «Letters on Paraguay»²⁹. Более того, ни в указанной библиографии, ни в биографических работах Шэперида, Фруда, Ралли, Уилсона³⁰ вообще нет упоминаний о том, что Карлейль когда-либо печатался в «The Quarterly Review». Но это, конечно, еще не доказательство. Для проверки обоснованности высказанной выше гипотезы об авторстве «парагвайской» статьи, появившейся в данном журнале, необходимо подвергнуть оба текста тщательному сравнительному анализу.

Такое сравнение позволяет наряду с отмеченными общими моментами и совпадениями выявить и существенные различия.

Очерк «Д-р Франсиа» написан в свойственной Карлейлю своеобразной манере, отличавшейся эмоциональностью, динамичностью, живостью изложения. Он охотно прибегал к историческим аналогиям и параллелям (в очерке фигурировало, например, множество имен мифологических персонажей, великих людей древности, французского Просвещения и т. д.), любил употреблять звучные эпитеты, метафоры, рисовал яркие картины событий прошлого и красочные портреты исторических деятелей. Полемику Карлейль вел обычно в резком, саркастическом тоне. Его произведения изобиловали восклицаниями, междометиями, отступлениями, частыми обращениями к читателю, а иногда и к самим действующим лицам. Литературный стиль рецензии 1839 г. не имел ничего общего с карлейлевским, а содержавшаяся в ней критика по адресу Робертсонов звучала несравненно сдержаннее, чем в очерке.

Одним из основных источников для авторов обеих статей послужила книга Ренггера и Лоншана. Но в то время как аноним-

ный рецензент пользовался английским переводом, Карлейль считал его непригодным³¹ и ссылался только на оригинальное французское издание. В рецензии Франсиа дважды сравнивался с Кромвелем, причем последний и его сторонники изображались явно в негативных тонах. Карлейль, уже задумавший в то время свой знаменитый труд, посвященный Кромвелю, не мог, разумеется, писать так о своем кумире. Кстати, в очерке «Д-р Франсиа» он воздержался от прямых параллелей между парагвайским диктатором и своим любимым героем. Обращают на себя внимание и транскрипционные расхождения: если рецензент «The Quarterly Review» пользовался исключительно краткой формой имени — Франсиа, то Карлейль наряду с ней неоднократно употреблял и другую — Родригес, а иногда более полную — Родригес Франсиа.

Все вышеизложенное заставляет прийти к выводу, что предположение, будто рецензия 1839 г. написана Карлейлем, не подтверждается. А это дает дополнительный аргумент против распространенной в научной литературе тенденции связывать с очерком Карлейля начало исторической «реабилитации» режима Франсии³². Подобное утверждение и без того представлялось не слишком обоснованным, так как первым и по существу единственным публичным обвинением Франсии при его жизни являлись сочинения Робертсонов. Но, кроме того, как выясняется, их еще до Карлейля подверг серьезной критике его анонимный предшественник.

Таким образом, карлейлевский очерк следует скорее считать наиболее ярким и законченным выражением апологии парагвайской диктатуры, вытекавшей из свидетельств очевидцев, опубликованных в 20-х годах XIX в., а также определенной реакцией на попытки фальсификации и тенденциозной интерпретации этого явления, предпринятые в конце 30-х годов.

Возникает вопрос, почему именно Карлейль проявил в то время столь очевидную симпатию к южноамериканской революции и ее лидерам, в первую очередь к Франсии? Судя по всему, ответ определяется эволюцией взглядов английского историка и писателя на развитие человечества, вернее, тем этапом формирования его мировоззрения, который завершился в основном к середине 40-х годов.

В 1839 г. Карлейль приступил к подготовке «Писем и речей Оливера Кромвеля» — собрания документов с обширными комментариями, содержащими фактически всю историю английской революции XVII в. 12 марта 1839 г. он писал своему брату Джону о том, что читает много книг о Кромвеле и его эпохе³³. Кромвелю была посвящена значительная часть одной из лекций цикла о героях, читавшихся в мае и записанных в июне — августе 1840 г. С осени этого года Карлейль основательно занялся сбором материалов для задуманного им труда и интенсивно работал над ним до конца августа 1845 г.³⁴ «Целью этой работы, — отмечает Е. В. Гутнова, — была реабилитация Кромвеля как

человека и политика... Верный «культу героев», Карлейль всю революцию рассматривает как воплощение деятельности «героя» Кромвеля и даже называет ее «кромвелиадой»³⁵. Возвеличивая вождя индипендентов, он полностью оправдывал все его действия и осуждал всех его противников.

Интерес к личности Кромвеля вытекал из общеисторической концепции Карлейля, окончательно сложившейся к этому времени. Вполне понятно, что, рассматривая историю сквозь призму культа «героев», он искал примеры и среди современников. Поскольку в посленаполеоновской Европе обнаружить их было трудно, взоры Карлейля обратились к американскому континенту, на необъятных просторах которого разыгрывались бурные революционные события. Этому, возможно, в какой-то мере способствовало и сугубо личное обстоятельство: отъезд в Америку летом 1843 г. семьи брата Карлейля — Александра³⁶.

Как бы то ни было, очерк Карлейля относится именно к той стадии его духовного развития, когда ему весьма импонировали «сильные» личности типа Боливара, Сан-Мартина, О'Хиггинса и, конечно, Франсии. В то время его ум, по словам исследователя творчества Карлейля Трэйла, «находился в состоянии быстро усиливавшегося недовольства и недоверия к демократическим тенденциям и возраставшей с каждым днем уверенности в необходимости героя в качестве диктатора. Карлейлю казалось, что он нашел такового... в лице его превосходительства, гражданина д-ра Хосе Гаспара Родригеса Франсии»³⁷.

Явно одобряя ликвидацию Франсией представительной формы правления и конституционных гарантий, проводившуюся им политику террора и репрессий, Карлейль видел в парагвайском диктаторе человека, самоотверженно выполнявшего тяжелую миссию, возложенную на него провидением. «Диктатура была ему нужна, чтобы лучше управлять... Подобно Кромвелю и Наполеону, он попирает демократию, дабы осуществить ее цели», — так представлял себе О. Ралли ход мыслей Карлейля³⁸. Вместе с тем Франсия и его окружение привлекали свежестью и новизной темы. Карлейль «находил удовольствие в обращении от старых европейских проблем к неизученному предмету. А природные особенности южноамериканского континента воспламеняли его воображение»³⁹.

Интерес к парагвайскому феномену не был мимолетным увлечением Карлейля. Об этом свидетельствует, в частности, следующая деталь. В своем очерке он уделит значительное внимание одному эпизоду, рассказанному Ренггером и Лоншаном, а также Робертсонами. По их словам, Франсия, недовольный качеством солдатских ремней, изготовленных неким асунсьонским башмачником, приказал в «воспитательных» целях провести последнего несколько раз под виселицей. Перепуганный мастер с тех пор стал якобы делать превосходные ремни. В противовес Робертсонам, видевшим в поступке диктатора очередное проявление са-

модурства, произвола, бессмысленного издевательства над людьми, Карлейль объяснял его стремлением заставить плохих и нерадивых работников трудиться добросовестно и полагал, что определенного результата в этом смысле удалось добиться⁴⁰. Впоследствии он не раз вспоминал эту историю, а в 1847 г. рассказал ее во время посещения фабрики Джона Уитуорта в Манчестере (ассоциация возникла у него, видимо, в связи с тем, что владелец фабрики продемонстрировал гостю новое изобретение — вязальную машину, точно имитировавшую движения женских пальцев)⁴¹.

Карлейлевская оценка диктатуры Франции не нашла заметно отражения в исторической литературе XIX в. Может быть, это отчасти объяснялось тем, что очерк вышел в свет как анонимный и лишь через несколько лет выяснилось, что он принадлежит перу известного автора «Истории французской революции», «Писем и речей Оливера Кромвеля», лекций о героях и других шумевших произведений. Но и тогда он не вызвал особых откликов, возможно, вследствие своей ярко выраженной апологетичности и восхваления именно тех сторон парагвайского режима, которые казались либеральным историкам наиболее одиозными. Правда, отдельные авторы, не ссылаясь прямо на Карлейля, высказывали мнения, близкие к его взглядам. Однако в целом со второй половины 40-х годов XIX в. в освещении вопроса стали доминировать суждения противоположного характера. Этот поворот был в значительной мере обусловлен появлением, помимо книг Робертсонов, еще двух враждебных Франции публикаций — замечаний очевидца парагвайских событий 1811 г. Педро Антонио Сомельеры на испанский перевод книги Ренггера и Лоншана (1846 г.) и брошюры Хуана Андреса Хельи «Парагвай: каким он был, каков он есть и каким он будет» (1848 г.)⁴². В дальнейшем за ними последовали новые источники такого же направления⁴³.

Вплоть до конца прошлого столетия в историографии воспроизводились преимущественно негативные оценки режима Франции, данные Робертсонами, Пэришем, Сомельерой, Хельи, Хилем Наварро, Моласом, Родригесом, критические высказывания Ренггера и Лоншана. Иногда они сопровождались выпадами против Карлейля. Так, североамериканский автор Чарлз Уошберн на многих страницах своего объемистого труда полемизировал с Карлейлем, оспаривая его характеристику парагвайского диктатора⁴⁴. Аргентинец Федерико Тобаль выпустил книгу, целью которой было опровержение взглядов Карлейля. Характеризуя Францию как «мрачного тирана» и «наглого деспота», загубившего будущее своего народа и обрекшего его на уничтожение, Тобаль заявлял, что «книга Карлейля — это отрава, ибо она является апофеозом тирании и тирана»⁴⁵.

Лишь изредка раздавались голоса людей, солидаризировавшихся с карлейлевской оценкой или одобрительно отзывавшихся о

ней. Среди них был, например, профессор Гёттингенского университета И. Э. Ваппэус, который в своем очерке о Парагвае сочувственно цитировал высказывания Карлейля⁴⁶. Их в значительной мере разделял (хотя и с некоторыми оговорками) известный бразильский публицист Руй Барбоза, посвятивший Франции большой раздел одного из «Писем из Англии» (1895 г.)⁴⁷. Генри Д. Трэйл во введении к юбилейному изданию критических и других статей Карлейля, комментируя очерк «Д-р Франция», отмечал, что история долголетнего правления диктатора изложена в нем чрезвычайно ярко и оставляет у читателя живой образ этого человека⁴⁸.

Только в XX в., когда историки приступили, наконец, к систематическому изучению диктатуры Франции на научной основе, с привлечением более широкого круга источников и прежде всего архивных материалов (которые с полной очевидностью подтвердили наличие ряда позитивных аспектов этого режима и позволили преодолеть возникшую во второй трети прошлого столетия «черную легенду»), концепция Карлейля заняла подобающее ей место в историографии вопроса.

Даже оспаривавший ее аргентинский автор Хулио Льянос писал, что Карлейль имел основание считать режим Франции единственной формой правления, подходившей в то время парагвайскому народу⁴⁹. О. Ралли, издавший в 1920 г. «Указатель к Карлейлю», где посвятил специальный раздел очерку о Франции, считал его «шедевром и одним из наиболее типичных для Карлейля произведений»⁵⁰. Д. А. Уилсон в своей шеститомной работе «Жизнь Томаса Карлейля», возражая критикам, рассматривавшим этот очерк как «оправдание деспотизма», указывал: «Он является не оправданием какого-либо «изма», а картиной действительности. Франция был умелым и честным администратором... которого парагвайский народ знал как единственного государственного деятеля, готового во имя истины и справедливости нанести вред самому себе»⁵¹. Весьма положительно отнеслись к суждениям Карлейля видные парагвайские исследователи Сесилио Баэс, Хусто Пастор Бенитес, аргентинский историк Атилио Гарсия Мельид, западногерманский автор Губерт Крир⁵² и др. Это, конечно, вовсе не означает, что они их полностью разделяют и являются такими же апологетами Франции, как Карлейль, пустивший в ход своего рода «белую легенду» о парагвайском диктаторе. Признание получили в первую очередь два важных аспекта карлейлевского очерка: разоблачение измышлений Робертсонов⁵³ и выявление ряда положительных черт режима Франции. Что же касается его характеристики в целом, то современная историческая наука, естественно, далеко ушла от поверхностно-упрощенных представлений и однозначных оценок Карлейля.

Статья «Д-р Франция» интересна не только с точки зрения места, занимаемого ею в историографии парагвайской революции и диктатуры Франции. Ее значение гораздо шире. Это, пожа-

луй, первая в европейской литературе попытка утверждения исторической роли испаноамериканской революции и «реабилитации» ее руководителей. Следует напомнить, что имена Франсиско Миранды, Симона Боливара, Хосе де Сан-Мартина, Бернардо О'Хиггинса, Хосе Хервасио Артигаса, Франсиско Морасана и многих других, после того как они сошли с политической арены, надолго были преданы забвению, а их деятельность освещалась весьма пристранно. Об односторонней интерпретации политики Франции уже говорилось выше.

Вместе с тем очерк Карлейля важен и как показатель расширения географических рамок его общен исторической схемы на той стадии, когда «он выступил в литературе против буржуазии... причем выступления его носили иногда даже революционный характер»⁵⁴, когда он оправдывал великие буржуазные революции XVII—XVIII вв. в Англии и Франции, когда он был «одним из немногих историков, смело и открыто затронувших социальные вопросы тогдашней Англии»⁵⁵. Но уже тогда критика современности, которую он вел с позиций реакционного романтизма, была у него «тесно связана с на редкость антиисторическим апофеозом средневековья»⁵⁶.

На протяжении 40-х годов XIX в., в условиях нового подъема чартистского движения и особенно под влиянием революций 1848—1849 гг. во Франции, Германии и других странах континентальной Европы, реакционные тенденции в крайне противоречивом мировоззрении Карлейля чрезвычайно усилились. Рецензируя весной 1850 г. его «Современные памфлеты», Маркс и Энгельс отмечали «падение литературного таланта, столкнувшегося с обострением исторической борьбы, наперекор которой он пытается отстоять свои непризнанные, возникшие по наитию, пророческие откровения»⁵⁷.

Этот сдвиг вправо проявился и в отношении Карлейля к латиноамериканским проблемам. В декабре 1849 г. он опубликовал «Речь по негритянскому вопросу»⁵⁸, где решительно высказывался против отмены рабства негров в вест-индских колониях Англии (осуществленной в 30-х годах), так как освобожденные рабы якобы не желали работать. Вест-Индия превратилась, по его словам, в «черную Ирландию». Предлагая, пока не поздно, восстановить рабство, Карлейль заявлял, что иначе Вест-Индию ждет судьба Гаити (изгнание всех белых и полная анархия) или переход в руки США. Видный тринидадский историк Эрик Уильямс считает эту статью «самым отвратительным документом во всей мировой литературе о рабстве и Вест-Индии»⁵⁹.

Даже близкий друг и верный последователь Карлейля Джеймс Э. Фруд, старавшийся в очернении вест-индских негров не отставать от своего учителя⁶⁰, признал, что его статья вызвала всеобщий шок и многие прежние поклонники Карлейля отвернулись от него⁶¹. Статья по негритянскому вопросу «особенно возмутила многих», отметил впоследствии Н. И. Кареев⁶². Весьма резко

критиковал в этой связи английского историка Н. Г. Чернышевский⁶³.

Карлейль еще раз вернулся к данной теме во второй половине 60-х годов XIX в., после жестокого подавления британскими колониальными властями восстания на Ямайке (1865 г.). Заняв пост вице-председателя «Комитета фонда защиты Эйра» (губернатора острова, учинившего кровавую расправу с восставшими), он публично оправдывал действия последнего. Свою позицию Карлейль изложил в письме, направленном 23 августа 1866 г. почетному секретарю комитета Гамильтону Юму⁶⁴. Год спустя он коснулся этого вопроса в памфлете «Вниз по Ниагаре — а потом?», написанном по поводу парламентской реформы 1867 г.⁶⁵ Душитель освободительного движения на Ямайке являлся в глазах Карлейля «героем», который сумел «поставить на место» негров, пытавшихся свергнуть иго колонизаторов. Он заявил, что если бы был королем, то назначил бы Эйра диктатором Ямайки на ближайшие 25 лет⁶⁶.

Отношение Карлейля к революционным событиям, происшедшим в Западном полушарии, отражало общую эволюцию его взглядов, претерпевших на протяжении 40—60-х годов прошлого столетия серьезные изменения.

¹ *Carlyle Th. The French Revolution: A History. London, 1837, vol. 1—3; Он же. Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History. London, 1841; Он же. Past and present. London 1845—1846; Он же. History of Friedrich II of Prussia, called Frederick the Great. London, 1858—1865, vol. 1—6.* Заметим, что первое знакомство русской читающей публики с сочинениями Карлейля относится к 50-м годам прошлого века, когда в «Современнике» были напечатаны отрывки из цикла о героях (1856), а в «Библиотеке для чтения» — очерки «Песнь о Нибелунгах» и «Доктор Франсиа» (1857). В 1859 г. Герцен опубликовал в «Полярной звезде» русский перевод адресованного к нему письма Карлейля от 13 апреля 1855 г. и своего ответа от 14 апреля того же года (см.: *Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т., т. XI. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 537—538*).

² *Историография нового времени стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1967, с. 138.*

³ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 7, с. 269.*

⁴ *Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1955, т. II, с. 38.*

⁵ Не составляет в этом смысле исключения и изданная несколько лет назад монография о литературной деятельности Карлейля в 1828—1843 гг. См.: *Rosenberg Ph. The Seventh Hero: Thomas Carlyle and the Theory of Radical Activism. Cambridge, Mass., 1974.*

⁶ *The Foreign Quarterly Review. London, 1843, vol. XXXI, N LXII, July, p. 544—589.* Под именем Карлейля и заголовком «Dr. Francia» впервые напечатан в 1847 г. См.: *Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays. Third Edition. London, 1847, vol. IV, p. 253—312.*

⁷ *The Foreign Quarterly Review, vol. XXXI, N LXII, p. 544—551.*

⁸ *The Foreign Quarterly Review, vol. XXXI, N LXII, p. 551.*

⁹ *Rodney and Graham. Reports on the Present State of the United Provinces of South America. London, 1819; Brackenridge H. M. Voyage to South America. London, 1820, vol. I—II.*

- ¹⁰ Подробнее см.: Новая и новейшая история, 1969, № 3, с. 119—122.
- ¹¹ *Caldcleugh A. Travels in South America, During the Years 1819—20—21.* London, 1825, vol. I—II.
- ¹² A Narrative of Facts Connected with the Change Effected in the Political Condition and Relations of Paraguay, under the Direction of Dr. Thomas Francia.... London, 1826.
- ¹³ *Rengger et Longchamp. Essai historique sur la révolution du Paraguay, et le gouvernement dictatorial du docteur Francia.* Paris, 1827; *Rengger and Longchamp. The Reign of Doctor Joseph Gaspard Roderick de Francia in Paraguay.* London, 1827. Краткое изложение книги с вводными и заключительными замечаниями опубликовал в 1832 г. солидный лондонский ежемесячник. См.: *The Monthly Magazine*, vol. XIII, N 73, 1832, January, p. 17—26.
- ¹⁴ *Robertson J. P. and W. P. Letters on Paraguay.* London, 1838—1839, vol. I—III. Том III вышел под заголовком «Francia's Reign of Terror, being the Continuation of Letters on Paraguay».
- ¹⁵ *Robertson J. P. and W. P. Letters on Paraguay*, vol. I, p. 92—93; vol. II, p. 326; vol. III, p. 9, 11, 132, 291—369, 392—397.
- ¹⁶ *Robertson J. P. and W. P. Letters on Paraguay*, vol. III, p. 386—391.
- ¹⁷ *Parish W. Buenos Ayres and the Provinces of the Rio de la Plata.* 2nd ed. London, 1852.
- ¹⁸ *Parish W. Buenos Ayres and the Provinces...*, p. 264—267.
- ¹⁹ Северная пчела, 1838, № 262, 263; Отечественные записки, 1839, т. IV, отд. VIII, с. 40—47.
- ²⁰ Letters on Paraguay.—*The Quarterly Review*, 1839, March, vol. LXIII, N CXXXVI, p. 342—369.
- ²¹ Letters on Paraguay, p. 342.
- ²² Letters on Paraguay, p. 369.
- ²³ *Robertson J. P. and W. P. Letters on South America.* London, 1843, vol. I, p. 9—17.
- ²⁴ *The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 554.
- ²⁵ *The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 556.
- ²⁶ Кстати, Д. П. Робертсон сам признался, что, обещая Франции исполнить его просьбу, в действительности вовсе не собиравшись этого делать. См.: *Robertson J. P. and W. P. Letters on Paraguay*, vol. II, p. 286.
- ²⁷ *The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 574—575.
- ²⁸ *The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 558—559.
- ²⁹ *Dyer I. W. A Bibliography of Thomas Carlyle's Writings.* New York, 1968.
- ³⁰ *Shepherd R. H. (ed.). Memoirs of the Life and Writings of Thomas Carlyle.* London, 1881, vol. I—II; *Froude J. A. Thomas Carlyle. A History of the First Forty Years of his Life, 1795—1835.* New York, 1882; *Он же. Thomas Carlyle. A History of his Life in London, 1834—1881.* New York, 1892, vol. I—II; *Ralli A. Guide to Carlyle*, New York, 1969, vol. I—II; *Wilson D. A. Life of Thomas Carlyle.* London, 1923—1934, vol. I—VI.
- ³¹ «Переводчик, не опасаясь, что люди это обнаружат, и, видимо, совсем не боясь ни бога, ни дьявола, сделал свое дело необыкновенно плохо: невежественно, небрежно, заведомо недобросовестно, спокойно пропустив все, чего не понял» (*The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 554).
- ³² *Pendle G. Paraguay.* London; New York, 1954, p. 19.
- ³³ *Wilson D. A. Life of Thomas Carlyle.* London, 1925, vol. III, p. 53.
- ³⁴ *Ralli A. Guide to Carlyle*, vol. I, p. 277, 317.
- ³⁵ *Гурнова Е. Томас Карлейль как историк.— Вопросы истории.* 1945, № 5—6, с. 178.
- ³⁶ *Wilson D. A. Life of Thomas Carlyle*, vol. III, p. 224.
- ³⁷ *Carlyle T. Critical and Miscellaneous Essays.* London, 1899, vol. I, p. VII.
- ³⁸ *Ralli A. Guide to Carlyle*, vol. I, p. 261.
- ³⁹ *Ralli A. Guide to Carlyle*, vol. I, p. 261.
- ⁴⁰ *The Foreign Quarterly Review*, vol. XXXI, N LXII, p. 585.
- ⁴¹ *Wilson D. A. Life of Thomas Carlyle*, vol. III, p. 394.

- ⁴² Notas del doctor don Pedro Somellera á la introducción que ha puesto el doctor Rengger a su ensayo histórico sobre la revolución del Paraguay.— In: Documentos del archivo de Belgrano. Buenos Aires, 1914, t. III, p. 313—340; *Gelly J. A.* El Paraguay. Lo que fué, lo que es y lo que será. Paris, 1926.
- ⁴³ *Gil Navarro R.* Veinte años en un calabozo. Rosario, 1863. *Molas M. A.* Descripción histórica de la antigua provincia del Paraguay. Buenos Aires, 1868; *Rodríguez M.* Recuerdos de un precursor de la revolución paraguaya en 1811.— Revista Nacional. Buenos Aires, 1891.
- ⁴⁴ *Washburn C. A.* The History of Paraguay, Boston; New York, 1871, vol. I, p. 163, 167, 169, 190, 196, 211, 274, 278, 293.
- ⁴⁵ *Tobal F.* El dictador Francia ante Carlyle. Buenos Aires, 1893, p. 5.
- ⁴⁶ *Wappäus J. E.* Die Republik Paraguay.— In: Handbuch der Geographie und Statistik für die gebildeten Stände. 7. Aufl. Bd. 1, Lief. 15. Leipzig, 1867, S. 1178, 1179.
- ⁴⁷ *Barbosa R.* Cartas de Inglaterra. México; Buenos Aires, 1953, p. 140—155.
- ⁴⁸ *Carlyle T.* Critical and Miscellaneous Essays. London, 1899, vol. I, p. VIII.
- ⁴⁹ *Llanos J.* El Dr. Francia. Buenos Aires, 1907, p. 57—58.
- ⁵⁰ *Ralli A.* Guide to Carlyle, vol. I, p. 261.
- ⁵¹ *Wilson D. A.* Life of Thomas Carlyle, vol. III, p. 224.
- ⁵² *Báez C.* Ensayo sobre el doctor Francia y la dictadura en Sud — América. Asunción, 1910, p. 113—117, 194; *Benítez J. P.* La vida solitaria del Dr. José Gaspar de Francia. Dictador del Paraguay. Buenos Aires, 1937, p. 192—194; *García Mellid A.* Proceso a los falsificadores de la historia del Paraguay. Buenos Aires, 1963, t. I, p. 195—196; *Krier H.* Tapferes Paraguay. Würzburg, 1973, S. 33.
- ⁵³ Именно они, по мнению парагвайского ученого X. С. Чавеса, больше всего виновны в появлении и существовании негативной оценки Франции в исторической и политической литературе (*Chaves J. C.* El Supremo Dictador. 3-a ed. Buenos Aires, 1958, p. 389).
- ⁵⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 268.
- ⁵⁵ *Ерофеев Н. А.* Английская историческая наука 30—40-х годов XIX в.— В кн.: *Маркс-историк.* М., 1968, с. 43; *Rosenberg Ph.* The Seventh Hero...
- ⁵⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 268.
- ⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 7, с. 268.
- ⁵⁸ Occasional Discourse on the Negro Question.— Fraser's Magazine. London, vol. XL, N 240, 1849, December, p. 670—679. В 1853 г. издана отдельной брошюрой.
- ⁵⁹ *Williams E.* British Historians and the West Indies. London, 1966, p. 80.
- ⁶⁰ *Froude J. A.* The English in the West Indies. London, 1888.
- ⁶¹ *Froude J. A.* Thomas Carlyle. A History of His Life in London 1834—1881, vol. II, p. 19—22.
- ⁶² *Кареев Н. И.* Томас Карлейль. Пг., Брокгауз и Ефрон, 1923, с. 96.
- ⁶³ *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч.: В 15-ти т. М.: Гослитиздат, т. VII, 1950, с. 196, 207.
- ⁶⁴ *Hume H.* The Life of Edward John Eyre, Late Governor of Jamaica. London, 1867, p. 289—290.
- ⁶⁵ *Carlyle T.* Shooting Niagara: and After? — In: *Carlyle T.* Critical and Miscellaneous Essays, vol. V, p. 1—48. Эта публикация вызвала негативную реакцию даже со стороны ряда современников, в целом разделявших воззрения Карлейля и считавших себя его учениками. В частности, весьма неодобрительно отнесся к ней английский писатель Джордж Мердит. См.: *Carlyle and his Contemporaries.* Durham, 1976, p. 265.
- ⁶⁶ *Froude J. A.* Thomas Carlyle. A History of his Life in London, 1834—1881, vol. II, p. 310.

МИФ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАКАО У НАРОДОВ МЕСОАМЕРИКИ

Семена (или, как их чаще, хотя и неправильно, называют, бобы) какао играли важную роль в жизни народов Месоамерики. Из них приготавливались различные напитки, они служили монетой при расчетах; источники сообщают даже о случаях их подделки: кожуру заполняли землей¹. Известно, что в Месоамерике деревья какао выращивались на специальных плантациях, принадлежавших отдельным владельцам². Таким образом, значение какао в экономической жизни индейцев до испанского завоевания вряд ли может быть переоценено.

Учитывая все это, кажется удивительным, что какао почти не нашло отражения в религии. Действительно, если сравнить роль, которую в религии и искусстве народов Месоамерики играли кукуруза, бобовые, амарант, то значение какао кажется ничтожным. В частности, нам неизвестен миф о происхождении этого растения. Остальные данные невелики и мало что говорят исследователю. Все же попытаемся их обобщить.

Диего де Ланда³ сообщает, что у юкатанских майя в месяц Муан владельцы плантаций какао устраивали праздник богам Эк'Чуах, Чак и Хобниль. Эти божества считались их покровителями. На плантации одного из владельцев приносили в жертву собаку с пятнами цвета какао и игуан голубого цвета, возжигали курения перед статуями божеств; кроме того, жертвенными приношениями служили особые перья одной птицы (Ланда не уточняет, какой именно) и другая дичь. Каждому участнику дарилась ветвь с плодами какао. По окончании жертвоприношения устраивался пир, на котором съедались и выпивались принесенные дары. Ланда уточняет, что каждый участник, однако, «пил вино не более трех раз, и больше его не приносили». Завершалось празднество в доме устройства.

Упоминаемые в тексте Ланды боги различны по своим функциям. Чак был божеством грома и молнии, дождя, а следовательно, и плодородия. Обращение к нему владельцев плантаций какао поэтому имеет вполне ясный смысл. Хобниль был одним из Бакабов, как об этом сообщает тот же Ланда⁴. Он был связан с югом⁵; год, которому он покровительствовал, считался хорошим⁵. Вероятно, этот бог и упомянут в тексте Ланды именно потому, что он был патроном рассматриваемого года⁶. Хобниль считался также покровителем пчеловодов⁷. Ю. В. Кнорозов указывает, что само слово «хобниль» употреблялось для обозначения пчелиных ульев в дуплах деревьев⁸.

Сложнее обстоит дело с божеством Эк'Чуах. По Ланда, он был покровителем путников, а следовательно, и торговцев⁹.

Краткие упоминания о нем у Когольудо и Лас-Касаса (за которым повторяет это и Торкемада) сводятся к уподоблению его святому духу в христианской религии¹⁰, что говорит только о том, что это благожелательное божество. Д. Бринтон впервые связал это божество письменных источников с определенным иконографическим типом в иероглифических рукописях¹¹. («Мадридский кодекс» 54, 386; «Дрезденский кодекс» 166 и др.), характеризующий черной окраской тела, красно-коричневой полоской вокруг рта, большой свисающей вниз нижней губой и двумя изогнутыми линиями около глаза. Это отождествление поддержал затем и Шельхас¹², обозначивший его буквой М. С. Г. Морли¹³, кроме его благих черт как бога странствующих торговцев, приписывает ему значительную роль в разрушении мира, изображаемом на л. 53 «Дрезденского кодекса». А. Баррера-Васкес и С. Рендон¹⁴ рассматривают этого бога (сливая шельхасовских богов Л и М в одно лицо) как Эк'Чуаха и бога новолуния. Г. Циммерман определяет его как бога Г—20 с теми же чертами, что и Эк'Чуах¹⁵. Он выделяет как самостоятельное божество У другой иконографический тип с черным лицом и называет его божеством оленей (Д 13С, II 10). Ф. Андерс, подробно рассматривая изображение божества М в иероглифических рукописях, указывает, что исследователи из-за недостаточного знания, возможно, сливают нескольких богов в один образ¹⁶. Он встречается в кодексах более 40 раз. Обычно окраска тела у него — черная, что роднит его с божествами войны; иногда в руке его — копьё. В «Мадридском кодексе» бог М изображается с налобной повязкой для ношения грузов и тюков, что сближает его с Эк'Чуахом. Поэтому понятно, когда в том же кодексе (М 50а, 54с, 84а) мы видим, что на него нападает бог войны. В одном случае он имеет голову Шаман-Эка, бога Полярной звезды (М 33с). Иногда у него сзади имеется хвост скорпиона. Далее Андерс отмечает связь этого черного божества с охотой, в частности, с охотой на оленей¹⁷.

Ю. В. Кнорозов¹⁸ выделяет в иероглифических рукописях два персонажа, имеющих черные тела и лица. Первый — бог-носильщик 356 («несущий») имеет черное лицо и тело, особой формы глаз, торчащий нос, отвисшую нижнюю губу (М 20). Он изображается с грузом, приносящим жертву богу кукурузы (М 51в, 95в) и богу долин (II 16в, М 96а), добывающим огонь (М 38вс, 51а), с копьём и пленником (М 83а), пораженным копьём бога войны (М 50а, 54с, 84а). Этот бог, пишет Ю. В. Кнорозов, может быть сопоставлен с богом торговцев юкатанских майя XVI в. Эк'Чуах.

Второе божество Ю. В. Кнорозов определяет как бога оленей («семь раз гоняющий дичь»). Он имеет черное лицо и тело, «глаз бога», короткий горбатый нос, отвисшую нижнюю губу. Он изображается с оленьей головой (М 50в, 51с, 68в) или рогами (Д 13с, М 70а) вместо головного убора, с охотничьим ору-

Миф о происхождении какао

жием (М 50в, 51с), связанным (М 68в, 70а) и в паре с богиней оленей («имеющая четыре ноги»), изображенной в виде самки оленя в человеческой позе (Д 13с).

Дж. Э. С. Томпсон¹⁹, рассматривая божество Эк'Чуах, указывает, что он был богом торговцев и какао, вероятно, путунского происхождения, так как он засвидетельствован там под именем Ик'-Чава и Чуа у лакандонов восточного Акалана. «Эк'», или «Ик'», означает и «черный» и «звезда» в юкатанском и в языке путун; значение слова «чуах», или «чава», неизвестно. Обозначение определенного вида диких пчел «ах-чуах» или «иш-чуах», по мнению Дж. Э. С. Томпсона, не имеет прямого отношения к имени бога. Он присоединяется к мнению других исследователей, что бог М иероглифических кодексов является Эк'Чуахом источников раннеколониального периода, но отмечает, что ему не всегда присуща черная окраска. Так, в «Мадридском кодексе» бог М полностью белый, кроме красных губ, конца подбородка и синего подковообразного знака около глаза. На фресках в Санта-Рита-Коросаль, в фигурных курильницах из Майяпана и Небаха его тело и лицо окрашены наполовину в синий, наполовину в красный цвет или чередующимися полосками этих цветов. Имеются его изображения в камне и меди, а также на фигурных мозаиках из бирюзы, находящихся в музеях Рима и Копенгагена. Встречаются изображения или иероглифы этого божества и на памятниках классического периода. Исходя из материалов центральной Мексики, Дж. Э. С. Томпсон предполагает, что было,

по крайней мере, четыре или пять богов, связанных с торговлей; разная окраска свидетельствует об этом. Иероглифические данные указывают и на определенные ассоциации их со звездными и календарными культурами.

Таким образом, мы видим, что рассмотренный материал не указывает на прямую связь этой группы божеств с какао. В «Пополь-Вух» (часть II, гл. 4) имеется упоминание о богине какао — Шкакау²⁰, но все остальные источники народов горной Гватемалы молчат об этом божестве. Можно считать, что нет никаких упоминаний о божестве какао или о мифах, повествующих о происхождении этого растения, и в материалах других народов Месоамерики. Два упоминания о нем в «Анналах Куау'титлана» и мадридской рукописи Саагуна весьма незначительны. В первом источнике бегло упоминается, что Кецалькоатль «открыл вкусное питье из какао»²¹, сообщение интересное, но не встречающееся в других источниках. Во втором при описании изобилия, царившего в Толлане, говорится, что там во множестве росли различные сорта деревьев какао²².

Очень скудны и сведения об употреблении семян какао в ритуале. Ланда²³ сообщает, что при обряде «крещения» употреблялась смесь, сделанная из «определенных цветов и из какао, размоченного и растворенного в девственной воде, как говорили, взятой из углублений деревьев или камней в лесах»²⁴. В «Ритуале бакабов» «девственное какао» (т. е., очевидно, какао, приготовленное на «девственной воде»), «чужое какао», иш-малинкакао (возможно, связано с ацтекским словом малиналли — «трава»), какао в смеси с перцем, медом и табачным соком упоминается в нескольких заклинаниях при различных припадках, лихорадке, гельминтозах²⁵. Когольюдо нашел в одном из разрушенных храмов Ушмаля остатки приношений из какао и копала²⁶. У современных чорти и цутухилей какао употребляется в церемониях, связанных с богами дождя и Мамам²⁷. Кекчи после посева кукурузы пьют культовый напиток из какао²⁸. У масатек при постройке нового дома на месте будущего очага зарывали несколько семян какао, яйца и цыпленка²⁹. Отмечено ритуальное употребление какао у миштеков и куккатеков³⁰. У никарао праздник урожая какао отмечался играми «воладор» и «комелагатаосте»³¹. У ацтеков имперсонатору Тескатлипоки для поднятия настроения давали пить напиток «ицпакалатль», состоящий из какао и воды, настоянной на ножке для жертвоприношений³². Питье из какао подносилось статуе Тлалока в праздник Уэй-Тосостли³³. Сообщение Дурана и Оведео о том, что шоколад в Месоамерике пили только знатные лица³⁴, не имеет уже прямого отношения к рассматриваемой теме.

Нельзя сказать, что какао нашло значительное отражение в памятниках изобразительного искусства Месоамерики. В росписях сосудов и настенных фресках Теоти'уакана довольно часто изображались стручки какао³⁵. Несколько майяских терракот, изоб-

ражающих танцоров, толковались как статуэтки молодого бога какао³⁶, но в сопровождающих атрибутах можно видеть скорее початки кукурузы, чем стручки какао. На цилиндрическом сосуде майя классического периода, найденном в Бекане, нижний фриз украшен пятью парами горельефных изображений семян какао. На тулове сосуда по два изображения бога Б и змееподобного чудовища³⁷.

На одном диоритовом «ярье» из центрального Веракруса, относящемся к классическому периоду, изображены три одинаковых лица с толстыми щеками («Толстый бог»?), остальное поле заполнено семенами какао³⁸. Таким образом, все приведенные выше материалы не дают никаких определенных данных для реконструкции мифа о происхождении какао.

* * *

В 1964 г. археологической экспедицией музея Онтарио под руководством Д. М. Пендергаста была исследована пещера Актун-Балам в Белизе (Британском Гондурасе). Непосредственной причиной для такого исследования послужила находка лесорубами незадолго перед этим трех фрагментов сосуда с росписью. Работа Пендергаста увенчалась успехом, и при раскопках были обнаружены еще несколько фрагментов того же сосуда³⁹. Хотя, несмотря на все усилия, найдены были не все черепки и полностью сосуд восстановлен не был, все же имеющиеся фрагменты позволяют судить достаточно точно как о форме сосуда, так и о сюжете росписи на нем.

Найденный памятник майяской керамики (высота 22,4 см, диаметр 17,2 см), судя по его форме и характеру полихромной росписи, относится к началу позднеклассического периода, вероятно, к VII в. Место его изготовления неизвестно; Д. М. Пендергаст предполагает, что он происходит или из Караколя, или из еще не обнаруженного большого центра в южном Чик'ибуле⁴⁰. Художественный уровень росписи во всяком случае показывает, что перед нами — произведение исключительно талантливого мастера.

На внешней поверхности сосуда мы видим двух оленей; один, лежащий, уже мертв: глаза его белые, язык выпал изо рта, из ран на плече и крупе крупными каплями скатывается кровь. Одна согнутая и другая выпрямленная передние ноги, возможно, должны были передавать предсмертные судороги.

Второй олень жив, хотя также ранен: в правой задней ноге у него торчит дротик, из раны струится кровь. Поза его необычна: он стоит на задних ногах с наклоненным вперед телом и выброшенной перед собой левой передней ногой. Во рту он держит деревцо с тремя корнями, ветвями и девятью округлыми плодами или листьями серовато-белого цвета. Растение это не передает

какой-то определенный ботанический вид⁴¹, судя по символическому числу плодов, оно должно выражать что-то иное.

На шее этого оленя сидит девушка; одной рукой она держится за рога животного, другая (правая) указывает на деревцо. Одежда ее включает несколько необычных, а подчас и уникальных, более нигде не встречающихся деталей. Вместо пышного платья и плаща (ср., например, одежды дам в бонампак'ских фресках или статуэтках с о-ва Хайна) на ней простая, плотно облегающая тело рубашка без рукавов, длиной до середины бедер. Серовато-белая ткань украшена рисунком, состоящим из пар больших кругов красного цвета, окруженных маленькими белыми точками. Каждый ряд их отделен от другого двумя параллельными узкими полосками черного цвета. Такие же полоски идут и по нижнему краю рубашки. Прическа девушки сравнительно проста: несколько прядей свешиваются на ухо и лоб, а с затылка до середины талии спущена коса, завернутая в полоску белой ткани. На голове ее красная широкополая шляпа с высокой цилиндрической тульей и большой, свисающей сзади с полей кистью. Этот тип шляп встречается на терракотах с о-ва Хайна, из долины Комитана в Чиапасе и одной статуэтке из Копана⁴².

За девушкой, на каком-то неопределенном объекте (здесь сосуд поврежден), верхняя часть которого заканчивается волутой, сидит, скрестив ноги, карлик. Характерной чертой его лица являются необычайно густые черные брови; кончик носа окрашен черной краской. Поза карлика выражает ужас или удивление. В левой, отведенной назад руке — украшенный перьями атлатль, ладонь правой — у рта. На нем только черная набедренная повязка; в ушах — крупные белые диски, за спиной — мешок или тюк. На голове карлика большая коническая шляпа с узкими полями, украшенная двумя красными полосами, между которыми находятся три черные линии. На верхушке шляпы помещен черный шар, от которого отходят три длинных красных пера.

Издатель сосуда Д. М. Пендергаст обращает внимание, что в терракотах о-ва Хайна встречаются статуэтки, изображающие женщину в длинной мантии и широкополой шляпе с высокой тульей. Она или опирается руками на стоящего перед ней карлика или сидит на его плечах⁴³.

Влево от этой группы на сосуде изображены четыре охотника. Они делятся на две подгруппы: два из них смотрят на оленей, два других — в противоположную сторону. Свообразным разделителем между ними является колонка из четырех вертикально расположенных иероглифических знаков. У первого охотника (отсчитывая от оленя) необычна окраска тела (весь окрашен в красный цвет) и костюм. На нем черная набедренная повязка, завязанная сзади большим бантом, от которого отходит длинная полоса ткани, доходящая до лодыжек. На руках и ногах его — перевязки из белой ткани. За спиной охотника — белый мешок с черными кружками, прикрепленный двумя белыми веревками,

опоясывающими грудь. На груди к этим веревкам привязан непонятный сероватый предмет, с которого свисают три длинных пера такого же цвета.

Левой рукой охотник держит три черных дротика с остриями, обращенными вверх. Правая рука его поднята и отведена назад, он, очевидно, собирается метнуть в раненого оленя дротик, находящийся в красного цвета атлатле. Примечательны лицо охотника, резко отличающееся от обычного типа майя, и его головной убор. Он совершенно лысый, но с кустистыми бровями, усами и остроконечной бородкой. Черные волосы в них чередуются с седыми. Тонкая черная линия идет от бровей над глазами к переносице.

Головной убор состоит из небольшого серого шара, на котором находится помещенная горизонтально дощечка. На ней укреплена вертикально полоса, по сторонам которой лежат два белых шара. От серого шара отходят вниз на висок три серых шарика, один за другим. От нижнего из них через щеку к носу идет тонкая черная линия, вероятно, веревка, поддерживающая носовое украшение⁴⁴. Последнее состоит из конуса с прикрепленными внизу двумя перьями (?) или полосами материи, верхняя часть их серая, концы белые с красными и черными горизонтальными полосками.

За первым охотником изображен второй. Он также замахивается копьём или дротиком, а в левой руке держит еще три. На нем набедренная повязка из белого материала такого же покроя, как и у первого, покрытая горизонтальными красными полосами. В отличие от первого у него только один браслет на правой руке. На спине второго охотника — белый мешок той же своеобразной формы, что и у предшествующего, украшенный четырьмя кружками черного цвета. Мешок поддерживается двумя белыми веревками, опоясывающими грудь; от прикрепленной у шеи крупной овальной подвески идет вниз такая же веревка. Подвеска украшена красным овалом; такая же расцветка и у крупной серьги (белый фон с красным центром). Длинные, ниспадающие до плеч волосы сзади переходят в три косы, украшенные белыми точками.

Как и у первого охотника, лицо второго персонажа не похоже на обычное лицо майя. Оно с крупным выдающимся носом, имеющим у переносицы большую впадину. Остроконечная борода не имеет седых прядей, как у первого, но брови такие же кустистые. На носу у него белая точка, а от глаза по направлению к уху идет черная линия (ср. рисунок глаза у бога М в первом разделе). Белая веревка, идущая от головного убора к носу, поддерживает носовое украшение, почти аналогичное таковому же у первого персонажа.

Головной убор второго охотника состоит из шляпы с узкими полями и высокой тульей, украшенной тремя черными полосками, средняя из которых в четыре раза шире, чем другие. На вер-

ху шляпы находится большой красный шар, окруженный черными точками; на нем — три черных кружка, а сверху — три развевающихся красных пера.

Блок из четырех расположенных вертикально иероглифов отделяет эту сцену от другой. На то, что здесь именно другая сцена, указывает и положение следующего персонажа. Он повернут спиной к паре первых охотников. В этом месте отсутствует ряд фрагментов сосуда, и поэтому полное восстановление второй сцены, состоящей из двух действующих лиц, невозможно. На первом — белая набедренная повязка, испещренная красными точками; фасон ее такой же, как у участников первой сцены. У него только один браслет на левой руке; ни мешка за спиной, ни поддерживающих его веревок нет. На груди — небольшая круглая пектораль на белом шнурке.левой рукой он держит три дротика, зажатых подмышкой. Сложная серьга, очевидно, состоит из трех частей: зубчатого сероватого диска с наложенным красным кружком в центре и длинной изогнутой подвески. Такой тип серег довольно часто встречается в центральных районах низменности. Длинные волосы, покрытые белыми точками, заплетены в шесть кос, ниспадающих ниже колен.

Лицо этого персонажа приближается к обычному типу майя: длинный прямой нос, составляющий прямую линию со лбом, миндалевидные глаза, отсутствие бороды. Все лицо покрыто крупными черными точками. Головной убор этого действующего лица близок к головному убору второго охотника: красная шляпа с узкими полями и невысокой тульей, увенчанная большим белым шаром, окруженным черными точками и украшенным тремя (?) черными кружками. Из его центра свисают три длинных красных пера, а по сторонам расположены еще пять черных продолговатых предметов, вероятно, также перьев.

От другой фигуры в этой сцене осталась только часть головного убора и поднятая правая рука с зажатым в ней пустым атлатлем красного цвета. Он, очевидно, только что бросил дротик. Смотрит он в ту же сторону, что и третий персонаж. Головной убор его состоит из белой шляпы, близкой к шляпе второго охотника: высокая тулья, украшенная тремя черными полосами, на которой находится черный шар, окруженный черными точками. Из центра его ниспадают три длинных красных пера. Эту группу от оленей отделяет высокий предмет серого цвета (очевидно, стилизованное изображение горы), на вершине которого сидит упомянутый выше карлик.

Около каждой фигуры (за исключением девушки и последнего персонажа, но относящиеся к нему иероглифы могли быть в утерянной части) находятся довольно грубо написанные иероглифы; кроме того, как уже указывалось выше, первую и вторую группу разделяет столбец из четырех иероглифов. Пендергаст указывает, что из-за искаженной формы иероглифы не поддаются точному толкованию; предположительно он определяет в столбце

3 и 4 иероглиф как 613 и 779 (по каталогу Дж. Э. С. Томпсона), а знаки около первого и второго охотника как соответственно 511 и 503⁴⁵.

Общий смысл изображения Д. Пендергаст толкует как символическую передачу какого-то обряда, выполняемого замаскированными жрецами. Возможно, указывает он, этот обряд был связан с засухой⁴⁶. В нем действуют боги дождя и жизни, бог солнца и бог-ягуар ночного неба. Некоторую параллель к этому, по мнению Пендергаста, составляют страницы 42с—45с «Дрезденского кодекса» (Д 71—Д 74 по нумерации исследователя Ю. В. Кнорозова).

Майкл Ко в своем обширном исследовании о расписных сосудах майя так комментирует сцену на Актун-Баламской вазе: «Владыка торговцев, бог М (изображенный карикатурно, как и на вазе из Чама) возглавляет охотничью партию против магического оленя, на котором едут карлики»⁴⁷.

По нашему мнению, сюжетом росписи, безусловно, является сцена из какого-то мифа, но истолковать ее, исходя из сохранившихся материалов по мифологии майя или записей позднейшего майяского фольклора, не представляется возможным. Ничего близкого в них как будто бы нет. Однако в мифе пипилей, записанном в 1930 г. Л. Шульце-Иена в Исалько (Сальвадор), мы, думается, имеем тот же самый сюжет, отличающийся лишь немногими деталями⁴⁸.

Один охотник в течение десяти лет убил двадцать оленей. Однажды, снова отправившись на охоту, он ранил в горном лесу оленюху дротиком с кремневым наконечником. Преследуя раненого зверя по каплям крови, он наткнулся около ручейка на девушку, занятую стиркой. Охотник спросил ее, не видела ли она пробежавшего мимо оленя. Девушка ответила, что она стирает свою ленту для волос и никого не видела. Тогда он приподнял край ее повязки и увидел капли крови. Разгневанная девушка сказала: «Это ты умертвил моих старших братьев и сестер! Теперь ты пойдешь со мной, закрой свои глаза, чтобы ты не увидел того, за чем ты следишь!»

Когда охотник открыл глаза, то увидел, что находится внутри горы. Девушка провела его к своему отцу, повелителю всех животных. Старец показал ему кости и сказал, что это кости его детей-оленей. Он потребовал от пришельца, чтобы тот помог воскресить их и именно в том порядке, в котором они были убиты.

Старец дал ему в жены девушку. К утру она уже забеременела, а на утро следующего дня родила двух детей. Так продолжалось в течение десяти дней, пока охотник был в жилище мифических мальчиков дождя; каждый день он получал, как детей, двух оленей. И мужчина не заметил, что он провел под землей десять лет, они показались ему десятью днями. Когда они прошли, старец сказал ему, что он совершил все, что требовалось, и теперь может вернуться наверх. Но чтобы он имел средства

к существованию и не убивал бы больше его детей (т. е. животных), старец обещал ему богатые дары. Он повел охотника в самую глубь горы и показал ему кучу серебра. На вопрос хозяйна, хочет ли он этого, гость отвечал: «Да!». Тогда старец засмеялся и сказал, что серебро не растет, поэтому когда оно кончится, то гость снова примется за охоту. Еще дальше пошли они и увидели большие рощи бананов и какао. Старец срезал ему плод какао и плод банана и сказал, что эти растения не кончаются, что у них всегда есть зрелые и зеленые плоды, цветы и отростки. Затем хозяин повел охотника к выходу и по дороге показал ему, что внутри горы находятся олень и индюк, утка и курица, пака, агути, кабан, броненосец, голуби, ящерица, змея, сумчатая крыса, енот и паук, муравей и цомпопо, бабочка, лягушка и летучая мышь. И он сказал охотнику: «Не убивай никого из них, это все — мои дети! Закрой глаза!»

Когда охотник открыл глаза, то уже стоял на берегу ручья, где встретился со стиравшей девушкой. Он отправляется домой, где находит своих детей уже взрослыми и узнает, что отсутствовал не десять дней, а десять лет. Мальчики дождя выстраивают ему прекрасную хижину и благодаря дарам старца он живет богато и счастливо.

Несмотря на некоторые новые (т. е. послеиспанские) детали (серебро, курица), этот миф, несомненно, древнего, доколумбова происхождения. Уже сама основная концепция мифа — агитация за переход от охоты к земледелию — явственно говорит о времени его возникновения. Еще более древнего происхождения представление о хозяйке животных, относящееся, несомненно, к охотничьей стадии; здесь оно, правда, модифицировано: над бывшей хозяйкой-девушкой стоит ее отец-старец. Таким образом, сомнений в том, что миф, записанный Шульце-Иена, относится к доиспанскому периоду, быть не может. Естественно, что с течением времени некоторые детали в рассказе заменялись: вместо олицетворявшего в древности богатство нефрита появилось серебро, в список животных — детей старца — была добавлена курица. Возможно, что в древнейшей форме мифа среди даров фигурировало только какао; однако некоторые исследователи теперь склоняются к мнению о бытовании банана в Центральной и Южной Америке в доиспанское время⁴⁹.

Вопрос о культурных взаимовлияниях пипилей и майя в связи с этим мифом был рассмотрен нами в другой работе⁵⁰. Здесь же следует лишь упомянуть, что старец — хозяин животных, живущих в горе, и его отношения с охотником; человек, попадающий в услужение к Чаку (богу дождя) и получающий от него сосуд с медом и мешок с воском, в которых утрата всегда восполняется; девушка — родственница оленей — все эти фигуры встречаются в фольклоре майя южного и центрального Белиза (Британского Гондураса)⁵¹. Мике верят, что дерево какао растет у входа в загробный мир и что умерший может войти туда только

после того, как его родственники выпьют какао⁵². Таким образом, думается, можно утверждать, что миф о происхождении какао имеет корни, общие и для майя, и для михе, и для пипилей, т. е. восходит к древнейшей месоамериканской традиции.

Если мы вернемся к сосуду из Акту-Балама, то увидим, что миф, засвидетельствованный у пипилей, очень хорошо иллюстрируется имеющейся на нем росписью. Все основные компоненты мифа: охотник(и), олени, девушка, дерево с отростками, гора, мальчик (карлик) дождя — в первой сцене росписи налицо. Множественное число охотников, конечно, можно было бы объяснить особенностями охоты у древних майя⁵³, однако, по нашему мнению, дело не в этом. К этому своеобразному удвоению героя мы еще вернемся. Сложнее восстановление смысла второй сцены после колонки иероглифов. Можно предполагать, что действие происходит в подземном царстве; не случайно лицо одного из персонажей покрыто черными точками — обычный признак мертвого в майяском искусстве. Характерно также, что головной убор второго персонажа повторяет головной убор второго охотника; не говорит ли это о том, что перед нами те же герои, но в ином обличье. К этому приводит и композиция рисунка: так как сосуд круглый, то вторая группа оказывается за горой, т. е. внутри ее. Но, к сожалению, фрагментарность сцены позволяет только строить предположения о ее действительном значении.

* * *

При рассмотрении мифа пипилей обращает на себя внимание его близость к двум ацтекским сказаниям о Кецалькоатле. В первом из них Кецалькоатль спускается в Миктлан (загробный мир) за костями прежних людей. Миктлантекутли не хочет их отдавать и задает богу трудные задачи, но Кецалькоатль с помощью своего на'уалли Шолотля преодолевает их и доставляет кости наверх, где из них создается новое поколение людей.

В мифе пипилей, как мы помним, также фигурируют олени и кости, которые каким-то магическим образом участвуют в процессе возрождения оленей. Чудесный помощник Шолотль здесь заменен на девушку⁵⁴, да и сам процесс реинкарнации дан реалистически сниженно или, может быть, архаически более просто⁵⁵.

Еще большее сходство дает ацтекский миф об обретении кукурузы. Чудесные зерна находятся в горе, и чтобы достать их, Кецалькоатль обращается за помощью к богам дождя Тлалокам, раскалывающим гору своими молниями.

Эти параллели помогают понять загадочное удвоение персонажей на росписи сосуда из Актун-Балама. По нашему мнению, первый и второй охотники не случайно имеют бороду — частый признак в изображениях Кецалькоатля. Очевидно, в стадийно более ранней версии мифа об обретении какао, отраженной в росписи, участвовал не один охотник, а два брата-божества, соот-

ветствующие ацтекским Кецалькоатлю и Шолотлю. Тогда становятся понятными и их идентичные позы. Наконец, иероглифический знак около второго охотника (Кнорозов, 1963, № 114; Томпсон, 1962, № 503), обозначающий второй день календаря мая, связан с понятием «ветер». Вспомним, что обычный эпитет Кецалькоатля — э'экатль — «ветер». Знак около первого охотника (Кнорозов, 1963, № 112, Томпсон, 1962, № 511) обозначает девятый день календаря и связан с понятиями: «нефрит — богатство — вода», «восток». Ацтекское божество Шолотль был связан с востоком, его календарное имя — чичуэи масатль — указывает на какую-то связь с оленями. Таким образом, в первом охотнике мы можем подозревать мифологический персонаж, близкий к Шолотлю, а во втором охотнике — к Кецалькоатлю.

При анализе сравнительного материала по-иному осмысляются и мальчики дождя, обитающие в подземном жилище старца — повелителя животных. Как мы помним, Тлаоки участвуют и в обретении кукурузы. В майяском фольклоре Белиза повелитель животных носит имя Мама, хозяина воды и гроз. В другой мифе пипилей, записанном также Л. Шульце-Иена⁵⁶, эти мальчики дождя добывают кукурузу себе без участия Кецалькоатля. Следовательно, в мифах пипилей мы имеем либо определенное упрощение прежних мифологем, элиминирующее участие высших божеств, либо более раннюю стадию до их оформления.

Сейчас еще трудно восстановить в деталях миф об обретении какао в том виде, в каком он существовал у майя в классический период. Мы считаем, во всяком случае, что приведенные выше в первом разделе материалы по послеклассическому богу М и черному богу оленей хорошо вписываются в эту мифологию. Очевидно, эти два мифологических персонажа восходят каким-то образом, с одной стороны, к паре Кецалькоатль — Шолотль, с другой — к двум охотникам на росписи сосуда из Актун-Балама. Не случайно и тот и другой имеют на спинах мешки, повторяющие форму семян какао⁵⁷. Как мы помним, бог М часто изображается в иероглифических рукописях с мешком за спиной. Наконец, связь бога М и «черного охотника» с оленями и в рукописях, и в имеющемся фольклорном материале выступает совершенно явственно. Будем надеяться, что новые находки с территории Месоамерики, подобные сосуду из Актун-Балама, позволят в будущем снова обратиться к этой теме и более точно восстановить один из интересных мифов доколумбовой Америки.

¹ *Blom F. Commerce, Trade and Monetary Units of the Maya.*— Middle American Research. Ser. 4. Tulane University New Orleans, 1932, p. 536—538; *Thompson J. E. S. Notes on the Use of Cacao in Middle America.*— Notes Middle American Archeology and Ethnology, 128. Washington: Carnegie Institution of Washington, 1956; *Он же.* Maya History and Religion. Norman, 1970, p. 127—128, 135—36, 138, 154. О подделке семян см.: *Oviedo y Valdés G. F. de. Historia general y natural de las Indias, islas y tierra firme del mar océano.* Sevilla, 1851—1855. Liber, 8, c. XXX.

- ² *Millon R. F.* Trade, Tree Cultivation and Development of Private Property in Land.— *American Anthropologist* (Menasha), 1955, vol. 57, N 4, p. 698—712.
- ³ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 183.
- ⁴ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 168.
- ⁵ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 170.
- ⁶ *Thompson J. E. S.* The Bacabs. Their Portraits and their Glyphs.— *Monographs and Papers in Maya Archaeology.— Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology.* Harvard University. Cambridge (Mass.), 1970, vol. 63, p. 472.
- ⁷ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 189.
- ⁸ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 245.
- ⁹ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 152.
- ¹⁰ *Cogolludo D. L.* Historia de Yucatán. Madrid, 1688, Lib. 4, cap. IX; B. de Las Casas. Historia de las Indias... Madrid, 1875—1876, t. V, cap. CXXXIII; *Torquemada J.* Los veinte i un libros rituales i Monarchia Indiana... Madrid, 1723, Lib. 15, cap. XLIX; С. Борхедьн видит в культе Черного Христа пережиток почитания Эк'-Чуаха (*Handbook of Middle American Indians*) R. Wauchope General Editor. 1965, Austin, vol. II, p. 55 (далее: HMAI).
- ¹¹ *Brinton D. G.* A Primer of Mayan Hieroglyphics. Philadelphia, 1894, p. 66—68.
- ¹² *Schellhas P.* Representation of Deities of the Maya Manuscripts.— *Papers of the Peabody Museum.* Cambridge (Mass.), 1904, vol. 4, N 1, p. 30—31.
- ¹³ *Morley S. G.* The Ancient Maya. Palo Alto, 1946, p. 228—229.
- ¹⁴ *Barreza Vásquez A. y Rendon S.* El libro de los libros de Chilam Balam. México; Buenos Aires, 1948, p. 86.
- ¹⁵ *Zimmermann G.* Die Hieroglyphen der Maya Handschriften. Hamburg, 1956, N 102.
- ¹⁶ *Anders F.* Das Panteon der Maya. Graz, 1963, p. 327—330.
- ¹⁷ *Anders F.* Das Panteon der Maya, p. 329—330.
- ¹⁸ *Кноровое Ю. В.* Письменность индейцев майя. М.; Л.: Наука, 1963, с. 242—243; *Он же.* Пантеон древних майя. М.: Наука, 1964, с. 5; *Он же.* Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975, с. 239, 251—252.
- ¹⁹ *Thompson J. E. S.* Maya History and Religion. University of Oklahoma Press. Norman, 1970, p. 40, 306—308.
- ²⁰ Пополь-Вух. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 44.
- ²¹ *Vázquez P. F.* Codice Chimalpopocatl. Anales de Cuauhtitlan y Leyenda de los Soles. México, 1945, § 35.
- ²² *Seler E.* Frau Bernardino de Sahagun. Stuttgart, 1927, S. 270.
- ²³ *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 151.
- ²⁴ О «девственной воде» см.: *Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, с. 187.
- ²⁵ *Roys R. L.* Ritual of Bacabs. Transcription, Translation and Notes. University of Oklahoma Press. Norman, 1965, p. 6, 8, 37, 44.
- ²⁶ *Cogolludo D. L.* Historia de Yucatán. Mérida, 1867—1868, Lib. 4, cap. VII.
- ²⁷ *Thompson J. E. S.* Maya History and Religion, p. 264, 298.
- ²⁸ HMAI, vol. 7, p. 238—239.
- ²⁹ HMAI, vol. 7, p. 518.
- ³⁰ HMAI, vol. 3, p. 961, vol. 7, p. 443, 445.
- ³¹ HMAI, vol. 4, p. 230.
- ³² *Duran D.* Historia de las Indias de Nueva España e Islas de la Tierra firme. México, 1967, t. I, p. 63—64.
- ³³ *Duran D.* Historia de las Indias, p. 84.
- ³⁴ *Duran D.* Historia de las Indias..., p. 116; *Oviedo y Valdes G. F. de.* Historia general..., Lib. 8, cap. XXX; HMAI, vol. 3, p. 969.
- ³⁵ HMAI, vol. 2, p. 24; *Covarrubias M.* Indian Art of Mexico and Central America. New York, 1957, p. 137.
- ³⁶ HMAI, vol. 2, p. 546, 550; *Lehmann H.* Arts Mayas du Guatemala. Grand Palais. Paris, 1968, p. 86, N 118, p. 88, N 120.

- ³⁷ *Ball J. W.* A Teotihuacán-Style Cache from the Maya Lowlands.— *Archaeology*, 1974, vol. 27, N 1, p. 2—9.
- ³⁸ *Winning H. von., Stendahl A.* Pre-Columbian Art of Mexico and Central America. New York, 1969, N 320—321.
- ³⁹ *Pendergast D. M.* The Actun Balam Vase.— *Archaeology* (New York), 1966, vol. 19, N 3, p. 154—161; *Pendergast D. M.* The Prehistory of Actun Balam, British Honduras. Royal Ontario Museum.— *Art and Archaeology Occasional Papers*. 16. Toronto, 1969, p. 41—52.
- ⁴⁰ *Pendergast D. M.* The Prehistory of Actun Balam..., 1969, p. 42.
- ⁴¹ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность за консультацию сотруднику Ботанического института АН СССР В. И. Кожанчикову.
- ⁴² *Groth-Kimball J.* Maya Terrakoten. Tübingen, 1960, fig. 29, 36; *Lothrop S. K., Foshag W. F., Mahler J.* Pre-Colombian Art.— Robert Woods — Bliss Collection. London, 1957, N 129; *Blom F. and Lafarge O.* Tribes and Temples. New Orleans, 1926, fig. 348; *Longyear J. M.* Copan Ceramics. A Study of Southeastern Maya Pottery. Washington, 1952, fig. 87h.
- ⁴³ *Pendergast D. M.* The Prehistory of Actun Balam..., p. 46, fig. 13.
- ⁴⁴ Пендергаст считает, что эта линия передает край полумаски на верхней части лица, но мне такие полумаски у майя неизвестны.
- ⁴⁵ *Pendergast D. M.* The Prehistory of Actun Balam..., p. 50—51.
- ⁴⁶ *Pendergast D. M.* The Prehistory of Actun Balam..., p. 51.
- ⁴⁷ *Coe M.* Maya Scribe and his World. New York, 1973, p. 17.
- ⁴⁸ *Schultze Jena L.* Indiana. II. Mythen in der Muttersprache der Pipil von Izalco in El Salvador. Jena, 1935, S. 34—40.
- ⁴⁹ *Хейердал Т.* Приключения одной теории. Л., 1969, с. 42—43.
- ⁵⁰ *Кинжалов Р. В.* К вопросу о культурных взаимосвязях между пипилями и майя классического периода.— В кн.: Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л.: Наука, 1974, с. 110—113.
- ⁵¹ *Thompson J. E. S.* Ethnology of the Mayas of Southern and Central British Honduras.— *Field Museum of Natural History*. Publ. 274. Chicago, 1930, *Anthrop. Ser.*, vol. XVII, N 2, p. 140—43, 146—150, 173—175.
- ⁵² *HMAI*, vol. 7, p. 454, 476.
- ⁵³ *Лауда Д.* Сообщение о делах в Юкатане, 1965, с. 145.
- ⁵⁴ Шолотль выступает и как женское божество: в комментариях к «Кодексу Мальябекки» (л. 61) сообщается о сочетании Микклантеку'тли и Шолотля.
- ⁵⁵ В этой связи, правда, следует упомянуть, что и в астекском мифе кости оживляются не без помощи детородного члена Ксцалькоатля.
- ⁵⁶ *Schultze Jena L.* Indiana..., S. 30—32.
- ⁵⁷ Вероятно, этот же миф, но в сокращенной форме, изображен и на рельефе позднеклассического сосуда из Юкатана (*Coe M.* Maya Scribe and his World, p. 126, N 66). На нем юноша держит мертвого оленя за шею. Левая рука его указывает на привязанный к спине животного большой стилизованный стручок какао (очень схожий с мешком за спиной охотника на сосуде из Актун-Балама). Хвост оленя оканчивается двумя завитками — стилизованное изображение дыма или пара.

ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДРЕВНЕЙ АМЕРИКЕ

При изучении истории племен и народов, естественно, следует учитывать все имеющиеся данные, часто противоречащие друг другу. Для самых ранних этапов этнической истории, уходящих в палеолит, можно привлечь только данные антропологии, археологии и отчасти смежных наук (палеогеографии, палеонтологии). На самых поздних этапах появляется возможность использовать лингвистические данные, причем восстановление более древнего облика языка практически возможно, приблизительно, в пределах 3000 лет от известного уровня. Быстрое распространение некоторых языков в качестве межплеменных чрезвычайно затрудняет выяснение вопроса о языковой принадлежности племени до перехода на межплеменный язык. Взаимный же обмен лексикой и грамматическими конструкциями приводит в конечном счете к появлению новых языковых семей, исходные компоненты которых не имели между собой решительно ничего общего. На этих же самых поздних этапах этнической истории появляется возможность использовать легенды о происхождении и истории племен и народов.

При рассмотрении этногонических и исторических легенд, естественно, прежде всего возникает вопрос о том, насколько они являются достоверными. Этот вопрос заслуживает самого серьезного внимания. Во многих случаях об истории племени вообще нет никаких других источников (в том числе археологических), кроме легенд. Таким образом, речь идет о критике источника, единственного и незаменимого (если, разумеется, не будут сделаны новые неожиданные находки).

По общему мнению исследователей, языки появились в начале верхнего палеолита. Опровергнуть это общее мнение невозможно, если придерживаться фактов. Помимо многочисленных аргументов, представленных археологами (в первую очередь переход на производство орудий для изготовления орудий, что, несомненно, требовало адекватной сигнализации) и антропологами (становление органов артикуляции), можно отметить синхронное появление пиктографии. Сюжетные графические записи решительно невозможны при сигнализации, употребляемой в объединениях млекопитающих, в том числе антропоидов.

Отсюда следует, что никакая легенда не может восходить ко временам до верхнего палеолита (как утверждали некоторые исследователи). Своего рода «естественные эксперименты» показали, что человек, хотя бы и взрослый, но выросший среди зверей и впервые обучившийся человеческому языку, ничего не помнит о предыдущей жизни. Человеческая память неразрывно связана

с человеческим языком, что представляется естественным в свете общих данных психологии. Человек, выросший в объединении зверей или нулевым (при полной изоляции), обладает той сигнализацией и той памятью, которая свойственна этому объединению. При обучении сигнализации высшего, совершенно иного типа перекодировки не происходит, и все предыдущие события не могут войти в память сознания (хотя и остаются в памяти мозга и могут проявляться, например, в снах). Перекодировка (спонтанная, без посредника) в данном случае невозможна в связи с неадекватностью сигналов разных уровней.

Появление человеческих языков в начале верхнего палеолита теоретически означает возможность сохранения устной традиции только с этого времени. Как отмечено выше, графическая («письменная») традиция в виде сюжетной пиктографии восходит к этому же времени.

Возникает, однако, вопрос, насколько языки палеолита отличались от современных и были ли они в состоянии обеспечить передачу устной традиции. Уже приводились аргументы в пользу того, что сигнализация высшего типа (человеческий язык) появилась и могла появиться только скачкообразно, сразу с громадной избыточностью, способной обеспечить не только ближайшие нужды, из-за которых она и появилась. Например, легенда о падении известного аризонского метеорита свидетельствует о сохранении устной традиции в течение 25 000 лет, хотя падение метеорита никак не было связано с весьма суровой жизнью палеолитических охотников. По-видимому, этногонические и исторические легенды вполне могли (по свойствам языка) сохранить точные факты, начиная с верхнего палеолита. Тем самым легенды приобретают характер источника первостепенной важности.

Рассмотрение конкретных исторических легенд обычно показывает как раз обратное (во всяком случае по первому впечатлению). История, по легендам, уходит в прошлое всего на несколько веков, если не меньше, а исторические факты, которые можно подтвердить другими источниками, оказываются смешанными в хаотическом, с точки зрения историка, порядке. Первое, что может заподозрить историк, — это некомпетентность хранителей племенных традиций, которые не сумели их сохранить в первоначальном виде, т. е. исказили. Однако существовавшая в племенах практика сохранения традиций опровергает возможность сколько-нибудь сильных искажений, а тем более таких, какие наблюдаются. История племени была священной традицией, знать ее полагалось отнюдь не каждому желающему, а только посвященным, сведения по истории входили в необходимый минимум знаний будущего полноправного члена племени при инициации. Знатоки исторических легенд применяли различные мнемотехнические и фасцинирующие приемы, чтобы облегчить запоминание текста и произвести наибольшее впечатление на слушателей. История племени входила в общую сумму знаний,

которыми располагало и которые свирепо оберегало племя. Искривление истории племени, равно как, например, нарушение правил охоты или брачных запретов, по-видимому, каралось. Любой разрушитель племенных традиций мог быть побит камнями (кажется, классический способ со времен палеолита) даже раньше, чем он сам успел понять, что именно он нарушил.

Разумеется, древнейшие этногонические легенды не содержали истории в современном смысле. Возможность их сохранения была гарантирована достаточно надежно, насколько можно судить. Очевидно, возникли настоятельные причины не только прервать древнюю традицию, но и принять меры против ее сохранения.

История племен, известная по многочисленным легендам Старого и Нового Света, обычно начинается с ухода из некоторой прародины и сводится к описанию различных бедствий и приключений во время странствий, пока племя не находит себе новое место жительства.

Может показаться, что в условиях слабой, по современным масштабам, заселенности найти новую подходящую местность для племени не составляло особого труда. В действительности дело обстояло как раз наоборот. Племена, которые вели присваивающее, преимущественно охотничье хозяйство, имели строго определенную территорию. Ресурсы этой территории были примерно сбалансированы с потребностями племени. Поэтому вторжение чужаков вызывало немедленную и решительную реакцию — их стремились изгнать или истребить. Строго определенная территория, тщательно охраняемая, есть, кстати, и у объединений млекопитающих, особенно хищников.

Племя, покидавшее свою территорию, должно было иметь для этого очень серьезные причины. Никаких ясных перспектив оно не имело. Нужно было пробиваться, часто силой оружия, через территорию других племен, ведя за собой женщин и детей. Старых и слабых бросали или убивали. Прежде чем удавалось найти или занять силой новую территорию, племени часто приходилось пройти форсированным маршем огромное расстояние.

Собственно, уход со своей территории (прародины) был сам по себе нарушением всех древних традиций и привычного уклада жизни. Соответственным образом появляется перебой традиции и в исторических легендах, которые всячески восхваляют героический поход в новую родину, но, как правило, почти ничего не сообщают о прародине, а тем более о предыдущей истории племени. Древние исторические легенды в условиях похода фактически неизвестно куда и сопряженного с непрерывными опасностями и лишениями могли вызвать только недовольство, желание вернуться и т. д. Для вожаков похода пути назад не было. В пути возникали новые традиции и новые легенды. История племени начиналась с ухода из прародины. Из предыдущих исторических легенд могли сохраниться только нейтральные сведения, не противоречащие новым установкам.

Разумеется, далеко не у всех племен была такая героическая история, как, например, у атстеков, которых гоняли с места на место несколько столетий, прежде чем они нашли себе надежное убежище. Но именно такие героические эпосы наиболее известны.

Таким образом, перебой (умышленное заглушение) древней легендарной исторической традиции имел место уже в очень ранние времена как результат ухода с прародины.

В данном случае не имеются в виду племена палеолитических охотников, свободно двигавшихся вслед за стадами по незанятым территориям. Но даже для них переход, например, из Северной Америки в Южную, в совершенно новые ландшафтные и климатические условия, означал перебой традиции, в том числе легендарной.

Легендарная история племени, как уже отмечалось, обычно начинается с ухода с прародины, состоит из достаточно подробного изложения перехода и заканчивается приходом на новую родину. Казалось бы, что о новой родине в легендах должны быть наиболее подробные и достоверные сведения. В действительности дело обстоит наоборот. Захватив, обычно силой оружия, подходящую территорию, племя, истомленное предыдущими скитаниями, стремилось удержать ее любой ценой. В исторических легендах часто вообще умалчивается о том, что на занятой территории, т. е. новой родине, были какие-либо жители. В крайнем случае упоминаются злые и глупые великаны, свирепые карлики и тому подобная нечисть.

Так, например, исторические легенды племени ица (ах ицам) сообщают подробнейшие сведения о том, как это племя пришло на Юкатан (X в. н. э.) и заселило его, причем перечислены десятки городов и селений. Эта мирная идиллия опровергается как синхронными историческими источниками, так и данными археологии. Юкатан был занят племенем ица под руководством тольтекских военачальников после длительных и кровопролитных боев, причем бои начались уже в море, когда флотилия юкатеков безуспешно пыталась отбить вражеский десант у о-ва Косумель. Во время этой войны, несомненно, было совершено много подвигов, достойных эпического описания. Однако, согласно историческим легендам, войны вообще не было, равно как на Юкатане не было никаких жителей, во всяком случае, достойных упоминания в легенде.

Это обстоятельство тем более примечательно, что именно Юкатан в это время был основным центром цивилизации в Месоамерике (что, собственно, и вызвало поход против него в надежде на сказочную добычу, кстати, вполне оправдавшуюся).

Равным образом в исторических преданиях киче и какчикелей, в это же время вторгнувшихся в Гватемалу, нет смысла пытаться найти какие-либо сведения о многочисленных древних городах майя в этой области и т. п. Местные жители, если упоминаются, то или в крайнем случае, или по недосмотру.

Точно такими же «фигурами умолчания» пестрят исторические легенды Старого Света. Это не частный, отдельный случай, а канон, исключения из которого редки. Древние исторические легенды тщательно редактировались.

Исторические легенды действительно являются первоклассным источником. Однако их задачей является не поддержание древнейшей традиции, а, наоборот, борьба как с предыдущими, так и с иными происхождения традициями, прямо или потенциально враждебными. В сущности каждая историческая легенда имеет точную датировку и не только сообщает о каких-либо фактах, но и перебивает все прочие нежелательные сообщения, соответственно конъюнктурным обстоятельствам. Историческая легенда — источник крайне тенденциозный.

В связи с этим следует отметить, что в некоторых случаях полемика основана на недоразумении. Традиционная легендарная история часто (а фактически всегда) не соответствует действительной истории. Поэтому критика легендарной истории с позиций действительной истории лишена смысла. Изучение действительной истории, бесспорно, — основная цель исследователя, но она не будет достигнута без знания легендарной истории, которая отражает не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки, также бывшие реальным историческим фактом, требующим не опровержения (что довольно просто), а объяснения.

Традиционная легендарная история должна быть критически рассмотрена не с точки зрения соответствия ее действительной истории, а по существу ее смысла, как источник определенной эпохи.

Согласно археологическим данным, во II тысячелетии до н. э. Месоамерика была довольно густо заселена племенами, ведущими в основном уже производящее хозяйство — экстенсивное земледелие, дополняемое подсобными промыслами, как-то: охота, собирательство съедобных растений, меда, ракушек и т. п. По археологическим данным можно проследить, что большинство этих племен и значительно ранее жило на этой территории. В качестве основной земледельческой культуры в конце концов выдвинулась кукуруза, хотя древнейшие сорта имели слишком мало зерен на початке, чтобы удовлетворить нужды земледельцев. Тыквы, хлопчатник (для масла), авокадо и т. п. не могли сохраняться и не только не давали возможности получить прибавочный продукт, но не могли даже предотвратить ежегодный голодный сезон.

Согласно мнению ботаников, сорта культурной кукурузы, если и не очень урожайные, то во всяком случае рентабельные, были выведены древними селекционерами в горной Гватемале или Оахаке, а еще вероятнее — примерно одновременно в нескольких местах. Из этих центров экстенсивное земледелие стало быстро распространяться и на север и на юг, в Южную Америку. Из-

вестно, что во времена испанского завоевания, а также и значительно раньше в Гватемале жили племена языковой семьи майя-киче, а в Оахаке — сапотеки. Впрочем, в Гватемале и Оахаке жили и племена других языковых семей. Тем не менее общая картина представляется ясной: племена майя жили в Гватемале с незапамятных времен и были одними из создателей самого рентабельного земледелия.

Из какого языка происходит слово «кукуруза» — определить трудно. Во всяком случае в Мексике было широко распространено название шим-син. Майя называли кукурузу ишим, что, очевидно, является народным переосмыслением непонятого названия иш-им (букв. «маленькая грудка»), так как одновременно сохранялся и термин шим, явно связанный с атекским названием кукурузы син-те. Согласно историческим легендам, насколько можно проследить по источникам, ничего похожего здесь не было. Все племена, просветившие Мексику, вторгались с севера.

В различных версиях этногонических легенд подчеркивается общее происхождение различных племен и народностей Месоамерики, в том числе говорящих на самых разнообразных языках.

Отчасти в этом можно усмотреть характерную для народностей с племенными традициями генеалогическую классификацию (широко распространенную во всем мире), согласно которой все известные племена возводятся к сыновьям общих для всех прародителей.

Кроме того, явно подчеркивается, что земледельческие народы, имеющие сходную культуру, действительно восходящую к общему источнику (приемы возделывания кукурузы, земледельческий календарь, циклическое летоисчисление, связанное со сменой правления, культ и ритуал), имеют общее происхождение. Культура распространялась из определенных центров, что удобно проследить по распространению календаря, тесно связанного и с земледелием, и с культом. В центрах культуры, т. е. определенных городах, собирались на своего рода стажировку мудрецы из различных, в том числе весьма отдаленных местностей, говорившие на различных языках и не всегда правильно понимавшие значение незнакомых слов.

О таких «сборах мудрецов» сохранились сведения. Так, согласно Иштлильшочитлю, около рубежа н. э. мудрецы собирались в Тлапаллане, где обсуждали реформу календаря (согласование солнечного года с равноденствием) и составили календарные и астрономические (движение планет) таблицы. Кроме того, обсуждались «прошедшие события и бедствия», т. е. исторические легенды.

Известно, что у классических майя был «собор мудрецов» в Копане, на котором приняли единый лунный календарь. Даже после испанского завоевания в Юкатане состоялся «собор мудрецов» для уточнения календаря.

Возвратившись в свои города, мудрецы распространяли новые учения (разумеется, не без искажений), в том числе исторические легенды. Последние, однако, надо было увязать со своими собственными историческими легендами. Проще всего было присоединить их друг к другу, что обычно и делалось. В результате оказалось, что легендарная история одного из племен стала основной и всеобщей. Сверх того, участие мудрецов в каком-либо «соброре» стали в ряде случаев толковать как проживание соответствующих племен в городе, где состоялся «сбор».

Согласно историческим легендам, получившим широкое распространение, в Мексике сначала жили великаны — сильные, но глупые дикари. Следует отметить, что в легендах многих других племен и народов Старого и Нового Света «дикарей» называют великанами.

Далее в Мексике появились ольмеки и шикаланки. Они приплыли на лодках с севера, вдоль Мексиканского залива, высадились у р. Пануко и прошли вдоль берега до Потончана, около устья р. Халиско (Грихальва), т. е. примерно до тех мест, где находился один из древнейших ольмекских городов Ла-Вента. Далее ольмеки истребили великанов и основали первый из упоминаемых в легендах культурный центр в Тамоанчане.

Название ольмеки (ульмеки) обычно толкуют «люди смолы», т. е. живущие в местности, где много душистой смолы (астекское *улли*), употреблявшейся для жертвенных курений. Такая этимология вызывает, однако, ряд недоумений. Болотистые местности штата Табаско, где обитали ольмеки, не изобилуют смолой улли. Неясно, почему вообще название племени связали со смолой. Если считать, что название ольмеки отнюдь не только атекское, а майя, то оно может означать «ракушководы» (на языке майя *ул* — съедобная улитка). До перехода к земледелию прибывшее с севера племя, не имея возможности охотиться и прятавшееся в болотах от враждебных племен, должно было поневоле заниматься собирательством, причем съедобные ракушки и улитки играли очень важную роль.

В пользу возможности такой этимологии этнонима ольмеки свидетельствует и название их центра Тамоанчан. Это название осмыслили как атекское *тамоуан ичан* — «там, где спускаются» (Муњос Камарго), или «найдем наш дом» (Саагун), но это, видимо, осмысление непонятного названия. Как отметил уже Зелер, Тамоанчан на языке майя означает «место облачного неба» или «облачного змея», что примерно одно и то же, так как змей символизировал дождевые облака. Такое название вполне гармонирует с областью ольмеков, где дождливый сезон имеет рекордную продолжительность.

При этом следует отметить, что имеется и тольтекский перевод — Мимишкова иптлалпан — «страна облачного змея», но это название в легендах стало фигурировать как самостоятельное, обозначающее местность рядом с Тамоанчаном.

Тамоанчан в астекских песнях именуется родиной богини земли Тласол-теотл и богов кукурузы. В песне о богине Шочи-кецал Тамоанчан назван «страной дождей и туманов». В Тамоанчане находилась пещера, из которой вышли предки племен. При этом общим родоначальником считался бог Истак Миш-коатл — «белый облачный змей». Здесь же появился великий культурный герой (именуемый по-разному), давший законы и календарь, обучивший земледелию и т. д.

В конце концов различные племена покинули по неясной причине Тамоанчан и разошлись в разные стороны. При этом некие мудрецы (гламатиниме) отправились на восток, т. е. в область расселения майя. Уход мудрецов в область майя, вероятно, реальный факт, связанный с возникновением культурных центров майя в департаменте Петен (Тикаль, Вашактун), а затем с обогащением культуры майя, в частности календаря.

Другим культурным центром в легендах назван Тлапаллан, который локализуется в области Нововалко, около лагуны де Терминос — место крупного «собора мудрецов», календарной и религиозной реформы и редактирования исторических преданий. Иштлильшочитль связывает Тлапаллан с появлением тольтеков. Действительно, тольтекские мудрецы из Теотиуакана, несомненно, были на «соборе» в Тлапаллане. Далее в легендах фигурируют уже хорошо известные по археологическим раскопкам центры Теотиуакан, Толлан, Кульвакан.

В конкретных версиях исторических легенд древние центры расставляются довольно бесцеремонно в произвольном порядке. Например, тольтеки (в версии Саагуна) сначала приходят в Тамоанчан, затем уходят из него в северные степи с тем, чтобы еще раз вернуться. Иначе говоря, тольтекская историческая легенда просто присоединена к ольмекской. Астеки (теночки), наоборот, сначала покидают древнюю родину Астлан, потом приходят в Тамоанчан, затем в Толлан и т. д. В данном случае хронология просто игнорируется. Отнюдь не удивительно, что как только астеки достигли могущества, вождь Иццоатл приказал сжечь пиктографические рукописи с изложением исторических легенд потому, что «их не ценил простой народ».

У майя историческая традиция явно также была прервана, причем, возможно, неоднократно. Разрушение ранних памятников в городах майя, возможно, было связано с событиями, которые привели к введению новой хронологии — счета по двадцатилетиям. Именно эта реформа обособила календарь и хронологию майя от других мексиканских. Тем не менее в рукописях майя некоторые следы древней легенды имеются. Так, например, Белый бог дождя приплывает с севера на лодке и везет с собой бога кукурузы. Значительное внимание уделяется также водному собирательству — бог-земледелец по окончании полевых работ отправляется к водоему собирать лилии, ракушки и улиток.

В исторических легендах часто фигурирует пещера, из кото-

рой появились прародители племени. В связи с тем, что пещеры служили жилищами не только в палеолите, но и в очень поздние времена, особенно во время переселений, естественно упоминание их в легендах. Вместе с тем под пещерой в легендах понимаются различные объекты. В одних случаях — это настоящая пещера, из которой якобы вышли предки, пользующаяся почитанием. Так, в Тамоанчане была пещера, из которой якобы вышли предки племени. В других случаях под пещерой понимается долина или ущелье, где обитало племя. Так, «7 пещер» — легендарная родина тольтеков у киче названа «7 ущелий», а у майя — «7 покинутых домов». Таким образом, в определенных случаях «пещера» означает «место жительства предков». По тольтекской легенде тольтеки пришли в Толлан из «7 пещер» в северных степях. Киче отождествили «7 пещер» с самим Толланом. В текстах майя колониального периода, восходящих к легендам племени ица, которое было, как и киче, под тольтекским влиянием, упоминается пещера (хольтун) Суйва в качестве исходного культурного центра.

Несмотря на крайнюю тенденциозность, исторические легенды несомненно дают ряд ценных сведений. По-видимому, какое-то племя действительно приплыло с севера вдоль берега Мексиканского залива и обосновалось в Тамоанчане, где определенное время было гегемоном, в связи с чем именно его легенды стали официальной версией. Из этого, конечно, никак не следует, что вместе с этим племенем прибыли все ольмеки или майя.

По-видимому, действительно, в Тамоанчане и Тлапаллане существовали центры культуры, откуда распространялись способы интенсивного земледелия, дававшего высокий прибавочный продукт, а также приспособленный для земледельческих целей календарь и неразрывно с ним связанные религиозные представления. Однако культурная кукуруза была выведена значительно ранее и не в этих центрах.

Вполне возможно, что в формировании развития классической культуры майя сыграли роль выходцы из Тамоанчана. Из этого, конечно, не следует, что вся классическая культура майя пришла из Тамоанчана.

Следует строго различать легендарную и действительную историю. Для легендарной истории характерны перебои в традиции, перенос легенды на племена, к которым она отношения не имеет, игнорирование всего нежелательного.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ТРЕХ АНТРОПОМОРФНЫХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ НА ИЗОБРАЖЕНИЯХ МОЧИКА (ПЕРУ)

В начале и середине I тысячелетия н. э. на северном побережье Перу господствовала цивилизация мочика. Искусство мочика (вазовые росписи, рельефы и скульптура, стенные росписи, изображения на металле, дереве и других материалах) представлено сейчас более чем 100 тыс. известных образцов. Значение мочикского искусства для изучения древнеперуанского общества велико. Анализ содержания изображений (реконструкции сюжетов мифов, мифологической системы, выделению социальных групп) должно предшествовать формальное определение встречающихся реалий, в частности идентификация мифологических персонажей. То, что в отношении иконографии мочика такая работа как следует не проделана, является тормозом на пути дальнейших исследований. Мы попытаемся в какой-то мере ликвидировать этот пробел — определить изображения трех антропоморфных божеств. Два других антропоморфных персонажа мочика (бог с лучами и женское божество) в данной статье не рассматриваются.

Первая попытка комплексного изучения мочикской иконографии была предпринята в 30—40-х годах перуанским исследователем Р. Ларко Ойле¹. В дальнейшем значительные достижения связаны с именем Г. Кучера, большая часть работ которого написана в 50-х годах².

В 70-х годах интерес к изучению данной темы снова возрос, о чем свидетельствует выход нескольких книг и статей американских и французских авторов³.

После того как Ларко Ойле объединил всех антропоморфных божеств мочика под именем Аи-Апек, а Кучер выделил среди них бога с лучами, лишь в 1972 г. Э. Бенсон впервые обратила внимание на сцены, свидетельствующие о существовании трех антропоморфных существ, имеющих сходную иконографию⁴. Она в основном верно определила сцены, в которых показан бог-создатель (божество В по нашей классификации), но не заметила различий между двумя другими персонажами, хотя и указала на некоторые сцены, где они показаны вместе. Поскольку функции божеств разнообразны и на данном этапе исследования еще недостаточно ясны (устойчивыми внешними атрибутами персонажи не обладают), мы обозначим рассматриваемых мифологических героев не описательными терминами, а литерами А—В. Для различения божеств мы сначала определим их особенности в сценах,

где они показаны по двое, и уже на основании этого выясним, кто изображен в индивидуальных сценах.

Божества А и Б. С целью различения двух активно действующих персонажей рассмотрим следующую таблицу, составленную по семи опубликованным изображениям⁵. На них эти два божества запечатлены в сценах поединков или во всяком случае какого-то противостояния, противоборства, например, как два сидящих друг против друга интерпретатора знаков на плодах фасоли.

Признаки божества А	Признаки божества Б
Богатый головной убор (в данной серии сцен — шлем с изображением хищника и всеобразным украшением)	Головной убор состоит из простой повязки с выступающими вверх концами (в 3 сценах); аналогичен убору божества А, но без изображения хищника (в 1 сцене); аналогичен убору божества А (в 1 сцене); отсутствует (в 2 сценах)
Более богатая одежда (с юбочкой) — в 3 сценах	Более бедная одежда (без юбочки) — в 3 сценах; в 4 сценах аналогична одежде А
Две (в 2 сценах) или одна (в 5 сценах) змея у пояса	В 1 сцене змея у пояса нет, в 5 сценах одна змея, в 1 — неизвестно
Рядом собака (в 6 сценах)	—
Рядом игуана (в 2 сценах)	—
—	В одной сцене вокруг божества ореол из святок оружия
—	В 1 сцене к локтю божества подвешена раковина

Основываясь на данных таблицы и учитывая совокупность прочих изображений, отметим следующие отличительные признаки двух персонажей.

1. Если персонаж сопровождает бог-игуана, то это божество А. Головной убор игуаны всегда увенчан изображением птицы, кроме случаев, когда персонаж имеет зооморфный облик и убора на голове нет вообще. Если божество А с игуаной показаны вместе, головной убор антропоморфного персонажа обязательно украшен изображением головы хищника. Это правило подчеркивается тем обстоятельством, что на росписях и рельефах, где одновременно показаны игуана и божество Б, морда хищника на голове последнего не изображена⁶. При парном изображении игуаны с зооморфным персонажем (богом-лисом) убор последнего украшен головой хищника⁷. Таким образом, даже не понимая вполне смысла сцены, можно утверждать, что перед нами не божество Б, если рядом показан бог-игуана, а на головах этих двух персонажей — парные шлемы с изображением хищника и птицы.

2. Если персонаж сопровождает собака, то это божество А. Собака может сопровождать и бога с лучами, но для различения персонажей А и Б это неважно⁸.

3. Если персонаж окружен ореолом из связок оружия, то это божество Б.

4. Если на голове персонажа простая повязка с выступающими вверх концами, то это божество Б.

5. Если к руке персонажа подвешен в локте предмет, то это божество Б.

6. Костюм божества Б не бывает очень богат, хотя точную степень допустимой пышности трудно указать. В случае совместного изображения персонажей А и Б наряд последнего в чем-нибудь обязательно беднее наряда А.

Из перечисленных признаков наименее достоверен четвертый (простая повязка на голове), поскольку головной убор такого рода не служит индивидуальным атрибутом, а скорее является указателем социального статуса персонажа или даже характера деятельности в конкретной сцене. Среди людей такую повязку чаще всего носят рыбаки и охотники на морских львов. Там, где божества А и Б показаны вместе, различия в типах их головных уборов, по-видимому, имеют определенное значение, но вне такого противопоставления эти различия могут быть необязательны. Соответственно во всех сюжетах, в которых участие божества Б следует лишь исходя из одного признака, остаются сомнения в правильности идентификации.

Из рассмотренных семи изображений можно вывести и некоторые другие особенности персонажей, но в отличие от вышеперечисленных признаков они не коррелируют ни с ними, ни друг с другом на прочих изображениях соответствующих божеств. Отсутствие змей у пояса персонажа на индивидуальных изображениях часто сочетается с признаками 3,4, но змей у пояса нет и у фигуры божества, одетого пышно и восседающего на троне⁹. Это не может быть персонаж Б, так как в двух подобных случаях рядом с божеством изображена игуана¹⁰. Таким образом, этот признак сам по себе нельзя принять за основу для идентификации, однако, в случаях, когда одежда и убор персонажа не отличаются пышностью, отсутствие у его пояса змей скорее означает, что перед нами божество Б (исключая случаи, предполагающие отождествление персонажа с божеством В).

Признак 5 ввиду кажущейся функциональности (в отличие от явно нефункционального и потому наиболее бесспорного признака 3) может показаться выбранным случайно, однако проверка по индивидуальным изображениям показывает, что это не так. В сценах обращения божества Б с мольбой к небу этот признак сочетается с признаками 4, 6 и с отсутствием у пояса божества змей¹¹. На этих изображениях через локоть божества перекинута корзинка либо у его ног лежит раковина с веревкой для подвешивания, вроде той, что перекинута через локоть персонажа в сцене, фиксирующей столкновение двух божеств. Предмет, подвешенный к локтю, служит на мочикских росписях признаком иноплеменников, в то время как мочика подобным образом не

изображаются¹². Еще одним признаком иноплеменников служат большие щиты с трофеями, свешивающиеся на спину и на грудь. Им аналогичны, по-видимому, шкуры пум, подвешенные к шее божества в сцене обращения с мольбой к небу¹³. Таким образом, признак 5 указывает на то, что божество Б наделено атрибутами иноплеменников.

Дополнительные основания в пользу тождественности персонажа с атрибутами иноплеменников, обращающегося с мольбой к небу, божеству Б в ореоле из связок оружия содержат изображения бога рака-отшельника. Отличительные признаки последнего: человеческие голова и руки, либо целиком антропоморфное тело, от лица обычно отходят длинные усы, за спиной спиралевидная раковина¹⁴. Один из сосудов сформован в виде фигуры рака-отшельника, имеющего те же атрибуты, что и персонаж Б в сценах обращения с мольбой к небу, — подвезанную к локтю сумочку и шкуру пумы, подвешенную к шее¹⁵. В то же время на позднемочикской полихромной росписи рак-отшельник изображен в бегущей по волнам лодке, занятый ловлей рыбы, а на другой стороне сосуда (судя по ореолу из палиц, заметному на фотографии) показана лодка божества Б¹⁶. Атрибуты божества Б настолько специфичны, что вряд ли наделение ими другого персонажа (т. е. рака-отшельника) допускает отсутствие между ними какой-то связи. В сцене же на море рак-отшельник связан с Б общностью не атрибутов, а ситуации. Вероятно, что рак-отшельник связан в обоих случаях с одним и тем же антропоморфным персонажем, а не с разными.

При дальнейшей идентификации персонажей А и Б мы допускаем, что если в части изображений одного сюжета явно показан тот или иной персонаж, а в других изображениях на тот же сюжет отличительные признаки отсутствуют, и взятые изолированно эти сцены не позволяют судить, кто именно показан, — в этих последних представлен тот же персонаж.

Божество Б представлено в следующих сюжетах:

1) на основании признаков 3, 4, 6, — во всех случаях, когда персонаж изображен в лодке, если это не бог с лучами, орел, утка или рак-отшельник. Из 12 изображений, на которых соответствующие признаки определимы, в семи божество не имеет змей у пояса и в четырех — клыков во рту¹⁷.

2) на основании признаков 4, 5, 6 — во всех упомянутых сценах обращения персонажа к небу. Из семи изображений в шести у пояса персонажа нет змей и в двух — клыков во рту.

В других сериях изображений божество идентифицируется только по признаку 4: Б держит на поднятых руках тело двуглавой змеи¹⁸; бьет в тамбурин, лежа среди прибрежных скал¹⁹; ловит с берега на крючок рыбу²⁰.

Можно полагать, что признак *отсутствие клыков*, как и признак *отсутствие змей у пояса*, при различении персонажей А и Б характерен преимущественно для последнего, так что во всех

случаях, когда идентификация персонажа в качестве божества А не вызывает сомнений, он изображен с клыкастым ртом. Как мы увидим далее, без клыков и змей может изображаться и божество В.

Божество А представлено в следующих сюжетах:

1) на основании признаков 1, 2 — в сценах совокупления с женщиной²¹; 2) на основании признака 1 — в сценах погребения мифического персонажа²²; 3) на основании признаков 1, 2 — стоящим у подножья скалы во время жертвоприношений в горах²³; 4) на основании признака 1 — летит на птице²⁴; 5) на основании признака 1 — стоящим перед лягушкой, из тела которой выступают плоды²⁵.

Последняя сцена требует объяснений. Персонаж в ней держит обеими руками длинный U-образный предмет, концы которого завершаются головами змей. Ниже идущие друг за другом обезьяны несут мешки. Это рельефное изображение помещено на позднемочикском сосуде, а на вазовом рельефе в стиле касма, сюжетно близком мочикскому и лишь незначительно отличным стилистически²⁶, вместо антропоморфного божества показан бог-игуана (его легко узнать по головному убору с птицей и по коническому хвосту). Вокруг размещены фигуры зооморфных божеств (вероятно, это лис, ягуар и птицы). Таким образом, в данном случае божества не изображены одновременно с игуаной, однако они показаны как взаимозаменяемые персонажи в сходном контексте, что делает идентификацию антропоморфного персонажа как божества А вероятной.

На некоторых сосудах мочика по периметру размещены отдельные сцены, передающие, по-видимому, последовательные ситуации (чаще всего единоборство божества с демонами), в которых главным героем является один и тот же персонаж²⁷. Исходя из наличия в некоторых сценах признаков 1 и 2, можно заключить, что в поединках с длинноволосым демоном, черепахой и моллюском-стромбом участвует божество А и что именно его ведут или поддерживают под руки две птицы (стервятники-уруб, а иногда, возможно, бакланы). Из наличия признаков 1 и 2 следует и участие божества А в поединках с рыбой сомом²⁸.

В сценах единоборства с крабом показано божество А и, возможно, также Б. Об участии первого свидетельствует изображение, на котором в поединке божеству помогает собака²⁹, а также роспись, где на одной стороне сосуда воспроизведен поединок персонажа А с крабом, в то время как на другой тот же персонаж склонился перед божеством Б³⁰. Божество Б как участник поединка с крабом определяется только по головному убору (признак 4), что недостаточно для уверенной идентификации. Не ясно также, кто из божеств показан ловящим бога-рыбу (бонито) в тех сценах, где оба персонажа находятся среди вод, по ни лодка, ни берег не изображены³¹. На одной росписи рядом с героем стоит собака, но рыбы на конце лезы нет³².

Божество В. Для идентификации персонажа отправным пунктом может быть изображение антропоморфного божества, сидящего в пещере; скалу, в которой находится пещера, обвивают две гигантские змеи³³. Другой антропоморфный персонаж стоит у подножья скалы, поддерживая голову одной из змей. Поскольку голову другой змеи поддерживает в одном случае бог-игуана, так что эти два последних персонажа составляют пару адорантов, окружающих с двух сторон божество в пещере, можно предполагать, что стоящий у подножья скалы персонаж — божество А. Следовательно, божество в пещере — не А. Не является ли оно в таком случае уже известным персонажем Б? С полной уверенностью отрицательно ответить на этот вопрос можно, лишь обнаружив изображение, на котором божество Б и божество в пещере показаны одновременно. Но и при отсутствии такого изображения данное предположение кажется маловероятным, во-первых, ввиду пышности одежды божества в пещере, нехарактерной для Б, и, во-вторых, из-за, как мы увидим, близкой связи, иногда почти тождества, божества в пещере и персонажа А, в то время как А и Б находятся в отношениях противоборства.

Итак, обозначим божество в пещере как В. В отличие от А, от пояса которого отходит змея, божество В в данной серии сцен, по-видимому, змее у пояса не имеет, а вместо этого змеи обвивают скалу. Костюм и головной убор персонажа В богаче, чем у А: если голову В увенчивает полудиск с изображением хищника, убор А украшен только головой хищника; если на голове В убор без полудиска, волосы А вовсе не прикрыты. Там же, где божество А с игуаной стоят по обеим сторонам скалы, а божества В в пещере нет, убор с полудиском может увенчивать и голову А³⁴.

Предположение о том, что антропоморфный персонаж, помещенный в центр изображения и показанный в пещере или просто на фоне гор, всегда является божеством В, не встречает противоречий. Часто его фигура как бы вырастает среди горных пиков³⁵. Связь данной серии изображений с изображениями персонажа В в пещере удостоверяется тем, что в обоих случаях змеи не отходят у него от пояса, а обрамляют фигуру, извиваясь среди горных пиков. В обоих случаях в руках у него бывает сосудик с известью, употребляемый при жевании коки³⁶. Вероятно, тот же персонаж изображен лежащим среди гор, с головы у него на обе стороны свешивается по змее³⁷. С ним скорее всего связаны и отдельные изображения головы божества со змеиными головами, покоящимися на висках³⁸. Изображения головы божества с обрамляющей ее от уха до уха двуглавой змеей³⁹ сходны с полнофигурным изображением персонажа, сидящего на троне среди гор под аркой в виде двуглавой змеи⁴⁰.

Мы предполагаем также, что божество В считалось духом маиса. Основанием для такого заключения служит изображение, на котором за спиной божества, имеющего тело из сросшихся

початков, показана меньшая фигурка другого антропоморфного персонажа со змеями у пояса, выполненная по тому же канону, что и фигура божества А, поддерживающая голову змеи у входа в пещеру божества В⁴¹. В обоих случаях божество А выступает как помощник, спутник, адорант В. Во рту духа маиса всегда показаны клыки, змея же у пояса встречена нами лишь на одном изображении из более чем двадцати⁴². По аналогии с изображениями духа маиса можно полагать, что и в качестве духа маниока выступает тот же персонаж⁴³. На одном изображении божество запечатлено, стоя на троне с кубком в руке⁴⁴. От пояса его отходят клубни, а из головы выступают ростки маниока. На поверхности ручки сосуда, к которой прислонена фигура персонажа, по-видимому, нарисован початок маиса. Если это действительно так, изображение не оставляет сомнений в тождестве персонажей, воплощающих оба растения.

Два антропоморфных персонажа — один в пышном головном уборе, украшенном полудиском, другой — мальчик у ног первого, в более простом уборе — изображены на навершии землекопалки, найденной в богатом погребении в долине Виру⁴⁵. Позы, костюмы и взаиморасположение тел лежавших в могиле старца и мальчика оказались аналогичны позам, костюмам и взаиморасположению тел персонажей, вырезанных на навершии. Таким образом, с богато одетым божеством ассоциировался погребенный старец (вероятно, являвшийся местным правителем-жрецом), а с божеством-мальчиком — принесенный в жертву и положенный у пог старца ребенок. На изображении бог-старец держит землекопалку, которой проводит борозды, а мальчик бросает в них зерна, находящиеся в мешке, подвязанном через плечо. Мы предполагаем, что старшим персонажем является божество В, младшим — А.

Тождество персонажа, обрабатывающего поле с божеством В (а также тождество с ним духа маиса и маниока), подтверждает серия изображений божества на фоне гор с растениями в руках. Эти сцены имеют общие признаки со всеми вышеперечисленными сериями изображений. Иногда персонаж держит не только стебель маиса, но и мешок с зерном для посева⁴⁶. Хотя на совместном изображении двух божеств на навершии землекопалки этот предмет находится у бога-мальчика, нет оснований связывать его исключительно с ним; важно сходство атрибутов двойного (мальчик-старец) божества-сеятеля и божества на фоне гор. Последний сопоставим скорее со старцем, а не с ребенком.

Обычно в одной руке божества на фоне гор находится кукуруза, в другой — маниок, т. е. как раз те растения, в облике духа которых изображается антропоморфное божество. При этом на рельефах стиля касма (прямо продолжающего иконографическую традицию мочика в некоторых долинах побережья в период, непосредственно следующий за гибелью мочикской культуры) эти растения не только находятся в его руках, но и

выступают из тела персонажа, что семантически близко скульптурным мочикским изображениям божества, тело которого состоит из початков или клубней⁴⁷. Персонаж обычно лишен клыков во рту и змей у пояса, но иногда есть оба эти признака. Он помещен в центр изображения и обрамлен горными пиками. Его головной убор (шлем или полоса ткани с двумя прямоугольными выступами) часто аналогичен убору персонажа, восседающего на троне среди гор, под аркой в виде двуглавой змеи⁴⁸. На голове персонажа покоятся головы змей, вьющихся среди гор, — признак, по-видимому, лишь характерный для божества В⁴⁹.

Как изображение персонажа В можно с наибольшей вероятностью интерпретировать фигуру божества с выступающими из тела растениями и плодами и с мордой ягуара (?), сопровождающего носилки бога с лучами⁵⁰.

Таким образом, рассмотренные изображения характеризуют божество В как персонаж, обитающий среди гор, в пещере, являющийся воплощением и дарителем маиса и мапиока, изображаемый как со змеями у пояса и с клыками во рту, так и без этих признаков, нередко обрамленный двумя змеями, вьющимися среди гор, или помещенный внутри арки в виде двуглавой змеи. В отличие от божества А змеи могут свисать у него по обе стороны головы. Божество А (иногда вместе с игуаной) выступает как его помощник и адорант, как молодой персонаж рядом со старцем. Во время человеческих жертвоприношений в горах божество В является руководителем или объектом почитания, сидящим на троне среди скал, тогда как А с игуаной — скорее участниками, стоящими по бокам от скалы⁵¹.

Вероятно, божество В не только связывалось с горами, но и мыслилось центром и средоточием вселенной. На это указывают как изображения персонажа внутри арки-змеи, являющегося, как мы полагаем, мочикским эквивалентом мирового дерева, так и рельефы, на которых его фигура (с растениями в руках) обрамлена звездами⁵². Последний признак позволяет идентифицировать в качестве божества В персонаж, сидящий среди звезд и держащий в одной руке нож⁵³. Змеи отходят от его головы и от пояса. Этот персонаж показан анфас, а рядом в профиль стоит несколько меньшая фигура со змеями у пояса и с клыкастым ртом, также подносящая нож. В сценах поединков божеств оба соперника всегда показаны в профиль, так что в данном случае не ясно, находятся ли персонажи во враждебных отношениях или нет. Свободной рукой оба они на что-то указывают. Среди звезд разбросаны плоды ульчюу или пальта, являющиеся непременным атрибутом ритуалов⁵⁴. Относительная пышность одежд и относительные размеры фигур персонажей при идентификации изображенного анфас божества, как Б, делают вероятным предположение, что в профиль показан А.

Имеется серия изображений пышно одетого антропоморфного божества (отличного от бога с лучами) как руководителя или

как одного из главных участников церемоний⁵⁵. В некоторых случаях другими участниками обряда являются люди, т. е. персонаж выступает в роли правителя-жреца, и, следовательно, тождествен богу-старцу с наверхшия землекопалки. В то же время на одном рельефе позади божества показан бог-игуана, что требует идентификации персонажа как А. Отметим, однако, что признак «рядом игуана» актуален только при сопоставлении персонажей А и Б, но из этого не следует, что игуана не может сопровождать божество В. Кроме того, можно предположить, что четкое различие божеств А и В в ритуальных сценах вообще невозможно и что в культе они выступали как двуединый персонаж (старый — молодой, основное лицо — заместитель), ибо функционально близки. Оба связаны с земледелием, с севом (что следует из двойной фигуры мальчика со старцем на наверхшия землекопалки), оба присутствуют при человеческих жертвоприношениях в горах (причем один в отсутствии другого), оба (в отличие от божества Б) показаны сидящими на троне и, по видимому, изображаются держащими в одной руке отрубленную человеческую голову, а в другой нож⁵⁶. Оба персонажа имеют в качестве своей ипостаси кошачьего хищника: персонаж А летит на птице, аналогично изображен ягуар, причем сосуд с летящим ягуаром датируется более ранним временем, чем соответствующие изображения антропоморфного божества⁵⁷; персонаж В изображен на троне среди гор⁵⁸, и в том же положении показано существо в одежде божества В, но с головой пумы⁵⁹.

Если все же мочика во всех случаях различали персонажей А и В, то в положении руководителя церемоний выступает, несомненно, последний.

Завершая обзор изображений персонажа В, отметим фигуры божества с палицей в руках, в шлеме, стоящего на небольшом прямоугольном помосте⁶⁰. Это фигуры в высоком рельефе, помещенные у вертикальной плоскости, на которой в низком рельефе выделены окружающие персонаж лучи. На основании детального сходства костюма и головного убора можно утверждать, что данный персонаж есть тот же самый, что и показанный без лучей, но также с палицей (и дротиками, либо с дротиками и щитом), стоящий на фоне гор, обычно внутри арки, образованной телом двуглавой змеи⁶¹. Как правило, персонаж лишен змей у пояса, но в одном случае они все же есть; клыки во рту обычны, но не обязательны. Вся группа изображений происходит с одной территории — из долин рек Санты и Непеньи. По совокупности признаков наиболее вероятно, что данный персонаж — божество В. Подтверждением этому служит рельеф, стилистически переходный от мочика к касма, с изображением на одной стороне сосуда божества, держащего в руках маниок и маис, а на другой — демонстрирующий то же божество (изменены лишь украшения на шлеме) в ореоле из лучей, оканчивающихся на этот раз зернами маиса⁶². На более поздних изображениях касма

круг из лучей замыкает фигуру божества со всех сторон, причем лучи эти одновременно являются стилизованными початками, выступающими из двух жезлов или стеблей, которые божество держит в руках⁶³.

Наряду с очевидными различиями между позднемочикской росписью с изображением божества среди звезд и указанными рельефами касма между ними есть и сходство. В обоих случаях божество представлено анфас, от пояса же и, главное, от висков отходят змеи, причем головы змей на висках соединены через лоб широкой полосой. Изображения божества среди звезд и в круговом ореоле из лучей делают вероятной его ассоциацию с небесным светилом, скорее всего, с солнцем, поскольку для бога луны у мочика есть другая кандидатура.

Ввиду ограниченного размера статьи мы не можем развернуть в ней интерпретацию образов выделенных божеств. Отметим лишь, что материал не дает оснований думать, что два сражающихся божества (А и В) являются близнецами, как предположила Бенсон⁶⁴. Скорее они сопоставимы с персонажами разных мифологических поколений в мифах времен конкисты: с Коном и Пачакамаком или с Пачакамаком и Вичамой⁶⁵. Дружественным спутником, может быть, братом А является бог-игуана: оба эти персонажа (но не В) связаны с божеством В (его сыновья?).

¹ *Larco Hoyle. R. Los Mochicas. Lima, 1938—1939, t. I—II. Он же. La escritura mochica sobre pallares.—Revista Geográfica Americana, 1942, vol. 18, N 107, p. 93—105; Он же. La escritura peruana sobre pallares.—Revista Geográfica Americana, 1943, vol. 20, N 122, p. 227—292; N 123, p. 345—354; Он же. A Cultural Sequence of the North Coast of Peru.—Handbook of South American Indians, Washington, 1946, vol. 2, p. 149—176 (Smithsonian Institution, Bureau of American Ethnology, Bull. 143).*

² *Kutscher G. Religion und Mythologie der früher Chimu (Nord Peru).—In: Actes du 28e Congrès International des Américanistes (Paris, 1947). Paris, 1948, p. 621—631; Он же. Iconographic Studies as an Aid in the Reconstruction of Early Chimu Civilization.—Transactions of the New York Academy of Sciences, Ser. II, 1950, vol. 12, N 6, p. 194—202; Он же. Chimu; eine altindianische Hochkultur. Berlin, 1950; Он же. Ritual Races among the Early Chimu.—In: Selected Papers of the 29 International Congress of Americanists (New York, 1949). Chicago, 1951, p. 244—251; Он же. Nordperuanische Keramik.—Monumenta americana, 1954, Bd. I; Он же. Sacrifices et prières dans l'ancienne civilization de Moche (Pérou du nord).—In: Anais de 31 Congreso Internacional de Americanistas (São Paulo, 1954). São Paulo, 1955, vol. II, p. 763—776; Он же. Arte antiguo de la costa norte del Perú. Berlin, 1955; Он же. Das Federball-Spiel in der alten Kultur von Moche (Nord-Peru).—Baessler-Archiv (Neue Folge), 1956, Bd. IV, Heft 2, S. 173—184.*

³ *Donnan C. B. Moche Art and Iconography.—In: UCLA Latin American Studies. Los Angeles, 1976, vol. 33; Benson E. P. The Mochica. A Culture of Peru. New York; Washington; Она же. Death-Associated Figures on Mochica Pottery.—In: Dumbarton Oaks Conference on Death and the Afterlife in Pre-Columbian America. Washington, 1973, p. 105—144; Hocquenghem A. M. Un «vase portrait» de femme mochica.—Nawpa Pacha, 1977, N 15, p. 117—122; Она же. Les représentations de chamans dans l'iconographie mochica.—Nawpa Pacha, 1977, N 15, p. 123—130; Она же. Une interprétation des «vases portraits» mochicas.—Nawpa Pacha, 1977, N 15, p. 131—140;*

- Lavallée D.* Les représentations animales dans la céramique Mochica.— Mémoires de l'Institut d'Ethnologie. Paris, 1970, vol. IV.
- ⁴ *Benson E. P.* The Mochica..., p. 27—44.
- ⁵ *Baessler A.* Altperuanische Kunst. Berlin; Leipzig, 1902—1903, Abb. 347; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 55-c; 61-a; *Benson E.* The Mochica..., fig. 2—19; *Larco Hoyle R.* A Cultural Sequence..., fig. 21-c; *Sawyer A.* The Nathan Cummings Collection of Ancient Peruvian Art (Formerly Wasserman—San Blas Collection). Chicago, 1944, cover; *Strong W. D., Evans C.* Cultural stratigraphy in the Viru Valley, Northern Peru. The Formative and Florescent Epochs.— Columbia Studies in Archaeology and Ethnology, 1952, vol. IV, pl. 28-e. В эту серию изображений следовало бы включить и стенную роспись в Паньямарке, на которой запечатлены два антропоморфных персонажа в сцене единоборства, но фотография не позволяет различить детали (*Bonavía D.* Ricchata Quellccani. Pinturas murales prehispánicas. Lima, 1974, fig. 31), а прорисовка неточна (*Schaedel R.* Mochica murals at Pañamarca.— Archaeology, 1951, cover, vol. 4, N 3).
- ⁶ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 347; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 60-b.
- ⁷ *Valcárcel L. E.* Dioses, hombres y bestias. Lima, 1937, fig. 4.
- ⁸ Животное показано схематично, но наиболее вероятно, что это именно собака (см.: *Benson E. P.* The Mochica..., p. 34). Здесь, может быть, уместно провести параллель с верованиями индейцев каяпа (прибрежная равнина Эквадора), согласно которым отличительным признаком одного из божеств является то, что его постоянно сопровождает собака (*Barrett S. A.* The Cayapa Indians of Ecuador.— Indian Notes and Monographs, Museum of the American Indian, Heye Foundation, 1925, vol. XL, p. 353).
- ⁹ *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography, персонаж D на fig. 104, 106; *Larco Hoyle R.* Los Mochicas, t. II, lam. XXIII; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 72.
- ¹⁰ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 344; *Uhle M.* Die alten Kulturen Perus im Hinblick auf die Archäologie und Geschichte des amerikanischen Kontinents. Berlin; Wilmersdorf, 1935, Fig. II. Прорисовка Уле сильно искажает детали, но и по ней видно, что на игуане и на антропоморфном божестве надеты парные племени с изображениями птицы и хищника.
- ¹¹ *Doering H. U.* Kunst im Reiche der Inca. Tübingen, 1952, Taf. 172—173; *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 26, Taf. 69; *Он же.* Nordperuanische Keramik, Abb. 75; *Larco Hoyle R.* Los Mochicas, t. I, fig. 31; t. II, lam. XXIX.
- ¹² *Березкин Ю. Е.* Две группы иноплеменников на изображениях мочика (Перу).— Советская этнография, 1978, № 1, с. 126—137.
- ¹³ Более натуралистическое изображение подобной шкуры за спиной у человека см.: *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 111.
- ¹⁴ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Taf. 53; *Disselhoff E. P.* Kunst und Religion der Mayavölker.— Zeitschrift für Ethnologie, 1925, Bd. 57, Heft 1—2, Taf. 51; *Disselhoff H. D.* Polychrome Keramik in der nordperuanische Küstenzone.— Baessler-Archiv (Neue Folge), 1957, Bd. 5, Heft 2, Abb. 1—2.
- ¹⁵ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Taf. 53.
- ¹⁶ *Disselhoff H. D.* Polychrome Keramik..., Abb. 1; *Fung Pineda R.* El Museo Amano.— Fanal, 1968, cubierta, vol. 23, N 85; *Lumbreras L. G.* Los orígenes de la civilización en el Perú. Lima, 1974, lám. 85.
- ¹⁷ *Anton F.* Alt-Peru und seine Kunst. Leipzig, 1970, Taf. 143—144; *Doering H. U.* Altperuanische Gefäßmalereien. II. Marburg, 1926, Taf. XII; *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography, fig. 72; *Horkheimer H.* Nahrung und Nahrungsgewinnung im vorspanischen Peru. Berlin, 1960, Abb. 3; *Horkheimer H.* La cultura mochica. Lima, 1961, p. 15; *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 17; *Он же.* Nordperuanische Keramik, Abb. 66-b; *Larco Hoyle R.* A cultural sequence..., p. 70-g; *Nachtigal H.* Indianische Fischer, Feldbauer und Viehzüchter.— Marburger Studien zur Völkerkunde, 1966, Bd. 2, Abb. 48; *Sawyer A.* Ancient Peruvian Ceramics. The Nathan Cummings Collection. New York, 1966, fig. 75; *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru. Berlin,

- 1929, S. 196, Abb. 2; *Tercero J.* Practical Pan Americanism.—Bulletin of Pan American Union, 1939, vol. 73, N 3, p. 150.
- ¹⁸ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 296; *Kutscher G.* Chimu..., Taf. 67; *Larco Hoyle R.* Los Cupisniques. Lima, 1941, fig. 219; *Seler E.* Peruanische Alterthümer. Berlin, 1893, Taf. 21—10.
- ¹⁹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 357; *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru, S. 168, Abb. 2; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 16—8, 21—11.
- ²⁰ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 317, 319—321; *Kutscher G.* Chimu..., Taf. 67 links.
- ²¹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 384; *Anton F.* Alt Peru..., Taf. 151; *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography, fig. 1; *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú (Norte y centro de la Costa, período postclásico). Lima, 1959, fig. 4; *Larco Hoyle R.* Checan. Genève — Paris — München, 1965, p. 80, 109, 113, 140.
- ²² *Donnan G. B.* Moche Art and Iconography, fig. 2, 65.
- ²³ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 313, 314; *Benson E.* The Mochica..., fig. 2—11, 12; *Collier D.* Indian art of the Americas. Chicago, 1959, fig. 73; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 79-b d; *Moser C. L.* Ritual Decapitation in Moche Art.—Archeology, vol. 27, N 1, p. 34; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 22—8, 10, 14; 34—1, 3.
- ²⁴ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 342; *Larco Hoyle R.* Pérou. Genève, 1966, fig. 53; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 22—9. А. Крүббер публикует еще одно подобное изображение как относящееся к эпохе чиму (*Kroeber A. L.* Archaeological explorations in Peru. Part I. Ancient pottery from Trujillo.—Field Museum of Natural History. Anthropology. Mémoires, 1926, vol. 2, N 1, p. VI—6). Даже если он прав (о чем трудно судить по фотографии), изображение несомненно продолжает мочикскую традицию.
- ²⁵ *Larco Hoyle R.* Pérou, fig. 60.
- ²⁶ *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú, fig. 110.
- ²⁷ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 332, 345; *Imbelloni J.* L'Antico Peru.—In: Biasutti R. Le razze e i popoli della terra, 1957, vol. IV, fig. 428; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 54-b; *Larco Hoyle R.* Cronología arqueológica del Norte del Perú. Buenos Aires, 1948, p. XIII abajo.
- ²⁸ *D' Harcourt R. et M.* La céramique ancienne du Pérou. Paris, 1924, p. 56 droit; *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 64; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 60-a.
- ²⁹ *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru, S. 163.
- ³⁰ *Sawyer A.* The Nathan Cummings Collection...
- ³¹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 333; *Burger R. L.* The Moche Sources of Archaism in Chimu Ceramics.—Nawpa Pacha, 1976, N 14, fig. 4, 2; *Danzel T. W.* Handbuch der präkolumbischen Kulturen in Lateinamerika. Hamburg; Berlin, 1927, S. 109; *Fuhrmann E.* Peru II. Keramik der Chimu. Hagen — Darmstadt, 1922, Bild. 97; *Kutscher G.* Chimu..., Abb. 58; *Он же.* Nordperuanische Keramik, Abb. 61-c; *Larco Hoyle R.* A Cultural Sequences..., fig. 21-a.
- ³² *Uhle M.* Las relaciones prehistóricas entre el Perú y la Argentina.—Actos del 17 Congreso Internacional de Americanistas (Buenos Aires, 1910). Buenos Aires, 1912, fig. 4.
- ³³ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 315; *Larco Hoyle R.* Los Cupisniques. Lima, 1945, fig. 220; *Sawyer A.* Ancient Peruvian Ceramics..., fig. 71.
- ³⁴ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 313.
- ³⁵ *Arte del Perú.* México, 1955, p. 20; *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Taf. 82, 84; *Coe M. D.* Mexico to Peru. A New Hall opens.—Discovery, 1972, vol. 7, N 2, p. 96; *Fuhrmann E.* Peru II..., Bild. 74—75; *Proulx D. A.* Archaeological Investigations in the Nepeña Valley, Peru.—Research Report N 13. Department of Anthropology. University of Massachusetts, 1973, p. 5-c; *Sawyer A.* Ancient Peruvian Ceramics..., fig. 72; *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru, S. 164, Abb. 1; *Sestieri P. C.* Rappresentazioni di Ai-Pec su

- vasi Mochica del Museo Pigorini.—Bolletino d'arte, 1963, Anno 48, ser. 4, N 4, fig. 1; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 21—14, 15, 18, 19.
- ³⁶ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 315; *Schmidt M.* Kunst und Kultur von Peru, S. 164.
- ³⁷ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 299.
- ³⁸ *Anton F.* Alt-Peru und seine Kunst, Taf. 145; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 22—11.
- ³⁹ *Tabio E.* Historia antigua de la Costa Peruana (Época prehispánica), 1969, fig. 107 (не опубли.; дис. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук); *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 21—1, 22—5.
- ⁴⁰ *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 77-c.
- ⁴¹ *Sestieri P. C.* Rappresentazioni di Ai-Pec su vasi..., fig. 5—7; *Sawyer A.* Ancient Peruvian Ceramics, fig. 77-c.
- ⁴² *Towle M.* The Ethnobotany of Pre-Columbian Peru.—Viking Found Publications in Anthropology, 1961, N 30, pl. VII-b.
- ⁴³ *Benson E.* The Mochica..., fig. 5—20; *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography, fig. 100; *Haberland W.* Das gaben Sie uns. Hamburg, 1975, Taf. 2-b; *Kroeber A. L.* The Uhle Pottery Collections from Moche.—University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1925, vol. 21, N 5, p. 55-b; *Sawyer A.* Ancient Peruvian Ceramics..., fig. 76. На одном сосуде представлен, возможно, дух перца: *d'Harcourt R.* Art de l'Amérique. Paris, 1948, fig. 123.
- ⁴⁴ *Fung Pineda R.* El Museo Amano, cubierta.
- ⁴⁵ *Strong W. D., Evans C.* Cultural stratigraphy in the Viru valley..., p. XXIII.
- ⁴⁶ *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú, fig. 39.
- ⁴⁷ *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú, fig. 41, 42, 55; *Heyerdahl T.* The Art of Easter Island. London, 1976, p. XIV, 320.
- ⁴⁸ *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú, fig. 46-c; *Donnan C. B.* Moche Art and Iconography, fig. 93; *Fuhrmann E.* Peru II..., Bild. 12; *Horkheimer H.* Nahrung... Taf. 3. links; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 77-c.
- ⁴⁹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 288.
- ⁵⁰ *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 80.
- ⁵¹ Сравни: *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 78; *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 314.
- ⁵² *Carrión Cachot R.* Religión en el Antiguo Perú, fig. 45; *Sawyer A.* The Nathan Cummings Collection..., p. 10 bottom.
- ⁵³ *Larco Hoyle R.* Cronología..., p. XIV.
- ⁵⁴ *Hissink K.* Motive der Mochica-Keramik.—Paideuma, 1951, Bd. V, Heft 3, S. 119; *Larco Hoyle R.* Los Mochicas, t. II, p. 98.
- ⁵⁵ *Donnan C. B.* Moche art and iconography, fig. 51, 104, 106; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 72; *Larco Hoyle R.* Los Mochicas, t. II, lam. XXIII; *Uhle M.* Die alten Kulturen Perus im Hinblick auf die Archäologie und Geschichte des amerikanischen Kontinents. Berlin; Wilmersdorf, 1935, fig. 11.
- ⁵⁶ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 284; *D'Harcourt R., Nique J.* La sarbacan, l'élevage des oiseaux et la tête réduite chez les peuples mochica.—Journal de la Société des Américanistes, 1934, t. 26, p. 11—2; *Moser C. L.* Ritual decapitation in Moche Art.—Archaeology, 1974, vol. 27, N 1, p. 32, 36; *Kutscher G.* Nordperuanische Keramik, Abb. 53; *Seler E.* Peruanische Alterthümer, Taf. 21—16.
- ⁵⁷ Я благодарен Л. Драгеру и Г. Круше за разрешение осмотреть коллекцию Музея Народоведения в Лейпциге, в состав которой входит сосуд с изображением летящего ягуара.
- ⁵⁸ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 310.
- ⁵⁹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 311.
- ⁶⁰ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Taf. 88; *Larco Hoyle R.* Pérou, fig. 36.
- ⁶¹ *Baessler A.* Altperuanische Kunst, Abb. 293, 295; *Cuesta Domingo M.* El sistema militarista de los mochicas.—Revista española de antropología

- americana, 1972, vol. 7:2, fig. 16; *Proulx D. Archaeological...*, p. 5-d; *Seller E. Peruanische Alterthümer*, Taf. 21—17.
- ⁶² *Carrión Cachot R. Religión en el Antiguo Perú*, fig. 55.
- ⁶³ *Religión en el Antiguo Perú*, fig. 56, 57.
- ⁶⁴ *Benson E. The Mochica...*, p. 32.
- ⁶⁵ *De la Calancho A. Corónica moralizada del orden de San Agustín en el Perú, con sucesos egenplares en esta monarquía*. Barcelona, 1638, lib. II, cap. XIX, p. 412—414; *López de Gómara F. Historia general de las Indias*.—Biblioteca de autores españoles, Madrid, 1852, t. 22, p. 233.

А. Д. Дридзе

ИЗ ИСТОРИИ ИНДИЙЦЕВ ТРИНИДАДА (60—80-е годы XIX в.)

60—80-е годы прошлого века занимают в истории тринидадских индийцев особое место. Именно в эти десятилетия, отмеченные интенсивным ввозом все новых и новых партий рабочих и, следовательно, непрерывающимся ростом численности индийского населения острова, иммигранты (и их потомки) начали оформляться как своеобразная этническая общность, отличная не только от окружающего населения, но и в некоторых аспектах от индийцев Индостана.

Зарубежные авторы, писавшие об индийских рабочих острова, в большинстве своем изображали их покорными, законопослушными, способными в лучшем случае лишь на слабый, пассивный протест против тяжелейших условий, в которых им довелось жить и работать. На самом же деле антиколониальная борьба индийцев не прекращалась. Принимая разные формы, переживая приливы и отливы, она продолжала оставаться постоянно действующим фактором в жизни Тринидада. Что же касается описываемых десятилетий, то они внесли в нее ряд новых моментов, заслуживающих специального рассмотрения.

Для исследуемого периода особую роль сыграло прежде всего народное восстание 1857—1859 гг. в Индии, причем основной его базой оказались именно те районы, откуда шел основной поток иммигрантов в Вест-Индию. «Бои происходили в округах, которые были центрами эмиграции в колонии»,— пишет Вуд¹. Мало того, большую часть бенгальских сипаев составляли уроженцы тех же мест: Аудха и тогдашних северо-западных провинций. Таким образом, уже поэтому восстание, его экономические и политические последствия не могли не повлиять и на эмиграцию из Индии, в частности на эмиграцию в интересующие нас районы.

Районы же эти, и прежде всего Тринидад, уже не в состоянии были обходиться «без постоянного притока индийской имми-

грации», — свидетельствовало одно из плантаторских объединений острова (1856), а в официальной переписке подчеркивалось, что с ввозом рабочих из Индии связан не только «экономический прогресс» Тринидада, «но и самое его существование, социальное и политическое». Снижение темпов иммиграции вызвало почти панику среди плантаторов, которые в 1857 г. добились даже решения о выплате вербуемым рабочим дополнительных пособий и авансов².

В этих условиях известия о начале восстания, о связанных с ним событиях привлекли самое пристальное внимание британских колонизаторов на Антилах. Вначале высказывались опасения, как бы приток рабочих вообще не прекратился, тем более, что из Индии и из Лондона такие предупреждения поступали. Вскоре, однако, стало ясно: социально-экономические и политические последствия разгрома восстания, несомненно, увеличат поток эмигрантов. Более того, некоторое время обсуждался даже вопрос о наказании «мятежников» вечной ссылкой на Тринидад с привлечением их здесь к работе на плантациях за более низкое жалованье и с созданием для «неисправимых» своего рода концлагерей. Эту идею выдвинул, с одной стороны, Вест-Индский комитет в Лондоне, с другой — тринидадские плантаторы, объявившие о своей готовности принять до 10 000 ссыльно-поселенцев. Однако, стремясь «успокоить» Индию после подавления восстания, колонизаторы, как свидетельствует архив Министерства колоний, отказались от этого плана («по политическим соображениям», тем более, что сведения о нем проникли в газеты, издававшиеся не только на английском, но и на бенгальском языках. Сыграло здесь роль и желание избежать расходов на принудительную эмиграцию³, тем более, что под влиянием событий 1857—1859 гг. вольная вербовка и так резко увеличилась.

Если в 1854 г. из Калькутты эмигрировало на Тринидад всего 673 человека, в 1855 г.—209, в 1856 г.—608, то в 1857 г.—уже 1374, в 1858 г.—2017 (из Калькутты и Мадраса), в 1859 г. (из обоих портов) — 3288, в 1860 г.—2160 и в 1861 г.—2541 человек⁴. Британская колониальная администрация в Индии отметила в 1877 г.: «Больше всего эмигрантов за всю историю Калькутты отбыло в 1858 г., непосредственно после мятежа (так колонизаторы называли народное восстание 1857—1859 гг.), и предполагается, что оба эти обстоятельства имеют между собой связь; второе место занимает следующий, 1859, год...»⁵

Но события 1857—1859 гг. вызвали у тринидадских плантаторов не только опасения, что иммиграция сократится или даже прекратится совсем. Размах сипайского восстания, его мощь, огромное число его участников напугали колонизаторов и на Тринидаде. Больше всего они опасались непосредственного влияния участников восстания на массу индийских рабочих. Об этом уже в начале 1858 г. писала лондонская «Таймс», и этот материал тут же был перепечатан «Порт-оф-Спейн Газетт».

Действительно ли среди иммигрантов были участники восстания? Думается, что это так. Разумеется, причастность иммигрантов к восстанию никак ими не рекламировалась, но бывали обстоятельства, когда присутствие таких людей невольно обнаруживалось. Так, миссионер Андерхилл, проповедуя перед иммигрантами из Бихара, тогдашних северо-западных провинций и Бенгалии в тринидадском местечке Арука (1859 г.), обнаружил среди них «несколько мятежных сипаев из Индии, в том числе сподвижника Уммар (т. е. Аммар.— А. Д.) Сингха...» (Амар Сингх был одним из предводителей восставших в Западном Бихаре, а именно в Бходжпуре). Как только, продолжает Андерхилл, они поняли, что он «знает места в Индии, откуда они прибыли, они поспешно вышли, явно опасаясь, как бы обнаружение их причастности к восстанию не скомпрометировало их»⁶. Другой британский автор, Чарлз Кингсли, также отмечал, что после поражения восстания некоторые его участники, индусы высоких каст, эмигрировали на Тринидад⁷. Показательно, что потомки восставших из числа жителей той же Аруки и других пунктов острова с гордостью о них вспоминают. Известно, наконец, об участии в индийском восстании одного индийца с Тринидада, Эччоу Сингха, погибшего в бою с колонизаторами, о чем с гордостью говорит его правнук, здравствующий и поныне.

Интересно далее, что события 1857—1859 гг. в Индии повлияли и на изменение стереотипа тринидадских индийцев у колонизаторов. «Индийские рабочие,— пишет профессор Джха,— к которым белые плантаторы до этого относились, как к робким, послушным и внушающим доверие существам, теперь в ряде случаев стали вызывать подозрение». Некоторые белые тринидадцы решили даже, что «непосредственно под поверхностью индийского темперамента таится насилие» и что они (англичане.— А. Д.) «живут на вулкане»⁸.

Однако дело, разумеется, не в колонизаторских выкладках по поводу «индийского темперамента», а в том, что индийцы, как писала та же «Порт-оф-Спейн Газетт» еще в январе 1860 г., представляют собой «чудовище Франкенштейна, которое может в один прекрасный день выйти из-под контроля». Конечно, страх перед восстанием у колонизаторов был всегда, но с конца 50-х годов XIX в. появилась тенденция связывать все выступления именно с влиянием событий 1857—1859 гг., причем это касалось даже требований рабочих повысить заработную плату. И хотя в 60-х годах появились первые трезвые голоса и газеты стали уже отрицать причинно-следственные связи выступлений иммигрантов с восстанием (как это было в первую половину 1865 г.), даже упоминания о 1857—1859 гг. в любом контексте вызвали реакцию совершенно определенную. Когда (в самом конце 60-х годов или даже позже) миссионер Грант заявил в своей проповеди, что необходимо «использовать и укреплять моральные силы», иначе снова в какой-то степени можно столкнуться с трагиче-

скими событиями 1857 г. в Индии, упоминание о сипайском восстании было воспринято как угроза⁹.

Сипайское восстание повлияло на тринидадских индийцев еще в одном. По-видимому, Вуд был прав, отмечая именно в связи с этим грандиозным народным выступлением изменившийся характер так называемого Хосейна (мусульманского праздника Мохаррама). Это празднество быстро вошло в жизнь Тринидада прежде всего из-за своего сходства с традиционным местным карнавалом. Типологический анализ того и другого — особая тема. В данный момент нас интересует только социальная сторона.

Касаясь этого аспекта, Вуд, в частности, пишет: «В девятнадцатом столетии, когда в обоих (в карнавале и Хосейне. — А. Д.) участвовали исключительно низшие классы, празднества имели терапевтическое значение. Их бурный характер давал возможность выразить негодование, подавленное на протяжении всего года»¹⁰. Характерно, что еще в XIX в. индийцам в этот праздник предоставляли два свободных дня.

Иначе говоря, власти рассматривали праздники как своего рода громоотвод, помогавший им держать в подчинении и негритянских, и индийских трудящихся. Последние же со своей стороны неоднократно использовали как карнавал, так и Хосейн для выступлений против колонизаторов.

Характерно, что обстановка на Хосейнах обострилась именно в период индийского восстания. Уже в 1859 г. во время праздника произошли беспорядки в Сен-Джозефе. На следующий год они повторились, и в этот пункт были направлены полицейские подкрепления. В 1865 г. столкновения произошли даже в двух местах¹¹. Довольно рано (видимо, с конца 50-х годов) в Хосейне стали участвовать и индусты, и даже негры. Тем не менее объединенных негритянско-индийских выступлений история Тринидада не знает. Негры и индийцы поднимались против колонизаторов порознь.

Следует особо отметить, что у негритянских трудящихся существовала уже многолетняя традиция антиколониальных выступлений. Правда, в силу ряда причин освободительное движение на некоторых других островах, например на Ямайке, было развито гораздо значительнее, но тринидадские негры также активно боролись против поработителей и до и после отмены рабства. Так как не только монографий, но даже и статей на эту тему пока нет, представляется целесообразным уделить ей место, ограничившись, правда, материалами XIX в. Это интересно не только само по себе, но и для выяснения некоторых существенных деталей социального климата Тринидада.

Так, в 1806 г. здесь произошло восстание негров-солдат и рабов. В 1819—1825 гг. по острову прошла волна побегов и выступлений рабов. В лесах Тринидада укрылись многочисленные отряды беглых. Подавить это движение удалось лишь с помощью регулярных войск. В 1837 г. восстал вест-индский полк, сфор-

мированный из африканцев, находившихся на невольничьем корабле, который был захвачен британским флотом в открытом море. Поскольку работорговля была запрещена, африканцев освободили и тут же включили в английские колониальные войска, расквартированные на Тринидаде. Бывшие рабы подняли восстание, требуя возвращения на родину. Восстание это было подавлено, несколько человек, в том числе вождь его, Данга, убиты¹². Прошло чуть больше 10 лет, и против негров в Порт-оф-Спейне снова были брошены войска (октябрь 1849). Эти события, о которых индийцы могли получить определенное представление, должны были оказать на них влияние.

И уж вне всякого сомнения им становились известны выступления иммигрантов в других британских (и не только британских) колониях Вест-Индии. «Порт-оф-Спейн Газетт» писала в мае 1870 г. «о выступлениях кули в британской колонии (Гвиане.— А. Д.), часть которых время от времени приводила к столкновениям с полицией и к избитиям в ряде случаев управляющих и надсмотрщиков»; такие сведения, продолжала газета, поступают чуть ли не с каждой почтой. «Общее ощущение неудовлетворенности среди иммигрантов»,— деликатно констатирует «Порт-оф-Спейн Газетт»,— часто приводит к забастовкам, коллективным жалобам, протестам и на Тринидаде. Очередная такая вспышка произошла в 1872 г.¹³

В 80-х годах, в связи с кризисом в сахарной промышленности, выход из которого колонизаторы увидели в снижении заработной платы на плантациях, положение вновь обострилось. С одной стороны, недовольство народных масс по-прежнему находило выход во время карнавала, для участия в котором собирались многие тысячи и во время которого они хоть ненадолго чувствовали себя свободными от надзора хозяев и полиции. Уже в 1881 г. обстановка накалилась настолько, что стала предметом обсуждения в Законодательном совете. В 1882 г. был принят даже специальный закон, «регулирующий индийские празднества». Но 80-е годы внесли существенно новый момент в сложившуюся ситуацию: индийцы энергично начали прибегать к забастовкам. В 1882, 1883, 1884 гг. «забастовки весьма серьезного характера», по выражению одного колониального чиновника, разразились на нескольких плантациях округов Напарииа и Такаригуа. Но самым тяжелым для колонизаторов оказался 1884 год.

Уже в январе этого года на плантации Сидэр Хилл произошло, как писала «Сан-Фернандо Газетт», «серьезные беспорядки», причем не впервые. Англичанин, некий Метгаф (видимо, управляющий или надсмотрщик), был избит рабочими, и если бы не вмешательство десятника (которому тоже были нанесены побои), то произошло бы убийство. Эти события вызвали панику на юге Тринидада, пишет газета. 25 тыс. «неиндийцев», продолжает она, «которые разобщены», противостоят 50 тыс. индийцев, из них половина боеспособных, решивших «добиться своего», про-

являя «мстительность, едва ли находящую объяснение в прошлом».

А в октябре рабочие плантаций Эль Сокорро потребовали пересмотра непосильных для них норм, напали «с мачете и мотыгами» на надсмотрщика Робертса, а затем с тем же оружием отправились в столицу, в контору «протектора иммигрантов», где соединились с рабочими другой плантации, также бросившими работу. Разумеется, жалоб индийцев никто слушать не захотел, а по жалобе плантатора решено было арестовать пятерых зачинщиков. Отбить их у товарищей удалось, однако, лишь солдатам¹⁴.

Рабочие были «доведены до крайности» — такое объяснение забастовкам вынужден был дать даже отнюдь не дружественно к ним расположенный плантатор¹⁵.

Немудрено, что Хосейн в этом году прошел напряженнее, чем раньше. Еще за несколько лет до этого были приняты меры, ограничивающие праздник сельскими районами и не допускающие процессии на дороги и тем более в города. В 1884 г., однако, участники Хосейна двинулись к Сан-Фернандо. Полиция, брошенная против них, начала стрелять. 12 индийцев было убито, более 100 ранено (несколько человек из них позже умерло). Раздражение индийцев вмешательством в их религиозную жизнь после этого достигло апогея.

Власти решились применить оружие (впервые после 1849 г.), потому что почувствовали в Хосейне особую опасность. «Хотя, — как писал тогдашний губернатор, — эта церемония чисто мусульманская, на самом деле большинство ее участников — индусы, и весь праздник становится своего рода индийской национальной демонстрацией, общей для индусов и мусульман, и притом довольно бурного характера». Судя по этому документу, особый страх у колонизаторов вызывало и то обстоятельство, что индийцы знали о запрещении идти в город и, следовательно, сознательно это запрещение нарушили. Губернатор писал даже, что никто не в состоянии повлиять на индийцев, что «на острове не существует власти, которая имела бы такое влияние», и сетовал на плохую подготовку чиновников, работающих в аппаратах как протектора, так даже и его самого¹⁶.

Расправа в Сан-Фернандо вызвала далеко не единодушное одобрение даже среди колонизаторов. Если администрация всячески оправдывала ее, а «Порт-оф-Спейн Газетт» превозносила как переход от «слабой политики» к более энергичной, при которой индийцы не смогут «делать все, что они хотят», то автор письма в «Сан-Фернандо Газетт» оценивал события иначе. В действиях индийцев он не усматривал ничего «враждебного», а аргументы столичной газеты вызвали у него «болезненное удивление». Даже лондонская «Таймс» осудила «подобное обращение с безоружными индийцами».

Расстрел участников Хосейна, по мнению проф. Джха, показал индийцам «невозможность вооруженного восстания» и побу-

дил их к «изменению метода протеста»¹⁷. Думается, однако, что тринидадский ученый здесь не во всем прав. Ведь Хосейн (вопреки утверждениям колонизаторов) совсем не представлял собой вооруженного восстания. Конечно, события 1884 г. не могли не подействовать на индийцев, подействовали они и на администрацию, не ожидавшую столь широкого резонанса, и в следующий раз против трудящихся было пущено в ход оружие лишь в 1903 г. (так называемый водяной бунт в Порт-оф-Спейне). Жертвами его оказались негры. 16 человек было убито, 43 ранено¹⁸.

Все это не означает, однако, что после 1884 г. движение индийцев на плантациях прекратилось. Так, десять лет спустя четверо рабочих явились к хозяину плантации Мондезир и потребовали расчета с ними соответственно расценкам. Плантатор, уверенный в своей правоте, предложил им пропуск в город для подачи жалобы. Они, однако, отказались, понимая всю бесполезность таких обращений, и ответили: «Пусть нас расстреляют», но мы не уйдем отсюда, пока не заплатят»¹⁹. К ним присоединились товарищи, они напали на плантатора и надсмотрщика.

Конечно, борьба индийских рабочих на Тринидаде в исследуемое время не достигла высокой степени развития. Причин тут, на наш взгляд, несколько. Прежде всего — это новая, незнакомая обстановка, оторванность от родины. Немаловажную роль играл и крайне низкий уровень политического и общего развития индийцев, отсутствие надлежащих контактов с негритянскими трудящимися. Этот вопрос, разумеется, требует специального рассмотрения. Хотелось бы отметить следующее: во второй половине XIX в. (да и позже) важную роль сыграло то, что крестьянство и рабочий класс острова были многонациональны по своему составу, и британским колонизаторам, имевшим большой опыт проведения политики по принципу «разделяй и властвуй», удалось этим воспользоваться.

И все же указанные десятилетия не прошли в истории тринидадских индийцев бесследно. Это было время накопления сил, подготовки к выступлениям более широкого масштаба. И если 90-е годы XIX в. отмечены появлением на Тринидаде первых индийских организаций, то возникновение и развитие их, несомненно, стало возможным только на базе подготовительного периода, каким явились 60—90-е годы.

¹ Wood D. *Trinidad in Transition*. New York; London, 1968, p. 148.

² Jha J. C. *The Indian Mutiny-cum-Revolt of 1857 and the Trinidad (West Indies)*.— *Indian Studies, Past and Present*, 1972, July—September, vol. XIII, N 4, p. 1, 3.

³ Jha J. C. *The Indian Mutiny-cum-Revolt...*, p. 3—10.

⁴ Wood D. *Trinidad in Transition*, p. 158.

⁵ *Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Report of the Committee on Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Presented to both Houses of Parliament June 1910*. London, 1910, pt I, p. 8. Общая численность иммигрантов на Тринидаде в 1858 г. составила 27 779, а в 1869 г.— 25 337 человек.

- ⁶ *Underhill E. B.* The West Indies, their Social and Religious Condition. London, 1862, p. 37.
- ⁷ *Kingsley C.* At Last, a Christmas in the West Indies. London, 1890, p. 99.
- ⁸ *Jha J. C.* The Indian Mutiny-cum-Revolt..., p. 13—14. Приведенные цитаты обнаружены в лондонском архиве и на страницах «Порт-оф-Спейн Газетт» за август 1860 г.
- ⁹ *Jha J. C.* The Indian Mutiny-cum-Revolt..., p. 15—17.
- ¹⁰ *Wood D.* Trinidad in Transition, p. 152.
- ¹¹ *Wood D.* Trinidad in Transition; *Jha J. C.* East Indian Pressure Groups in Trinidad, 1891—1921.— In: The 5th Conference of Caribbean Historians. St. Augustine, 1973, p. 3.
- ¹² *Burns A.* The History of British West Indies, 1954, p. 593—634.
- ¹³ *Jha J. C.* East Indian Pressure Groups..., p. 3—4.
- ¹⁴ *Jha J. C.* East Indian Pressure Groups..., p. 4—5.
- ¹⁵ Emigration from India..., pt II, p. 414.
- ¹⁶ Emigration from India..., pt III, p. 127; *Williams E.* History of the People of Trinidad and Tobago. Port-of-Spain, 1962, p. 187—189. Ср. *Wood D.* Trinidad in Transition, p. 152; *Burns A.* The History of British West Indies, p. 679. У Вуда указан почему-то 1885 г., вместо 1884 г. Есть некоторый разбой и в цифровых данных.
- ¹⁷ *Jha J. C.* East Indian Pressure Groups..., p. 5—7.
- ¹⁸ Подробнее см.: *Laurence K. O. ed.* The Trinidad Water Riot of 1903; Reflection of an Eyewitness.— Caribbean Quarterly, 1969, December, vol. 15, N 4, p. 5—22.
- ¹⁹ *Jha J. C.* East Indian Pressure Groups..., p. 8—9.

В. Л. Афанасьев

ДВЕ КАРТИНЫ ОБ ОДНОМ СОБЫТИИ

(к истории латиноамериканской тематики
в европейской живописи XIX в.)

Рано утром 15 мая 1867 г. Фердинанд-Максимилиан-Иосиф Габсбург (он же Максимилиан I — марионеточный император Мексики, навязанный в 1864 г. народу этой страны французскими интервентами) ¹ капитулировал в г. Керетаро перед частями мексиканской национальной армии, которая к этому времени очистила родину от незваных пришельцев и добивала банды местных реакционеров-коллорабационистов ². Спустя месяц — в ночь с 14 на 15 июня — специальный военный трибунал приговорил бесславного псевдовластелина Мексики к смертной казни ³. Приговор этот был вынесен Максимилиану за узурпацию власти и титула, за ведение опустошительной войны против народа и законного правительства республики, за издание драконовских декретов о заложниках и за убийства военнопленных. Там же, в Керетаро, на рассвете 19 июня 1867 г. приговор привели в исполнение: вместе с двумя наиболее одиозными из своих приспешников — Мигелем Мирамоном и Томасом Мехиа — Максимилиан был расстрелян.

Эти события вызвали повсеместно живейшие и весьма разно-
речивые отклики.

Во многих странах Латинской Америки и в демократических
кругах Европы казнь расценили как справедливое возмездие став-
леннику оккупантов и как грозное предупреждение всем угнета-
телям и тиранам, в первую очередь «хозяину» Максимилиана —
Наполеону III⁴. При этом такие видные представители прогрес-
сивной европейской общественности, как Виктор Гюго и Джузеппе
Гарибальди, отнюдь не обеляя Максимилиана и в принципе
считая осуждение его актом справедливости, призывали президе-
нта Мексики Бенито Хуареса помиловать австрийца⁵. Следует, од-
нако, подчеркнуть, что жестокая цензура, наличествовавшая в по-
давляющем большинстве европейских стран, не позволила демо-
кратам и республиканцам ни тогда, ни много позже выразить с
необходимой четкостью свое отношение к процессу в Керетаро и
к его исходу⁶; работы исследовательского характера и публици-
стические выступления, авторы которых ставили своей целью объ-
ективно проанализировать события мая-июня 1867 г. и дать им
непредвзятую оценку, насчитывались (за пределами Мексики)
буквально единицами⁷.

В то же время пропагандистская деятельность противополож-
ной направленности приобрела в связи с «делом Максимилиана»
необычайно широкий размах. В европейской официозной и полу-
официозной прессе сразу же началась злобная антимексиканская
кампания: аристократические и клерикальные круги, настроен-
ные монархически и расистски, пришли в ярость от того, что ка-
кие-то «дикари», «краснокожие» (как известно, Хуарес и некото-
рые его соратники были по происхождению индейцами) осмели-
лись поднять руку на «помазанника божьего». Эти круги сразу же
принялись творить легенду о «мученическом венце» незадачливо-
го императора, создавая ему ореол чуть ли не святого⁸.

В первые же месяцы после казни и в последующие годы были
изданы мемуары титулованных и нетитулованных сподвижников
узурпатора⁹, семитомное собрание сочинений и трехтомная авто-
биография самого Максимилиана¹⁰, всевозможные «труды» от-
кровенно апологетического характера, прославлявшие его «рыцар-
ственный» характер и «либеральный» образ мыслей¹¹, дешевые
агиографические брошюры «для народа»¹², а также несколько
псевдохудожественных творений в стихах и прозе¹³. И в даль-
нейшем, вплоть до наших дней, появляется немало разных в жан-
ровом отношении публикаций, в которых облик Максимилиана
подчеркнуто героизируется, а акт 19 июня 1867 г. подается в сен-
timentально-мелодраматическом ключе и притом чаще всего как
противоправное деяние, как акт «расовой мести», дабы еще раз
бросить тень на освободительную борьбу мексиканского народа¹⁴.

События в Керетаро нашли отражение, однако, не только в
публицистике и историографии, не только в мемуарной литерату-
ре и беллетристике, но и в живописи.

Широко известна картина знаменитого французского художника, одного из предтеч импрессионизма — Эдуарда Мане (1832—1883) — «Казнь императора Максимилиана»¹⁵.

Среди исследователей творчества Мане издавна бытует мнение о нем как о художнике, видевшем мир лишь как «ковёр красочных пятен», всецело занятом формальными поисками и равнодушном к сюжетной стороне произведения¹⁶; его якобы «не интересовали ни натура, ни окружающая жизнь, ни духовное содержание...»¹⁷. Сторонники такого взгляда полагают, что работы французского мастера были лишены критической направленности и социальной типизации и тем паче каких-либо политических оценок изображаемого. Более того, мнение это прилагается и к такому явно историческому полотну, как «Казнь императора Максимилиана», в сюжете которого снова видят лишь «повод для тональных вариаций»¹⁸ и утверждают, что зрителю этой картины «невозможно разгадать, что он (Мане.— В. А.) думал о событии. Под его кистью событие лишь существует»¹⁹. Работы искусствоведов-марксистов — советских исследователей А. Г. Барской и В. Н. Прокофьева и немецкого (ГДР) историка искусств К. Либмана — заставляют решительно пересмотреть традиционную концепцию²⁰.

Действительно, как раз упомянутая картина особенно убедительно свидетельствует против тезиса об «аполитичности», «беспартийности» Эдуарда Мане.

Внешне сдержанно, но с большим внутренним напряжением, оперируя художественными средствами, далекими от романтических преувеличений, художник показал историческую неизбежность и закономерность бесславного конца венценосного авантюриста. Не случайно сам Максимилиан и оба его сообщника помещены в стороне — они словно сдвинуты, оттеснены далеко влево от вертикальной оси картины; их фигуры почти сливаются, лица — едва намечены, как бы проступая сквозь дым от ружейного залпа. Таким композиционным приемом Мане как бы подчеркивает, что эти люди отнюдь не герои драмы и тем более не мученики. В центре же полотна — группа мексиканских солдат — суровых исполнителей долга. Отрицание художником распространенной тогда усилиями реакционной прессы трактовки этой казни как убийства выражается и в том, что расстрел показан им вовсе не как некое тайное деяние: за каменной оградой мы видим толпу зрителей — простых людей Мексики, плохо одетых, измученных лишениями долголетней войны и ужасами оккупации. Это их именем вынес чужеземному тирану и его пособникам свой приговор трибунал, это за их страдания расплачиваются теперь три военных преступника.

О сознательном стремлении Эдуарда Мане дать средствами живописи свою оценку политического события, глубоко волновавшего на протяжении многих месяцев французскую (да и не только французскую) общественность, свидетельствует, на наш взгляд, и вся история создания знаменитой картины.

Стремление создать большое историческое полотно возникло у Мане, видимо, в июле 1867 г. — сразу после того, как в Париж пришли первые известия о казни в Керетаро²¹. Примечательно, во всяком случае, что значительно позднее, подписывая один из окончательных вариантов картины, художник поставит рядом с автографом не дату создания своего произведения, а дату самого события — «Manet, 19 juni, 1867».

Мане уже давно определил свой творческий девиз: «Принадлежать своему времени, делать лишь то, что видишь»²². И если новый замысел художника как нельзя более соответствовал первой части девиза, то следовать его второй части — «делать лишь то, что видишь» — было на этот раз (и притом едва ли не единственный раз на всем творческом пути Мане) немислимо. Вот почему на протяжении июля-августа Мане собирает наиболее достоверные, по его мнению, устные свидетельства и внимательно следит за прессой²³, которая по мере поступления сведений из-за океана сообщала все новые и новые детали происшедшего²⁴. Он стремится придать наибольшую естественность позам мексиканских стрелков, поэтому неоднократно приглашает позировать для картины группы солдат²⁵. Чтобы придать облику приговоренных портретное сходство, Мане тщательно изучает иконографические материалы, на протяжении нескольких лет публиковавшиеся во французских журналах²⁶.

Позднейшие исследователи творчества Мане спорили и спорят по поводу того странного на первый взгляд обстоятельства, что мексиканские солдаты, изображенные на картине, одеты в мундиры французской армии. Одни видят в этом проявление полнейшего равнодушия Мане к исторической достоверности изображаемого: художника интересовали-де лишь те или иные соотношения цветов и фактуры тканей, кожаной амуниции и т. п., та или иная гамма красок²⁷. Другие, как Дж. Слоан, вступая в противоречие с собственным тезисом об аполитичности Мане, видят в «переодевании» солдат некую символику — стремление показать, что Максимилиана погубила французская армия, бросившая его, по приказу вероломного Наполеона III, на произвол судьбы²⁸.

Между тем мастер далеко не сразу остановился именно на французской военной форме: выполненный летом 1867 г. эскиз картины (так называемый брестонский вариант) характерен, между прочим, тем, что солдаты одеты там в некую «экзотическую», по выражению немецкого искусствоведа И. Мейер-Грефе, форму²⁹; это, надо полагать, отражало ходячие представления европейцев о «мексиканском колорите». Лишь на следующем эскизе (копенгагенский вариант) и на законченных полотнах (мангеймском и лондонском) мексиканские солдаты фигурируют во французских мундирах, что, на наш взгляд, свидетельствует как раз о стремлении Мане к строгой документальности.

Здесь необходимо напомнить, что новая мексиканская армия воссоздавалась на последнем этапе национально-освободительной

войны из партизанских отрядов и остатков старой регулярной армии, разбитой в первые годы вражеского нашествия. За плечами у этих воинов было шесть лет тяжелейшей неравной борьбы, и к победе они шли, хотя и с несломленным духом, но голодные, раздетые и разутые. И естественно, что мексиканские солдаты, захватывая в ходе контрнаступления склады с французским военным снаряжением³⁰, сплошь и рядом облачались в трофейное обмундирование. И Мане, пристально следя за всеми сообщениями из Мексики, тщательно фиксируя все подробности события, которое побудило его приступить к созданию исторического полотна, неизбежно должен был установить, как были в действительности одеты персонажи его картины. В первые месяцы работы сделать это не удавалось — пресса снабжала публику разноречивыми толками насчет обстоятельств казни (циркулировали, например, нелепые сообщения, будто Максимилиана расстреливали не то немецкие, не то французские, не то американские солдаты)³¹. И лишь позже, когда стали всеобщим достоянием более достоверные свидетельства очевидцев, Мане создает новые варианты картины, с новыми, более точными деталями³².

Можно было бы, вероятно, попытаться упрекнуть художника в ином отступлении от исторической правды — в отсутствии на полотне мексиканской дивизии (4 тыс. солдат во главе с генералом Диасом де Леон), которая образовала каре вокруг места казни³³, и многотысячных толп местных жителей, собравшихся позади солдатских шеренг. (К слову сказать, подобная композиция дала бы художнику еще не один «повод для тональных вариаций» и новые, притом немалые, возможности развернуть «ковёр красочных пятен»...).

Однако такой упрек был бы явно несправедлив. Мане, огнюдь не испытывая стремления дать детализированную панораму-иллюстрацию события, с самого начала сознательно ограничился только центральной сценой; недаром в композиционном отношении и эскизы и законченные варианты идентичны. Тем самым внимание зрителя, не отвлекаемое дополнительными военными, архитектурными, бытовыми деталями и аксессуарами (соблазнительными для «чистого» художника, но здесь лишь могущими помешать восприятию идейного замысла художника-публициста, каковым в данном случае выступил Мане), сфокусировано на основных антагонистах конфликта: на нескольких солдатах — представителях народа и исполнителях его воли, с одной стороны, и на осужденных угнетателей народа — с другой.

Как видим, Эдуард Мане создал произведение исторически правдивое и политически острое. Это, конечно, не некий «блестящий натюрморт с оловянными солдатиками», как окрестил картину скандинавский искусствовед Бертиль Хинтце³⁴, и не «чудо... чистого творчества», как полагает известный итальянский знаток импрессионизма Лионелло Вентури³⁵, это — яркое публицистическое полотно, выражавшее в момент его создания оценку данно-

го политического события определенными общественными кругами. Идеиная позиция художника ясна и недвусмысленна. Правильно определяет ее советский искусствовед В. Н. Прокофьев: «Мане как бы смотрит на Максимилиана глазами расстреливающих его солдат президента Мексики Бенито-Пабло Хуареса»³⁶. Действительно, своей картиной, всем ее образным строем и композиционной структурой, подчеркнутой дегероизацией облика Максимилиана, Мане — республиканец и демократ, находившийся с самого момента установления Второй империи в «глубокой внутренней оппозиции режиму»³⁷, ясно показывал, что он — всегда с мексиканским народом, с его армией, с Хуаресом, а не с монархами³⁸.

В условиях монархического режима и в обстановке, когда, как уже отмечалось, в прессе и в европейском общественном мнении почти безраздельно господствовало прямо противоположное отношение к событиям в Керетаро и когда лишь единицы могли и решились открыто заявлять о справедливости приговора, попытка Мане изобразить (и притом с таких позиций) финал мексиканской драмы была, вне всякого сомнения, актом большого гражданского мужества. К тому же художник торопится выйти со своим детищем за стены мастерской, торопится высказаться открыто и громко: сочтя свой первоначальный (бостонский) эскиз готовым уже к концу лета 1867 г.³⁹ (хотя на самом деле работа эта была еще далека от совершенности), он пытается включить его в экспозицию своей персональной выставки, еще весной открывшейся в так называемом «бараке Альма»⁴⁰. Однако «искусствоведы» из полицейского ведомства Второй империи и сам Наполеон III быстро, намного быстрее и точнее, нежели иные профессиональные искусствоведы, оценили политическое звучание картины и идейную позицию художника: по личному приказу императора выставлять эту работу было запрещено⁴¹. Тогда Мане готовит другой вариант — автолитографию (по самому характеру своему рассчитанную на гораздо более широкую аудиторию, чем живописное полотно); власти, однако, запрещают издание этого эстампа, причем полиция разбивает оригинал — литографский камень⁴².

Причину столь грубых полицейских акций обычно видят в том, что картина вызывала у Наполеона III и его приближенных неприятные воспоминания о скандальном провале мексиканской авантюры⁴³. По этому поводу можно заметить, что многочисленные пространные и едва ли не ежедневные сообщения прессы на ту же тему (о крахе марионеточной империи и о казни Максимилиана со множеством подробностей экзекуции) напоминали о фиаско бонапартовских проектов гораздо более чувствительно и были к тому же обращены к более широким кругам; власти, однако, нимало не препятствовали французским газетам публиковать такие сообщения. Значит, дело было не столько в сюжете картины, сколько в отношении автора к изображаемому, в его политической позиции. И полицейские меры против работы Мане лишь

подтверждают справедливость приведенной выше характеристики этой позиции ⁴⁴.

Прогрессивная, демократическая позиция Эдуарда Мане выглядела особенно отчетливо при сопоставлении его картины с другим полотном на ту же фактически тему, появившимся — и снова во Франции — полтора десятилетия спустя.

В 1882 г. весьма плодовитый живописец Жан-Поль Лоранс (1838—1921) — типичный представитель так называемого академического направления в историческом жанре — выступил с картиной «Мексиканский император Максимилиан перед казнью» ⁴⁵. К этому времени тема, связанная с казнью в Керетаро, в значительной степени утратила свою былую актуальность и остроту. Но то, что к данному сюжету обратился именно Ж.-П. Лоранс, как и то, что в ряду многочисленных картин, выполненных этим мастером, появилось полотно именно на эту тему, — далеко не случайно.

Лейтмотив творчества Лоранса, идейно-художественное кредо мастера как нельзя лучше выражены в названии одного из его полотен — «На руинах прошлого» ⁴⁶.

Близкий к клерикальным кругам, Лоранс отдавал в своей деятельности немалую дань религиозным и историко-церковным сюжетам ⁴⁷. Широко представлена в его творчестве и светская тематика, трактуемая почти всегда в откровенно антиреволюционном духе ⁴⁸. Сюжеты брались живописцем решительно из всех эпох всемирной истории и подавались в мелодраматическом или слащаво-сентиментальном ключе. Лоранс, можно сказать, специализировался на создании произведений, вызывающих у зрителя ужас или сострадание. Таковы, например, его работы «Экзгумация тела папы Формоза папою Стефаном VII», «Замурованные в Каркассонне», «Смерть св. Женевьевы», «Месть Урбана VI», «Мертвые кардиналы», «Смерть герцога Энгиенского» и др. ⁴⁹ Историческими эти полотна (с точки зрения живописной техники выполненные, впрочем, вполне профессионально и весьма добротно) можно называть лишь очень и очень условно, ибо для Лоранса характерно поверхностное, а подчас и ложное истолкование исторических явлений и событий. В качестве «героев» и «мучеников» у него сплошь и рядом выступают такие исторические персонажи, которые, с точки зрения передовых общественных сил, никакого положительного начала собой не воплощали и отнюдь не заслуживали нимба, например, Тиберий, Людовик XVI, папа Пий VII и др. (и в то же время Лоранс охотно рисовал шаржи — отнюдь не дружеские — на публицистов левого направления) ⁵⁰.

Нельзя не отметить, что если Мане систематически терпел всякого рода стеснения со стороны власть имущих, то Лоранса столь же систематически поощряли и вознаграждали.

В те же самые салоны, куда неизменно не пропускались полотна Мане, охотно брали вещи Лоранса ⁵¹. Если государственные музеи и картинные галереи Франции даже спустя годы и деся-

тилетия после смерти Мане отказывались приобретать (и, более того, принимать в дар) его произведения, то Лоранс не испытывал недостатка в официальных заказах, и некоторые его картины еще при жизни оказались в Пантеоне, в Парижской ратуше, во дворце Почетного Легиона ⁵².

Если Мане всю свою жизнь подвергался травле со стороны буржуазной прессы, то Лоранса буржуазная критика всячески превозносила, называя его продолжателем Давида, Энгра и Делакруа и сравнивая его полотна с творениями Шекспира ⁵³.

Картина, о которой идет речь у нас, несет в себе все характерные черты творчества Лоранса. В самом деле, если трактовать то событие, которое имело место в Керетаро на рассвете 19 июня 1867 г. как историческую драму, то нельзя найти более удачного момента, более выразительной мизансцены, чем та, которую выбрал в свое время Мане. Если же задаться целью предложить зрителям мелодраму, то наиболее подходящим, наиболее душещипательным окажется, несомненно, момент, избранный Лорансом.

В келью монастыря капуцинов, где заключен венценосный узник ⁵⁴, входят мексиканские военные. Вошедший первым (имеется в виду начальник караула полковник Паласиос, появившийся там в 6 час. 30 мин. утра) ⁵⁵ держит в руке несколько листов бумаги с текстом приговора и манерным, аффектированным жестом демонстрирует их осужденному. Максимилиана художник изобразил, вопреки исторической правде, стариком ⁵⁶, что, несомненно, должно было усилить мелодраматическое звучание картины, и придал ему апостольский облик. Царственно величавый, он отечески положил руку на плечо католического священника, которого душат рыдания. Этот жест осужденного призван еще более усилить впечатление «святости» (ведь своим стоическим самообладанием узник превосходит даже служителя бога!). Наконец, справа истерически припадает к монаршей руке какой-то коленопреклоненный мужчина, лица которого зрителю не видно. Судя по подобострастной позе, это мог бы быть камердинер; известно, однако, что единственный из слуг Максимилиана, бывший при нем в момент пленения, — венгр Тудош не был взят под стражу, все время находился за пределами тюрьмы и, пробравшись утром 19 июня к месту казни, оказался единственным европейцем — свидетелем этого акта ⁵⁷. Личный секретарь Максимилиана Х. Л. Бласио был отделен от него еще 22 мая и в день казни находился в заключении в другом месте — в монастыре св. Тересы ⁵⁸. Следовательно, коленопреклоненный человек может быть только лейб-медиком императора. Пражский врач д-р Самуэль Баш ⁵⁹ был единственным из свиты Максимилиана, кто находился при нем безотлучно все время с 15 мая до утра 19 июня ⁶⁰. Следует, однако, признать, что приданная этому человеку художником поза как-то не вяжется с его профессией и независимым положением.

И еще одна немаловажная деталь: у персонажей, помещенных в правой части картины (т. е. у Максимилиана и священника), —

облик типично белых людей, тогда как в облике вошедшего в келью мексиканского офицера старательно подчеркнуты американоидные черты и темный цвет кожи. В своем стремлении выразить средствами живописи домыслы об «убиении арийца краснокожими» и тем затушевать подлинный социально-политический смысл события Ж.-П. Лоранс вольно или невольно упустил из виду то обстоятельство, что священнослужителем, проводшим с Максимилианом последние часы перед казнью и совершившим предписанные католической церковью таинства, был *мексиканец* — каноник местного собора падре Сориа⁶¹; в этой связи напомним, что Мане изобразил всех трех приговоренных — Максимилиана, М. Миромона и Т. Мехиа (последний был чистокровным *индейцем*!).

Так в двух полотнах, принадлежащих кисти мастеров разных идейных и художественных направлений, отразились две диаметрально противоположные точки зрения современников на мексиканские события 1867 г. Вместе с тем оба эти произведения свидетельствуют о появлении в западноевропейской живописи XIX в. интереса к латиноамериканской тематике. Отражение этой тематики в европейском искусстве еще ждет своего исследователя.

¹ Младший брат австрийского императора Франца-Иосифа, до 1864 г. — эрцгерцог австрийский. В 1857—1859 гг. был вице-королем Ломбардии и Венеции — австрийских владений в Северной Италии.

² Подробно о борьбе мексиканского народа против интервентов см.: *Бельский А. Б.* Разгром мексиканским народом иностранной интервенции (1861—1867). М.: Изд-во АН СССР, 1959; Очерки новой и новейшей истории Мексики. М.: Соцэкгиз, 1960, с. 189—221.

³ *Masseras E.* Un essai d'empire au Mexique. Paris, 1879, p. 323, 328, 350.

⁴ *Roeder R.* Juarez and his Mexico. New York, 1947, t. I, p. 676. *Лаврецкий И.* Хуарес. М.: Молодая гвардия, 1969, с. 209. Французский буржуазный историк Э. Массера с явной неприязнью писал в этой связи о «триумфальных криках» из «либерального лагеря» (*Masseras E.* Un essai d'empire au Mexique, p. 355).

⁵ *Hugo V.* Au Président de la République Mexicaine. — In: Oeuvres complètes. Actes et paroles, II: pendant l'exil, 1852.— 1870. Paris, 1883, p. 389—394; (русск. пер.: *Гюго В.* Собр. соч.: В 15-ти т. М.: Гослитиздат, 1956, т. 15, с. 410—413); *Garibaldi G.* Saluto al Messico. — In: Epistolario di G. Garibaldi. Milano, 1885, vol. 2, p. 373—374.

⁶ *Roeder R.* Juarez and his Mexico, p. 676.

⁷ *Chynoweth W. H.* The Fall of Maximilian, Late Emperor of Mexico. London, 1872; *Шепп И.* Трагедия в Мексике. СПб.: Изд-во К. Н. Плотникова, 1874; *Martí J.* El Día de Juárez (1894). — In: Obras completas. La Habana, 1963, t. 8, p. 255; рус. пер.: *Марти Х.* День Хуареса. — В кн.: *Марти Х.* Избранное. М.: Гослитиздат, 1956, с. 177.

⁸ *Chynoweth W. H.* The Fall of Maximilian..., p. 184.

⁹ *Elton F.* With the French in Mexico. London, 1867; *Basch S.* Erinnerungen aus Mexico. Geschichte der letzten zehn Monate des Kaiserreichs. Leipzig, 1868; Bd. 1—2; *Kollonitz P.* The Court of Mexico. London, 1868; *Salm-Salm F.* My Diary in Mexico in 1867, including the last Days of Emperor Maximilian. London, 1868, vol. 1—2; *Uliczny J.* Geschichte des österreichisch-belgischen Freikorps in Mexico. Wien, 1868; *Hans A.* Queretaro. Souvenirs d'un officier de l'empereur Maximilien. Paris, 1869; *Salm-Salm A.* Zehn Jahre aus meinen Leben — 1862 bis 1872. Stuttgart, 1875, Bd. II; сокр.

- рус. пер.: *Сальм-Сальм А.* Десять лет из моей жизни. СПб., 1875, с. 114—242.
- ¹⁰ *Maximilian.* Aus meinem Leben. Reiseskizzen, Aphorismen, Gedichte. Leipzig, 1867, Bd. 1—7; *Он же.* Recollections of my Life. London, 1868, vol. 1—3.
- ¹¹ *Keraty E. de.* L'empereur Maximilien, son élévation et sa chute. Amsterdam, 1867 (то же: Leipzig, 1867); *Storch A.* Mexico oder Republic und Kaiserreich. Pest — Wien — Leipzig, 1868; *Hellword Fr.* Maximilian I, Kaiser von Mexico. Sein Leben. Wirken und sein Tod. Wien, 1869.
- ¹² *Aléšovec J.* Cesar Maks in Mehica. Ljubljana; Gradec, 1868; *Cisaf Maximilián* a posledni dny života jeho. Praha, 1868; *Buerger M.* Leben, Wirken und tragisches Ende Maximilian I. Kaisers von Mexico. Wien, 1868.
- ¹³ Так, уже в августе 1867 г. появляется опус жившего в Бразилии немецко-швейцарского поэта Дранмора (псевдоним Людвига Фердинанда Шмида; 1823—1888) — поэма «Император Максимилиан» (*Dranmor. Kaiser Maximilian.* — *Dranmor's gesammelte Dichtungen.* Berlin, 1875, S. 167—177). Вслед за тем в Ольмюнце (ныне Оломоуц, ЧССР) публикуется ода некоего Юргена Симани, в Триесте — анонимная баллада, в Дублине — трехактная трагедия в стихах (*Simani J.* Maximilian I, Kaiser von Mexiko. Olmütz, 1868; Maximilian von Habsburg, Kaiser von Mexico. Triest, 1868; Maximilian; a Tragedy. Dublin, 1868). Одновременно публикуются «иллюстрированный исторический роман» Либбаха (известного также под псевдонимом Джеймс Вуд, озаглавленный «Три года на императорском троне» (*Liebbach H.* Drei Jahre auf dem Kaiserthron oder Maximilian und Juarcz. Berlin, 1868), а также и другие прозаические сочинения.
- ¹⁴ *Smisson A. van.* Souvenirs du Mexique 1864—1867. Bruxelles, 1892; *Niklewicz K.* Wspomnienia z Meksyku. Meksyk za panowania Maksymiljana I. Warszawa, 1901, t. I—II. *Corti E. C.* Maximilian und Charlotte von Mexiko. Zürich — Wien — Leipzig, 1924, Bd. 1—2; *Blasio J. L.* Maximilian emperor of Mexico. Memories of his Private Secretary. New Haven, 1934; *Hyde H. M.* Mexican Empire. The History of Maximilian and Carlota of Mexico. London, 1946; *Gavin C. I.* Cactus and the Crown. Garden City. New York, 1962; *Desternes S., Chandet H.* Maximilien et Charlotte. Paris, 1964; *Haslip J.* The Crown of Mexico, New York, 1971; *O'Connor R.* Cactus Throne: Tragedy of Maximilian and Carlotta. London, 1971; *McKown R.* Execution of Maximilian; 1867, June 19. New York, 1973.
- ¹⁵ Известны пять вариантов этого произведения: два эскиза (один из них — в Музее искусств г. Бостона, США, другой — в Копенгагемской глиптотеке, Дания), один заверченный вариант, с декабря 1909 г. находящийся в Картинной галерее г. Мангейма (ФРГ), фрагменты другого заверщенного (но частично уничтоженного самим автором) варианта, хранящиеся в Лондонской Национальной галерее, а также автолитография (сохранились единичные оттиски). См.: *Jamot P., Wildenstein G., Bataille M. L.* Manet. Paris, 1932, t. I, p. 134—135; t. II, p. 166—167, N 335—339; *Sandblad N. G.* Manet. Three Studies in Artistic Conception. Lund, 1954 (Publications of the New Society of Letters at Lund, N 46). Мангеймский вариант много раз репродуцировался, в том числе и в советских изданиях.
- ¹⁶ *Моклер К.* Импрессионизм. Его история, его эстетика, его мастера. М., 1909, с. 40; *Тугендхольд Я. А.* Французское искусство и его представители. СПб.: Просвещение, 1911, с. 24—25; *Перцов П. П.* Щукинское собрание французской живописи. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1921, с. 24 сл.; *Valery P.* Triomphe de Manet — Exposition Manet, 1832—1883. Paris, 1932, p. V.
- ¹⁷ *Венури Л.* От Мане до Лотрека. М.: ИЛ, 1958, с. 10.
- ¹⁸ *Perruchot H.* La vie de Manet. Paris, 1959, p. 189.
- ¹⁹ *Perruchot H.* La vie de Manet. Подобные представления, широко распространенные в буржуазном искусствознании (*Hourtique L.* Manet. Paris, 1912, p. 38; *Huyghe R.* Manet, peintre. — L'amour de l'art, 1932, N 5, p. 170—179; *Rey R.* Manet. Paris, 1938, p. 13; *Sloane J. C.* Manet and History. — The

- Art Quarterly, 1951, vol. XIV, N 2, p. 95; *Вентури Л.* От Мане до Лотрека, с. 14), проникли в известной мере и в советские работы (см., например: Всеобщая история искусств, М.: Искусство, т. V, 1964, с. 90; История искусства зарубежных стран М.: Изд-во Академии художеств СССР, т. 3, 1964, с. 264.
- ¹⁰ *Барская А. Г.* Картина Эдуарда Мане «Казнь императора Максимилиана» и проблема исторической живописи во Франции XIX в.— В кн.: Гос. Эрмитаж. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Секционные заседания. Л., 1964, с. 77—79; *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане.— В кн.: Эдуард Мане. Жизнь. Письма... М.: Искусство, 1965, с. 6—15; *Liebmann K.* Edouard Manet. Dresden, 1968, S. 77—78.
- ²¹ *Sandblad N. G.* Manet..., p. 148.
- ²² Цит. по: *Терновец Б. Н.* Избр. статьи. М.: Сов. художник, 1963, с. 215, прим.
- ²³ *Jamot P., Wildenstein G., Bataille M. L.* Manet, t. I, p. 16.
- ²⁴ *Sandblad N. G.* Manet..., p. 109—116.
- ¹⁵ *Duret Th.* Histoire de Edouard Manet et de son oeuvre. Paris, 1906, p. 114—115.
- ²⁶ *Duret Th.* Histoire de Edouard Manet..., p. 115; *Sandblad N. G.* Manet..., p. 134—136.
- ²⁷ *Meier-Graefe J.* Eduard Manet. München, 1912, S. 190; *Rey R.* Manet, p. 13.
- ²⁸ *Sloane J. C.* Manet and History, p. 99.
- ²⁹ *Meier-Graefe J.* Eduard Manet, S. 188.
- ³⁰ *Cavazos Garza I.* Semblanza de Mariano Escobedo. Monterrey, 1967, p. 16; ср. также: Мексиканский кризис.— Неделя, 1866, 21 августа, с. 372. Следует, кроме того, иметь в виду, что в эти месяцы маршал Базен усиленно распродал оружие и снаряжение (см.: *Черняк Е. Б.* Жандармы истории. М.: изд-во Международные отношения, 1969, с. 277).
- ³¹ *Sandblad N. G.* Manet..., p. 130, 110—111.
- ³² *Sandblad N. G.* Manet..., p. 127—143.
- ³³ *Pérez Martínez H.* Juárez el impasible. Madrid, 1934, p. 232—233.
- ³⁴ Цит. по: *Sandblad N. G.* Manet..., p. 118.
- ³⁵ *Вентури Л.* От Мане до Лотрека, с. 14.
- ³⁶ *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане, с. 6.
- ³⁷ *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане, с. 6, 220.
- ³⁸ Трудно в этой связи согласиться с другим нашим автором — Н. Н. Калитиной, которая, подчеркивая несостоятельность версии о политическом индифферентизме Мане, считает тем не менее, что художник был в равной степени равнодушен к обеим сторонам изображенного им драматического конфликта, что для него и осужденные и солдаты — просто участники сцены (*Калитина Н. Н.* «Эпоха реализма» во французской живописи XIX в., с. 203).
- ³⁹ *Jamot P., Wildenstein G., Bataille M. L.* Manet, t. I, p. 82.
- ⁴⁰ Поскольку работы Мане на протяжении нескольких лет не допускались в Салон, художник весной 1867 г. соорудил на углу авеню Монтень и бульвара Альма барак. Здесь, «в личном Лувре», 24 апреля 1867 г. открылась ретроспективная выставка его работ, отвергнутых официальными покровителями французского искусства (*Lévêque J. J.* Manet. Paris, 1967, p. 24; *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане, с. 15).
- ⁴¹ *Bazire E.* Manet. Paris, 1884, p. 57; *Wildenstein G., Bataille M. L.* Manet, t. II, p. 166; *Liebmann K.* Edouard Manet, S. 78.
- ⁴² *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане, с. 15.
- ⁴³ *Прокофьев В. Н.* Жизнь и творчество Эдуарда Мане.
- ⁴⁴ Невозможность выставить свое произведение не остановила дальнейшей разработки мастером захватившего его замысла: он создает еще один эскиз, а затем оба завершённых варианта (один из них был затем разрезан автором на куски; уцелевшие фрагменты находятся ныне в Лондоне; в Национальной галерее). Широкая публика смогла увидеть полною Мане лишь много лет спустя и притом далеко за пределами Фран-

ции: в декабре 1879 — январе 1880 г. уцелевший завершённый вариант (мангеймский) экспонировался в США — в Нью-Йорке и в Бостоне. Эта весьма своеобразная выставка (на ней был представлен единственный экспонат — картина Мане) вызвала широкие отклики (*Bazire E. Manet*, p. 87—88; *Jamot P., Wildenstein G., Bataille M. L. Manet*, t. I, p. 97—98). Французский же зритель впервые познакомился с картиной лишь в 1913 г. (*Jamot P., Wildenstein G., Bataille M. L. Manet*, t. I, p. 134).

В царской России произведение Мане не экспонировалось и не репродуцировалось — опять-таки в силу цензурных условий, не допускавших прославления царубийства. Лишь незадолго до революции, в 1912 г., один из немногих уцелевших оттисков автолитографии картины был представлен на ретроспективной выставке французского искусства. См.: «Выставка — сто лет французской живописи (1812—1912), устроенная журналом «Аполлон» и Institut Français de St.-Petersbourg. Каталог». СПб., 1912, с. 131, № 815.

- ⁴⁵ Картина эта вскоре после своего появления оказалась в России, в скромной по масштабам коллекции С. М. Третьякова (см.: *Опись художественных произведений городской галереи Павла и Сергея Третьяковых*. М.: 1894, с. 79, № 31), который, в отличие от своего знаменитого брата — П. М. Третьякова, собирал произведения западноевропейской живописи. После смерти С. М. Третьякова (1892 г.) обе коллекции слились, и работа Лоранса длительное время находилась в Третьяковской галерее, пока в 1925 г. все полотна зарубежных мастеров не были оттуда переданы в Музей новой западной живописи (см.: *Антонова В. И.* Государственная Третьяковская галерея. Краткий очерк. М.: [Сов. художник], 1956, с. 42, № 62). После ликвидации последнего (в 30-х годах) картина Лоранса в числе многих других работ была перевезена в Ленинград, в Государственный Эрмитаж, в фондах которого и хранится в настоящее время (Гос. Эрмитаж. Отдел западноевропейского искусства. Каталог живописи. II.; М.: Искусство, т. I, с. 404).
- ⁴⁶ *Montrosier E. Jean-Paul Laurens.*— In: *Gazette de Beaux-Arts*, 1899, t. 21, p. 152.
- ⁴⁷ *Lostalot A. de. L'imitation de Jesus-Christ illustrée par M. Jean-Paul Laurens.*— In: *Gazette de Beaux-Arts*, 1878, t. 18, p. 102—104; *Montrosier E. Jean-Paul Laurens.*— In: *Gazette de Beaux-Arts*, 1898, t. 20, p. 445.
- ⁴⁸ *Montrosier E. Jean-Paul Laurens*, t. 20, p. 451.
- ⁴⁹ *Claretie J. Peintres et sculpteurs contemporains. 2-ème série.* Paris, 1884, p. 278—293; *Benedite L. La peinture Française au XIX Siècle.* Paris, s. a., p. 135—136.
- ⁵⁰ *Claretie J. Peintres et sculpteurs...*, p. 278.
- ⁵¹ *Montrosier E. Jean-Paul Laurens.*— In: *Gazette de Beaux-Arts*, 1898, t. 20, p. 451.
- ⁵² *Montrosier E. Jean-Paul*, t. 21, p. 145.
- ⁵³ *Montrosier E. Jean-Paul*, t. 20, p. 445.
- ⁵⁴ С 15 по 17 мая Максимилиан содержался в монастыре св. Креста, затем был переведен в кармелитский монастырь св. Тересы, а с 22 мая и до конца жизни был заключен в одной из келий монастыря Капуцинов (*Masseras E. Un essai d'empire au Mexique*, p. 257—258; *Hellwald Fr. Maximilian I. Kaiser von Mexico*, S. 566).
- ⁵⁵ *Basch S. Erinnerungen aus Mexico...*, Bd. 2, S. 218; *Hellwald Fr. Maximilian I. Kaiser von Mexico...*, S. 584. По другой версии, менее достоверной, начальником караула был полковник Гонсалес (*Сальм-Сальм А.* Десять лет из моей жизни, с. 187).
- ⁵⁶ Напомним, что Максимилиан родился в 1832 г. В момент казни ему, следовательно, было 35 лет.
- ⁵⁷ *Stevenson S. Y. Maximilian in Mexico. A Woman's Reminiscences of the French Intervention 1862—1867.* New York, 1899, p. 304; *Schmit V., Tavera E. Die mexicanische Kaisertragödie.* Wien, 1903, S. 133; *Hyde H. M. Mexican Empire...*, p. 290.
- ⁵⁸ *Haslip J. The Crown of Mexico*, p. 496.

- ⁵⁹ Sinkula P. Čeští dobrovolníci v Mexické válce 1864—1867.— In: Sborník Národního muzea v Praze. Paris, 1971, t. XXV, N 3, s. 66.
- ⁶⁰ Corti E. C. Maximilian und Charlotte von Mexiko, S. 398; Haslip J. The Crown of Mexico, p. 494; Hyde H. M. Mexican Empire..., p. 271, 289, 291.
- ⁶¹ Corti E. C. Maximilian und Charlotte von Mexiko, S. 401—402; Hyde H. M. Mexican Empire..., p. 289.

Л. С. Шейнбаум

ИНДЕЙЦЫ ГУАРАНИ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АРГЕНТИНЫ

Задолго до вторжения испанцев на Рио-де-ла-Плату индейцы освоили обширную территорию, вошедшую впоследствии в границы нынешней Аргентины. Миграционные волны, в течение многих столетий прибывавшие с севера, северо-запада и северо-востока, приводили к последовательной смене и постоянной трансформации местных индейских культур. К началу испанского завоевания, т. е. ко второй половине XVI в., при сравнительно невысокой общей численности (около 300 тыс., по оценке Анхеля Росенблата) аргентинских индейцев отличала языковая и культурная множественность. Однако внутри крупных физико-географических районов (предгорная область Анд, низменная равнина Чако, Литораль, степная Пампа, гористая полупустынная Патагония, Огненная Земля) к этому времени сложились определенные культурные единства¹. Одним из них были тропические земледельцы языковой семьи гуарани.

Испанское завоевание для аргентинских индейцев, находившихся на разных стадиях первобытнообщинного уклада и потому отделяемых тысячелетиями исторического развития от европейцев, явилось настоящей катастрофой. В сравнительно короткий период исчезли целые племена, нарушилось естественное этническое развитие других. Однако еще в течение двух столетий индейцы составляли наиболее многочисленную часть населения колонии².

Правда, роль их в этнической истории страны стала иной. Теперь индейцы перестали быть единственной этнорасовой группой населения. Началось интенсивное смешение индейцев с пришлыми группами. Абсолютная и относительная численность индейцев непрерывно сокращалась. Этому способствовали подневольные условия труда, вымирание индейцев от болезней и истощения, а также подавление индейских восстаний, продолжавшихся в течение всего колониального периода.

Развитие экономики республики, попавшей с самого начала в

зависимость от иностранного капитала, а также политическая борьба за национальное единство в стране протекали под общим идеологическим лозунгом превосходства европейско-аргентинской «цивилизации» над индейским и даже испано-индейским «варварством». Этому способствовало резкое изменение этнической структуры в связи с началом массовой европейской иммиграции в последней трети XIX в. Сложный процесс интеграции различных культур иммигрантов в Аргентине не только крайне усложнил естественное развитие национальной культуры, но как бы даже прервал его. Новая, «наносная эра» (по выражению известного коммунистического деятеля Аргентины Эктора Агости³) принесла с собой отрицание индейской культуры как таковой. Индейцы вынуждены были селиться на периферии, в отдаленных и наименее пригодных для жизни районах, но и там их достигла бесцеремонная «цивилизация».

Политика открытой дискриминации индейцев, с одной стороны, затушевывание и игнорирование индейской проблемы, с другой, надолго становятся традиционной государственной политикой. В XX в. появилась своего рода версия об исчезновении индейцев в Аргентине. Отзвук ее опутим и в наши дни. В некоторых научных работах можно встретить утверждение, что индейцев в Аргентине ничтожно мало и их влияние не ощущается ни в культурном, ни в каком-либо ином отношении⁴. Отчасти отражая реальные трагические последствия испанской конкисты и всей последующей политики в отношении индейцев, эти утверждения тем не менее искажают общую картину, занижают фактическую численность индейцев и их роль в национальной культуре Аргентины.

Результаты первой национальной индейской переписи, проведенной лишь недавно (1966—1968 гг.), показали, что индейцы представляют немногочисленный, но вполне реальный компонент в этническом составе Аргентины. Во всяком случае, их оказалось более 150 тыс. человек вместо 30 тыс., приводившихся ранее официальной статистикой (общая же численность населения Аргентины по переписи 1970 г. достигла 23 млн. человек). Если же условно присовокупить сюда метисов, сохраняющих индейский культурный облик, то доля индейского элемента заметно возрастает, составив в целом около 3% населения страны⁵.

В то же время индейское влияние на национальную культуру Аргентины нельзя мерить численностью сохранившихся в стране индейцев. Культурный вклад индейцев уходит своими корнями в прошлое. Он неотделим от всей предшествующей этнической истории Аргентины.

В этнокультурной истории Аргентины индейцам гуарани принадлежит особая и довольно значительная роль. Еще до завоевания Ла-Платы земледельческая культура гуарани оказывала сильное влияние на своих соседей. И даже в испанский период их влияние в той или иной степени испытала на себе большая

часть индейского и белого населения. На территории, издавна заселенной племенами гуарани, возник первоначальный центр испанской колонизации Рио-де-ла-Платы, которым стало укрепление Асунсьон (1542) в верховьях Параны (нынешний Парагвай). Индейцы гуарани стали первыми переводчиками испанцев, они же помогли пришельцам открыть неведомый для них ранее мир людей, предметов и явлений природы в этой части Нового Света. Не случайно в широкой полосе вдоль берегов Параны — главного речного пути Аргентины — вся неиспанская топонимика по своему происхождению связана с языком гуарани. Индейцы гуарани долгое время оставались основной рабочей силой на северо-востоке Аргентины. Они подвергались жестокой эксплуатации, формы которой определили особый характер расового и культурного смешения гуарани с испанцами. Северо-восточный район Аргентины с центром в провинции Корриентес до сих пор выделяется по высокой степени сохранности пережитков — элементов доиспанских культур. Здесь же находится один из трех ареалов живых индейских языков на территории Аргентины (на северо-востоке — гуарани, на северо-западе — кечуа и аймара; на севере Патагонии — мапуче).

В пределах Аргентины к моменту завоевания гуарани занимали сравнительно небольшие, удобные для земледелия районы в малонаселенной обширной зоне, включающей современные провинции Формоса, Сальта, Чако, Корриентес, Мисьонес, Санта-Фе, Энтре-Риос, Буэнос-Айрес. Среди них, согласно Сальвадору Канальс Фрау, различали до пяти индейских групп, говоривших на локальных диалектах гуарани. Более других сохранились и изучены чиригуано, кайнгуа и так называемые гуарани островов.

После диэгитов, проживавших в широкой приандской полосе на северо-западе, гуарани были наиболее развитые в социально-экономическом отношении племена на территории Аргентины. Относительно высокий уровень их хозяйственного развития, навыки земледелия и оседлый образ жизни стали главными факторами, предопределившими отведенную им испанцами роль. Стремясь к наиболее выгодному использованию труда гуарани, испанцы в течение колониального периода полностью сохранили способ земледелия и основные традиционные культуры гуарани (маниок, маис и йерба-мате). Нововведением было использование тягловой силы завезенных сюда животных, некоторой европейской техники и новых для Южной Америки культур (сахарный тростник, бананы, апельсины). Однако определенные изменения традиционного способа хозяйства и социальной организации не нарушили внутренней структуры общины гуарани. Колониальные власти по сути сохранили индейскую общину в этих районах, но поставили ее под контроль колониальных чиновников, с тем чтобы подчинить интересам колониальной экономики.

Эксплуатация индейцев приобрела наиболее организованные и жесткие формы на плантациях йербы-мате, в так называемых

иербалях миссионеров на территории нынешнего Парагвая и бразильского штата Парана. В начале XVII в. иезуиты перебазировали большую часть своих миссий в район аргентинских провинций Мисьонес (с чем связано ее название) и Корриентес. Наряду с гуарани в специально созданные поселки были согнаны индейцы соседних областей. Индейское население миссий разрослось до значительных размеров и, по некоторым свидетельствам, достигало 100 тыс. человек ⁶.

Иезуитская колонизация обширного района Ла-Платы отличалась существенными особенностями, связанными с широкими привилегиями этого ордена. С присущими иезуитам практицизмом и беспринципностью в выборе средств они создали на отведенной им территории четко организованную и отлаженную систему эксплуатации индейцев гуарани, приносившую большому ордену. Приобщая индейцев к «цивилизации», навязывая им христианство и некоторые другие формы и нормы европейской культуры, католические священники осуществляли в какой-то мере массовую культурную ассимиляцию гуарани. Одновременно другие методы воздействия на индейцев объясняют сохранение многих самобытных сторон культуры гуарани. Отказ от подавления индейского элемента, естественно, не был самоцелью деятельности иезуитских миссионеров. Для лучшей доходчивости проповеди читались на языке гуарани. В каждой редукции находилась школа, где дети индейцев обучались закону божьему. Иезуиты впервые сделали гуарани письменным языком. В иезуитских редукциях была построена первая в ла-платских провинциях типография. Здесь печатались религиозные книги, а также школьные буквари и словари гуарани, облегчавшие деятельность миссионеров. Во избежание прямых контактов с испанцами и метисами, с их «деморализующим» влиянием, индейцев держали в строгой изоляции. Такая изоляция частично сдерживала процессы культурного взаимодействия и тормозила смешение рас, однако она не смогла стать механическим заслоном ни тому, ни другому. Метисация процветала здесь так же, как и в двух других центрах колонизации на Ла-Плате (в Тукумане и Куйо), где большее распространение получили такие формы эксплуатации, как энкомьенда, мита и янаконаж ⁷.

Дети смешанного происхождения сохраняли язык матерей ⁸. После роспуска миссий в 1776 г. часть индейцев вернулась в родные края, большинство же устремилось в поисках лучшей доли в Пампу — прибежище индейцев и метисов, вплоть до середины XVIII в. наименее контролируемый испанцами район колонии. С этим было связано распространение культурного влияния гуарани в Пампе, в частности, широкое просачивание языка гуарани в испанскую речь района Ла-Платы — будущего очага формирования риоплатской национальной культуры Аргентины. Часть гуаранизмов проникла в испанский язык Ла-Платы еще при вторичном основании Буэнос-Айреса (1580 г.), когда сюда

из Асунсьона прибыл отряд завоевателей, наполовину состоявший из метисов — потомков женщин-гуарани⁹.

Индейцы и метисы гуарани пополняли собою ряды лаплатской вольницы — колыбели аргентинских гаучо. В том смешении различных индейских культур (главным образом элементов охотничьих культур Пампы и Патагонии), которое гаучо унаследовали от своих индейских предков, присутствовали и элементы культуры гуарани. Впоследствии гаучо стали специфическим фактором сохранения и распространения индейского культурного наследия. В несколько преломленном виде они донесли это наследие до широких слоев населения страны, и его вместе с другими региональными особенностями, существовавшими на всей территории Аргентины, вобрала в себя риоплатская культура.

Группы индейцев гуарани Мисьонес и других провинций, входивших в прошлом в зону иезуитской колонизации и сохранивших обильный уклад и относительную самостоятельность, испытали разрушающее воздействие колонизации. Трансформации культуры гуарани способствовали миграции индейцев (происходящие и до наших дней не только внутри Аргентины, но и между соседними с ней областями Чили, Боливии, Бразилии и Парагвая). В ходе этих миграций гуарани нередко ассимилировали другие индейские группы. Такому культурному воздействию со стороны гуарани подверглись, например, индейцы чане аравакского происхождения. В XVI в. индейцы чане оказались соседями с одной из групп гуарани — индейцами чиригуано в районе крайних восточных отрогов Анд (нынешняя провинция Сальта). К XIX в. здесь образовалась культурная общность чиригуано-чане с одним общим языком — диалектом чиригуано, принадлежавшим к семье гуарани.

С конца XIX в. на север и северо-восток страны устремляется растущий с каждым годом поток креолов и европейских иммигрантов, привлеченных богатыми сельскохозяйственными и промышленными возможностями края. Выраставшие один за другим сахарные заводы, лесопильни, нефтяные вышки, поселки городского типа преобразили девственный облик ландшафтов и коренным образом изменили прежние условия жизни обитавших здесь индейских общин. Последствия такого соседства сказались вскоре на всем укладе жизни индейцев, в том числе гуарани.

Аргентинский исследователь Мануэль Мария Рокка, сотрудник Института антропологии в Буэнос-Айресе, описал характер воздействия изменений условий жизни индейцев на различные аспекты их культуры на примере упомянутой выше группы чиригуано-чане¹⁰, насчитывающей в начале 70-х годов XX в. около 15 тыс. человек.

С конца XIX в., отмечает автор, основная часть индейцев чиригуано-чане департамента Сан-Мартин (провинция Сальта) была согнана в поселки — миссии, где каждой семье выделили маленькие наделы, считавшиеся собственностью общины. Осталь-

ная земля, принадлежавшая ранее индейцам, была присвоена частными лицами и государственной нефтяной компанией ИАПФ.¹ Сокращение и истощение общинных земель привело к уменьшению урожаев и внутренних ресурсов общины. Индейцы стали испытывать постоянную нужду в необходимых продуктах питания, толкавшую многих на поиск дополнительных источников средств существования. Уходу индейцев из общины способствовала возникшая близость дорог, промышленных объектов или городов с их соблазном получения твердых заработков.

В статье М. Рокки об индейцах чиригуано-чане приведены также и другие причины, вызывающие обезлюдение индейской деревни, особенно уход из нее большей части здорового мужского населения. Особого внимания заслуживает вывод автора, считающего, что в миграции из общины индейцы видят наиболее эффективное средство скрыть свое индейское происхождение. Эта проблема существует не только для гуарани. Как писал известный прогрессивный историк Аргентины Рикардо Рохас, в условиях расовой дискриминации, которой заражены все слои аргентинского общества, лучшая из похвал, которую может услышать о себе индеец, — это то, что он не похож на индейца.

Покидая общину, индеец надеется смешаться с населением города и повысить этим свой социальный престиж. Но на деле все происходит не так просто. Уход в город для индейцев сопряжен с большими моральными издержками. Утратив связь со своей этнической группой, он оказывается перед лицом чуждой и часто враждебной к нему среды. Свою растерянность и беспомощность многие заглушают пьянством. Тем, кто не отчаялся, предстоит трудный путь преодоления культурного разрыва с окружающей средой.

Наблюдениям М. Рокки, проведенным среди чиригуано-чане не один месяц, недостает этнографической направленности; некоторые важные явления культуры индейцев (изменения в языке, в социальной организации, в духовной культуре) выпали из поля зрения автора. Однако основной вывод автора вполне убедителен. Он сводится к тому, что новые условия жизни нарушили традиционный уклад гуарани и подорвали экономические и социальные устои общины. Материал, собранный М. Роккой, свидетельствует о далеко зашедшем процессе разрушения самобытной культуры чиригуано-чане под влиянием вышеуказанных процессов. Хранителями традиций в общине остались в основном старики. Наибольший консерватизм существует в области верований и религии индейцев, но и они значительно изменились. Элементы религиозного синкретизма наглядно обнаруживаются в проведении традиционного индейского праздника кукурузы, все более сближающегося с большим карнавалом у католиков.

Современное положение гуарани, в той или иной степени характерное и для других индейских групп Аргентины, вызывает обеспокоенность прогрессивной общественности. Вместе с тем

серьезный интерес ученых к судьбам индейцев и к их самобытной культуре соседствует с искусственно подогреваемым коммерческим бумом вокруг индейцев. Фестивали индейского музыкального фольклора, выставки индейского прикладного искусства, пропагандирующие культурное наследие индейцев, в то же время часто подменяют подлинное стремление улучшить реальные условия их существования. Несомненным свидетельством перемен отношения к индейской проблеме и в официальных кругах является проведение всеиндейской переписи 1968—1969 гг., принятие программы развития индейских общин и т. д. Но конечная цель правительственных мероприятий одна — интеграция индейцев и их ассимиляция.

Последовательную борьбу за принятие решительных и конкретных мер по спасению индейцев от грозящего им вымирания, по защите и уравниванию в правах коренного населения страны вела и ведет Коммунистическая партия Аргентины. КПА поддерживает начавшееся в 70-е годы индейское движение за свои права. Особенностью современного индейского движения Аргентины является создание внутри него отдельных федераций туземцев по этническому принципу, в частности одной из наиболее крупных — федерации индейцев гуарани.

Сама по себе такая организация свидетельствует о том, что, несмотря на столетия колониального угнетения и капиталистической эксплуатации, оторванность от социальной жизни, свою вынужденную маргинальность, гуарани сохранили сознание своей принадлежности в прошлом к единой культуре. Сохранение таких важных элементов культуры гуарани, как язык и этническое самосознание, служит убедительным аргументом в борьбе индейцев гуарани за свое самостоятельное развитие.

¹ Последней работой, в которой сделан анализ существующих классификаций доколумбовых культур Аргентины, является монография: *Ibarra Grasso D. E. Argentina Indígena*. Buenos Aires, 1967.

² О численности и этнической структуре населения колониальной Аргентины см.: *Шейнбаум Л. С.* Формирование населения Аргентины.— В кн.: *Расы и народы*. М.: Наука, 1974, вып. 4, с. 165—178.

³ *Агости Э.* Нация и культура. М.: Наука, 1963, с. 175.

⁴ *Carol Paz J. L.* Cultura indígena, cultura criolla y cultura popular en la Argentina.— *Anuario indigenista*. México, 1973, XXXIII, p. 175.

⁵ *Winsberg M. D.* Argentina.— *Focus*, 1973, 24, N 4, p. 2.

⁶ *Mörner Magnus.* Panorama de la sociedad del Río de la Plata durante la primera mitad del siglo XVIII.— *Estudios americanos*, 1959 (Sevilla), N 92—93, p. 204.

⁷ См. об этом подробнее: *Becú Ricardo Z.* La movilidad del indígena y el mestizaje en la Argentina colonial.— *Jahrbuch für Geschichte von Staat...* Köln, 1967, Bd. 4, p. 61—85.

⁸ *Нации Латинской Америки*. М.: Наука, 1964, с. 246.

⁹ *Былинкина М. И.* Смысловые особенности испанского языка Аргентины. М.: Наука, 1969, с. 68.

¹⁰ *Rocca Manuel Maria.* Los chiriguano-chané.— *América Indígena*, 1973 (México), XXXIII, N 3, p. 743—756.

ЭТНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НИКАРАГУА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Вторая половина XIX в. явилась важным этапом в этнической истории Никарагуа. Выход в 1838 г. Никарагуа из Центральноамериканской федерации и провозглашение независимости решающим образом повлияли на ход развития в стране этнических процессов. Большую роль сыграли и внешнеполитические факторы, речь о которых пойдет ниже.

Не вдаваясь в анализ истории сложения этнорасовых групп населения, необходимо дать общее представление о его составе к середине XIX в. Сведения на этот счет у различных авторов противоречивы, но все они отражают основную тенденцию: дальнейшее размытие индейского этнического массива и увеличение числа метисов. Американец Э. Сквайер, исходя из переписи 1846 г. и используя имеющуюся у него информацию на начало 50-х годов, определил численность жителей Никарагуа приблизительно в 300 тыс. человек. Из них, по его расчетам, белых было 25 тыс. человек, негров — 15 тыс., индейцев — 80 тыс., метисов — 130 тыс. человек¹.

С середины прошлого века Никарагуа стала объектом острой борьбы Англии и Соединенных Штатов в связи с предполагаемым строительством межконтинентального канала через территорию страны. В 1850 г. между Англией и США был заключен договор, известный в истории как договор Клейтона-Булвера. В соответствии с ним обе стороны взяли на себя среди прочих обязательство не претендовать на какую-либо часть территории Никарагуа². Однако этот договор остался лишь на бумаге. Вся западная часть страны, называемая Москитовый Берег, фактически находилась под протекторатом Англии. Робкие попытки правительства Никарагуа утвердить здесь свое влияние встречали резкое противодействие Англии. По приказу губернатора Ямайки Чарльза Грея английские войска в 1848 г. захватили никарагуанский порт Сан-Хуан-дель-Норте и угрозой взятия Гранады вынудили правительство страны отказаться от стремления подчинить Москитию³.

Не отставал от соперника и молодой капиталистический хищник — США. При попустительстве своего правительства американский полковник Г. Кинней провозгласил в 1855 г. независимость района г. Сан-Хуан⁴.

В 1854 г. в Никарагуа разразилась очередная «революция». Леонские либералы во главе с Франсиско Кастильоном подняли восстание против консервативного правительства, возглавляемого «гранадцем» Фруто Чаморро, и в самый разгар борьбы решили призвать на помощь американских наемников. Так здесь

появился авантюрист Уильям Уокер, который в июне 1855 г. с ведома американских властей с набранным им отрядом прибыл в Никарагуа, чтобы сражаться на стороне либералов⁵.

Хотя либералам с помощью «фаланги» Уокера и удалось разбить своих противников, события приобрели затем неожиданный для них самих оборот. Поощряемый рабовладельцами США, стремившимися к захвату земель «на Юге», Уокер почувствовал себя достаточно сильным, чтобы попытаться захватить власть в стране. Организованные им так называемые выборы позволили ему в июле 1856 г. «законным путем» стать президентом Никарагуа.

Был издан декрет о широкой колонизации Никарагуа, по которому каждый взрослый американец получал бесплатно 250 акров земли, а приехавший с семьей еще дополнительно 100 акров⁶. Число переселившихся в страну американцев резко возросло, хотя многие из привлеченных заманчивыми обещаниями колонистов были обмануты и вместо того, чтобы обрабатывать землю, оказались вынужденными взять в руки оружие, чтобы идти завоевывать ее⁷. В армии Уокера собрались авантюристы со всего света. Здесь были немцы, французы, итальянцы, ирландцы, греки, евреи⁸.

На стороне Уокера в Никарагуа сражался и отряд кубинцев численностью в 250 человек во главе с Доминго де Гойкуруа, которому Уокер обещал «после умиротворения Никарагуа» содействие в освобождении Кубы⁹.

Действия Уокера были направлены на то, чтобы лишить никарагуанский народ его независимости и в конечном итоге превратить страну в подобие еще одного рабовладельческого штата США. Английский язык наравне с испанским стал официальным языком страны. Декретом от 22 сентября 1856 г. все акты Учредительной федеральной ассамблеи и Федерального конгресса, в том числе и закон о ликвидации рабства в Центральной Америке, были аннулированы¹⁰. Земля теперь могла быть собственностью только белых¹¹. С целью обеспечения основанных белыми поселенцами плантаций дешевыми рабочими руками был издан декрет о борьбе с бродяжничеством. В то время по стране, спасаясь от войны и вспыхнувшей эпидемии холеры, скитались тысячи беженцев, и эта мера наряду с восстановлением рабства решала для новоявленных плантаторов проблему рабочей силы¹².

Честолюбивые замыслы Уокера не ограничивались Никарагуа. Он предполагал распространить свою власть на всю Центральную Америку¹³.

В борьбе против Уокера объединились не только либералы и консерваторы Никарагуа, но и соседние центральноамериканские республики. Война, которую повели объединенные силы этих стран против американского авантюриста, получила в истории название Национальная война (Guerra Nacional). Кровопролитные сражения продолжались до 1 мая 1857 г., когда разбитые

остатки войска Уокера были вынуждены бежать на американское судно¹⁴. Так бесславно закончилась попытка порабощения никарагуанского народа.

Победа далась никарагуанцам тяжелой ценой. Многие города и селения Никарагуа, и без того пострадавшие от бесконечных гражданских войн, являли собой весьма печальную картину. Крупнейший культурный и хозяйственный центр г. Гранада был в буквальном смысле стерт с лица земли. Отступавший Уокер приказал уничтожить его, оставив на руинах города циничную надпись: «Здесь была Гранада»¹⁵. Три четверти г. Леона также лежали в развалинах¹⁶. Многочисленные жертвы понесло мирное население. В Леоне, например, осталось около 14 тыс. жителей (включая индейцев пригородов), тогда как ко времени независимости город насчитывал 40 тыс. человек. Общее число погибших от войны и эпидемии холеры достигало 30 000, что составляло примерно 10% тогдашнего населения страны¹⁷.

Война против американских интервентов носила патриотический, национально-освободительный характер и в огромной мере повлияла на рост этнического самосознания населения страны и вообще на этнические процессы в Центральной Америке¹⁸. И в этом смысле можно с полным основанием утверждать, что после политического оформления в 1838 г. никарагуанского государства Национальная война 1856—1857 гг. явилась вторым важнейшим фактором, усилившим этноцентристские тенденции в развитии самосознания никарагуанцев.

Весьма характерно, что именно в этот короткий промежуток времени, как никогда раньше, проявился высокий уровень патриотизма никарагуанцев. Впервые в истории независимой Никарагуа распри между двумя политическими группировками — консерваторами и либералами — отошли на второй план, и все никарагуанцы выступили в защиту своих национальных интересов. Не менее характерно, однако, что сложившийся в этот период единый центральноамериканский фронт борьбы против Уокера не привел к сближению и объединению стран и народов этого региона, хотя момент, казалось, был особенно подходящим для этого. Как нам представляется, этот факт свидетельствует о том, что национальное самосознание никарагуанцев уже тогда находилось на достаточно высоком уровне, а осознание себя центральноамериканцами было второстепенным: все мы — центральноамериканцы, но мы — никарагуанцы!

В годы Национальной войны происходили большие перемещения населения. Временами они принимали массовый характер. Так, тысячи жителей разрушенной Уокером Гранады бежали в окрестности г. Ривас¹⁹. Все это способствовало как дальнейшей метисации населения, так и нивелированию образа жизни различных этнорасовых групп. Культурному сближению содействовала и служба в армии, где против Уокера бок о бок сражались индейцы, метисы и креолы. Несомненно, оказали свое влияние на

этнические процессы приехавшие в Никарагуа колонисты из США и переселенцы из Европы. Не имея возможности заработать средства для возвращения на родину, они волей-неволей вынуждены были остаться на чужбине²⁰. Численность белых поселенцев, прибывших сюда в период авантюры Уокера, достигала нескольких тысяч человек, причем часть из них осела и смешалась позднее с местным населением.

В стране постепенно возродилась торговля, наметилось оживление в экономической жизни. В 1858 г. была принята новая конституция²¹. В этот период страна развивалась во всех отношениях более спокойно, чем соседние республики. На это обратил внимание и французский географ Э. Реклю²². Политические страсти, лихорадившие Никарагуа, улеглись. Во второй половине XIX в. происходит специализация отдельных районов страны на производстве определенной сельскохозяйственной продукции: Масая становится зерновой житницей и поставщиком табака, Хинотега — сахара и риса, округ Гранады — индиго и какао, в Нуэва-Сеговиа и Чонталес разводится скот, последний славится еще богатыми разработками золота²³ и т. д. Постепенно становятся более тесными экономические связи между различными районами и начинает складываться общенациональный рынок.

Будучи сельскохозяйственной страной, Никарагуа зависела в экономическом отношении от внешней торговли. В 50-х годах XIX в. ввоз промышленных товаров из-за границы в денежном исчислении значительно превышал экспорт. Причем $\frac{2}{3}$ всего импорта приходилось на Англию. В списке ввозимых товаров, не говоря уже об изделиях из металла, фигурировали ткани, бумага, стекло и даже мыло²⁴. Из Никарагуа вывозилось золото, серебро и древесина ценных пород.

Потребности мирового рынка и господство иностранного капитала вынудили владельцев плантаций и мелких производителей переориентировать во второй половине XIX в. большую часть сельскохозяйственного производства Никарагуа на культивирование кофе. На задний план отошли традиционные культуры какао и индиго. Еще в 1870 г. в стране было около 1 млн. деревьев какао, а в первом десятилетии XX в. осталась едва ли половина их²⁵. Выращиванием кофе в Никарагуа начали заниматься в 40-х годах, и к 1891 г. здесь насчитывалось более 32 млн. кофейных деревьев, размещенных на 960 плантациях²⁶.

В этот же период начинается усиленное проникновение в страну иностранного капитала. Это в какой-то мере стимулировало экономическое развитие, связывая его в то же время с потребностями мирового рынка. За восемь лет — с 1857 по 1865 г. — государственный бюджет увеличился, например, на 240%²⁷. К концу XIX в. в руках иностранцев — главным образом североамериканцев — оказались все лучшие кофейные плантации, а также большая часть золотоносных рудников²⁸. Сильные позиции имел иностранный капитал и в торговле. Ею занимались

не только профессиональные коммерсанты, но даже и консулы Англии, Франции и Германии²⁹. Уже в конце XIX в. в стране все более чувствуется влияние американского капитала во всех сферах экономики, и он постепенно начинает вытеснять своих конкурентов.

Развитие капиталистических отношений в экономике страны и рост сельскохозяйственного производства вызвали насущную необходимость создания современного транспорта для улучшения связи между отдельными районами страны. В 1884 г. началось строительство железной дороги. В период правления президента Селайи (1893—1909) был построен важный участок пути между Леоном и Манагуа, связавший крупнейшие города страны. Являвшаяся национальной собственностью и построенная, несмотря на большие трудности, за счет средств государства, железная дорога сыграла важную роль в складывании национального рынка и этнической консолидации населения Никарагуа. Другим значительным событием в жизни страны было окончательное присоединение к ее территории в 1894 г. Москитового Берега.

Приобщение хозяйства Никарагуа к мировому капиталистическому рынку, с одной стороны, способствовало развитию капиталистических отношений в стране, с другой — закрепляло аграрную направленность хозяйства. Промышленность на рубеже XX в. находилась в зачаточном состоянии и, кроме ведущейся отсталыми способами золотодобычи, ограничивалась в основном кустарно-ремесленным производством: мастерские сапожников, шляпников, швейные, ткацкие, шелкопрядильные, а также небольшие предприятия по переработке сахарного тростника, производству шоколада и спиртных напитков³⁰.

Особо нужно отметить роль традиционных народных ремесел в жизни населения Никарагуа. Настоящими шедеврами кустарного народного творчества являлись гончарные изделия Сомотильо, гамаки Субъябы и Масайи, украшенные рельефными рисунками калекасы (сосуды из тыкв) Риваса³¹.

С конца 50-х годов XIX в. заметно оживилось развитие культуры. Если в 1854 г. в стране имелось всего 60 начальных школ с 2800 учениками-мальчиками и пять школ для девочек³², то в 70-х годах в республике было уже 180 начальных школ, которые посещали 4500 детей, из них 500 девочек³³. В стране имелось два высших учебных заведения: университеты Леона и Гранады, но в первом из них обучалось всего 66 студентов, а во втором была лишь одна кафедра — права. При университетских центрах также велось обучение более 260 учащихся на уровне средней школы³⁴.

Правительственная газета «Ла Гасета Офисияль» выходила один раз в неделю, остальные за неимением читателей выпускались нерегулярно.

Состояние дел в области образования, естественно, отразилось и на уровне развития литературы. Француз Поль Леви писал в

1873 г., что едва ли можно говорить о существовании в то время в Никарагуа национальной литературы. Все произведения, имевшие хоть какие-то литературные достоинства, чаще всего публиковались на страницах газет³⁵.

Вместе с тем сохранились лучшие традиции кустарных промыслов, а также фольклорные и танцевальные традиции прошлого и, в частности, знаменитая танцевальная комедия «Гуегуенсе», имеющая свои истоки еще в доиспанской культуре индейцев³⁶. Праздники в Никарагуа, как правило, сопровождались своеобразными национальными танцами, такими, как индитас, торо-торо, дьяблитос, йегуита и др.³⁷

Одновременно с ростом национального самосознания пробуждается интерес никарагуанской общественности к историческому прошлому своей родины. Во второй половине XIX в. в стране работают известные историки, например, Херонимо Перес (1828—1884), посвятивший свой труд изучению истории борьбы против Уокера³⁸. В 80-х годах вышло три тома «Истории Никарагуа» Томаса Айона (1821—1887)³⁹. Большие заслуги перед исторической наукой имеют историк и государственный деятель Хосе Долорес Гамес (1852—1918), написавший несколько работ по истории Никарагуа^{40—41}, Густаво Гусман, А. Флетес Болоньос.

К началу XX в. существенно изменилась социальная структура населения Никарагуа. Все более заметную роль в экономической и политической жизни начинают играть буржуазные элементы: владельцы мастерских, мелких предприятий, золотопромышленники, торговцы. Сюда же можно отнести и владельцев плантаций, производящих сельскохозяйственную продукцию на экспорт и эксплуатирующих наемных рабочих. По своему происхождению большинство представителей этой набирающей постепенно силы местной буржуазии были метисами. Однако старая, в основном креольская, олигархия, состоявшая из крупных землевладельцев и скотоводов, все еще продолжала сохранять ведущие экономические и политические позиции.

В стране появился, хотя и малочисленный, рабочий класс, состоявший из железнодорожников, портовых рабочих, горнорабочих, строителей и т. д., основой которого была метисная часть населения — ладино, а также индейцы или, точнее, ладинизированные индейцы, т. е. потерявшие свои этнокультурные признаки.

Основную массу трудящихся составлял сельский пролетариат и полупролетариат: мелкие арендаторы, колонны (пеоны), наемные сельскохозяйственные рабочие. Это были главным образом индейцы и в меньшей степени метисы. Индейцы же большей частью были солдатами в армии.

Политика никарагуанских властей в отношении прав индейцев на общинные земли — эхидос — отличалась неизменной тенденцией к их ущемлению. Уже в 1859 г. вышел закон, по которому человек, обрабатывающий в течение четырех лет участок на этих землях, получал его в частную собственность. Другим серьезным

ударом по системе общинного землепользования явились декреты 1877 и 1895 гг. В первом случае речь шла о принудительном разделе индейских земель, во втором — об отчуждении у индейцев земли в случае, если они не представят неопровержимых доказательств на право владения землей⁴².

Нанося удар по основам экономической жизни индейской общины, эти и некоторые другие законы в конечном итоге вели к ее разрушению и способствовали культурной латинизации индейцев — переходу в промежуточную этнорасовую группу метисов, составлявшую в начале XX в. большинство населения страны. Особенно наглядно это проявилось в языке. К концу XIX в. индейские языки в западной части Никарагуа во всех сферах жизни были вытеснены испанским языком и почти полностью вышли из употребления. Немецкий этнограф К. Заппер отмечал в то время, что индейцы субъяба даже стали стыдиться своего языка⁴³.

Вопрос о расовом составе никарагуанского народа во второй половине XIX в. является довольно сложным ввиду противоречивости имеющихся оценок. Еще немец В. Марр, побывавший в Никарагуа в 1852 г., писал, что в этой стране нет ни одного полностью белого⁴⁴. По цензу 1890 г. в стране из 360 тыс. жителей 16 200 человек числились как белые, 198 000 составляли индейцы, 144 000 — метисы, 1800 — негры⁴⁵. Однако немецкий ученый К. Заппер в 1902 г. утверждал, что тысячи белых, указанных в справочной литературе о странах Центральной Америки, «принадлежат к области фантазии»⁴⁶.

Можно сказать, что вторая половина XIX в. характеризовалась особой интенсивностью этнических процессов. Связь Никарагуа с мировым рынком, с одной стороны, способствовала развитию в стране капитализма и складыванию национального рынка, с другой — делала ее зависимой от крупных империалистических держав. В этот период происходит рост национального самосознания, становление и распространение общеникарагуанской культуры, завершается переход на единоеязычие в западной части страны.

Складывание капиталистических отношений и переход земли в руки частных собственников в этническом плане привели к разрушению индейской общины, потере ее этнического своеобразия и латинизации индейцев.

К этому же периоду истории формирования никарагуанской нации относится консолидация национальной территории и вхождение в состав страны Москвитового Берега, в этническом плане до сих пор являющегося обособленной частью республики.

¹ Squier E. G. Der centralamerikanische Staat Nicaragua. Leipzig, 1854, S. 22.

² Tratado de Clayton-Bulver de 1850.— In: Sáenz V. Nuestras vías interoceánicas. México, 1957, p. 154.

³ Levy P. Notas geográficas y económicas sobre la República de Nicaragua. Paris, 1873, p. 57.

⁴ Stout P. F. Nicaragua; Past, Present and Future. Philadelphia, 1859, p. 178.

- ⁵ *Soto M. A.* Guerra Nacional de Centroamérica. Guatemala, 1957, p. 34.
- ⁶ *Walker W.* The War in Nicaragua. New York, 1860, p. 144; *Wells W.* Walker's Expedition nach Nicaragua. Braunschweig, 1857, S. 74.
- ⁷ *Nicaise.* Les filibustiers américains. Walker et l'Amérique Central. Paris, 1862, p. 70.
- ⁸ *Fijałkowski W.* Awantury karaibskie. Warszawa, 1965, s. 170.
- ⁹ *Alemán Bolaños G.* Centenario de la Guerra Nacional de Nicaragua contra Walker. Guatemala, 1956, p. 58.
- ¹⁰ *Aleman Bolaños. G.* Centenario de la Guerra Nacional de Nicaragua..., p. 104.
- ¹¹ *Arciniegas G.* Burzliwe dzieje morza Karaibskiego. Warszawa, 1958, s. 323.
- ¹² *Fijałkowski W.* Awantury karaibskie, s. 194—196.
- ¹³ *Obregón Loria R.* La campaña del Tránsito. San José 1956, p. 10.
- ¹⁴ *Duenas van Severen J. R.* La Invasión Filibustera de Nicaragua y la Guerra Nacional. San Salvador, 1962, p. 134.
- ¹⁵ *Walker W.* The War in Nicaragua, p. 340.
- ¹⁶ *Belly F.* A travers l'Amérique Central. Le Nicaragua et le Canal Interocéanique. Paris, 1867, p. 225.
- ¹⁷ *Belly F.* A travers l'Amérique Central..., p. 249.
- ¹⁸ Национальные процессы в Центральной Америке и Мексике. М.: Наука, 1974 (*Друдзо А. Д.* Гондурас, с. 187; *Леонов Н. С.* Никарагуа, с. 250; *Серов С. Я.* Коста-Рика, с. 280).
- ¹⁹ *Scroggs W. O.* Filibustiers and Financiers. The Story of William Walker and his Associates. New York, 1916, p. 251.
- ²⁰ *Fijałkowski W.* Awantury karaibskie, s. 197.
- ²¹ *Томас А. Б.* История Латинской Америки. М., 1960, с. 545.
- ²² *Reclus E.* Nouvelle géographie universelle. Paris, 1892, t. XVII, 1—2, p. 486.
- ²³ *Laferriere J.* De Paris à Guatemala. Paris, 1877, p. 77.
- ²⁴ *Scherzer K.* Wanderungen durch die mittelamerikanischen Freistaaten Nicaragua, Honduras und San Salvador. Braunschweig, 1857, s. 138—139.
- ²⁵ *De Perigny M.* Les cinque républiques de l'Amérique Central. Paris, 1911, p. 183.
- ²⁶ *De Perigny M.* Les cinque républiques de l'Amérique Central, p. 181.
- ²⁷ *Belly F.* A travers l'Amérique Central..., p. 311.
- ²⁸ *Preuss P.* Expedition nach Central-und Südamerika. Berlin, 1901, S. 105.
- ²⁹ *Marr W.* Reise nach Central-Amerika. Hamburg, 1863, Bd. 2, S. 57.
- ³⁰ *Medina C.* Le Nicaragua en 1900. Paris, 1900, p. 35—38.
- ³¹ *Reclus E.* Nouvelle géographie universelle, p. 526.
- ³² *Scherzer K.* Wanderungen..., S. 123.
- ³³ *Foledo R.* Geografía de Centro-América. Guatemala, 1874, p. 220.
- ³⁴ *Levy P.* Notas geográficas..., p. 361.
- ³⁵ *Levy P.* Notas geográficas..., p. 283.
- ³⁶ *Cerutti F.* Alle Origini del Teatro Nicaraguense: Il Güegüense.— Verhandlungen des XXXVIII. Internationalen Amerikanistenkongress. München, 1971, Bd. 3, S. 404.
- ³⁷ *Selva C.* Un poco de historia. Guatemala, 1948, p. 147.
- ³⁸ *Pérez J.* Memorias para la historia de la revolución de Nicaragua y de la Guerra contra los filibusteros, 1854—1857. Managua, 1865; Masaya, 1873.
- ³⁹ *Ayón T.* Historia de Nicaragua desde los tiempos más remotos hasta 1852. 3 vols. Granada, 1882—1887; Managua, 1889.
- ⁴⁰⁻⁴¹ *Gámez J. D.* Historia de Nicaragua. Managua, 1888; Historia de la Costa de Mosquitos. Managua, 1939.
- ⁴² *Adams R. N.* Nationalization.— In: Handbook of Middle American Indians Robert Wauchope, general editor. Austin, 1967, vol. 6, p. 483—484.
- ⁴³ *Sapper K.* Beiträge zur Ethnographie des südlichen Mittelamerikas.— Pethermanns Mitteilungen. Gotha, 1901, Bd. 47, Heft 2, S. 29.
- ⁴⁴ *Marr W.* Reise nach Central-Amerika, S. 5.
- ⁴⁵ Handbook of Nicaragua. Washington, 1892, p. 8.
- ⁴⁶ *Sapper K.* Mittelamerikanische Reisen und Studien aus den Jahren 1888 bis 1900. Braunschweig, 1902, S. 152.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ
ИНДЕЙЦЕВ АМАЗОНИИ
В РАБОТАХ НЕМЕЦКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ
КОНЦА XIX В.
(К. ШТЕЙНЕН, М. ШМИДТ, П. ЭРЕНРЕЙХ)

В Амазонии, т. е. на территории, охватываемой бассейном р. Амазонки, живет большое число индейских племен, занимающихся земледелием, охотой, рыболовством и собирательством и сохраняющих различные формы первобытнообщинного строя. Их изучение очень интересно и важно не только для индеанистики, для познания специфики общественной жизни амазонских индейцев, но и для выявления общих закономерностей развития первобытнообщинного строя у народов земного шара. Между тем в течение длительного времени в описаниях путешествий по Амазонке и ее притокам преобладали сведения о материальной культуре индейцев: одежде, украшениях, жилище; об общественных же отношениях имелись лишь отдельные, зачастую неточные замечания. Это вполне понятно, потому что материальная культура более наглядна, чем социальная организация, и ее легче описать даже на основании кратковременного наблюдения.

Пожалуй, одним из немногих, если не единственным исключением из ранних работ об индейцах Амазонии является небольшое сочинение К. Мартиуса, опубликованное в 1832 г. в Мюнхене и специально посвященное вопросам социальной организации¹. Мартиус, опираясь на материалы об индейцах побережья Бразилии, а также о мундуруку, мауэ, апиака и омагуа Амазонки, попытался дать сводку по социальной организации бразильских индейцев, затронув в ней такие вопросы, как формы собственности, наследования, взаимопомощи, управления, нормы брака, кровной мести и т. п. К настоящему времени эта работа совершенно устарела и сохраняет только историографический интерес. В целом книги путешественников почти всего XIX и предшествующих веков в том, что касается социальной организации, могут служить лишь для проверки и дополнения данных позднейших исследователей по отдельным частным вопросам.

В отличие от этого исследования трех названных нами немецких путешественников конца XIX и рубежа XX в. — Карла фон Штейнена, Макса Шмидта, Пауля Эренрейха — до настоящего времени не утратили своей ценности как весьма достоверные источники по социальной организации индейцев. Более того, полвека спустя они были существенно дополнены, но не опровергнуты, а, напротив, полностью подтверждены исследованиями североамериканских и бразильских ученых, в особенности

К. Оберга. Таким образом, К. Штейнен, М. Шмидт, П. Эренрейх занимают особое место в истории этнографического изучения индейцев Бразилии, являясь основоположниками научного изучения общественного строя коренного населения этой страны.

Что же конкретно дали труды Штейнена, Шмидта, Эренрейха для выявления форм социальной организации индейцев Амазонии? Для ответа на этот вопрос нам придется по отдельности остановиться на работах каждого из названных исследователей.

К. Штейнен совершил две экспедиции на приток Амазонки р. Шингу в 1884 и 1887—1888 гг. Во время первой из них он открыл в верховьях этой реки группу дотоле не известных племен, не имевших никаких контактов с бразильцами и сохранявших натуральное хозяйство. В дневнике первой экспедиции Штейнена содержатся замечания о различных сторонах материальной культуры вновь открытых индейцев, словари их языков, очерк языковой классификации, но отсутствуют сведения по общественному строю².

В 1887—1888 гг. К. Штейнен совершил вторую, более продолжительную экспедицию к индейцам Шингу. Его книга об этом путешествии впервые была опубликована в Берлине в 1894 г.³ Основное внимание в ней уделяется характеристике хозяйства, материальной культуры и мифологии посещенных Штейненом индейцев, в особенности бакайри, но есть в ней и интересные данные о социальной организации: коллективизме в производстве и потреблении, формах собственности, взаимопомощи, торговом обмене, локальности брака, материнской филиации, авункулате, куваде, мужских домах и терминологии родства у племен нахуква, мехинаку, ауэто, камайюра, трумаи, кустенау, ваура, яулапити, бороро.

Так, относительно коллективизма Штейнен писал, в частности: «бакайри жили одной семьей. Добычу охоты и рыбной ловли они распределяли между различными домами, а в каждом доме добыча подлежала разделу между различными семьями»⁴. Интересны замечания Штейнена об авункулате и куваде — обычаях, которые, по мнению советских этнографов, характерны для периода перехода от материнского к отцовскому роду. По поводу первого из названных обычаев К. Штейнен писал: «У бакайри брат матери считается таким же защитником детей, как и отец, а в случае смерти последнего исполняет его обязанности и до тех пор, пока дети не подрастут, распоряжается их имуществом»⁵. В целом Штейнену удалось выявить многие характерные черты общественной жизни индейцев Шингу. Следующий крупный шаг в этом направлении сделал другой немецкий исследователь Макс Шмидт.

В 1900—1901 гг. Шмидт изучал индейцев Центральной Бразилии и, в частности, такие племена верховьев Шингу, как бакайри и ауэто. Шмидт был первым в истории изучения индейцев Бразилии, кто сумел выявить, на каких принципах основана их

община. Он считал, что община может быть основана на одном из трех принципов: материнскоправовом, отцовскоправовом или соседском. Мы видим, что эта классификация более или менее соответствует современной классификации типов общин, отличаясь от нее лишь терминологически.

Основным принципом организации общины у индейцев Шингу был, по мнению Шмидта, территориальный, соседский принцип. Шмидт проанализировал также и состав входящих в общину домохозяйств. Составив схемы родства всех членов домохозяйств в одном из селений бакайри, Шмидт показал, что каждый дом занимает «большая материнская семья», все члены которой считают свое происхождение от женщины — матери или бабушки. Члены такой большой семьи обычно вместе работают на плантации, вместе охотятся и ловят рыбу⁶.

Таким образом, соседские отношения, связывающие между собой все домохозяйства одной деревни, накладываются на отношения материнского родства, объединяющие людей в пределах каждого домохозяйства. Эти представления, выработанные Шмидтом на основе изучения общины у индейцев Шингу, не только не были опровергнуты в ходе позднейших исследований общественной организации индейцев этого района, но, совсем напротив, легли в основу современных взглядов о наиболее типичной для индейцев Амазонии структуре общины.

В работе М. Шмидта содержится немало интересного и по другим аспектам социальной организации индейцев Шингу, например, о разделении труда, формах брака и т. п., но все же наиболее крупной заслугой М. Шмидта в изучении общественного строя является выяснение структуры и формообразующих принципов общины.

О пережитках материнскородовых отношений у индейцев Амазонии есть интересные сведения в одной из работ П. Эрнрейха — участника второй экспедиции Штейнена на Шингу. После окончания этой экспедиции Эрнрейх побывал у индейцев каража р. Арагуаи, а также у паумари, ямамади и ипурина р. Пурус. Об общественном строе индейцев Пуруса Эрнрейх ничего не пишет, напротив, о каража он сообщает весьма ценные данные. Эрнрейх отмечает, что у каража женатый мужчина ест не со своей семьей, а с семьей своей замужней сестры и туда же несет свою охотничью добычу. О детях вдовца заботятся родители его жены, а сам он возвращается в мужской дом, где живут все неженатые мужчины. Брак всегда матриликален⁷.

Несмотря на некоторую фрагментарность данных Эрнрейха, объясняемую кратковременностью его пребывания у каража, они много дают для понимания социальной организации индейцев Амазонии в прошлом. В целом работы К. Штейнена, М. Шмидта, П. Эрнрейха положили начало современному (не по времени, а по существу) этапу в изучении общественного строя индейцев Амазонии. В отношении же индейцев Шингу данные Штейнена и

Шмидта были существенно дополнены лишь полвека спустя американским этнографом К. Обергом⁸.

На работах других немецких исследователей, изучавших в конце XIX и на рубеже XX в. культуру различных племен Амазонии, мы не будем останавливаться, так как при всей ценности их работ в других отношениях их вклад в изучение общественного строя индейцев невелик, и поэтому специальное рассмотрение их сочинений представляется в данной небольшой статье нецелесообразным.

¹ *Martius K.* Von dem Rechtszustande unter den Urcinwohnern Brasiliens. München, 1832.

² *Steinen K.* Durch Zentral Brasilien. Leipzig, 1886.

³ *Steinen K.* Unter den Naturvölkern Zentral-Brasiliens. Berlin, 1894.

⁴ *Steinen K.* Unter den Naturvölkern..., S. 67.

⁵ *Steinen K.* Unter den Naturvölkern..., S. 331.

⁶ *Schmidt M.* Indianerstudien in Zentral-Brasilien. Berlin, 1905, S. 433—438.

⁷ *Ehrenreich P.* Beiträge zur Völkerkunde Brasiliens. Berlin, 1891, S. 27—29.

⁸ *Oberg K.* Indian Tribes of Northern Mato Grosso, Brasil. Washington, 1953.

М. Г. Котовская

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НЕГРОВ И МУЛАТОВ В БРАЗИЛИИ

(40—50-е годы XX в.)

Проблема перехода индивидуума в новую расовосоциальную группу — важная задача этнографического исследования. В этом плане анализ социальной мобильности негритянского населения и мулатов в Бразилии представляет определенный интерес. Решению этого вопроса посвящены работы бразильских этнографов Д. Пьерсона, Ф. Азеведо и американского ученого Х. В. Хатчинсона¹.

Деление бразильского общества на обособленные расовосоциальные группы сложилось в колониальный период. Так же, как и в других латиноамериканских странах, в Бразилии в это время существовала разработанная расовосоциальная иерархия населения, приближающаяся к «кастовой системе» и возникшая, по мнению известного шведского латиноамериканиста М. Мернера, «...как следствие перенесения в обстановку многорасовости «иерархического, сословного и корпоративного общества Иберийского полуострова»².

Провозглашение независимости Бразилии (1822 г.) уничтожило правовую основу расовосоциальной иерархии для всех групп населения страны, кроме негров-рабов. Поэтому лишь после отме-

ны рабства (1888 г.) можно говорить о ее полном правовом уничтожении.

После провозглашения республики (1889 г.) значительное число негров-рабов хлынуло в города. Барьеры между группами стали размываться; активизировался и процесс перехода из одной расовой группы в другую, который в то же время среди негров и мулатов тормозился расовыми предрассудками и традициями, бытовавшими в Бразилии и в 40—50-е годы XX в.

Изучение Х. В. Хатчинсоном расовосоциальных групп в сельской местности Реконкаво, расположенной вблизи Баии, показало, что расовые признаки продолжали оказывать определенное влияние на социальное положение лица, относящегося к неграм или мулатам.

Согласно приведенной Х. В. Хатчинсоном классификации негров и мулатов, они делились на следующие расовые категории:

1. Preto — лица этой категории обладали наиболее выраженными признаками африканского происхождения.

2. Cabra, или Cabrocho, — отличались несколько более светлым оттенком кожи.

3. Cabo verde — имели темный цвет лица, но европеоидный облик.

4. Escuro — обладали сравнительно светлой кожей, но сохраняли во внешнем облике отдельные признаки негроидной расы и являлись переходной категорией между неграми и мулатами³.

Как отмечает Х. В. Хатчинсон, в обыденном представлении чем светлее кожа, чем меньше признаков африканского происхождения, тем больше шансов у данного лица подняться по социальной лестнице. Переход темных мулатов и даже негров в привилегированную группу белых был возможен, хотя и происходил на протяжении жизни двух-трех поколений.

Перемещение цветного населения в более высокие страты осуществлялось через промежуточные расовосоциальные категории, такие, например, как «branco da terra» (буквально: «белый по земле») и «branco da Bahia» («белый из Баии»).

Первая из указанных категорий возникла в начале — середине XVII в. В нее входили как обедневшие португальские колонисты, так и мулаты — дети крупных помещиков и негритянок, наделенные землей и потому считавшиеся белыми. Мулаты этой субгруппы полностью порывали с материнской культурой и перенимали традиции и обычаи белого населения. Все же, несмотря на интенсивное расовое смешение, по мнению Х. В. Хатчинсона, эта категория до сих пор продолжает выделяться из белой группы, занимая несколько обособленное положение⁴. Более того, почти все «branco da terra» отличались некоторыми соматическими признаками, свойственными негроидной расе. В эту категорию прежде всего стремились перейти разбогатевшие мулаты и негры.

Подобной категорией, но сложившейся в городе, представля-

ется «branco da Bahia». Членами этой промежуточной расовосоциальной категории, возникшей еще на рубеже XVIII—XIX вв., становились зажиточные мулаты или представители этой же расовой группы, выделившиеся из нее в силу своих заслуг в области науки, искусства, позднее — политики и т. д.

Как пишет Пьерсон Дональд, изучавший эту расовосоциальную категорию в 40—50-е годы XX в., в ее состав входило значительное число темных мулатов⁵. Интересно, что представители этой категории, считающиеся белыми в Баие, на юге страны, где расовая нетерпимость проявлялась значительно сильнее, расценивались как мулаты или даже негры.

Таким образом, социальный момент (экономическое положение, образование, общественный престиж) играл важнейшую роль при переходе мулата или негра в более высокую расовосоциальную группу. С изменением социального положения происходило и формальное изменение расовой характеристики человека. По данным Дональда Пьерсона, в Бразилии имеется ряд терминов, обозначающих это явление. В отношении богатых мулатов или негров, условно вошедших в группу белых, существовали социальные обозначения, которые в переводе с португальского буквально звучали, как, например, «белый по деньгам»⁶.

Изучение социального и расового аспектов по отношению к неграм и мулатам привело Пьерсона Дональда к мысли, что именно социальный момент становился важнейшим не только при определении общественного положения члена цветной группы (как это указывалось нами ранее), но также и для его расовой характеристики. В то же время необходимо подчеркнуть, что темные мулаты или негры, принятые в группу белых, не занимали с последними равноправного положения.

Одним из способов повысить свой социальный престиж являлась женитьба негра или мулата на белой женщине. Однако Ф. Азеведо отмечает, что проблема вступления в брак людей разной расовой принадлежности оставалась в 50-е годы XX в. сферой наиболее открыто проявляющейся расовой нетерпимости. Если в Бразилии довольно спокойно смотрели на незаконные союзы между белыми и неграми, то официальные браки между ними встречали резкий общественный отпор⁷. Поэтому, как правило, зажиточные мулаты или негры женились на белых женщинах не своего социального круга, а занимающих гораздо более низкое общественное положение. Ребенок, рождающийся от подобных браков, через два-три поколения считался белым.

В Бразилии генеалогия при определении происхождения определенного лица часто во внимание не принималась: человек, имевший родственников-негров еще в третьем поколении, но обладавший европейской внешностью и достатком, считался белым.

В то же время надо учитывать, что отношение к мулатам и неграм в Бразилии было разным не только в отдельных районах страны, но и в различных социальных слоях. Расовая нетерпи-

мость в южных районах Бразилии объясняется значительным количеством белых иммигрантов, часто приносящих с собой модели этнических отношений, существующих в их странах. В высших стратах белой группы, по данным Ф. Азеведо, в 50-е годы XX в. фактически не встречались мулаты или негры. В средних зажиточных кругах белого населения мулаты и негры занимали обособленное положение. Низшие слои бразильского общества состояли в основном из негров и мулатов.

Так, например, в Баие, по данным Ф. Азеведо, в 50-е годы XX в. 84% членов обеспеченных городских слоев были белыми, негры и темные мулаты были представлены в них лишь 0,5%. Среди низших социальных слоев Баии наблюдалась противоположная картина: белые составляли в них лишь 1,5%, тогда как негров и мулатов насчитывалось около 75%⁸. Следовательно, и в этот период в городе негры и мулаты составляли беднейшие слои населения. Отсутствие же образования и квалификации, бытовая дискриминация мешали их социальному продвижению.

В республиканский период в Бразилии, кроме того, существовали определенные виды занятий, фактически закрытые для негров и мулатов. Это были прежде всего некоторые занятия, связанные со сферой обслуживания. Так, в крупных магазинах, ресторанах, отелях, предназначенных для богатых бразильцев и иностранцев, обслуживающий персонал практически целиком состоял из белых. Некоторые зажиточные белые отказывались посещать магазины, где служили цветные, не хотели жить в одних домах и даже районах с неграми и мулатами.

Показательно, что в 40—50-е годы XX в. бразильские города делились на ряд кварталов, жители которых отличались друг от друга своим социально-экономическим положением, а также расовым происхождением. В зажиточных кварталах основную массу составляли белые, в бедных — большинство жителей было неграми и мулатами.

Все возможные расовые предрассудки в городах продолжали «предохранять» средние слои белых от наплыва цветных, помогая «поставить выскочек на место». При этом интенсивность проявления бытовой расовой дискриминации была неодинаковой в различных слоях бразильского общества. Наиболее сильное сопротивление социальной мобильности цветного населения в городе, как, впрочем, и в деревне, оказывали средние слои общества. Это относилось в первую очередь к зажиточным средним слоям, в которые, как правило, и переходили разбогатевшие негры и мулаты. Высшие же слои населения, которые имели мало контактов с бедняками и которым не «угрожали» негры и мулаты, относились к ним лояльнее. При этом надо учитывать, что именно социально поднимающиеся мулаты вызывали особенно резкое раздражение и у тех, и у других.

По отношению к ним среди зажиточных белых господствовали следующие отрицательные стереотипные представления. Сог-

ласно им, «мулаты ни о чем не думают, как лишь о повышении своего престижа»; «мулаты вечно суются туда, где их не хотят принимать»⁹. Белые, которых «обгоняли» разбогатевшие мулаты, нередко проявляли по отношению к ним неприкрытую расовую неприязнь. Они отказывались жить рядом с мулатами, не посещали ресторанов и спортивных клубов, куда ходили последние. Среди них бытовало мнение, что лучше иметь дело с неграми, чем с мулатами. Они утверждали, что «негры лучше, честней, надежней мулатов»¹⁰. И такое мнение не случайно. Ибо негры, уже в силу своего происхождения имевшие меньше шансов для социального продвижения, чем мулаты, в массе своей и не пытались нарушать существовавшей между ними и белыми дистанции.

В то же время, говоря о взаимоотношениях белых и мулатов, нельзя рассматривать указанную проблему только с этой стороны. Дело в том, что хотя белые теоретически и не хотели иметь дело с мулатами, но на практике именно с ними, а не с неграми они находились в более тесных контактах (среди мулатов был значительно бóльший процент зажиточных людей). Вместе с состоятельными мулатами белые вынуждены были работать на одних предприятиях, находиться в одних профессиональных организациях, жить в одних домах. На работе белые часто должны были поддерживать хорошие отношения с мулатами. Но как только мулаты стремились перейти линию формальных отношений (например, служебные связи), превратив их в более интимные, так наталкивались на стойкое сопротивление белых.

Отношения между неграми и мулатами в республиканский период также были сложными и противоречивыми. Во многом они зависели от социального положения мулатов. По достатку, образованию и т. п. их можно было разделить приблизительно на две группы.

Первая группа мулатов по своему социальному положению, культуре мало чем отличалась от негров. Эти мулаты нередко принимали участие в традиционных негритянских организациях, таких, как школы «самба», являвшиеся своеобразными танцевальными клубами негритянской молодежи. В них негры и мулаты обучались традиционным танцам и песням, а кроме того, — обычаям и нормам поведения, принятым среди негров.

Вторая группа мулатов, по мнению Д. Пьерсона, напротив, всеми силами старалась походить на белых. Они не только отказывались следовать традициям негритянской группы, но и старались всячески отгородиться от «простых» негров, которых они откровенно считали ниже себя. Некоторые из таких мулатов отказывались помогать своим родственникам-неграм, боясь «уронить» свой престиж в глазах белых. Такие мулаты, как правило, были богаты и принадлежали к городским буржуазным слоям.

Отношение негров к этой группе мулатов было откровенно враждебным. Они называли их «предателями», «слугами двух господ», «людьми без родины»¹¹. В качестве протеста негры не

пускали их в свои клубы и традиционные организации. Так, богатые мулаты не могли посещать в Баие такие негритянские клубы, как «Gremio de Mocidade», «24 de Maio». Вход в них был разрешен лишь мулатам, имевшим жен-негритянок. Богатых мулатов также нередко отстраняли и от участия в особенно важных культовых церемониях негров. Например, в Рио-де-Жанейро некоторым мулатам не разрешалось присутствовать на поминальной службе по африканцам, замученным в колониальное время. Эта церемония проходила в церкви св. Пампадоса. Таким образом, определенная часть мулатов исключалась неграми из их среды.

Внутри негритянской группы существовало как бы две тенденции: одна проявлялась в стремлении сохранить традиционную замкнутость, другая — в стремлении богатых негров (в 40—50-е годы XX в.) стать белыми. Последнее обычно наблюдалось среди зажиточной части негров, составлявших своеобразную элиту негритянского населения. В социальном плане богатые негры относились к мелкобуржуазным городским слоям, были мелкими предпринимателями, торговцами и т. д. Оказывая постоянные услуги зажиточным белым горожанам, такие негры добивались расположения к ним последних. Это в какой-то степени укрепляло их положение. Таких негров, по своему социальному положению и культуре значительно отличавшихся от основной массы населения африканского происхождения, на северо-востоке Бразилии обычно классифицировали как «почетные исключения» («condignamente exclusiones»), «белые по доверию» («branco da procuraço») ¹². Подобные социальные категории были для богатых негров как бы промежуточными ступенями при переходе в группу зажиточных мулатов (ср. со значением категории «branco da Bahia» для перехода мулатов в группу обеспеченных белых).

Своеобразным проявлением стремления к замкнутости, но на ином уровне, была позиция некоторых представителей негритянской интеллигенции и буржуазии, которые явились создателями ряда националистических негритянских организаций. Подобные организации, как считает Д. Пьерсон, стали возникать в Бразилии в 40-е годы XX в. Так как ведущее положение в них занимали мелкобуржуазные элементы, то основная их деятельность подчас сводилась к распространению негритянских культурных ценностей среди остального населения Бразилии. При этом важнейший аспект негритянской проблемы — социально-экономический — не включался обычно в программу таких организаций. Некоторые из их лидеров, занимавшие крайние националистические позиции, видели основные задачи своих организаций в подготовке и совершении «расовой революции», в результате которой негры должны были стать привилегированной группой страны. Пропаганда таких лозунгов, как, например, «превращение Бразилии в страну негров», расценивалась ими как важнейшее направление их деятельности. Они призывали негритянскую молодежь к со-

хранению расовой и культурной чистоты своей группы, к сознательному обособлению негров от остального населения Бразилии и в первую очередь от белых.

Однако же нередко сами лидеры подобных организаций на деле отнюдь не придерживались своих принципов. Превращаясь в профессиональных политиков, они не только постоянно общались с белыми, но и становились завсегдатаями их салонов. Заключение брака со светлой мулаткой или белой становилось немаловажным фактором для их дальнейшей политической карьеры.

Детей, родившихся в зажиточных семьях от подобных браков, причисляли или к «branco da Bahia» (если они имели европейский облик) или к светлым мулатам. Со временем их происхождение «забывалось». Это приводило к тому, что, в отличие от США, где зажиточные мулаты уже в силу своего происхождения не могли проникать в высшие социальные слои, в Бразилии определенный процент мулатов встречался даже в самых высоких сферах. Так, например, в одном из закрытых клубов в Баие, посетителями которого являлись крупные латифундисты, банкиры, ведущие государственные деятели, было несколько «branco da Bahia» и светлых мулатов¹³.

Анализ взаимоотношений разных расовых групп подтверждает, что форма, интенсивность и направление социальной мобильности цветного населения в 40—50-е годы XX в. зависели от общественного положения индивидуума, его социальной принадлежности. К аналогичным выводам, хотя и не в такой категоричной форме, пришли исследователи, занимавшиеся этой проблемой, — Д. Пьерсон, Ф. Азеvedo, Х. В. Хатчинсон. Однако следует заметить, что пути и формы социального продвижения негров и мулатов изучены еще далеко недостаточно.

¹ Pierson Donald. Negroes in Brazil (A Study of Race Contact at Bahia). Bahia, 1942; Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem. Bahia. 1951; Hutchinson Harry W. Village and Plantation Life in Northeastern Brazil. Seattle, 1957.

² Мернер М. Мисцегенация и взаимодействие культур в Латинской Америке как историческая проблема. — В кн.: Расы и народы. М.: Наука, 1971, т. I, с. 196.

³ Hutchinson Harry W. Village and Plantation Life..., p. 118—119.

⁴ Hutchinson Harry W. Village and Plantation Life..., p. 107—108.

⁵ Pierson Donald. Negroes in Brazil..., p. 139.

⁶ Pierson Donald. Negroes in Brazil...

⁷ Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem, p. 34—35.

⁸ Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem, p. 43—48.

⁹ Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem, p. 49.

¹⁰ Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem.

¹¹ Azevedo Thales. Civilização e mestiçagem, p. 102.

¹² Pierson Donald. Negroes in Brazil..., p. 130.

¹³ Pierson Donald. Negroes in Brazil..., p. 141.

Г. Г. МАНИЗЕР О «НЕОБРАЗИЛЬЦАХ»

Наследие талантливого русского этнографа Г. Г. Манизера, одного из немногих русских исследователей начала XX в., побывавших в Бразилии, давно привлекает внимание советских ученых. Появилось значительное количество работ, в которых в той или иной мере затрагивается вопрос о вкладе Г. Г. Манизера в отечественную науку¹.

Основное внимание привлекает само путешествие Г. Г. Манизера в 1914—1915 гг., его исследования по материальной и духовной культуре различных индейских племен Бразилии² и собранные им вместе с коллегами по экспедиции материалы, а также замечательный труд Г. Г. Манизера «Жизнь и путешествия академика Григория Ивановича Лангсдорфа (1774—1852)» о первой русской научной экспедиции в Бразилию³. Эта работа по сути дела вернула истории русской науки забытое имя другого замечательного исследователя Южной Америки. Как писала Н. Г. Шпринцин, подготовившая публикацию книги Г. Г. Манизера, он «реконструировал хронологический порядок маршрута экспедиции Г. И. Лангсдорфа, что потребовало кропотливого труда и исключительной тщательности»⁴. Все современные работы, посвященные различным сторонам деятельности первой русской экспедиции в Бразилию, в той или иной степени опираются на исследование Г. Г. Манизера⁵.

Однако одна из сторон научных интересов Г. Г. Манизера до сих пор не была раскрыта. Помимо уже перечисленных выше проблем, его внимание привлекла тема, которая в те годы мало разрабатывалась в этнографической науке вообще. Путешествуя по Бразилии, Г. Г. Манизер заинтересовался не только традиционными этнографическими сюжетами, не только языками, материальной и духовной культурой индейцев.

Молодого русского ученого привлекла проблема формирования нового бразильского этноса, или, как писал он сам, «процесса формировки необразильцев».

Свидетельство тому архивные материалы, хранящиеся в Институте этнографии АН СССР в Ленинграде. Эти материалы до настоящего времени не были, к сожалению, достаточно оценены и не были введены в научный оборот. А они представляют несомненный интерес. Упоминание о них есть во «Введении» Н. Г. Шпринцин к книге Г. Г. Манизера⁶. Однако утверждение Н. Г. Шпринцин, что содержание этих архивных материалов составляют «наблюдения над жизнью городского бразильского населения»⁷, вводит читателя в заблуждение. Основное содержание заметок Г. Г. Манизера — стремление осмыслить этническую историю бразильцев. Задача — новаторская для того времени.

Прежде всего необходима чисто формальная характеристика этих материалов Г. Г. Манизера из архива Института этнографии в Ленинграде. Это две небольшие по объему папки (фонд К-1, оп. 1, № 415 и № 422). В одной из них (№ 415) хранится текст доклада Г. Г. Манизера «Neobrasileiros. Язык, народное творчество», прочитанного им на заседании кружка романо-германистов 10 февраля 1916 г., и черновой, небольшой, но очень интересный по содержанию, набросок, где обосновывается необходимость изучения истории, социальной жизни, языка и культуры в колониях, говорится о своеобразии бразильской культуры, бразильского этноса.

Но наиболее примечательны заметки, хранящиеся в деле № 422. Здесь обнаружено несколько вариантов тезисов реферата, который Г. Г. Манизер готовил в мае 1916 г. для зачитания на Географических курсах.

Судя по архивным данным, Г. Г. Манизер долго колебался, формулируя тему реферата, и соответственно перестраивая тезисы. Он по-разному озаглавливает тезисы: «Бразильская национальность», «Законы и пути образования единого национального государства», «О формировании колониальных обществ (примером служит Бразилия)» и, наконец, окончательный вариант — «О Бразилии как примере процесса формирования нового общества». Очевидно, что основная проблема, волнующая его, остается неизменной: в современных терминах ее можно сформулировать как проблему формирования бразильского этноса. Об этом свидетельствует содержание тезисов и исторический подход к теме, по сути дела это наброски этногенетического исследования, наброски изучения этносов нового типа.

Несколько в ином ключе и на иных материалах разрабатывается та же тема в тезисах Г. Г. Манизера «О языке и народном творчестве «Brasileiros», «Nacionaes», также хранящихся в деле № 422 вместе с двумя небольшими черновыми набросками.

Следовательно, вскоре после возвращения из Южной Америки, в конце 1915 г., Г. Г. Манизер начинает серьезно заниматься проблемой сложения бразильского народа. Доклад в феврале 1916 г. еще носил предварительный характер и ему было присуще скорее описание, чем анализ и обобщения. Но описания здесь очень яркие и выразительные, например, описание быта жителей сертанов — сертанежу⁸.

Но уже в мае, при подготовке реферата, Г. Г. Манизер переходит к теоретическому осмыслению данных, имеющихся в его распоряжении. «Я хочу говорить, — пишет он, — об особом виде материала, с которым должен постоянно встречаться этнограф; притом необыкновенно поучительном и богатом самым разнообразным содержанием — о смешанной национальности: полученной путем колонизации на девственной почве, беря примером население Бразилии... являющееся едва ли не самым ярким образчиком такого рода амальгамы»⁹. И далее: «Изменения и но-

вообразования происходят в таких «молодых» обществах во время их создания самые коренные и касающиеся решительно всех сторон их быта — начиная со способов добывания пропитания, организации семьи, сословий и кончая теоретическими взглядами, языками и проч.»¹⁰.

Бразильский материал, по мнению Г. Г. Манизера, в этом отношении особенно благодарен, поскольку «новое общество — пестрое по расовому составу, но объединенное одним языком и формами хозяйства» возникает в условиях «неосложненных длинными историческими перипетиями — интересное именно тем, что могут быть исследованы те данные, из которых оно выросло»¹¹.

Последовательный историзм приводит Г. Г. Манизера к необходимости предложить периодизацию исследуемого процесса. Но, к сожалению, она носит крайне искусственный и спорный характер.

С точки зрения изучения этнических процессов очень интересны выделяемые Г. Г. Манизером специфические группы современного ему бразильского населения. Наблюдательность ученого-этнографа позволила ему зафиксировать то, что мы сейчас назвали бы этнографическими группами формирующегося бразильского этноса. Он выделяет «мулатов побережья», «кафузо», «кабоккло внутренних областей», причем в отношении последних особо оговаривает, что они отличаются и от кабоккло севера и от кабоккло юга страны, «южных сертанежу», «гаушо», «северных сертанежу»¹². При всем этом Г. Г. Манизер подчеркивает ощутимость внутреннего единства бразильского народа и правильно подмечает, что «новое общество формируется в «нацию» особого типа»¹³.

Не следует полагать, что концепции Г. Г. Манизера свободны от недостатков. В этом кратком сообщении мне лишь хотелось показать, насколько близко подошел к тематике современных исследований по этническим процессам безвременно погибший талантливый русский этнограф начала нашего столетия. Критический же разбор его взглядов по этой проблематике — дело будущего.

¹ Неоднократно об этом писала Шпринцин Н. Г. (список ее трудов см.: СЭ, 1964, № 3, с. 146; *Смирнова Н. А.* Вторая русская экспедиция в Южную Америку 1914—1915 гг., ее материалы и коллекции. — СЭ, 1966, № 6, с. 98—112; *Комиссаров Б. Н.* Григорий Иванович Лангсдорф. Л.: Наука, 1975, с. 6; *Он же.* Первая русская экспедиция в Бразилию. Л.: Наука, 1977, с. 3; *Лукин В. В.* Из материалов русской научной экспедиции 1914—1915 гг. в Южную Америку. — Латинская Америка, 1977, № 1, с. 158—189; *Хорошаева И. Ф.* Этнографическое изучение Латинской Америки в СССР. — В кн.: Латинская Америка в советских исследованиях. М., 1976, с. 136—140 и др.

² *Манизер Г. Г.* Ботокуды (боруны) по наблюдениям во время пребывания среди них в 1915 г. — В кн.: Ежегодник Русского антропологического общества при Петроградском университете за 1916 г. Пг., 1917; *Он же.* Из путешествия по Южной Америке в 1914—1915 гг. — Природа. Пг., 1917, май — июнь; *Он же.* Музыка и музыкальные инструменты некоторых племен Бразилии. — Сб. Музея антропологии и этнографии. Пг., 1918,

т. V, вып. 1; *Manizer H. Los Kaingangs de São Paulo. Proceedings of the 23-th International Congress of Americanists. New York, 1930.* Две последние работы вышли уже после смерти Г. Г. Манизера в 1917 г.

³ *Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа в Бразилию. М.: Географгиз, 1948.*

⁴ *Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа..., с. 13 (Шпринцин Н. Г. Введение).*

⁵ См. прим. 1.

⁶ *Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа..., с. 12 (Шпринцин Н. Г. Введение).*

⁷ *Манизер Г. Г. Экспедиция академика Г. И. Лангсдорфа..., с. 12 (Шпринцин Н. Г. Введение).*

⁸ Архив Института этнографии в Ленинграде (далее — ИЭ/Л), ф. К-1, оп. 1, № 415, л. 4.

⁹ Архив ИЭ/Л, ф. К-1, оп. 1, № 422, тезисы «Законы и пути образования единого национального государства на примере Бразилии».

¹⁰ Архив ИЭ/Л, ф. К-1, оп. 1, № 422, тезисы «Законы и пути...»

¹¹ Архив ИЭ/Л, ф. К-1, оп. 1, № 422, тезисы «Законы и пути...»

¹² Архив ИЭ/Л, ф. К-1, оп. 1, № 422, тезисы «Законы и пути...» и «Тезисы реферата о формировании колониальных обществ (на примере Бразилии)».

¹³ Архив ИЭ/Л, ф. К-1, оп. 1, № 422, «Тезисы реферата о формировании колониальных обществ...».

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ
АМЕРИКИ

*

М. И. Белов

О ФАНТАСТИЧЕСКОЙ НОВОЙ ЗЕМЛЕ (XVI—XVIII ВВ.)

Познание Земли, ее материков и омывающих их океанов, архипелагов и островов, морей и впадающих в них рек, пустынь и горных хребтов прошло долгий и сложный путь развития. Этот всемирно-исторический процесс установления истины, проблематике которого посвятил ряд своих работ А. В. Ефимов, развивался не по прямой, на этом долгом и трудном пути было немало препятствий и заблуждений — рождались и исчезали мифы, создавались и рассыпались в ходе географических открытий увлекательные гипотезы. Одной из таких географических гипотез, точнее, географических мифов, и посвящена данная статья.

При просмотре древних атласов и карт автор обратил внимание на существовавшее в мировой картографии в течение долгого времени представление о том, что к северу от евразийского побережья расположена Новая Земля, по размерам много бóльшая, чем современный одноименный арктический архипелаг, и где-то на востоке она соединена с Американским континентом. Появлению такого географического мифа способствовали последователи школы Клавдия Птолемея, считавшие, что материки Азии и Америки соединены в границах арктической суши.

Первый удар по представлениям птолемеевской школы нанес Герард Меркатор, опубликовавший в 1569 г. карту с изображением пролива Аниан, разделившего два соседних материка.

Получилось так, что, развеяв один миф, на место его европейская картография выдвинула новый, причем сам Герард Меркатор чуть ли не являлся его создателем. На карте мира 1587 г.¹ он изобразил вокруг Северного Полюса замкнутое кольцо почти непрерывных островов, южные границы которых подходили близко к американскому и азиатскому побережьям. Гипотезу Г. Меркатора поддержали голландские издатели географических атласов. В этом особенно отличился антверпенский издатель карт Корнелиус Йоде. В 1593 г. вышел в свет его атлас, на картах которого (№ I и II) изображены острова, вытянутые вдоль азиатского и американского берега, причем один из этих островов назван Новой Землей². Вытянувшуюся вдоль Азиатского континента Новую Землю вслед за голландцами стали изображать на своих картах космографы других стран. Так, в 1608 г. Матиус Кадус издал в Кельне карту, на которой растянул Новую Землю вдоль азиатского берега.

Выходило так, что, сделав несомненный шаг в сторону от птолемеевской школы, Герард Меркатор и его ученики поддержкой новой гипотезы сами себе помешали окончательно разорвать с птолемеевской картографией, ибо новый миф исходил из предположения, что американские и азиатские территории соединены.

Экспедиция В. Баренца на Новую Землю в 1596—1597 гг.,оставившая первую достоверную карту архипелага, казалось бы, положила конец заблуждениям картографов. Однако этого не последовало. В Западной Европе в 30-е годы XVII в. возникла новая гипотеза, по которой арктический архипелаг соединен с Азиатским материком. На этот раз авторы новой гипотезы рассматривали поставленные ими вопросы в практическом плане морских сообщений Европы с Тихим океаном через Арктику. Ставился вопрос, можно ли вообще плавать вдоль евразийского побережья, не встречая на пути естественных препятствий. Иными словами, снова был выдвинут вопрос, существует ли морской проход между Азией и Америкой. И, несмотря на свою явную несуразность, новая гипотеза просуществовала в западноевропейской картографии почти полтора столетия.

Считается, что идея соединения Новой Земли с Азиатским материком родилась в России. В доказательство этого приводится карта Новой Земли, составленная Станиславом Лопуцким, поляком, проживавшим в Москве. Карта была переслана в Амстердам географу и этнографу Николаю Витсену и издана им в 1674 г. в Лондоне³. В сопроводительном письме к издателю Витсен разъяснял вопрос, можно ли пройти через Карское море в Японию и Индию. Хотя ответ голландского ученого был отрицательным, он допускал, что «позади Новой Земли на значительном расстоянии мореплаватели могут пойти до Японии»⁴.

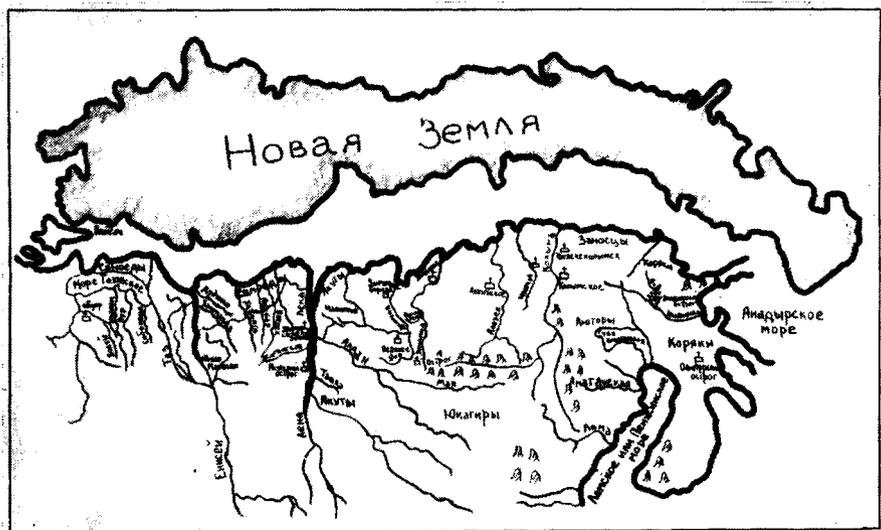
Карта Лопуцкого пришлась ко двору западноевропейским картографам, потому что выразила существо принятой ими на вооружение теории о соединении с континентом Новой Земли. Еще в 1632 г. голландский картограф Янсон изобразил ее именно так. В 1680 г. издатель английского атласа М. Питт на врезке карты Северного Полюса показал Новую Землю восточнее Китайской реки, под которой, надо полагать, он имел в виду р. Обь. Подобное же изображение находим на итальянской карте «Великой Татарии», изданной в 1663 г.⁵ В 1706 г. на карте Татарии, составленной Делилем и изданной в Париже, восточное окончание Новой Земли соединено с полуостровом Ямал⁶. Даже тогда, когда сама гипотеза превратилась в географический анахронизм, западноевропейские картографы продолжали следовать ей с достойным сожаления упорством. Достаточно познакомиться с картами из атласов И. Б. Гомана, чтобы убедиться в этом. В атласе Гомана 1714 г. п-ов Ямал и Новая Земля составляют единое целое. Пьер Вандер в эти же годы издал в Лейдене карту Азиатского материка, на которой восточное окончание Новой Земли было отнесено к р. Лене.

Русская картография совершенно не разделяла западноевропейскую точку зрения, считая Новую Землю островом. «Та земля,— говорилось в русском документе XVII в.,— стала за морем, к матерому берегу нигде не приткнулась»⁷. Однако на ранних этапах изучения островов и северного евразийского побережья и для русских картографов не вполне был ясен вопрос, насколько далеко к востоку простирается этот архипелаг, поэтому русские составители карт Севера и Сибири чаще всего ограничивались показом только южной части Новой Земли. И все же успехи географического изучения заставляли их вносить существенные коррективы. Уже на первой русской карте Севера России, опубликованной в 1609 г. в Амстердаме Исааком Массой, Новая Земля представлена двумя участками суши. Первый участок вполне совпадает с южной частью Новой Земли, тогда как второй, северная часть которого закрыта рамкой, отнесен к району севернее р. Пясины⁸.

В псевдской копии чертежа Сибири 1667 г. новоземельский архипелаг представлен гигантской сушей, северная и восточная часть которой спрятана за рамку (№ 31). Но на карте Сибири 1678 г. Николая Спафария восточные пределы архипелага появились уже в близком расстоянии к западу от р. Лены (№ 38). Перемещение восточных пределов Новой Земли на чертежах Сибири конца XVII в. достигло пределов Анадырского моря (№ 49). На карте Ивана Козыревского 1713 г. в нее вошла и территория п-ова Аляска (№ 50). Таким образом, обнаруживается четкая закономерность картографического показа новоземельского архипелага в полном соответствии с успехами русских географических открытий на Азиатском материке.

Однако никто из исследователей никогда не видел такой карты, где бы на основе обобщения данных русских чертежей Сибири Новая Земля была бы представлена как единый архипелаг, вытянувшийся вдоль Азиатского побережья от собственно Новой Земли до западного побережья п-ова Аляска. Такая карта помогла бы более четко сформулировать русскую гипотезу о Новой Земле, правильно понять ее место и роль в истории русских географических открытий.

Недавно такая карта была обнаружена в Париже среди литографированных и рукописных карт, хранящихся в Главном архивном управлении Морского министерства Франции. В портфеле 61 под №№ 82 и 120 находятся рукописные подлинник и копия «Генеральной карты расселения народов Северной Азии», составленной в первой четверти XVIII в. Ее автор — московский торговец Петр Вахрамеевич Миллер (Меллер, Мюллер). А. И. Андреев⁹ и М. Г. Новлянская¹⁰ полагали, что эта карта находится в Национальной библиотеке Франции среди русских карт коллекции Жозефа Николя Делиля¹¹. Действительно, Делиль, будучи первым академиком-географом Петербургской Академии наук (время его службы 1726—1747 гг.), в 1727—1732 гг. безуспешно

Фрагмент Генеральной карты расселения народов Северной Азии Петра Миллера (первая четверть XVIII в.)

добывался у обер-секретаря Сената Ивана Кирилова передачи карты Петра Миллера в его распоряжение, а позднее приобрел ее от самого Миллера¹². После получения карты Миллера ее подлинник и копия были посланы в Париж, а воспоминание о ней осталось только в реестре карт.

Если история исчезновения карты Сибири Петра Миллера сейчас более или менее прояснилась, то тотчас же встал вопрос о ее авторстве. Речь может идти о том, мог ли Петр Миллер составить карту Сибири и не является ли она лишь его приобретением, т. е., иными словами, не является ли автором ее кто-либо другой, в частности, современник Миллера, пленный шведский офицер, составитель карт Сибири и Азии Ф. Страленберг. По этому поводу необходимо сказать несколько слов.

Исследованием и изданием карт Страленберга специально занималась М. Г. Новлянская¹³. Она выяснила, что Страленберг в 1715 и 1718 гг., будучи в Тобольске, составил две карты Сибири, одну из которых у него отобрал сибирский губернатор М. П. Гагарин, а другую ему все же удалось переслать в Москву, где ее после многих приключений приобрел у вдовы одного шведского офицера Петр Миллер. По возвращении в 1721 г. в Москву Страленберг выкупил эту карту у Миллера, а затем, вернувшись в Швецию и основательно ее доработав, издал в 1730 г. Таким образом, у Миллера не осталось никакой карты Страленберга и, следовательно, он лишен был возможности выдать страленберговскую карту за свою. Что же касается второй карты Сибири,

составленной Страленбергом и отнятой Гагариным, то, как утверждал сам шведский офицер, она попала в руки Петра I и была издана за границей. Страленберг считал, что эта его карта была издана в приложении к «Истории генеалогии Татар»¹⁴, вышедшей в Лейдене в 1726 г., и в 1727 г. в приложении к «Сборнику путешествий на Север»¹⁵.

Однако сличение указанных Страленбергом карт с картой Сибири Петра Миллера показывает, что между ними нет ничего общего. Карты Страленберга скорее напоминают самые общие наброски господствовавших в те годы представлений об Азии, тогда как миллеровская карта, содержащая 276 географических названий, особенно частых на морском побережье, является одним из самых подробных картографических произведений, посвященных северо-восточной Азии. К тому же карта Миллера не имеет градусной сетки и этим скорее напоминает русские чертежи XVII в., тогда как карты Страленберга 1730, 1726 и 1727 гг. положены на градусную сетку. И еще одно обстоятельство: уже после появления в 1730 г. последней, обобщающей картографической работы Страленберга о Сибири И. Н. Делиль еще более настойчиво просил И. К. Кирилова прислать ему карту Сибири П. Миллера, т. е. современники, знавшие и карту П. Миллера и карты Ф. Страленберга, не ставили между ними знака равенства. Таким образом, отпадает подозрение в том, что московский купец мог считать чужое произведение своим.

Что представлял собой автор «Генеральной карты расселения народов Северной Азии»? Это был образованный для своего времени человек, крупный сибирский торговец, владелец тульских железоделательных заводов, унаследованных им от отца Вахрамея Миллера, прибывшего в Москву еще в середине XVII в. и занимавшегося вместе с Акемой организацией железоделательного производства в России. По мнению академика Ж. Н. Делиля, Петр Миллер был образованнейшим географом, «изъездил всю Азию». В молодой Российской Академии наук он сделал несколько докладов о нумизматике и картографии, оставив о себе самые лестные отзывы.

Создание карты расселения народов Северной Азии совпало с одним важным для Петра Миллера событием: он был командирован Петром I, его крестным, в экспедицию в устье Оби или Енисея с целью выяснить возможность морского прохода на Камчатку. Об этой экспедиции в 1721 г. писал французский посол в Петербурге Кампредон¹⁶. По мнению А. И. Андреева, в состав этой необычной экспедиции вошел геодезист Петр Чичагов¹⁷. Теперь выяснилось, что в конце 10-х — начале 20-х годов XVIII в. в России существовал общегосударственный план исследований северных побережий и островов для выяснения возможности морского сообщения между европейскими владениями России и Камчаткой. С этой целью на арктические побережья и острова были направлены небольшие группы исследователей, а затем предпо-

лагалось послать на Чукотку и в Берингов пролив большую научную экспедицию, проект которой разработал сам Петр I. Эту экспедицию уже после смерти Петра I возглавил Витус Беринг.

Известно, что в 1712 г. из Архангельска к о-ву Белому был направлен корабль для выяснения условий плавания. Плавание судна завершилось успешно¹⁸. Увенчалась успехом и сухопутная экспедиция Петра Чичагова, занимавшаяся съемкой и картированием морского побережья между Енисеем и Пясиной. В 1724—1725 гг. на основе собранных материалов этот выдающийся геодезист (недавно его именем был назван берег между Диксоном и устьем Пясины) составил превосходную карту, также оказавшуюся в Национальной библиотеке Франции¹⁹. Несколько скромнее оказались результаты санных походов от устья Яны, Индигирки и Колымы на морские острова.

Что касается Петра Миллера, то в задачи его входили сбор материалов, главным образом старинных карт-чертежей землепроходцев, как в Сибирском приказе, так и в самой Сибири, а также составление большой сводной карты. Вполне понятно, что Миллера особенно интересовали изображения Новой Земли. Как мне удалось выяснить, в руках его оказался известный лишь из отписки царю Алексею Михайловичу чертеж служб Михаила Стадухина, датированный не позже 1659 г.²⁰ Михаил Стадухин особенно интересовался Новой Землей и высказал по этому поводу свою точку зрения, являвшуюся также и точкой зрения казаков и промышленных людей, собравшихся к 1645 г. в Нижнеколымске. Среди этих казаков, как известно, паходился Семен Иванович Дежнев. Таким образом, Стадухин представил и сформулировал не только свою, но и, надо считать, общегеографическую русскую точку зрения о простирации Новой Земли вдоль азиатского побережья.

Интересны обстоятельства возникновение вопроса о Новой Земле, горячо обсуждавшегося в середине XVII в. на далекой Колыме. Он возник в связи с открытием морского острова, лежащего против устья р. Чукочьей, расположенной в районе р. Колымы. И хотя, как видно из документов, речь шла о сравнительно небольшом прибрежном острове, очевидно, о-ве Четырехстолбовом (Медвежьи о-ва), открытие его всколыхнуло служилое и промысловое население Якутского воеводства. Ведь тогда речь шла не столько о небольшом морском острове, сколько о географическом положении всей островной группы, расположенной на северо-востоке Азии, о том, что эта островная группа, согласно господствовавшему в те времена представлению, включалась в понятие Новой Земли, простираение которой к востоку беспокоило мореходов, так как все еще было не ясно, соединена ли она с материком или открывает мореходам путь в Тихий океан. В этом и заключалась суть вопроса. Здесь стоит напомнить содержание «распросных речей» Михаила Стадухина, составленных в присутствии воеводы Василия Пушкина Якутской приказной избой.

Ссылаясь на колымскую жительницу Калибу, Стадухин заявил: «...А на острове, который в море идучи х той Колыме реке судами на левой руке, а учнет тот остров объявливатца в море, от матерой земли в виде на левой руке, идучи из Лены, от Святого Носу, а к Яне реке и от Яны к Собачьей, а Индигирка тож, и от Индигирки х Колыме реке идучи, и гораздо тот остров в виду, и горы снежные и пади, и ручьи знатны все». Окончив описание нового морского острова, от себя и своих товарищей по службе в Нижнеколымске мореход добавил: «Тот остров — Камень в море пояс. Они (казаки.— *М. Б.*) и промышленные люди смечают (понимают.— *М. Б.*), все то один идет, что ходят с Поморья, с Мезени на Новую Землю. И против Енисейского, и Тазовского, И Ленского устья тот Камень тож все одна, что пазывают Новою Землею»²¹.

Такова первая редакция русской гипотезы о Новой Земле, высказанная географом-практиком. Но она еще не была завершённой, так как Стадухин в 1645 г. не мог сказать, насколько далеко к востоку простирается арктический архипелаг.

Предстояли новые походы к востоку от р. Колымы и, следовательно, окончательное решение вопроса откладывалось на будущее.

Речь о новых экспедициях, в том числе и на новые реки и Новую Землю, зашла тотчас же, как только Стадухин прибыл в Якутск с сообщением об открытии морского острова против устья р. Чукочей. Якутский воевода Василий Пушкин весной 1646 г. приказал срочно организовать большую экспедицию, во главе которой поставил известного морехода Ивана Ерастова²². По ряду причин эта экспедиция не отправилась в путь. Через год разрешение организовать экспедицию на р. Погычу, как потом выяснилось р. Анадырь, а также на Новую Землю получил Михаил Стадухин. Согласно наказной памяти, ему подлежало послать казаков «па тот остров, что в море против Погычи реки — Новая Земля»²³.

Стадухинская экспедиция вышла в путь летом 1647 г., но продвигалась по Колыме медленно. Тем временем в Нижнеколымске Семён Дежнев и Федот Алексеев снарядили на р. Анадырь на семи кочах экспедицию, в состав которой вошло девяносто торговых и промышленных людей. В сентябре они прибыли к самому крайнему восточному мысу Азии, встретив в проливе морские острова, населенные «зубатыми чукчами». Возможно, участники экспедиции, как полагают, с гористого мыса видели берег Аляски, и, конечно, у них не было сомнений в том, что к востоку от их маршрута лежит Новая Земля.

Таким образом, поход Дежнева увенчался в части выяснения вопроса о Новой Земле новыми данными, позволившими русским землеописателям в середине XVII в. составить вторую и более четкую редакцию географического представления о Новой Земле как гигантском острове, простертом вдоль северного побережья

Азии, включая сюда и п-ов Аляску. Эта вторая редакция была сформулирована в «Описании чего ради невозможно от Архангельского города морем приходити в Китайское государство». «Есть же пролива морская,— писал безымянный московский землеописатель,— именуемая Акиан, которую есть ли б могли проплывати, мощно бы им (мореплавателям.— М. Б.) было в Китай и во Индию пройти; однако ж как то ледяное море, яко и Новую Землю, никто не может проведати: пролива ли есть или море и Новая Земля — остров ли есть или твердая земля соединена с Америкой, се есть с Новым Светом, заше многие землеописатели чают, что Новая Земля соединяется с Свверною Америкою»²⁴.

Именно такая географическая ситуация и показана на карте Петра Миллера, включившей в себя чертеж служб Михаила Стадухина. Об этом свидетельствуют детали похода Михаила Стадухина в 1649 г. вдоль Чукотского побережья. Только Стадухину было известно, где именно на этом побережье он встретил коряков, которые сказали ему, что в прошлом году на семи кочах у них побывали Семен Дежнев и Герасим Анкудинов и что впереди лежит Камень-Утес, конца которого они не знают. На карте Петра Миллера показано это место встречи Стадухина с коряками, а также гористый полуостров, который не завершен на востоке, но и не соединен с Новой Землей. Между ним и этой землей изображен пролив, соединяющий арктические воды с водами Анадырского моря.

Стадухин не нашел р. Погычи и не встретил Новой Земли. Почти ни с чем он вернулся от кочевий коряков на Колыму.

Известен еще один случай снаряжения экспедиции на Новую Землю под флагом поисков морских лежбищ моржей. Эта экспедиция была снаряжена якутским воеводой Дмитрием Фраисбековым, предоставившим ей солидную по тому времени сумму — 3000 руб., и возглавлялась товарищем Михаила Стадухина Юрием Селиверстовым²⁵.

Изучение документов Якутской приказной избы показало, что организаторы экспедиции имели тайные цели пройти восточнее р. Колымы и достичь Новой Земли, что равносильно было путешествию к берегам Аляски. Этот тайный смысл экспедиции раскрылся совершенно случайно в связи с жалобой Селиверстова на некоего Гаврилу Алексева, включенного в состав экспедиции потому, что «...к Новой Земле мнозие пути знает»²⁶. Побег Гаврилы Алексева из Нижнеколымска, куда прибыли суда Селиверстова, расстроил весь замысел. Морской поход к востоку от Колымы был отменен, а Селиверстов, персядя через Алюйский хребет по сухопутью, прибыл в Анадырский острог к Дежневу, где пытался доказать, что он и Стадухин в 1649 г. во время путешествия от устья Колымы на восток прошли в Анадырское море и открыли лежбище моржей. Это была явная ложь, потому что только Дежнев с товарищами ходили за Камень-Утес, за Большой Каменный Нос, как назвал самый восточный мыс Азии Дежнев.

Такова была историческая обстановка, в которой утвердился взгляд о Новой Земле, простиравшейся над всем побережьем Северовосточной Азии, включившей в себя какую-то часть Аляски, во всяком случае, острова Берингова пролива. Итак, по всеобщему представлению того времени, в близком соседстве с Евразийским материком находилась большая островная суша, пересеченная горами, реками, оврагами и ущельями.

Трудно назвать время, когда русская география перестала принимать в расчет гипотезу о гигантской Новой Земле. Конечно, этот процесс протекал постепенно по мере накопления географических знаний об островной части евразийского континента. На карте Ф. Страленберга 1730 г. уже не существовало единой Новой Земли; она распалась на три части: собственно Новую Землю, соединенную на востоке с Таймырским полуостровом, большую островную сушу, расположенную против рек Индигирки и Колымы, и серпообразную островную сушу, развернутую с юга на север в Ападырском море. Но это был всего лишь один из вариантов гипотезы, которую представил на своей карте Петр Миллер.

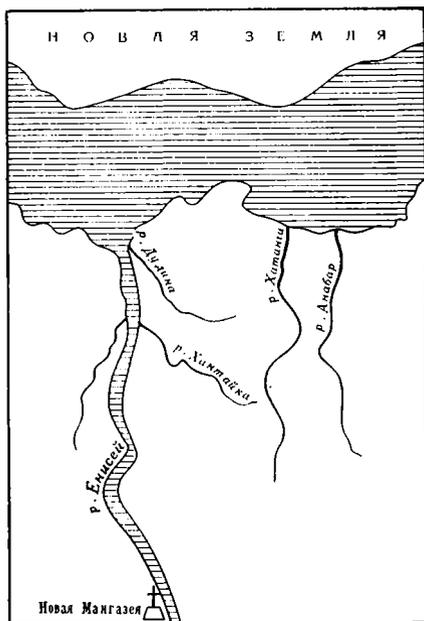
Во второй половине XVIII в. в связи с походами казаков и промышленников на север до морей Лаптевых, Восточно-Сибирского и Чукотского снова оживились reminiscences о Новой Земле, теперь уже в более настойчивой форме. Речь шла о какой-то большой арктической суше, в высоких широтах соединенной с Северной Америкой. В таких условиях на развалинах гипотезы о фантастической Новой Земле расцвело, по крайней мере, еще четыре новых мифа: о Земле Санникова, О Земле Андреева, о земле к северу от Колочинской губы и Большой Земле против самого восточного мыса Чукотки. В XVIII—XIX вв. в поисках этих земель были открыты Новосибирские острова и острова Делонга, Медвежьих острова и остров Врангеля, а на месте Большой Земли оказалась Аляска. Миф о Новой Земле, точнее, о какой-то островной суше, соединенной с Северной Америкой, дожил до второй половины XIX в., когда, казалось бы, сама Новая Земля была уже исследована и положена на карту. Свидетельством этому является утверждение шведского географа А. Е. Норденшельда, что к северу от Новосибирских островов должна находиться суша, соединенная где-то в Арктике с Северной Америкой.

Установление факта существования географической гипотезы о гигантской Новой Земле, по существу включившей в себя все острова, открытые русскими вдоль побережья Евразии, позволяет по-новому подойти к изучению географических сочинений XVI—XVII вв., в которых встречается упоминание о Новой Земле и путешествиях туда со стороны материка. К их числу надо отнести сочинение голландского географа и этнографа Сибири Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»²⁷. Во второй части своей обширной книги он посвятил Новой Земле отдельную часть

(стр. 897—933). Кроме того, отдельные и весьма ценные известия о русских путешествиях в сторону Новой Земли встречаются по всей книге, среди которых даются и дословные переложения русских текстов. Приведем лишь два таких случая о плаваниях русских на Новую Землю. Они уже издапы в нашей печати и прокомментированы В. Ю. Визе²⁸.

Первый случай — это сообщение о путешествии из устья Лены на Новую Землю, причем Витсен полагает, что русские хотели совершить плавание на Печору или в Архангельск. Конечно, такого положения не могло быть, потому что русские отлично знали трудности самого плавания во льдах Северного Ледовитого океана. Но сообщение о походе на Новую Землю может быть понято в другом плане: русские промышленники хотели пройти на один из архипелагов, расположенный к западу от устья р. Лены. Им мог быть архипелаг Северная Земля. Витсен пишет, что путешественникам пришлось зазимовать на Новой Земле; четверо из них выжили, а остальные погибли. О плавании промышленников к проливу Вилькицкого стало известно в связи с находками русской экспедиции, погибшей в заливе Симса и на островах Фаддея²⁹.

Следовательно, промышленники могли ставить перед собой реальную цель — пройти из Лены на Енисей и оттуда по Мангазейскому морскому ходу на Печору и в Архангельск. Если понимать Витсена именно так, то под Новой Землей русские имели в виду в данном случае Северную Землю, суровость климата которой хорошо известна. Первые путешественники на Северную Землю, очевидно, и избрали местом своей зимовки этот архипелаг³⁰. О том, что Северная Земля в XVII в. под именем Новой Земли была уже известна, показывает фрагмент (рис. 2) карты Сибири Петра Миллера. Подлинный источник ее не вполне ясен. Возможно, это была карта Петра Чичагова, упомянутая выше. Впервые в реальных очертаниях показан Таймырский полуостров, над северной частью которого нависает Новая Земля.

Фрагмент Генеральной карты расселения народов Северной Азии

Второй случай — это сообщение Витсена о том, что русские посещают местность, называемую Собачья, т. е. Индигирский край, и что оттуда они ходят на Новую Землю, чтобы добывать моржовые клыки. Этот остров Витсен называет Новой Землей. На южных островах Новосибирского архипелага русские побывали в XVII в., и поэтому нет ничего удивительного в том, что известие о русских походах на эти острова, включенное, согласно гипотезе о Новой Земле, в состав ее, вполне правдоподобно. Кстати, ценность этого известия заключается еще и в том, что русские в XVII в. приступили к освоению природных богатств архипелага.

Таков новый комментарий к русским текстам книги Витсена в свете гипотезы о гигантской Новой Земле XVI—XVIII вв.

¹ *Nordenskiöld A. E.* Facsimile-Atlas. Stockholm, 1889, Tab. 47.

² *Speculum orbis terrarum.* Antwerp, 1593.

³ *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей. Иркутск: Крайгиз, 1941, с. 430—431.

⁴ *Hebchard J. F.* Het leven Mr. N. C. Witsen (1641—1717). Utrecht, 1882, p. 248—249.

⁵ *Кордр В. А.* Материалы по истории русской картографии. Киев: Тип. Кульженко, 1906, № XXI.

⁶ *Atlas Delisle-Buach.* Stats-bill. Bd. 512, N 71.

⁷ *Сидоров К. В.* Новая Земля на картах XVII в.—Летопись Севера, 1957, II, с. 116.

⁸ Атлас географических открытий в Сибири и северо-западной Америке. XVII—XVIII вв./Под ред. и с введением чл.-кор. АН СССР А. В. Ефимова. М.: Наука, 1964, № 5 (далее указывается только номер карты атласа).

⁹ *Андреев А. И.* Очерки по источниковедению Сибири, вып. II. XVIII в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1965, с. 22—23.

¹⁰ *Новаялянская М. Г.* Филипп Страленберг. М.; Л.: Наука, 1966, с. 43—46, 64.

¹¹ *Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle.* Sa biographie et sa collection de cartes géographiques.—Bulletin de la section de géographie (Paris), 1915, t. XXX, N 82, 120.

¹² *Свенске К. Ф.* Материалы для истории составления атласа Российской империи. СПб.: Тип. Акад. наук, 1866, с. 86, 96, 161.

¹³ *Новаялянская М. Г.* Филипп Страленберг, с. 64.

¹⁴ *Abulgasi-bayadur Chan.* Histoire généalogique des Tatars, par D. A. Leyde, 1726.

¹⁵ *Recueil de voyages au Nord.* Amsterdam, 1727, VIII.

¹⁶ Русская историческая библиотека. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1873, с. 422—423.

¹⁷ *Андреев А. И.* Очерки..., с. 24—25.

¹⁸ *Белов М. И.* История открытия и освоения Северного морского пути. М.; Л.: Морской транспорт, т. I, 1956, с. 237.

¹⁹ *Isnard A. Joseph-Nicolas Delisle.* Catalogues, N 159, p. 115.

²⁰ *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. М.: Мысль, 1973, с. 94—95.

²¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. док./Сост. М. И. Белов. Л.; М.: Главсевморпуть, 1952, с. 59—60.

²² *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева, с. 85.

²³ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, с. 65.

²⁴ *Ефимов А. В.* Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971, с. 99.

²⁵ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах, с. 35.

²⁶ Чтения в Обществе истории и древностей Российских, 1893, кн. 4.

- ²⁷ *Witsen N. Noord en Oost Tartarye. Part II. Amsterdam, 1705.*
- ²⁸ *Buze B. Ю. Новые сведения о русском арктическом мореплавании в XVII веке.— Летопись Севера, 1949, с. 78—93.*
- ²⁹ Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. М.: Главсевморпуть, 1951.
- ³⁰ Вряд ли можно согласиться с мнением В. А. Троицкого о том, что Витсен под Новой Землей имел в виду побережье Восточного Таймыра (*Троицкий В. А. Новые находки на острове Фаддея.— Известия ВГО, 1973, т. 105, № 1, с. 66.* Русские, как показано было, под Новой Землей имели в виду не материк, а крупные морские острова.

Р. Г. Ляпунова

ЗАПИСКИ ИЕРОМОНАХА ГЕДЕОНА (1803—1807) — ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ РУССКОЙ АМЕРИКИ *

Записки иеромонаха Александро-Невской лавры Гедеопа о первом русском кругосветном плавании, о Русской Америке тех лет, об эскимосах о-ва Кадьяк и об организации училища на Кадьяке для детей коренного населения Русской Америки (эскимосов, алеутов, индейцев) заслуживают, как представляется, более пристального внимания историков и этнографов.

Гедеоп был направлен Синодом в Русскую Америку «для обозрения повокрещенных в американских российских заведениях христиан», как значится в приводимых ниже документах Синода. Для достижения Русской Америки Гедеоп был включен в число участников первой русской кругосветной экспедиции, при которой исполнял обязанности священника. Кругосветное плавание он совершал на шлюпе «Нева», которым командовал Ю. Ф. Лисянский. На втором судне этой экспедиции — «Надежда», командиром которого был И. Ф. Крузенштерн, направлялся с посольством в Японию один из учредителей Российско-Американской компании и ее «протектор» Н. П. Резанов, который после Японии посетил Русскую Америку.

Нам известны два варианта записок Гедеопа. Оба они оформлены в виде допесения члену Синода митрополиту Амвросию, написанного Гедеоном по возвращении из Русской Америки и Сибири в Петербург в 1809 г. Представленный Синоду вариант допесения хранится в фонде Синода ЦГИА СССР¹ и никогда не

* Руководству А. В. Ефимова автор обязан обращению к таким важным для изучения истории и этнографии коренного населения Аляски источникам, какими являются архивные документы. Именно при обследовании по заданию Алексея Владимировича в 1960 г. фонда Синода ЦГИА СССР автору удалось обнаружить материалы, положенные в основу данной статьи.

публиковался. Второй вариант донесения, по-видимому, черновой, был обнаружен в библиотеке Валаамского монастыря и опубликован в 1894 г. в качестве одного из приложений к книге «Очерк из истории американской православной духовной миссии (Кадьякская миссия 1794—1834 гг.)». Издание Валаамского монастыря к столетнему юбилею православия в Америке (1794—1894)». В 1900 г. эта книга, уже под названием «Валаамские миссионеры в Америке», вышла в новом издании Валаамского монастыря, но без текстологических изменений. Краткое изложение этого варианта донесения появилось в журнале «Православный вестник» за 1894 г.²

Публикация донесения Гедеопа в двух изданиях Валаамского монастыря осталась малоизвестной. Сравнение ее с обнаруженным нами в фонде Синода другим вариантом донесения показало, что содержание их не идентично.

Донесение из фонда Синода включено в обширное дело (из 385 листов формата 22×32 см), где оно занимает листы 27—83 с оборотами. Текст донесения сплошной, но по содержанию оно может быть подразделено на следующие части.

1. Описание путешествия от Кронштадта до о-ва Кадьяк — л. 28—39 об.

2. Описание о-ва Кадьяк и этнографические сведения о его коренном населении — л. 40—54.

3. Описание деятельности Гедеопа на Кадьяке. В текст этой части включены копии переписки Гедеопа с Н. П. Резановым и А. А. Барановым и паставление Гедеопа отцу Герману, оставленное при отъезде Гедеопа из Америки — л. 54—69 об.

4. Описание путешествия Гедеопа от Кадьяка до Иркутска — л. 69—83 об.

Кроме того, дело в целом включает в себя документы, связанные с поездкой Гедеопа в Русскую Америку (оформление, переписка, счета по оплате содержания и т. п.), а также документы о духовной миссии на Аляске. Содержит оно и более поздние материалы (до 60-х годов XIX в.) по переговорам Главного правления компании с Синодом о церквях в русских владениях в Америке³. Этим обстоятельством значение дела в целом как исторического источника значительно увеличивается⁴. Но в данном сообщении мы остановимся лишь на донесении Гедеопа.

В публикации донесения по варианту из библиотеки Валаамского монастыря описание кругосветного путешествия, обозначенное нами в синодском варианте частью 1-й, опущено, хотя оно, судя по упоминавшемуся обзору в журнале «Православный вестник», имелось и в этом варианте донесения. Публикация начинается с части, обозначенной нами в синодском варианте частью 2-й (описание о-ва Кадьяк и этнографические сведения о его коренном населении). Эти части в обоих вариантах донесения почти совпадают. Но далее в публикации идет отсутствующий в синодском варианте раздел, содержащий подробную характеристику

многих сторон жизни Русской Америки. Так, описано положение каюров⁵ компании. Дана характеристика промысловых партий, составляемых из местного населения: «бобровых», «птичьих», «еврашечьих», «китовых». Далее приводятся письма Гедеона правителю Кадыяка И. И. Баннеру, в которых Гедеон пытается защищать алеутов от чрезмерного притеснения работниками компании; три письма Гедеона из Америки митрополиту Амвросию, где он подробно останавливается на положении коренных жителей, критикует действия компании и ее служителей, описывает крайне тяжелое положение духовенства в Америке, плачевное состояние церкви в Павловской гавани на Кадыяке. Следующий затем текст донесения в публикации опять совпадает с обозначенной нами 3-й частью в синодском варианте (описание деятельности Гедеона на Кадыяке). И эта часть в публикации является последней. Описание путешествия Гедеона от Кадыяка до Иркутска (т. е. часть 4-я в синодском варианте) также опущено в публикации.

В упомянутых книгах, где приводится донесение Гедеона, и в статье в «Православном вестнике» сведений о самом Гедеоне почти нет. Более того, даже отмечается, что авторы не располагают ими. Лишь в статье А. Львова «Краткие исторические сведения об учреждении в Северной Америке православной миссии, об основании Кадыякской епархии и деятельности там первых миссионеров» (1894 г.)⁶, основанной на архивных документах Синода, дается краткая характеристика деятельности Гедеона в Америке и приводятся некоторые биографические сведения (но фамилия Гедеона не указана).

В литературе по первому русскому кругосветному путешествию и Русской Америке информация о Гедеоне весьма незначительна. В сочинении Ю. Ф. Лисянского мы встречаем имя Гедеона только в списках экипажа шлюпа «Нева»⁷. И. Ф. Крузенштерн не упоминает Гедеона. В записках же приказчика Российско-Американской компании Н. И. Коробицына, участника плавания на «Неве», несколько раз говорится об отправлении Гедеоном службы во время плавания. Коробицын называет Гедеона «иеромонахом посольской свиты». Далее Коробицын пишет, что Гедеон остался на Кадыяке при находящейся там духовной миссии настоятелем, провел перепись «алеутов» на Кадыяке. И, наконец, что «Гедеон, по предписанию... Резанова, для просвещения тамошних народов занялся учением детей алеутских...»⁸

В обширном труде П. Тихменева, посвященном Российско-Американской компании, имя Гедеона не упоминается, а организация училища на Кадыяке и составление словаря «американцев» относятся к деяниям одного Резанова. Тихменев основывался при этом, по-видимому, на приводимом в Приложении ко 2-й части его труда письме Резанова директорам компании из Ново-Архангельска (о-в Ситха) **. В этом письме Резанов касается во-

** Совр. о-в. Баранова.

проса об училище в колониях и о духовенстве, но лишь бегло упоминает о Гедеоне. Так, он пишет о себе, что три недели пробыл на Кадыяке, рассказывает, как привлекал детей «американцев» в училище, «распекал» монахов «колейно» и в присутствии отца Гедеона. (И это все, что он пишет о Гедеоне.) Далее Резанов пишет: «Поручил я дирекцию над училищем» отцу Нектарию, «стыдил, что не знают они (т. е. священнослужители.— *Р. Л.*) американского языка (по сие время... Поручил им собирать словарь... но как всякое дело [им] медведем кажется, то между тем приступил я сам к сочинению словаря сего...»⁹ Остается непонятным, почему Резанов в этом письме пишет о поручении «дирекции» над училищем отцу Нектарию, а не Гедеону, тогда как за пять месяцев до приезда Резанова на Кадыяк, как мы увидим ниже из документов, Гедеон организовал училище, исполнял обязанности его директора и обучал детей кадыякцев. Продолжал он директорскую и учительскую деятельность при училище и после отъезда Резанова с Кадыяка. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и письма самого Резанова, на которых мы остановимся позже.

В работе С. Б. Окуня «Российско-Американская компания» Гедеон не упоминается.

С. Г. Федорова справедливо указывает на заслуги миссионеров в деле просвещения коренного населения как на положительную сторону деятельности русской православной церкви на Аляске. Но, основываясь, по-видимому, на труде Тихменева, пишет в данном случае об организации училища на Кадыяке Резановым, а о Гедеоне вообще не упоминает¹⁰.

О личности Гедеона нам удалось собрать в опубликованных и в архивных материалах следующие сведения.

В фонде Синода ЦГИА СССР в деле «...о возложении на назначенного в американские заведения иеромонаха Гедеона креста»¹¹ имеется послужной список Гедеона. Там значится, что Гедеон — сын орловского священника, мирское имя его — Гавриил, 33 лет (т. е., по всей вероятности, 1770 г. рождения.— *Р. Л.*), с 1785 г. обучался в Севской семинарии латинскому языку, грамматике и поэзии, а с 1790 г. в Белоградской *** семинарии — французскому языку, логике, риторике, географии, истории, арифметике, физике, геометрии, философии и богословию. С 1797 г. определен при Белоградской семинарии учителем французского языка, с 1799 г. учителем риторики и философии, с 1800 г. преподавал риторический класс высшего разряда», а с 1802 г. определен также учителем математики.

В книге С. Г. Рункевича «Александро-Невская лавра»¹² читаем, что иеромонах Гедеон (здесь, наконец, приводится и его фамилия — Федотов) был «истребован в 1803 г. митрополитом Амвросием от «Преосвященного Курского» и назначен учителем Алек-

*** Т. е. Белгородской (Курской губ.).

сандро-Невской лавры и ее соборным иеромонахом. В этом же году отправлен Синодом в морскую экспедицию вокруг света «для обозрения новокрещенных в Российско-Американских заведениях христиан...». По возвращении из Америки в 1809 г. назначен (митрополитом Амвросием) наместником Александро-Невской лавры и архимандритом Троицкого Зеленецкого монастыря Петербургской епархии. После этого Гедеон был настоятелем Сквородского и Иверского монастырей, а затем ушел «на покой» в Конеvский монастырь и скончался в 1843 г. в Андрусовской Николаевской пустыни Олонецкой епархии.

Исходя из приведенных сведений видно, что Гедеон был весьма образованным человеком и ко времени его поездки в Америку — уже достаточно опытным педагогом. Кроме того, можно предполагать какое-то особое расположение и доверие к нему митрополита Амвросия, а затем и Н. П. Резанова, исполнителем замысла которого в Русской Америке и стал Гедеон. Здесь самым главным образом будет интересоваться деятельность по просвещению коренного населения, составлению словарей и грамматики, необходимых, по мнению Н. П. Резанова, не только для обучения «американцев» русскому языку, но и для обучения священников языку своей паствы¹³. Безусловно, возложенная Синодом на Гедеона обязанность по обследованию состояния кадьякской духовной миссии была связана с неблагоприятным тогда положением русской церкви на Аляске.

Духовная миссия на Кадьяке начала свою деятельность с августа 1794 г. В нее входили: архимандрит Иоасаф (Болотов), иеромонахи Ювеналий, Макарий и Афанасий, иеродьяконы Стефан и Нектарий, монахи Герман и Иоасаф. В 1797 г. архимандрит Иоасаф был отозван в Иркутск для посвящения в епископы с назначением на викариатство Иркутской епархии на Кадьяке. Но на обратном пути на Кадьяк он погиб вместе со всей свитой при крушении судна «Феникс» (в 1799 г.). Кадьякское викариатство было упразднено.

Однако причина неблагоприятия в миссии была не только в гибели судна с епископом и священнослужителями. Как пишет С. Б. Окунь, «при создании Российско-Американской компании Шелихов и его наследники всячески подчеркивали наличие неограниченных возможностей для распространения «веры христовой» в русских колониях в Америке. Но даже в начале своей деятельности духовная миссия столкнулась с противодействием приказчиков компании, а с получением привилегий компанией конфликты между духовенством и компанией усилились. Содержание духовенства дорого обходилось компании, к тому же оно зачастую служило помехой при осуществлении ею эксплуатации коренного населения»¹⁴. Духовенство в свою очередь давало поводы для многочисленных претензий компании. Так, Резанов отмечал в одном из своих писем косность духовенства, неспособность понять цели правительства и выгоды компании¹⁵.

Поручение Резановым Гедеону организации училища на Кадыяке (центре русских поселений в Америке до 1809 г.) также было связано с плохим состоянием школы для детей аборигенов. Она была основана на Кадыяке еще Г. И. Шелиховым в 1784—1786 гг. Функции учителей выполняли простые промышленники, мореходы и миссионеры. Но, как пишет П. А. Тихмеев об этом времени, «главный недостаток школы заключался в неимении в колонии лиц, способных к учительской обязанности»¹⁶.

Заслуги Гедеона как в деле организации училища на Кадыяке и обучения детей коренных жителей, так и в попытках примирить служителей компании с духовенством, отражены в аттестате, выданном А. А. Барановым Гедеону при отъезде последнего из колоний. Подлинник аттестата хранится в том же деле, где находится донесение Гедеона (л. 2), а копия его включена в текст этого донесения. Вот его содержание: «Достигнул он на Кадыяк на экспедицком следующем кругом света под начальством капитана и кавалера Юрия Федоровича Лисянского компанейском фрегате Нева в июне месяце 804 года, с которого времени по сие нижепоставленное число и находился при духовной миссии, быв упражняем священнослужением всегда, и при кадыяцком училище с марта месяца 805 года главным директором, где и паче явил свои способности, прилежность и усердие, как в установлении того, так и в образовании здешнего юношества, отличив также себя и нравственности благосклонным поведением, удаляясь всяких раздоров и несогласия. А близок был к примирению всякой посторонней случающейся вражды, во все продолжение бытия на Кадыяке. О том и засвидетельствуется сим. Дан мая 26 дня 807 года; а для большей вероятности и печать кадыяцкой конторы прилагается.— Правитель коллежский советник Баранов»¹⁷.

Остановимся теперь кратко на тексте донесения Гедеона из фонда Синода. Первые две страницы его занимают наставления митрополита Амвросия Гедеону по проверке состояния миссии на Кадыяке, благоустройстве ее и ревизии церквей на Камчатке.

Затем, как мы уже отмечали, идет часть, представляющая собой дневник плавания от Кронштадта до Кадыяка. Хотя мы уже имеем подобные описания других участников плавания¹⁸, а также участников более поздних кругосветных плаваний, заметки Гедеона представляют безусловный интерес, свидетельствуя о пытливом уме и наблюдательности автора. Здесь дается описание отправления из Кронштадта, пребывания в Копенгагене, на о-вах Тенерифа, Зеленого Мыса, Святой Екатерины, рассказывается о местности, людях, их образе жизни.

Далее Гедеон приводит копию письма, полученного им в это время от Резанова (который находился на шлюпе «Надежда»). Подлинник письма хранится в том же деле (л. 15—16). В письме (датированном 25 декабря 1803 г.) Резанов поручает Гедеону

взять на свое попечение кадьякскую школу и образовать из нее «правильное училище». Затем рекомендует по приезде на Кадьяк настойчиво проводить опыты по внедрению хлебопашества, огородничества, скотоводства. В конце Резанов пишет, что, полагая иметь Гедеона помощником в этих важных делах, он не находит нужным его возвращение в Россию с кораблем Лисянского, просит дожидаться его, Резанова, в Америке и окончить путешествие уже с ним.

На следующих страницах Гедеон рассказывает о посещении во время плавания о-ва Пасхи: о его природе, занятиях островитян, их внешнем виде. При этом он сравнивает свои впечатления с заметками Лаперуза и его спутников.

Далее Гедеон рассказывает об одном из Маркизских островов — Нукагиве, где судно простояло шесть дней, описывает жилища островитян, убранство их, говорит о посещении корабля островитянами, их поведении, внешнем виде, одежде и украшениях, о том, как делали татуировку, останавливается на войнах, которые ведут островитяне, дает довольно подробные сведения об общественном устройстве, о короле островитян (называя его Томи-Оми) и его семье. Последующее изложение впечатлений во время стоянки судна у о-ва Гаваи (Овага — у Гедеона) Сандвичевых (т. е. Гавайских) о-вов также свидетельствует о живом интересе Гедеона к культуре и быту островитян. Здесь он также описывает внешний вид жителей, одежду, некоторые обычаи (подробно останавливаясь на похоронных обрядах), брачные нормы, общественное устройство, праздничные церемонии.

С прибытием судна в Павловскую гавань на о-в Кадьяк (2 июля 1804 г.) начинается рассказ Гедеона о Русской Америке. Первые страницы носят характер дневника, затем уже дается этнографическое описание кадьякцев. Гедеон рассказывает о Павловской гавани, об окрестностях острова Кадьяк, постройках артельных селений (артелях Сапожникова в гавани Трех Святителей, Алитатской и Карлукской), занятиях обитателей, их промыслах и др.

Гедеон объездил многие места Кадьяка и прилегающих островов: Угак, Шалидак, Аяхталик, Ситхинок и Тугидок. Эти поездки имели миссионерские цели, но в то же время позволили Гедеону подробно ознакомиться с культурой и бытом эскимосов-конягмиутов, или, как их называли русские, конягов, жителей Кадьяка и прилегающих островов. В своей рукописи Гедеон употребляет бытовавшее в то время название коренного населения этих мест — «алеуты». «Алеутами», или «кадьякскими алеутами», русские называли конягов по сходству их внешнего облика и культуры с жителями Алеутских о-вов — алеутов. Следует отметить, что описания Гедеона основаны не на кратковременных наблюдениях, что очень важно для этнографических сведений. Гедеон пробыл на Кадьяке три года, все это время общался с местным населением, стараясь понять характер и нормы жизни

островитян, особенности их культуры. В донесении Гедеона есть такие строки: «Быв на всех алеутских жилах... всеми мерами старался проникнуть, вникать в прежние их предрассудки, кои неприметно раскрывая дружелюбными советами...» (л. 40 об.).

Интересно в связи с этой частью донесения Гедеона вспомнить материалы о Кадыяке Иоасафа (Болотова) «Краткие объяснения, сделанные соответственно записке, присланной от Святейшего правительствующего Синода об американском острове Кадыак... 1799 года мая 25 дня». В 1805 г. они были опубликованы под названием «Краткое описание об американском острове Кадыак» в октябрьском номере «Друга просвещения» с подлинника, хранящегося в архиве Синода¹⁹. Говоря об этнографических сведениях в труде Иоасафа (Болотова), необходимо отметить их более поверхностный, чем у Гедеона, характер, а кроме того, присутствие в них оттенка отношения к местным жителям, как к «дикарям». Описание Гедеона не только более конкретны и подробны, но и проникнуты уважением к особой культуре островитян, их человеческому достоинству, гуманностью. Характерно, например, в этом отношении описание Гедеоном празднеств кадыякцев, из которого видно, что он был как бы их участником, а не посторонним зрителем. Например, он пишет: «Во время их (женщин.— *Р. Л.*) плясок веселые старики разным образом стараются довести их до того, чтобы другие из них рассмеялись, для того, что, по их обыкновению, тот отец или муж непременно обязан платить штраф в пользу старых и бедных, чья дочь или жена хоть чуть улыбулась во время пляски. И мне отец подарил лафтак (выделанная шкура морского льва.— *Р. Л.*), а муж нерпичью кожу за нарушение дочерью и женою такового их древнего предания, а я отдал сии вещи в пользу бедных, за что получил от всех пресидящих старцев великую похвалу и благодарность» (л. 30).

Этнографическая часть донесения, посвященная кадыякам, довольно обширная, она изложена на 11 листах (с оборотами). Здесь подробно описаны жилища рядовых обитателей селений: конструкция, убранство. Характеризуются большие общественные жилища глав селений — кажимы, в которых проходили «игрушки» (обряды-празднества). Обстоятельно излагается статус вождей (тойонов, как называли их русские, употребляя якутский термин): наследственность их власти, обычаи, сопровождавшие передачу этой должности, и т. д. Описываются воинское снаряжение кадыякцев, подробности церемониала перед отправлением в военный поход, войны, которые вели до прихода русских кадыякцы (северные и западные жители против аляскинцев, а южные и восточные против кенайцев и чугачей). Особенно подробно рассказано об «игрушках». Эти обряды-празднества островитяне устраивали обычно после окончания промыслового сезона и перед началом следующего, а также и в других случаях. Останавливается Гедеон и на обычаях, связанных с рождением, воспита-

нием детей, браком, а также смертью, говорит о болезнях и способах лечения их, перечисляет лечебные травы и корни, описывает способы лечения кровопусканием и др.

Характеризуя нормы поведения островитян, Гедеон отдает должное тем положительным правилам, которые существовали в их быту: помощь в нужде, «учтивость», отсутствие воровства и т. п., отмечает природный ум кадьякцев, остроумие и находчивость.

Подробно рассказывает Гедеон о морской охоте кадьякцев на бобров и китов, а также о способе охоты на нерп на берегу с помощью манщиков из шкур тюленей и особых деревянных головных уборов, сделанных в виде головы этих животных, которые надевали подкрадывающиеся к добыче охотники. Описана также ловля нерп сетями.

Характеризует Гедеон и торговый обмен, существовавший между кадьякцами и соседними племенами: эскимосами п-ова Аляски, эскимосами-чугачами, а также кенайцами (индейцами-атапасками побережья Кенайского залива).

Гедеон описывает физический тип островитян, традиционные украшения лица различными вставками и подвесками (из костяных и деревянных палочек, перламутровых пластинок, крупных бусин, бисера, янтаря), татуировкой. И, наконец, останавливается на преданиях о заселении этих островов, космогонических представлениях.

Следует отметить, что этнографическая часть донесения Гедеона (о конягах) тщательно изучается сейчас (по переводу текста донесения Гедеона из издания 1894 г.)²⁰ американскими и канадскими археологами, производящими раскопки на Кадьяке.

Следующая, 3-я часть донесения имеет особую форму. В ней представлены копии писем (Резанова к Гедеону и ответы последнего, Баранова к Гедеону и Гедеона к Баранову) и копия написания Гедеона отцу Герману, которые характеризуют деятельность Гедеона на Кадьяке. Отдельные пояснения вставляет Гедеон лишь для логической связи этого документального материала. Документы свидетельствуют об участии Гедеона в осуществлении некоторых замыслов Резанова по улучшению состояния колоний, о насущных проблемах духовной миссии в Русской Америке.

Об училище для кадьякцев Гедеон пишет следующее: «В марте 1805 года открыл кадьякское училище, разделив его на 2 класса. В первом 30-ть обучались словесному чтению и письму; во втором 20-ть катехизису и грамматике» (л. 54 об.). Далее сообщает: «Того же года (1805.— Р. Л.) июля 28 дня Кадьяк обрадован был приездом его превосходительства г. Резанова», а «15 августа Российско-Американское училище в числе 50 учеников имело удовольствие показать плоды свои на публичном экзамене в присутствии попечительного образователя Российско-Американских областей Николая Петровича Резанова и любезных

посетителей, как г. морских обер-офицеров и некоторой неизвестной духовной особы, равно Кадьякского новоучреждаемого гражданства почетных людей. Отличившиеся за прилежные успехи в науках и благопримерное поведение ученики награждены лично от щедрой его превосходительства руки» (л. 56).

Здесь же приводится копия письма Резанова (от 4 августа 1805 г.), касающегося устройства дел миссии, и ответ Гедеона. Следующее письмо Резанова (от 9 августа 1805 г.) содержало просьбу подробно сообщить ему о трудах миссионеров по части земледелия, на что Гедеон пишет обстоятельный ответ, где приводит опыты миссионеров в этой области с 1795 г.

20 августа 1805 г. Резанов отправился с Кадьяка в Ново-Архангельск (на о. Ситха), откуда Гедеон получил от него 29 сентября того же года письмо с наказом отложить поездку в Ново-Архангельск, «ибо для проповеди слова божия нет еще возможности из-за немирных отношений с туземцами». Здесь же Резанов просит Гедеона уделять особое внимание школе, «которая столь же близка моему попечению», и «внушать повиновение к начальству американцам, чтоб безропотно исполняли повинности их, доколь не улучшим мы края сего, ибо иначе все может разрушиться...» 24 октября Гедеон получил еще одно письмо от Резанова из Ново-Архангельска (от 4 октября), в котором последний пишет, что нуждается в Гедеоне для совершения секретной экспедиции и потому предлагает ему прибыть на байдарках из Павловской гавани в гавань Трех Святителей (на Кадьяке же), куда должен подойти для следования далее к Ситхе лейтенант Хвостов на судне «Юнона». По-видимому, Резанов хотел взять с собой Гедеона в плавание к берегам Калифорнии. В апреле 1806 г. Гедеон ответил ему письмом, в котором описывает бедствия, помешавшие прибыть ему в Ситху: Гедеон, по настоянию правителя Кадьяка Баннера, отправился 26 октября 1805 г. в Ситху на судне «Елизавета», которое из-за плохой погоды не смогло подойти к Ситхе и 19 декабря разбилось у берегов Кадьяка. С большими трудностями Гедеон вернулся в Павловскую гавань на Кадьяке, где, несколько оправившись от «повреждения здоровья», опять приступил к делам миссии и училища.

Для характеристики деятельности Гедеона в последующее время в качестве директора училища интересны следующие строки донесения и приведенная в нем копия письма Баранова: «1807 года 21 апреля Российско-Американское училище сделало 2-й публичный экзамен в присутствии Главного правителя коллежского советника Александра Андреевича Баранова и иностранных морских г. капитанов и прочих посетителей. За успехи учеников правитель благодарил меня следующим письмом: «Ваше преодобие, милостивый государь, отец Гедеон! Во изъявлении моей признательности за положение начала образования здешних областей собранного в училище кадьякского юношества, руководством вашим впечатленные, приемля то с чувствами сердечными

тем наилучше, что в продолжении начальства моего устроится желаемое издавна к общему благу во славу отечества просвещение и благоустройство в здешних диких отдаленных, но единому скипетру принадлежащих пределах, честь имею служить от собственных избытков вашему преподобию 500 рублей и еще на тех первой статьи школьников, кои имеют способности во изучении преподаваемых от вас науках правил и могут других обучать тому, поколику сами достигли в сведениях...» (л. 59 об.— 60).

12 мая 1807 г. Гедеон уведомил письмом Баранова о своем решении возвратиться в Россию на пришедшем в Павловскую гавань судне «Ситха». Гедеон просит снабдить всем необходимым в путь его и двух его «больших» учеников (воспитанников училища, креолов по происхождению) — Прокопия Лаврова и Парамона Чумовицкого. Не получив согласия Баранова, 16 мая Гедеон вновь обращается к нему с письмом и просит отправить в Петербург для обучения своих воспитанников, ссылаясь на благоволение к этому Резанова и нужды края.

17 мая Гедеон уведомил письмом Главного правителя А. А. Баранова о передаче руководства миссией отцу Герману.

В следующем письме к Баранову (от 26 мая) Гедеон излагает мысли Н. П. Резанова о развитии края: «...его превосходительство просил меня искренне в отсутствии его напрягать умы всех к положенным им в основание трем началам: 1-е земледелию, 2-е просвещению и 3-е размножению народа, посредством которых мыслит он скорее облагодетельствовать край сей» (л. 62). В этом же письме Гедеон подробно рассказывает об училище, основанном в марте 1805 г. К 15 августа того же года число учащихся возросло до 50 человек, а после создания отряда «практического земледелия» оно увеличилось до 80 человек из представителей разных племен. В 1806 г. в училище было уже 100 учеников, среди них 15 «аманатов (заложников.— *Р. Л.*) колюжского народа» (т. е. индейцев-тлинкитов, или, как их называли русские, колюжей, гли колошей,— коренных обитателей о-ва Ситхи и его окрестностей), принявших «нашу греко-российскую православную веру». Подготовленные из воспитанников училища учителя, пишет Гедеон, «уже заступили свои места... Начат по особому его превосходительству предписанию быть собираем словарь под руководством переводчика (и воспитанника Гедеона.— *Р. Л.*) Парамона Чумовицкого, да и грамматике того ж языка основание положено, которого ученика, яко способнейшего к сим предметам, по совету Вашему, я оставляю здесь под особым надзиранием здешнего духовного начальника отца Германа». (Предполагая взять с собой сначала двух учеников, Гедеон в результате взял одного — Прокопия Лаврова, который обучался затем в Александро-Невской семинарии.) Гедеон просит Баранова поддерживать все эти начинания.

В письме от 27 мая 1907 г. Гедеон убеждает Баранова проявлять заботу о духовенстве миссии, следуя наказам Резанова. Он

просит дать подробный ответ для сообщения Синоду об обстоятельствах гибели судна «Феникс», на котором находился епископ Иоасаф со свитой.

Баранов в ответном письме сообщает все известные ему подробности о крушении судна.

11 июня, пишет далее Гедеон, отдано «начальствующему отцу Герману ... наставление». И далее Гедеон приводит текст этого наставления, где подробно излагает будущие обязанности отца Германа по делам духовной миссии (миссионерским и хозяйственным) и по училищу. О последнем он пишет: «С удовольствием поручаю особенному Вашего преподобия попечению заведенное мною Российско-Американское училище. В первом отделении дети должны обучаться чтению, письму и краткому катехизису; во втором — грамматике, арифметике, священной и светской истории и географии. Кроме наук, не забывайте предметы, относящиеся к хозяйственной части; занимайтесь вместо отдыха, как приуготовить огороды, садить и сеять овощи, полоть, собирать нужные травы, коренья... Установленный в училище порядок должен быть и впредь сохраняем; наставление тем от меня оставлено. Учителем признан Иван Кадьякский, товарищем его Христофор Прянишников и помощником при них Алексей Котельников. Парамону Чумовицкому при спомоществовании других вверено собиране словаря алеутского языка; он должен быть и переводчиком при вас. Также за отрядом учеников земледелия имейте должное смотрение и прилежание» (л. 69—69 об.).

11 июня судно «Ситха», на котором находились Гедеон и его ученик П. Лавров, вышло из Павловской гавани на Кадьяке. 22 июня оно подошло к о-ву Уналашке Алеутских островов. Здесь судно простояло неделю, в течение которой Гедеон выполнял свои миссионерские обязанности. 12 сентября «Ситха» стала на якорь в Петропавловской гавани на Камчатке, а 30 января 1808 г. Гедеон отправился из нее по зимнему пути вокруг Камчатки для осмотра церквей и знакомства с положением духовенства.

30 июня 1808 г. на компанейском судне «Мария» Гедеон отплыл в Охотск, откуда далее двинулся в Якутск, в который прибыл 26 сентября. В Якутске он посетил Якутский монастырь, школу, нашел их в полном запустении. 24 декабря Гедеон и его спутник прибыли в Иркутск. Здесь Гедеон осмотрел Вознесенский монастырь, затем направились в Петербург.

К донесению Гедеона прилагается: «1) Реестр ризницы и утвари, в американо-кадьякской церкви находящиеся, 2) Реестр книгам». Последний содержит 286 названий книг учебного, исторического, научного и духовного содержания.

Донесение Гедеона принадлежит к кругу интересных источников по первому русскому кругосветному плаванию, по истории и этнографии Русской Америки. Использовалось же оно в исторической и этнографической литературе пока явно недостаточно, хотя из него можно почерпнуть как любопытные исторические

сведения, так и интересные материалы по этнографии народов Океании и по этнографии эскимосов.

Отмеченные С. Г. Федоровой две противоречивые тенденции христианства в Русской Америке по данному источнику видны особенно ярко²¹. Гедеон, с одной стороны, направлял свои усилия к подчинению деятельности церкви интересам компании, а с другой — вел просветительскую работу среди коренных жителей Аляски. Заслуги Гедеона в последнем — несомненны. Он создал училище на Кадьяке, подготовил учителей для него из представителей местного населения (креолов), организовал и направил работу по подготовке словаря и грамматики языка его жителей. Определенную роль при этом, безусловно, играли и личные качества Гедеона. Будучи умным, просвещенным человеком, опытным педагогом, Гедеон смог найти в тех сложных условиях методы и средства для успешного решения задач, поставленных перед ним.

Деятельность Гедеона на Кадьяке осталась малоизвестной. Даже в последней работе американского исследователя Д. Л. Старра, специально посвященной школьному образованию, просвещению в Русской Америке, о Гедеоне сказано предельно скупо, а донесение его не значится в списке использованных источников²².

В связи с историей пребывания Гедеона на Кадьяке уместно вспомнить также миссионерскую и научную деятельность на Алеутских островах и в Русской Америке в целом И. Е. Вениаминова, впоследствии митрополита Московского и Коломенского. Деятельность его протекала спустя два десятилетия (в 1824—1838 гг.) и оставила яркий след в истории и этнографии Аляски. Заслуги Вениаминова в деле просвещения алеутов общепризнаны. Они тесно связаны и с его научными заслугами. Им были составлены грамматика и словарь алеутского языка, алеутский букварь (иными словами, алеутская письменность), сделаны переводы разных текстов на алеутский язык. Большую историческую и этнографическую ценность имеет фундаментальное описание им культуры алеутов, а также других народов северо-западной Америки²³. Вениаминов с большим успехом продолжил работу по просвещению коренного населения и изучению культуры и языка аборигенов Америки, к которым был причастен еще в самом начале XIX в. Гедеон.

Перечисленными здесь именами не ограничивается вклад миссионеров в дело изучения народов Аляски. Это наследие активно выявляется в наши дни и исследуется²⁴.

¹ «Святейшего Правительствующего Синода члену высокопросвященному Амвросию, митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому, Эстляндскому и Финляндскому, Свято-троицкия Александро-Невской лавры священно-Архимандриту и разных орденов кавалеру. Александро-Невские лавры соборного иеромонаха Гедеона Донесение.— 1809 года мая 4-го дня». ЦГИА СССР, ф. 796, 1809 г., оп. 90, д. 273, л. 27—83 об.

- ² Православный вестник, т. II, № 16, книжка вторая, август, 1894, с. 349—367.
- ³ С. Б. Окунь, останавливаясь на сложных отношениях Главного правления компании с Синодом по вопросу о духовной миссии в Америке, ссылается на одно из писем этого дела. См.: *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во 1939, с. 198.
- ⁴ ЦГИА СССР, ф. 796, 1809 г., оп. 90, д. 273, л. 385 об. «По предложению синодального члена преосвященного Амвросия митрополита Новгородского об Александро-Невской лавры собором иеромонахе Гедоне, отправленном с морской экспедицией Ю. Ф. Лисянского на «Неве» вокруг света для обозрения новокрещенных в Американских Российских заведениях христиан и евангелического у них учения и богослужения христианского».
- ⁵ Каюрами (сибирский термин) в Русской Америке называли самую бесправную категорию работников компании, составляемую главным образом из числа коренных жителей, находившихся прежде в рабстве у аборигенов Аляски, а также из жителей, уличенных компанией в каких-либо проступках.
- ⁶ *Львов А.* Краткие исторические сведения...— Церковные ведомости (издаваемые при святейшем Синоде), 1894, № 38 и 39.
- ⁷ *Лисянский Ю. Ф.* Путешествие вокруг света на корабле «Нева». М.: Географгиз, 1947, с. 36.
- ⁸ Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1944, с. 132, 177, 182.
- ⁹ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1861, ч. I, с. 139—142; 1863, ч. II. Приложения, с. 197, 205, 215.
- ¹⁰ *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971, с. 220.
- ¹¹ ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 84, д. 403, 1803 г., л. 1—3. «По предложенному Синодальным членом преосвященным митрополитом Новгородским письму, полученному им от министра коммерции графа Румянцева с прошением имянного высочайшего повеления о возложении на назначенного в американские заведения иеромонаха Гедона креста».
- ¹² *Рункевич С. Г.* Александро-Невская лавра. СПб., 1913, с. 839.
- ¹³ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. II, Приложения, с. 214.
- ¹⁴ *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания, с. 198 и след.
- ¹⁵ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. 2, Приложения, с. 214.
- ¹⁶ *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. I, с. 120.
- ¹⁷ Печать на подлиннике аттестата есть, но сохранилась плохо.
- ¹⁸ Краткий список литературы о первом русском кругосветном путешествии и список трудов участников этого плавания см.: *Невский В. В.* Первое путешествие россиян вокруг света. М.: Географгиз, 1951.
- ¹⁹ По данным А. Львова (см. сноски 6), подлинник «Объяснения...» Иоасафа (Болотова) хранится в архиве Синода в деле № 45 за 1793 г. С. Г. Федорова приводит другой вариант этой рукописи, хранящейся в архиве ЛОИИ АН СССР (ф. 113, д. 117). См.: *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 139, 218, 219, 238.
- ²⁰ *Clark Donald W.* (with section by F. A. Milan). Contributions to the Later Prehistory of Kodiak Island, Alaska. National Museum of Man, Mercury Series. Archaeological Survey of Canada, Paper N 20, Ottawa, 1974.
- ²¹ *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 238.
- ²² *Starr Lincoln J.* Education in Russian Alaska. Alaska State Library Historical Monographs, 1972, Juneau, N 2.
- ²³ *Веняминов И.* Записки об островах Уналашкского отдела. СПб.: Издано иждевением Российско-Американской компании в типографии им-

ператорской Российской Академии, 1840, т. I—III; *Он же*. Опыт грамматики алеутско-лисьевского языка. СПб.: Издано иждивением Российской-Американской компании в типографии императорской Российской Академии, 1846; Степанова М. В. И. Вениаминов как этнограф.— Труды Ин-та этнографии. Новая серия, 1947, т. 2, с. 294—315; *Окладников А. П.* От Анги до Уналашки: Удивительная судьба Ивана Попова.— Вопросы истории, 1976, № 6; *Бломквист Е. Э.* История изучения в России североамериканских языков. (Из архива МАЭ).— Сб. МАЭ. Л., 1975, т. XXXI.

²⁴ *Oswald Wendell (ed.)*. Eskimos and Indians of Western Alaska, 1861—1868. Extracts from the Diary of Father Illarion.— Anthropological Papers of the University of Alaska College, 1960, vol. 8, N 2, p. 101—118; *Townsend Joan B.* Journals of 19-th Century Russian Priests to the Tanaina: Cook Inlet, Alaska.— Arctic Anthropology. Madison, 1974, vol. XI, N 1, p. 1—30.

В 1977 г. в журнале «Арктик Антрополоджи» появилась статья Л. Т. Блэк с переводом выдержек об эскимосах о-ва Кадьяк из указанной публикации в журнале «Друг просвещения» Иосафа Болотова и из публикации донесения Гедеона в приложении к указанному изданию 1894 г. (*Black L. T.* The Konyag (The Inhabitants of the Island of Kodiak) by Iosaf [Bolotov] (1794—1799) and by Gideon (1804—1807).— Arctic Anthropology, 1977, vol. XIV, N 2, p. 79—108). Вводная часть к переводу выдержек из донесения Гедеона, касающихся эскимосов о-ва Кадьяк, не содержит биографических сведений о Гедеоне, кроме тех, что даются в издании 1894 г. Автор высоко оценивает оригинальные этнографические наблюдения Гедеона.

С. Г. Федорова

РУССКАЯ АМЕРИКА И ТОТЬМА В СУДЬБЕ ИВАНА КУСКОВА

Из 58 лет, прожитых Иваном Александровичем Кусковым (1765—1823), 31 год отдан был службе в Российских владениях в Америке. 21 год из них он провел на Аляске, 10 — в Калифорнии, где основал самое южное постоянное русское поселение на Североамериканском материке — крепость и селение Росс. За три месяца до своей кончины он возвратился из Америки к себе на родину в Тотьму, уездный город Вологодской губ. Так разделенные тысячами километров сухонский город Тотьма и Форт-Росс на тихоокеанском берегу Калифорнии навеки соединились в истории одной судьбы: в Тотьме Кусков родился и провел свои юные годы, сюда он вернулся, чтобы умереть на родине; крепость Росс была его созданием.

Первым биографом И. А. Кускова можно по праву назвать хорошо его знавшего К. Т. Хлебникова, правителя Ново-Архангельской конторы (с января 1818 по ноябрь 1832 г.). С И. А. Кусковым (в ту пору правителем крепости и селения Росс) К. Т. Хлебников встречался неоднократно во время своих морских походов из Ново-Архангельска в Калифорнию и Чили. И. А. Кускову уделено внимание в сочинениях К. Т. Хлебни-

кова. Имя Кускова не раз встречается также и в неопубликованных дневниках К. Т. Хлебникова, которые он вел во время плаваний в Калифорнию в 1820 и 1822 гг.¹

О встречах и беседах с И. А. Кусковым писали мореплаватели и служащие Российско-Американской компании, побывавшие в Русской Америке: Ю. Ф. Лисянский (сентябрь 1804 г.), Н. И. Коробицын (июль 1805 г.), В. М. Головин (август 1810 и сентябрь 1818 г.), О. Е. Коцебу (октябрь 1816 г.), Ф. П. Литке и Ф. Ф. Матюшкин (сентябрь 1818 г.) и др. Тот, кто знал И. А. Кускова на посту правителя крепости Росс (1812—1821), чаще всего отмечал его добросердечие и приветливость, хозяйственную сметливость, деятельную готовность оказать всемерную помощь русским мореплавателям. «Он такой человек,— писал о И. А. Кускове В. М. Головин в 1818 г.,— которому подобно едва ли компания имеет другого в службе; и если бы во всех ее селениях управляли такие же Кусковы, тогда бы доходы ее знатно увеличились, и она избежала бы многих нареканий, ныне директорами ее без причины претерпеваемых»².

Службе в Россе предшествовал аляскинский период, когда отчетливо проявились черты, свойственные И. А. Кускову уже в годы его молодости: смелость, находчивость, стремление к познанию мира и в то же время — властность и жесткость, о которых писал с Кадьяра в Валаамский монастырь в 1805 г. русский миссионер иеромонах Гедеон³.

Историки также не могли обойти вниманием И. А. Кускова. Его деятельности в Российских колониях в Америке отведено важное место в трудах В. А. Потехина, П. А. Тихменева, декабриста Д. И. Завалишина, а также американского историка Г. Бэнкрофта⁴; в работах советских исследователей А. В. Ефимова, С. Б. Окуня, Р. В. Макаровой, Н. Н. Болховитинова, С. Г. Федоровой; в работах американских историков XX в. Е. О. Эссига, А. Огден, К. Д. Дюфур, Ст. Р. Томпкинса, канадского географа и историка Дж. Гибсона, западногерманского историка Э. Фёлькля⁵ и др. И. А. Кускову посвящены страницы художественных произведений И. Кратта, С. Н. Маркова, А. Адамова; американских историков и писателей Г. Шевиньи и В. П. Петрова, историков А. Ф. Долгополова и Н. И. Рокитянского; можно также назвать научно-популярные работы А. И. Алексеева и В. Г. Загумённого⁶.

Однако первая работа биографического плана была написана спустя четверть века после смерти И. А. Кускова его земляком, известным вологодским краеведом Е. В. Кичиным в 1848 г. в «Вологодских губернских ведомостях». Ценность работы Е. В. Кичина была в том, что она написана современником И. А. Кускова (не беда, что в год смерти Кускова — 1823 — Евгению Васильевичу Кичину исполнилось лишь 5 лет), сумевшим использовать важные документальные материалы, оставшиеся в Тотье после кончины И. А. Кускова. Е. В. Кичин, по-ви-

димому, разыскал и опросил людей, которые знали и помнили И. А. Кускова. Эта статья служит пока единственным источником, точно указывающим год рождения И. А. Кускова и приоткрывающим завесу над ранним периодом его жизни.

«Иван Александрович Кусков был первоначально тотемский мещанин,— писал Е. В. Кичин.— Он родился в 1765 году, нрав имел веселый, в обхождении с людьми был ласков, в исполнении верен. В 1787 году, 22 лет от роду, он отправился из Тотьмы в разные города Российской империи, достиг Иркутска и там в 1790 году 20 мая заключил контракт с каргопольским купцом, жившим в Иркутске, Александром Андреевичем Барановым»⁷.

Статья Е. В. Кичина в дальнейшем послужила основой всех биографических публикаций об И. А. Кускове, в частности работ, написанных уроженцем Тотьмы, деятельным членом Тотемского отделения Общества изучения Северного края В. Т. Поповым, а также историком С. А. Ковалевым⁸.

Как удалось установить, два рукописных списка *именно этой статьи Е. В. Кичина* сохранились в научном архиве Тотемского краеведческого музея⁹. Эти рукописные копии и были использованы при написании биографического очерка об И. А. Кускове в 1962 г. Н. А. Черницыным (1888—1973) — первым директором (1920—1950) Тотемского краеведческого музея, много сил и старания приложившим к розыскам дома И. А. Кускова в Тотьме, места его захоронения, реставрации сохранившихся в музее написанных масляными красками в XIX в. двух портретов — И. А. Кускова и его жены Е. П. Кусковой¹⁰.

Но сохранились ли документальные материалы, на основании которых Е. В. Кичин написал статью? В 1905 г. была опубликована подробная опись рукописных материалов и книг, подаренных Московскому обществу истории и древностей Российских при Московском университете его членами и многочисленными почитателями. Опись была составлена историком-ведом Е. И. Соколовым и включала материалы, поступившие в период между 1846—1902 гг. В их числе оказались и документы, принадлежавшие И. А. Кускову, к сожалению, без указания имени дарителя¹¹. В 1930 г. вся коллекция рукописей ОИДР была передана в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, и ее новое, более полное описание было выполнено в 1952 г. библиографами Е. И. Голубцовой и Е. Н. Опаньиной. По составу документов советские исследователи определили, что один из входящих в коллекцию ОИДР фондов был в свое время частью личного архива И. А. Кускова и что эти документы не были известны историкам Российско-Американской компании П. А. Тихmeneву и С. Б. Окуню¹².

Однако специальные библиографические описания могли бы остаться вне поля зрения научной общественности, если бы не поиски, предпринятые советским литератором и историком М. Б. Черненко, который в своем подлинно научном предисловии

к «Пешеходной описи лейтенанта Л. А. Загоскина» писал в 1956 г.: «В рукописном отделе Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, в коллекции Московского общества истории и древностей Российских, недавно выявлен обширный архив одного из сподвижников А. А. Баранова — И. А. Кускова. В этом архивном фонде, пока еще не затронутом исследователями, сохраняются подлинные письма и наставления А. А. Баранова, ярко отображающие его неутомимую деятельность на посту Главного правителя русских владений в Америке»¹³. Вслед за Е. В. Кичиным одним из первых в наши дни этот фонд использовал Н. Н. Болховитинов, а затем — автор этой статьи и Дж. Гибсон¹⁴.

Всего в упомянутом архивном фонде И. А. Кускова (коллекции ОИДР) — 44 единицы хранения. Но мы сейчас выделим лишь два документа — самый ранний по времени из всех сохранившихся здесь — «Контракт» между И. А. Кусковым и А. А. Барановым, подписанный в Иркутске 20 мая 1790 г., и самый поздний и притом самый печальный — посмертная опись имущества и бумаг И. А. Кускова, составленная в Тотьме в октябре 1823 г. Между двумя этими документами — вся полная опасностей, деятельная и полнокровная жизнь И. А. Кускова в далеких заокеанских владениях России.

Не требуется особой проницательности, для того чтобы увидеть, что по условиям «Контракта, заключенного между А. А. Барановым и И. А. Кусковым в Иркутске 20 мая 1790 г.», И. А. Кусков отдавал себя в полную долгосрочную зависимость А. А. Баранову: «Обще условились, чтобы из нас Баранову взять меня, Кускова, от вышеописанного числа и мне, Кускову, быть при нем, господине Баранове, при коммерческой должности и следовать с ним отсюда до Якутска и до Охотска, с ним же, господином Барановым, в морской вояж ко Американским берегам в компанию тамо промысла господина Голикова и Шелихова; когда же оттуда будет Ваш, господина Баранова, обратный самих выход в Охотск, то тогда и меня тамо не оставляя, вывезь с собою обратно в Иркутск... К содержанию моему пища и в разъездах подводы и прочие пристойные расходы будут Ваши, господина Баранова, а с меня за все это нисколько не требовать... Одежду же и обувь иметь мне, Кускову, собственную свою».

Баранов принимал на себя обязательство с момента выезда из Иркутска и до возвращения из Америки обратно в Иркутск выплачивать И. А. Кускову из своего собственного заработка в колониях «один пай сухой звериного и прочего промысла, да сверх сего денежной платы по сту рублей за год». Однако обещанный, казалось бы, щедрый заработок, не сулил И. А. Кускову богатства: в соответствии с «Контрактом» почти все заработанные деньги должны были поступать в погашение долгового векселя на 1690 руб., полученного от И. А. Кускова тобемским

*Часовня в Форте-Росс. 1977 г.
(Получено от С. Н. Куличкова)*

*Общий вид Форта-Росс с восточной стороны. 1977 г.
(Получено от С. Н. Куличнова)*

купцом Алексеем Петровым сыном Нератовым: «Выдавать в Охотске за меня [Кускова] за состоящий на мне долг по векселю... в платеж по оному господину Нератову или кому от него доверено будет по семидесяти по пяти рублей ежегодно, а по двадцати по пяти рублей выдавать ко мне на мои надобности; пай же, мне принадлежащий, каковой будет промысел, не выдавать ко мне и мне не требовать до того времени, покада не заплачу господину Нератову всех по показанному векселю денег». Только полная безысходность могла вынудить И. А. Кускова принять столь тяжкие полукабальные условия на срок, составлявший более 22 лет. Поэтому, заверяя печатью подписи А. А. Баранова, И. А. Кускова и третьего заинтересованного лица — тотемского купца А. П. Нератова, Иркутский верховный надворный суд оговорил, что сей контракт подписан мещанином Кусковым «по добровольному его согласию»¹⁵.

Фамилия Нератовых встречается в переписи жителей Тотмы 1782 г. Однако в числе 82 купцов значились не только Алексей и Арсений Нератовы, но также и Иван, Осип и Дмитрий Кусковы. Правда, не было среди тотемского купечества Александра Кускова, который, как и его сын Иван (герой нашего очерка, в ту пору семнадцатилетний юноша), по-видимому, принадлежал тогда к мещанскому сословию¹⁶. По переписи 1795 г. дети и внуки упомянутых купцов Кусковых также поименованы уже среди тотемских мещан. Всего Кусковых мужского пола по этой новой переписи насчитывалось 20 человек. Под № 170 числилось единое хозяйство двух родных братьев И. А. Кускова — Дмитрия 31 года (умер в 1799 г.) и Петра 22 лет, а также сына Дмитрия Ивана 12 лет (скончавшегося в 1806 г.). Сам И. А. Кусков, уже живший в тот год в Русской Америке, был включен в список тотемских мещан под № 212 как самостоятельный хозяин дома (однако ошибочно был указан возраст — 45 лет). К следующей переписи 1811 г. (итоги которой приведены в том же документе, что и перепись 1795 г.) мужская часть кусковского рода сократилась почти вдвое: единственному оставшемуся в живых родному брату Ивана Кускова — Петру исполнилось 38 лет, о самом И. А. Кускове было записано: «Находится в Американской компании на острове Кадьяке бес пашпорта»¹⁷.

Итак, покинув родную Тотму «бес пашпорта» и поступив на службу к А. А. Баранову, И. А. Кусков на галиоте «Три Святителя» под командованием Д. И. Бочарова вышел из Охотска 19 августа 1790 г. В гавань Трех Святителей на Кадьяке Баранов и Кусков прибыли лишь 27 июня 1791 г. в кожаной байдаре, построенной на Уналашке, где они провели зиму после крушения их судна. «Баранову недоставало людей для усердного содействия, — писал К. Т. Хлебников. — Один только помощник его, Кусков, имел лучшие других сведения и образованность»¹⁸. Помощнику правителя И. А. Кускову, как и его непосредственному начальнику А. А. Баранову, требовался недюжинный организа-

торский талант и твердость, чтобы держать в повиновении вольницу русских промышленников, снабжать их провизией и всем необходимым, организовывать большие байдарочные партии алеутов для промысла морского зверя, возводить русские крепости и разведывать удобные места для новых, обороняться против недружественно настроенных индейцев-тлинкитов, строить и спускать на воду парусные суда, завязывать торговые сношения с притихшими в русские поселения американскими «корабельщиками».

Условно жизнь И. А. Кускова в Российских владениях в Америке можно разделить на два периода: аляскинский (1791—1808), который был для него школой хозяйствования и управления, и калифорнийский (1808—1821), приобщивший его к деятельности не только организационно-хозяйственной, но и дипломатической. С самого начала И. А. Кусков часто замещал А. А. Баранова во время его длительных отлучек: он оставался за правителя на Кадьяке (в 1796 и 1800 гг.), в Ново-Архангельске (1806—1808 гг.); был начальником Константиновской крепости в Нучеке (1798—1799 гг.), откуда послал партию во главе с промышленником Паточкиным для исследования реки Медной. Кусков умело управлял русским поселением в заливе Якутат (1802—1803 гг.), проявил незаурядную храбрость, возглавляя байдарочные партии алеутов (450—470 байдарок) и исследуя североамериканское побережье от залива Якутат до острова Ситха (1801, 1802 гг.). И. А. Кусков командовал отрядом около 900 человек, совершившим на 400 байдарках в трудных погодных условиях переход из Якутата к Ситхе для осуществления барановского плана повторного водворения русских на острове Ситха (1804—1805 гг.).

Историки не раз отмечали, что имя И. А. Кускова неразрывно связано с созданием русского судостроения в Америке: под его наблюдением были построены и спущены на воду парусники «Ермак» и «Ростислав» в Якутате (1803—1804 гг.), бриг «Ситха» (1807 г.) и трехмачтовое судно «Открытие» водоизмещением 320 т (1808 г.) в Ново-Архангельске; в этом же году была заложена шхуна «Чириков», имя которой наравне с именем И. А. Кускова вошло в историю освоения русскими Калифорнии. В крепости Росс под его руководством были построены и спущены на воду галиот «Румянцев» водоизмещением 160 т (1818 г.) и бриг «Булдаков», 200 т (1820 г.), заложен бриг «Волга» и заготовлен лес еще для двух судов.

25 сентября 1805 г. по представлению А. А. Баранова прибывший в Ново-Архангельск полномочный представитель Главного правления Российско-Американской компании, ее «корреспондент», камергер двора Н. П. Резанов вручил И. А. Кускову золотую медаль «За усердие» на владимирской ленте для ношения на шее. Одновременно Главное правление возбудило ходатайство перед Александром I о присвоении И. А. Кускову чина ком-

мерции советника (для чего указом императора И. А. Кусков должен был быть переведен в купеческое сословие, ибо в соответствии с «Табелью о рангах» чин этот мог получить российский подданный, состоявший в сословии не ниже купеческого). Чин коммерции советника был присвоен И. А. Кускову 12 октября 1806 г. Весть об этом пришла в Ново-Архангельск с Л. А. Гагемейстером 12 сентября 1807 г. на корабле «Нева».

1808 год был в жизни И. А. Кускова переломным. В августе А. А. Баранов объявил о переводе главной колониальной конторы из кадьякской Павловской гавани в Ново-Архангельск на Ситхе. Перемещение столицы Российских владений в Америке послужило как бы сигналом к новому стремительному броску русских — к берегам Калифорнии.

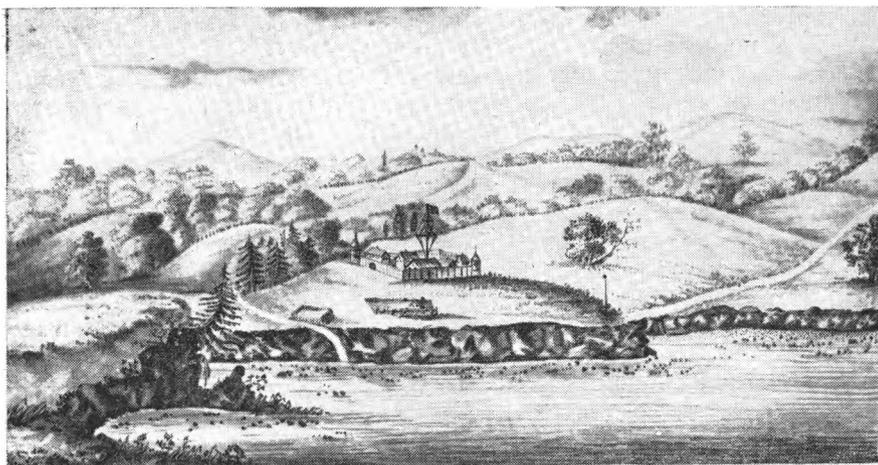
Собственно для российских колонистов на Аляске калифорнийский этап начался пятью годами раньше, в октябре 1803 г., когда Баранов впервые отправил с Кадьяка к калифорнийским берегам русских промышленников Афанасия Швецова и Тимофея Тараканова с 20 байдарками алеутов-охотников в сопровождении бостонского судна для совместного ведения зверобойного морского промысла. Отряд достиг бухты Сан-Диего (33° с. ш.), лежащей несколько южнее залива Сан-Франциско, и успешно вел промысел. За этим походом последовали новые — в мае 1806 г. (Сысой Слободчиков), в октябре 1806 г. (Тимофей Тараканов) и в июне 1808 г. (Афанасий Швецов).

Однако деловые взаимовыгодные контакты с бostonцами не освобождали Баранова от поисков более надежного постоянного источника снабжения российских поселений в Америке. Эту идею поддержал и постарался осуществить Н. П. Резанов, ум, познания и энергия которого приобретали особый вес благодаря вверенным ему Российско-Американской компанией и императорским двором полномочиям. Пережив в Ново-Архангельске тяжелую голодную зиму 1805/06 г., Н. П. Резанов на борту судна «Юнона» вышел в феврале 1806 г. из Ново-Архангельска и спустя месяц первым из россиян пришел в порт Сан-Франциско с тем, чтобы наладить взаимовыгодные торговые связи русских поселений на Аляске с испанскими колониями в Калифорнии. «Там он ознакомился с свойствами климата, наслышался о плодородии земли, о пространстве оной, остающемся впусе от мыса Дракова [Дрейка] к северу до залива Нутки (который был оставлен от испанцев и присвоен англичанами) и получил мысль занять одно из сих, никем не занятых, мест во владение России, с намерением учредить заселение, и произведенийми оного снабжать поселения наши на Севере на островах Алеутских»¹⁹.

Два года спустя Кусков был призван воплотить в жизнь эти планы. Уже не простой служащий Российско-Американской компании, но коммерции советник Иван Александрович Кусков вполне подходил для продолжения торгово-дипломатической миссии. Задача, поставленная перед ним, была сложной — устано-

вить постоянные торговые связи с Калифорнией (и тем самым ослабить зависимость русских поселений в Америке от бostonцев), выбрать место на калифорнийском берегу, формально не принадлежащее ни одной из европейских держав, и основать там русское поселение, которое со временем могло бы превратиться в житницу, снабжающую продовольствием не только русские поселения на Аляске и Алеутских островах, но и на всем Охотско-Камчатском побережье.

Однако прежде чем И. А. Кускову удалось закрепиться в Северной Калифорнии, он пять раз на разных судах ходил из Ситхи в Калифорнию. Впервые он посетил Калифорнию на корабле «Мирт-Кадьяк» под командованием штурмана Петрова (15 октября 1808—4 октября 1809 г.). А. А. Баранов в инструктивном письме к И. А. Кускову от 14 октября 1808 г. ставил перед ним задачу «осмотреть и описать весь берег тот от пролива де-Фука до Калифорнии во всей точности и положить на карту»²⁰. Кусков особенно внимательно вглядывался в берега от мыса Мендосино до залива Сан-Франциско. В заливе Малый Бodega (названный И. А. Кусковым заливом Румянцева), где они вели промысел морского зверя, Кусков присмотрел место для будущего поселения. Вторично Кусков пытался пройти к берегам Калифорнии на корабле «Юнона», но после нападения индейцев вынужден был повернуть вспять от островов Королевы Шарлотты и возвратиться в Ново-Архангельск (1810 г.). И еще три похода были осуществлены на шхуне «Чириков» под командованием Х. М. Бенземана: 22 января—28 июля 1811 г. (во время этого похода успешно велся промысел в заливе Малый Бodega); в ноябре 1811 г., когда И. А. Кусков, «получив 25 человек русских рабочих и 40 байдарок алеут, отправился... из Ситхи»²¹. Н. Н. Болховитинов полагает, что именно этот поход И. А. Кукова завершился созданием русского поселения Росс в Калифорнии²². Однако и этот поход был лишь подготовительным. «Возвратившись в том же [1811] году в Ново-Архангельск для окончательных совещаний с Барановым о дальнейших действиях,— писал П. А. Тихменев,— Кусков в марте 1812 года [т. е. в пятый раз] прибыл вновь к берегам Нового Альбиона, имея при себе все нужное для первоначального поселения»²³. «В феврале месяце 1812 года,— отмечал и В. А. Потехин,— на судне «Чириков» отправлен был к берегам Нового Альбиона отряд промышленных под предводительством Кукова, которому поручалось на избранном им месте основать поселение и крепость, при небольшой бухте, под 38° сев. шир. и 123° вост. долг. (по гринвичскому меридиану) в 18 итальянских милях от порта С.-Франциско. Спустя три месяца главные сооружения были окончены, и 30 августа, в день тезоименитства покойного государя императора Александра Павловича, последовало, при пушечной пальбе, открытие крепости, которая «по выпутному жребью, положенному пред иконой Спасителя, названа была Россом»²⁴.

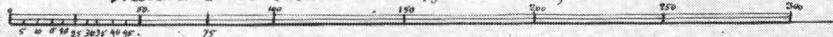
СИТУАЦИОННОЙ ПЛАНЪ

КРЕПОСТИ РОССЪ

Надъбрежью северозападной Америки въ широтѣ $36^{\circ} 30' 24''$
 № и долготѣ отъ Гренвика $122^{\circ} 45'$ западной, склонение
 компаса 16° восточное

(созинена Напавою компасъ въ сентебрѣ 1817 года)

Масштабъ въ саженьхъ 7^{1/2} футовой мѣры

Ситуационный план крепости Росс. 1817 г.
 Деталь рукописной карты (ЦГАВМФ, ф. 1331, оп. 1, д. 221)

Не находя более сведений об этом завершающем, пятом калифорнийском походе И. А. Кускова и считая этот поход очень существенным в истории крепости и поселения Росс, приведем главу «Экспедиция, посланная для заселения», из анонимной (неопубликованной) «Исторической записки об организации поселения Российско-Американской компании, впоследствии названном Росс [не ранее 1831 г.]»:

«Основываясь на... высочайшем соизволении, г. Баранов назначил в начальники сего заселения коммерции советника Кускова, выбрав ему из лучших людей 40 человек русских и 80 человек алеут, снабдив их товарами, припасами, материалами и всем тем, что только нужно было для первого обзаведения. Для отвозу людей и вещей отряжено одно из лучших тогда в колониях судов, шхуна «Чириков», под командою искусного морехода г. Бенземана. Оно вышло из Ситхи в феврале месяце 1812 года

и 15 марта благополучно достигло залива Бодеги, где и остановилось на якоре. Немедленно по прибытии г. Кусков предпринял обозрение мест для заселения. Между Бодегой и рекой Славянской посланы были пешими прикащик [Сысой] Слободчиков и ученик мореходства Кондаков с 10 человеками алеут, а сам г. Кусков на байдарках отправился вверх по реке Славянке. По осмотре нигде не оказалось удобного места к заселению, и потому г. Кусков решился основать колонию в 15 верст выше реки Славянки, в небольшой бухточке. Выбрав сие место для заселения, г. Кусков перешел из залива Бодега с судном и со всеми людьми в сию бухточку. Товары и прочее в судне выгрузили, а самое судно вытащили на берег; для жительства людям поставили несколько палаток и, приняв всевозможную предосторожность от диких учреждением караулов и ночных дозоров, немедленно после сего люди заняты были заготовлением лесов для постройки крепости и жилых домов. Несмотря на то, что лес был очень близко, но великого труда стоило людям доставлять оный на место по неимению еще никаких [тягловых] животных. Русские и часть алеут заняты были рубкою и постройкою, а прочие таскою [перетаскиванием] дерев из лесу, а к концу августа месяца уже успели обнести место крепости гладкими стоячими срубам, в которых и основали первое жительство людям. 30 августа 1812 года назначили день к поднятию на крепости флага — для сего посредине оной сделана была мачта со стеньгой, врытая в землю. По прочтении обычных молитв поднят флаг при пушечной и ружейной пальбе. Первые занятия при основании обращены были единственно на постройки и в течение года, кроме крепости, сделаны были: внутри оной — казармы общественные, поварня, кузница и слесарня, балаган для товаров; вне крепости — баня и скотник с пригоном. Вблизи селения основано несколько огородов, где посажено было для первого опыта картофеля, репа, редька и салат, которые и родились очень хорошо. Для продовольствия команды приняты были благонадежные меры. Еще из залива Бодега отряжен 1 русский с 4 алеутами на лежащие близ залива С.-Франциско камня Ферлонес [о-ва Фараллон] для промыслу сивучей и птиц, откуда впоследствии доставлялось значительное количество соленого и сушеного мяса. По несколько байдарок с хорошими стрелцами посланы были в заливы Большой Бодега и Дракову [Дрейкс-Бей] бухту, которые доставляли всегда изобильно мясо коз и оленей. При таких работах и занятиях не забыт и промысел пушных зверей: в течение первого года добыто было в разных местах до 700 бобров морских, а на острове Ферлоне упромышлено 2600 котов морских»²⁵.

Из этого описания следует, что обе крепостные башни — блок-гаузы — первоначально использовались под жилье. «Дом правителя, казармы, магазин, кладовая, сарай, поварни, мастерские, бани, кожевенный завод и другие службы окончены по-

стройкою в 1814 г.», — писал П. А. Тихменев²⁶. Дом правителя И. А. Кускова в соответствии с «Ситуационным планом крепости и селения Росс, составленным в сентябре 1817 г.», — «выстроен из бревен, содержит в себе 7 комнат, сени, два чулана, внизу кладовые и пороховой погреб»²⁷.

Не останавливаясь на истории правовых претензий на земли Северной Калифорнии и на той роли, которую Росс сыграл в сложных дипломатических переговорах между Россией, Испанией и Мексикой, напомним лишь, что крепость Росс принадлежала России до 1841 г. и была продана Российско-Американской компанией гражданину США швейцарского происхождения Джону Суттеру.

Вплоть до конца 1821 г. правителем крепости и селения Росс был И. А. Кусков. Вблизи крепости успешно занимались огородничеством — разводили картофель, репу, салат, капусту, тыкву, горох, бобы, сажали дыни и арбузы; садоводством — посадили яблони, персиковые деревья, виноградные лозы, которые плодоносили. Хорошие урожаи давал табак малороссийского и виргинского сортов, в саду цвели розы. Однако надежды на успехи в хлебопашестве не оправдались. В Россе развели домашний скот, мясо засаливали в бочках, из сала отливали свечи; сбивали масло, выделывали кожи, овечью шерсть, но и это не могло удовлетворить потребности русских поселений на Аляске.

Если довериться Е. В. Кичину, то в крепости Росс вместе с Кусковым находилась его жена Екатерина Прохоровна Кускова. «Как здесь [в Россе], так и во всех других местах поселений наших в Америке г. Кусков обходился с язычниками тихо, кротко, но, несмотря на то, они не раз имели намерение лишить его жизни, — писал Е. В. Кичин. — Спасением от таких злоумышлений он обязан своей жене, отчасти ознакомившейся с языком диких американцев. Жена г. Кускова, Екатерина Прохоровна, была дочь устюжского мещанина, жившего в Индии. Она по смерти отца и матери встретилась с Кусковым, который и взял ее в заужество»²⁸.

Однако ни в списке промышленников селения Росс и их семей (на 1 июня 1820 г.), ни в ведомости о находившихся в Россе людях (за октябрь 1821 г.), составленных И. А. Кусковым, в числе обитателей крепости Росс Екатерина Прохоровна не числится (правда, в списке не включен и сам правитель конторы Росс — И. А. Кусков)²⁹.

Некоторый свет на этот вопрос проливают письма главного правителя колоний М. И. Муравьева из Ново-Архангельска в Главное правление компании. 18 января 1822 г. М. И. Муравьев сообщал: «Кусков сдал должность [К. И.] Шмидту и прибыл сюда [из Росса], дабы отправиться в Россию»³⁰. 11 апреля 1822 г. М. И. Муравьев отправил два письма. Одно из них в Кадыякскую духовную миссию: «Г-н коммерции советник Кусков в бытность свою в Павловской гавани хочет вступить в законное

Портрет И. А. Кускова (деталь).
(Тотемский краеведческий музей. Фото автора)

супружество с девицею Катериною. Поэтому покорнейше прошу духовную миссию сделать по сему распоряжение». Второе письмо послано было в Кадыякскую контору: «Благоволит контора приказать отпустить на деньги коммерции советнику Кускову 4 соболи накидки»³¹. К сожалению, источники не дают пока сведений о местопребывании Е. П. Кусковой до 1822 г., когда она на Кадыяке была обвенчана с И. А. Кусковым.

Анализируя содержание и сопоставляя даты писем М. И. Муравьева, можно предположить, что по возвращении из Калифорнии И. А. Кусков находился в Ново-Архангельске около трех месяцев — с 18 января по 11 апреля 1822 г. Возможно, он отправился в Россию с заходом в Кадыяк 14 апреля 1822 г. (ибо этим числом датировано «Свидетельство», или подорожная, выданная И. А. Кускову в Ново-Архангельске для возвращения на родину), венчался на Кадыяке и вместе с женой Е. П. Кусковой отбыл в Охотск. На оборотной стороне подорожной имеются по-

Портрет Е. П. Кусковой (деталь).
(Тотемский краеведческий музей. Фото автора)

метки, помогающие проследить путь четы Кусковых: в Охотск они прибыли лишь 17 августа 1822 г. (наименование судна неизвестно), 28 ноября были уже в Якутске, а 24 января 1823 г. прибыли в Иркутск³². В Иркутске они пробыли неполных 11 дней, о чем свидетельствуют пометки в другом документе, называемом «Вид», или паспорт (с гербовой печатью), выданном И. А. Кускову в Иркутске 5 февраля 1823 г. Судя по этим пометкам, чета Кусковых на другой день, 6 февраля, покинула Иркутск, 14 февраля они прибыли в Ачинск, 17 февраля — в Томск, 19 февраля — в Каинск, 25 февраля — в Тюмень, 5 марта — в Вятку и, наконец, последняя запись: «Сей Вид Вологодской губернии в Тотемском городническом правлении явлен и в книгу № 3 записан сей, июля 4 дня 1823 г.»³³ В паспорте не показано пребывание Кусковых в Петербурге, по-видимому, они не доехали до столицы, торопясь в родной город Тотьму. Главное правление компании в ожидании И. А. Кускова заготовило в Петербурге

окончательный расчет с Кусковым, согласно которому обязалось выплатить ему 58 425 руб. 23 коп., «шесть штук бобров морских в натуре и семь тысяч ассигнациями». Этот документ датирован 6 июля 1823 г.³⁴ И такая же дата проставлена на выписанном в Петербурге «Свидетельстве» о том, чтобы И. А. Кускову, «ныне возвращающемуся на свою родину в город Тотьму... в проезде от Санкт-Петербурга до означенного города чинить свободный проезд»³⁵. Но это «Свидетельство», надо полагать, осталось невостребованным; Кусковы с 4 июля 1823 г. уже находились в Тотьме, и «Свидетельство» могло быть прислано туда позднее, вместе с окончательным расчетом.

Столь детальное сопоставление дат нахождения И. А. Кускова в Ново-Архангельске и на Кадьяке перед отъездом в Россию и продвижения четы Кусковых через всю Сибирь не случайно, ибо такое сопоставление могло бы помочь в установлении времени написания двух портретов — И. А. Кускова и его жены Е. П. Кусковой, сохранившихся в Тотемском краеведческом музее. Впервые об одном из этих портретов сообщил в 1866 г. в историческом очерке о Тотьме В. Т. Попов: «У родственников Кускова, — писал он, — сохранился до сего времени портрет И. А. Кускова»³⁶. Этот портрет был впервые опубликован С. Н. Марковым в 1948 г.³⁷, а портрет Е. П. Кусковой — в 1964 г. Н. А. Черницыным. В небольшой статье, посвященной непосредственно истории двух портретов, Н. А. Черницын писал, что они поступили в Тотемский краеведческий музей от дальних родственников И. А. Кускова и якобы, по их утверждению, были привезены самим И. А. Кусковым в 1823 г. из Америки.

Н. А. Черницын, проводивший реставрацию обоих портретов под руководством художника А. И. Брягина в Тотьме, отметил, что портреты написаны масляными красками на самодельном картоне, склеенном из листов толстой грубой бумаги. Черницын предполагал, что портреты пережили большой пожар в Тотьме 1843 г., в связи с чем и понадобилась их реставрация, во время которой на оборотной стороне портрета И. А. Кускова была «обнаружена надпись, начало которой из-за плохой сохранности бумаги и водяного подтека прочесть не представлялось возможным. Однако в конце строки чернила, хотя и слабо, но сохранились, и тут с некоторым трудом можно разобрать: «...1813 форт рос». Сделана эта надпись гусиным пером скорописью начала XIX в.». По предположению Н. А. Черницына, портреты были написаны в 1813 г. в Форте-Росс художниками-креолами, присланными Барановым с Ситхи якобы для написания икон для «иконостаса церкви крепости Росс»³⁸.

Некоторые высказанные Н. А. Черницыным положения вызвали, однако, сомнения, например: почему на обороте одного из портретов сделана надпись — «форт рос», если в русских источниках XIX в. Росс именуется крепостью или селением, изредка колонией, но никогда фортом; зачем понадобилось в 1813 г.

присылать в Росс иконописцев, если часовня крепости Росс была построена не ранее 1825 г.?

Необходимо было заново тщательно обследовать портреты, и такая возможность представилась мне в Тотемском краеведческом музее (с любезного разрешения его администрации) в 1973 г.

Портрет И. А. Кускова поясной, корпус повернут в три четверти вправо от зрителя; молодежавое лицо в обрамлении убеленных сединами волос, продолговатый овал лица, напряженный взор серых глаз, крылатый разлет бровей, прямой нос и довольно большой рот; однобортный, почти черный (прежде такой оттенок называли «темно-зеленого сукна»), со стоячим воротом мундир коммерции советника, небольшие погончики (обшитые золотым галуном с одним черным просветом и золоченой пуговицей на каждом), застежка на один ряд из крупных золоченых пуговиц, золотый темляк на поясе, у левой руки (кисти рук не показаны) — рукоять шпаги, на груди — на короткой владимирской ленте (красная с черными полосами по краям) — золотая медаль (рассмотреть изображение на медали не представляется возможным, но, сообразуясь со временем вручения медали — 1805 г., — на ней должен быть портрет Александра I). Судя по форменной одежде, портрет мог быть написан не ранее сентября 1807 г.

Черно-белое изображение не может передать прелести другого портрета — Е. П. Кусковой: молодое румяное скуластое лицо, карие глаза, черные тонкие брови, коралловые губы, темно-каштановые волосы, разделенные на прямой пробор и открывающие левое ухо; небольшое декольте кремового ампириного платья оторочено кружевом, синий пояс обхватывает фигуру высоко под грудью (по моде начала XIX в.), на плечи наброшена кремового цвета шаль с широкой каймой (крупный растительный орнамент по темно-красному фону); на гладкой шее три нитки жемчуга, в ушах — жемчужные серьги; кисть правой руки словно опирается на раму портрета; темный теплый фон портрета сливается с очертаниями головы и не позволяет рассмотреть, есть ли на молодой женщине головной убор.

Парные ли это портреты? В одно ли время написаны? Портреты смотрятся хорошо именно в паре: в скованности и напряженности изображенных есть нечто от парсуны, но характерные черты и живость в изображении лиц делают эти портреты очень человечными. Грубо профилированные деревянные, сколоченные «в лапу» (шириной 5,3 см) рамы, по мнению Н. А. Черныцына, изготовлены из американской сосны — чаги. Сейчас невозможно судить об одаренности художников, так как после реставрации под слоем масляной живописи картон, будто бы послуживший основой, разглядеть не удастся, портреты дублированы на холст. Освободив портреты от рам, можно увидеть, что холсты в свою очередь укреплены на листках фанеры (толщина 3 мм) и с тыльной стороны по краям приклеены таким образом, что по периметру образуют кайму шириной в 3—4 см. Обратная сторона

портрета И. А. Кускова, на которой будто бы имелась надпись скорописью XIX в. (послужившая Н. А. Черницыну основанием для датировки), закрыта фанерой, и нет возможности удостовериться в ее наличии и в точности ее прочтения. Однако с тыльной стороны обоих портретов на мешковине (которую когда-то прежде, по-видимому, применяли как упаковочный материал для почтовых посылок, а потом использовали для реставрации портретов) сохранились надписи синими химическими чернилами: на оборотной стороне портрета И. А. Кускова «ф. отдел» (возникает сомнение: не эта ли надпись была прочитана как «...форт рос?»).

Когда и от каких родственников поступили портреты в музей? В «Книге поступлений основного фонда» Тотемского музея (начатой не ранее 1920 г.) под № 7510 записано: «Портрет И. А. Кускова, работа неизвестного художника, холст, масло, размер 61×49 см (с рамой), поступил в 1915 г. от А. Д. Кускова»; под № 7511: «Портрет жены Кускова Екатерины Прохоровны, уроженки г. Великого Устюга, холст, масло, размер 59×46 (с рамкой), поступил одновременно с № 7510».

Кто же такой А. Д. Кусков? В «Отчете Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края за 1915 г.» (Вологда, 1916) в числе действительных членов общества под № 25 значится «Кусков Александр Дмитриевич — домовладелец, г. Иркутск, Ланинская, 18 (ныне ул. Декабрьских событий.— С. Ф.), последний членский взнос за 1916 г. и 1917 г.—2 руб». В аналогичном отчете за 1916 г. в разделе «Музейно-библиотечная комиссия» есть такие строки: «Следует отметить пожертвования 1916 г.— от А. Д. Кускова два портрета, писанных масляными красками в начале XIX столетия,— И. А. Кускова и его жены Е. П. Кусковой (№ 121)»³⁹.

Надо полагать, дар А. Д. Кускова Тотемскому отделу Вологодского общества изучения Северного края вызвал у членов общества живой интерес к личностям изображенных на портретах людей, потому что именно к 1916 г. относятся две, уже упомянутые выше и хранящиеся в Тотемском краеведческом музее рукописные копии опубликованной Е. В. Кичиным в 1848 г. статьи, однако без упоминания автора. Эти две рукописные копии внесены в «Список рукописных материалов при научно-краеведческой библиотеке Тотемского музея» под № 17 уже с указанием автора: «В. Т. Попов. Биография Ивана Александровича Кускова, 2 экземпляра». Ошибочно указанное в описи авторство тем более удивительно, что в рукописных копиях, кроме переписанного полностью текста статьи Е. В. Кичина, имеется дополнение — библиографический перечень из пяти названий, где числятся и «Вологодские губернские ведомости» 1848, № 8 (но опять-таки без упоминания фамилии Е. В. Кичина), текст статьи которых и воспроизведен в рукописных копиях. На полях обеих рукописных копий в разное время и разными исследователями были сделаны примечания, представляющие интерес. Так, на

первом экземпляре (инв. № 17-а) имеется приписка: «Списана сия биография неизвестного автора с рукописи, принадлежащей Над[ежде] Иннок[ентьевне] Кусковой, б[ывшей] владелицы портретов, и написанной лет 50 и даже более тому назад (по-видимому, вскоре после смерти И. А. Кускова). 19 августа 1916 г. Н. Ильинский»⁴⁰.

Где жила «бывшая владелица портретов» — Н. И. Кускова и в каком родстве она была с иркутским дарителем портретов А. Д. Кусковым? Не в Иркутске ли во время одиннадцатидневного пребывания четы Кусковых в 1823 г. написаны портреты? А может быть, в Ново-Архангельске или на Кадьяке перед отбытием в Россию? Или портрет И. А. Кускова был написан в Ново-Архангельске около 1808 г. после получения чина коммерции советника, а портрет Е. П. Кусковой был дописан как парный уже после их венчания в 1822 г.? Возможно, на некоторые из этих вопросов даст ответ продолжающееся исследование⁴¹. Пока можно лишь сказать, что принятая до сих пор дата написания портретов — 1813 г. — и место их создания — крепость Росс — вызывают большие сомнения.

Кусковы не заехали на обратном пути из Америки в Петербург не случайно. Видимо, Иван Александрович чувствовал себя скверно. Еще в Калифорнии, когда И. А. Кусков приехал на байдарке из Росса на борт брига «Ильмень», 22 июня 1820 г. К. Т. Хлебников записал в дневнике: «Продолжая служить 30 лет в Америке [И. А. Кусков], потерял здоровье и зрение»⁴². Теперь, вернувшись в Тотму, И. А. Кусков принялся было за налаживание своих деловых связей, но дни его были уже сочтены. В октябре 1823 г., через три месяца после возвращения из Русской Америки, его не стало.

Сохранилась «Опись, сделанная по определению Тотемского сиротского суда, документов и имению скончавшегося бездетным бывшего тотемского мещанина И. А. Кускова, октябрь 1823 г.» (точная дата смерти неизвестна)⁴³. В этой описи изложено содержание некоторых не дошедших до нас документов, благодаря которым можно отчетливо представить себе, что заботило и омрачало последние дни И. А. Кускова. Так, под № 10 значится:

«Письмо, писанное Иваном Кусковым 2 сентября 1823 года в Устюг Михаилу Матвеевичу [Булдакову, первенствующему директору Российско-Американской компании] касательно исключения его [И. А. Кускова] из тотемского гражданства; на объяснение его преподававшее наставление, дабы не упустить времени, надлежит отнестись в Вологодскую казенную палату с объяснением настоящего происшествия, что он, быв в службе Российско-Американской компании в американских колониях, не помня обязанность свою, сделал высылку в 1809 году на платеж государственных податей и повинностей при отношении в Тотемский городской магистрат 400 руб. Тотемская городская дума, по распоряжению своему, во сколько времени и куда израсходовав

помянутую сумму — неизвестно, при генеральной же ревизии по государству полагая быть в минувший 1816 год, не сделав об нем сношения с Главным правлением Российско-Американской компании, сделав исключение [И. А. Кускова] из сословия тотемского гражданства»⁴⁴.

Кто виноват в том, что И. А. Кусков, по указу императора в 1806 г. переведенный из мещанского сословия в купеческое и в 1809 г. внесший в Тотемский городской магистрат крупную сумму на покрытие государственных податей, был исключен из числа граждан родного города Тотьмы, города, с которым в Русской Америке были связаны его мысли и думы? Не пытаюсь найти ответ, скажем только, что это сильно подорвало его здоровье и ускорило смерть.

«И. А. Кусков был похоронен в Спасо-Суморинном монастыре (Тотьма), против середины алтаря Преображенского собора, — говорит запись рукой Н. А. Черницына на одной из рукописных копий статьи Е. В. Кичина в фондах Тотемского музея. — В 1920 г. на его могиле, случайно мною обнаруженной, была известковая плита с высеченной надписью, совершенно вросшая в землю и на 3/4 покрытая дерниной. Позднее, при «ликвидации» кладбища, плита исчезла. Н. Черницын, 3 февраля 1947 г.»⁴⁵ В августе 1973 г. Н. А. Черницын вместе с автором этой статьи ходил по территории монастыря, пытаясь по памяти установить место, где когда-то он видел могилу И. А. Кускова, но безрезультатно. Спусти два с половиной месяца, 24 октября 1973 г., не стало и самого Н. А. Черницына.

В описи имущества упомянутые выше портреты не значатся. Наследниками И. А. Кускова, по-видимому, считались его жена Е. П. Кускова и родной брат П. А. Кусков. Кроме движимого имущества, оцененного в 70 318 руб. 50 коп., наличными оказалось 12 055 руб. ассигнациями «да сверх оной суммы из оказавшихся налицо выдано на расходы при похоронении тела Кускова тысячу восемьсот рублей жене покойного и брату Петру Кусковым»⁴⁶.

Е. В. Кичин в 1848 г. писал: «Должная часть из имения и денег выдана была жене Кускова Екатерине Прохоровне, которая спустя три года по смерти мужа снова вышла замуж за бывшего тотемского винного пристава г-на Попова и неизвестно, живет ли она еще до сих пор на свете»⁴⁷.

Но есть еще одно лицо, связанное с И. А. Кусковым, о существовании которого мы узнаем из той же «Описи документов и имению»: под № 7 значится «Вид [паспорт] одного ж [Иркутского губернского] правления, [выданный] воспитаннице Кускова — Надежде Федоровой Каменской, на проследование для жительства в город Тотьму от 17 февраля [1823 г.], № 2764»⁴⁸. Надо полагать, Кусковы вывезли с собой в Россию юную уроженку Русской Америки (возможно, креолку) с согласия ее родителей. Судьбой этой воспитанницы интересовался впоследствии

К. Т. Хлебников, который из Ново-Архангельска запрашивал о ней Иркутск. Сохранился ответ К. Т. Хлебникову правителя иркутской конторы Российско-Американской компании Акима Титова от 20 мая 1830 г.: «О вывезенной из Америки Иваном Александровичем Кусковым Надежде Каменской я выправлялся у многих, где она находится, которые уверяли, что увезена была в Тотьму и выдана замуж, только не знают, за кого из тамошних жителей, а что родственникам ее доставлены были (неверные) сведения, будто она находится в Иркутске. Это несправедливо»⁴⁹. Это еще один человек, оставшийся после смерти И. А. Кускова в Тотьме, у кого могли храниться портреты И. А. Кускова и Е. П. Кусковой. Однако в «Исповедных ведомостях Вологодской епархии Тотемского уезда города Тотьмы Богоявленского собора от 15 ноября 1823 г.» нет ни Н. Ф. Каменской, ни Е. П. Кусковой, хотя в числе мещан значились: «Петр Александрович Кусков — 44 года (на самом деле — 52 года. — С. Ф.), его жена Евфросинья Никифоровна — 44 года, сын их — Александр — 10 лет; вдова Матрена Васильевна Кускова — 44 года, дочь ее — Павла»⁵⁰. Следовательно, вдова исключенного из тотемского гражданства И. А. Кускова — Екатерина Прохоровна Кускова — к моменту смерти мужа все еще не была принята в тотемское гражданство, равно как и воспитанница Н. Ф. Каменская. У кого из оставшихся наследников могли храниться портреты? Как они попали в Иркутск, чтобы в 1916 г. вернуться в Тотьму? Не была ли Матрена Васильевна Кускова вдовой Дмитрия Александровича Кускова, а Павла — их дочерью, не эта ли ниточка ведет в Иркутск?

В Тотьме, на правой стороне узенькой улочки, сбегаящей к набережной Сухоны от церкви Рождества Христова (что вблизи главной базарной площади) стоит одноэтажный бревенчатый дом — «пятистенок», крытый «по-круглому» (Чкаловский пер., д. 10). Пять окон в строгих, скупо профилированных побеленных наличниках смотрят на улицу. В этом доме, как установил Н. А. Черницын, жил Кусков. На главном фасаде — доска с надписью: «Дом И. А. Кускова, исследователя Северо-Западного побережья Северной Америки (1765—1823)». Живущий ныне в Тотьме бывший владелец (с 1917 по 1946 г.) дома Г. А. Петухов (1914 г. рождения), со слов своего ныне покойного отца также подтвердил, что дом принадлежал И. А. Кускову, и по памяти воспроизвел на бумаге планировку дома до его перестройки: в доме была парадная большая комната — «зала» (42,4 кв. м), две жилые комнаты (20,16 и 8,4 кв. м), кухня (19,7 кв. м) и подсобные помещения. Отапливался дом печами, сгруппированными в центре. Дом этот не был собственностью И. А. Кускова, ибо, как сказано в описи имущества, после его смерти «недвижимого имения не оказалось». Но в этом доме И. А. Кусков провел последние месяцы жизни, здесь он и умер. Дом — важный памятник истории и культуры города Тотьмы. Сейчас городские

*Дом И. А. Кускова в Тотъме. 1975 г.
(Фото И. К. Ковальчука-Коваля)*

власти начали освобождать дом от жильцов, чтобы передать его в распоряжение Тотемского краеведческого музея.

Имя И. А. Кускова чтут в США: в 1907 г. штат Калифорния приобрел земли, на которых расположена крепость Росс. В 1915 г. была реставрирована часовня, в 1926 г. — одна из крепостных башен, в 1940 г. — так называемый «комендантский дом» последнего правителя крепости Росс — А. Г. Ротчева, частокол; была заново возведена вторая крепостная башня. Но пожар 1970 г. нанес Россу огромный ущерб — погибла часовня и старый русский колокол. Другой пожар не пощадил «комендантский дом». Преступный акт (как полагают) поджога всколыхнул и сплотил американцев, интересующихся историей культуры, и в частности американцев русского происхождения, в стремлении восстановить часовню в ее первоначальном виде, а также отлить новый колокол, в точности повторяющий погибший.

Очень большую помощь в подготовке реставрации оказала администрация штата Калифорния, ибо Форт-Росс — национальный парк и памятник штата. Энергичную деятельность в деле сохранения и восстановления Форте-Росс развило недавно организованное Американско-Русское историческое общество. Много сил отдают этому молодые энтузиасты из семей русских старожилов Калифорнии. В середине сентября 1973 г. в Лос-Анджелесе возникла новая небольшая группа энтузиастов-любителей, ратующая

Бывший Спасо-Суморин мужской монастырь близ Тотьмы. 1975 г.

(Фото И. К. Ковальчука-Коваля)

за сохранение памятников русской истории в Калифорнии. Эта группа называет свою организацию — «Друзья Форта-Росс». В докладах и брошюрах, которые издает эта группа, видное место отведено основателю крепости Росс — Ивану Александровичу Кускову. Был объявлен широкий сбор средств на восстановление часовни Форта-Росс, часовня восстановлена по сделанному в свое время макету; по заказу калифорнийцев в Бельгии отлит по специальному рисунку новый колокол — точное повторение погибшего.

С 1925 г. ежегодно 4 июля в Форте-Росс собираются многочисленные русские жители Калифорнии и других штатов. В августе 1962 г. был торжественно отмечен 150-летний юбилей основания форта. Над Россом рядом с американским флагом развевался трехцветный флаг Российско-Американской компании. Форт-Росс был переведен в разряд федеральных исторических памятников, и властями было приобретено около 500 акров земли вокруг форта. В Форте-Росс в течение трех последних десятилетий американскими учеными ведутся археологические изыскания⁵¹. Власти штата Калифорния совместно с Департаментом парков и развлечений и с помощью добровольных исторических обществ разработали в 1976 г. перспективный план восстановления Форта-Росс и создания на территории, прилегающей к форту, научного и туристического центра, освещающего русский период в истории этой части Североамериканского материка⁵².

Медаль в память И. А. Кускова — основателя Форта-Росс.
Лицевая и оборотная стороны. 1976 г. (Получено от Н. И. Рокитянского)

8 июня 1974 г. Форт-Росс отмечал открытие восстановленной после пожаров части форта. «Смотришь на колокол, висящий на перекладине, на которую положен громадный букет полевых васильков,— пищет проф. В. П. Петров,— смотришь на возрожденную из пепелища часовню, на дом правителя, более ста с лишним лет стоящий на этом месте, на массивные стены, на угловые башни и вдруг чувствуешь свое кровное родство с теми русскими людьми, которые построили этот форт; чувствуешь неразрывную связь с людьми, поставившими этот памятник русской культуры и русской славы на американской земле»⁵³.

В день 200-летия Соединенных Штатов Америки — 4 июля 1976 г. — американцы русского происхождения выпустили в свет медаль памяти основателя крепости Росс — Ивана Александровича Кускова⁵⁴.

Тотмичи также помнят и чтут своего земляка И. А. Кускова. Его именем названа набережная Сухоны. Дом, в котором умер И. А. Кусков, включен в «Свод памятников культуры» и, надо полагать, будет отреставрирован и превращен в филиал Тотемского краеведческого музея. Здесь могла бы открыться экспозиция в память И. А. Кускова и его земляков, прославивших Россию на берегах Америки.

¹ Хлебников К. Т. Жизнеописание Александра Андреевича Барапова, Главного правителя Российских колоний в Америке. СПб.: Типография морского министерства, 1835; *Он же*. Первоначальное поселение русских в Америке.— В кн.: Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 4. СПб.: Типография Морского министерства, 1861; *Он же*. Записки К. Хлебникова об Америке.— В кн.: Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана, вып. 3. СПб.: Типография Морского министерства, 1861; Хлебников К. Т. Днев-

- ные записки о походе в Калифорнию [на бриге «Ильмень»] и обратно [на бриге «Булдаков»] 1820 г. и вторично [на бриге «Булдаков»] 1822 года.— Архив Географического общества СССР (далее: АГО), разряд 99 (Ф. Ф. Веселаго), оп. 1, д. 18, 83 л.
- 2 [Головнин В. М.] Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головным. М.: Мысль, 1965, с. 179.
 - 3 Очерк из истории американской православной духовной миссии (Кадьякской миссии 1794—1837 гг.). СПб.: Издание Валаамского монастыря, 1894, с. 92—93, 245—246.
 - 4 *Потехин В. А.* Селение Росс. СПб.: Типография Департамента Внешней торговли, 1859; *Тихменев П. А.* (сост.). Историческое обозрение образования Российской-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Ч. 1, 2. СПб.: Типография Эдуарда Веймара, 1861, 1863; *Завалишин Д. И.* Дело о колонии Росс. М.: Университетская типография (Катов и К°), 1866; *Bancroft H. H. Works*, vol. 33 (History of Alaska, 1730—1885. San Francisco, 1886); vol. 19 (History of California. Part 2, 1801—1824 San Francisco, 1886).
 - 5 *Ефимов А. В.* США. Пути развития капитализма (доимпериалистическая эпоха). М.: Наука, 1969; *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939; *Он же.* Русские поселения в Калифорнии в XIX в.— Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист., 1939, № 32, с. 143—170; *Макарова Р. В.* Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в.— 60-е годы XIX в. М.: Московский гос. историко-архивный институт, 1974; *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775—1815. М.: Наука, 1966; *Он же.* Русско-американские отношения. 1815—1832. М.: Наука, 1975; *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII века — 1867 г. М.: Наука, 1971; *The Russians in California.— Quarterly of the California Historical Society. San Francisco*, 1933, September, vol. XII, N 3; *Tompkins St. R.* Alaska: Promyshlennik and Sourdough. New York; Norman: University of Oklahoma Press, 1945; *Gibson J. R.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976; *Völkl E.* Russland und Lateinamerika, 1741—1841. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1966.
 - 6 *Крафт И. Ф.* Великий океан (диалогия). Л.: Советский писатель, 1950; *Марков С. Н.* Русские на Аляске. М.: Воениздат, 1946; *Он же.* Летопись Аляски. М.; Л.: Главсевморпуть, 1948; *Он же.* Вечные следы. Книга о землепроходцах и мореходах. М.: Молодая гвардия, 1973; *Он же.* Русский исследователь Северной Калифорнии.— Известия, 1948, 21 марта; *Адамов А. Г.* По неизведанным путям. Русские исследователи на Аляске и в Калифорнии. М.: Госкультпросветизд, 1950; *Chevigny H.* Russian America. The Great Venture. 1841—1867. New York: The Viking Press, 1965; *Петров В. П.* Колумбы Российские. Вашингтон, Rosseels Printing Co, 1971; *Он же.* Форт-Росс. Краткий очерк об историческом памятнике пребывания русских в Калифорнии в начале прошлого столетия. 1812—1841. Лос-Анджелес, Изд. Общества Друзей Форты-Росс, 1974; *Он же.* Русская Америка. Лос-Анджелес, Изд. Общества Друзей Форты-Росс, 1975; *Он же.* Форт-Росс и его культурное наследие. Лос-Анджелес: Изд. Общества Друзей Форты-Росс, 1977; *Долгополов А. Ф.* Русские индейцы.— Новая заря (Сан-Франциско), 1952, 13 сентября; *Он же.* Русские в Америке. Форт-Росс.— Родные дали (Лос-Анджелес), 1962, с. 19—23; *Он же.* 150-летие основания Форты-Росс. Экспедиция Исторического общества.— Родные дали (Лос-Анджелес), 1962, № 102, с. 65—68; *Он же.* К 150-летию Форты-Росс. Залив Румянцева — Бодега-Кусково.— Родные дали (Лос-Анджелес), 1962, № 104, с. 20—22; *Рокианский Н. И.* Форт-Росс.— Вопросы истории, 1977, № 7, с. 213—217; *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. Магадан: Магаданское книжн. изд., 1970; *Он же.* Судьба Русской Америки. Магадан: Магаданское книжн. изд., 1975; *Он же.* Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Амери-

- ке (XIX — начало XX в.). М.: Наука, 1976; *Загумённый В. Г.* На морских путях в Калифорнию. М.: Просвещение, 1964.
- ⁷ *Кичин Е. В.* Иван Александрович Кусков. Биография.— Вологодские губернские ведомости. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1848, 21 февраля, № 8, часть неофициальная, с. 83—85.
- ⁸ *Попов В. Т.* (сост.). Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1887, с. 71—74; *Он же.* Сведения о Кускове, строителе Форта-Росс.— Прибавления к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде, 1897, 2 августа, № 31, с. 1091—1092; *Ковалев С. А. И. А. Кусков — русский человек на Тихом океане.*— Русский архив, 1898, кн. III, вып. 10, с. 261—262. Данные Е. В. Кичина использованы также в работах: Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 год. Вологда: Изд. Вологодского губернского статистического комитета, 1870, с. 68—69; Русский биографический словарь, т. 9 (Кнаппе — Кюхельбекер). СПб., 1903, с. 613—614 (Кусков И. А. ошибочно назван Кусовым И. А.).
- ⁹ Тотемский краеведческий музей. Список рукописных материалов, № 17, а, б.
- ¹⁰ *Черницын Н. А.* Исследователь Аляски и Северной Калифорнии Иван Кусков.— В кн.: Летопись Севера. М.: Гос. изд. географ. лит., 1962, т. III, с. 108—121; *Он же.* Портреты И. А. Кускова и его жены.— В кн.: Летопись Севера. М.: Мысль, 1964, т. IV, с. 244—246; *Он же.* Материалы Тотемского краеведческого музея (Вологодская область) о русских землепроходцах.— Советская этнография, 1949, № 4, с. 195—196.
- ¹¹ *Соколов Е. И.* Библиотека императорского Общества истории и древностей Российских. Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. включительно. М.: Изд. ОИДР при Московском университете, 1905, с. 386—387.
- ¹² *Голубцова Е. И., Ошанина Е. Н.* Коллекция Московского общества истории и древностей Российских (ОИДР).— Зап. Отдела рукописей гос. библиотеки им. В. И. Ленина (далее: ОР ГБЛ). М.: Книга, 1952, вып. XIII, с. 25—29.
- ¹³ *Черненко М. Б.* (при участии *Аграната Г. А.*). Лаврентий Алексеевич Загоскин. Очерк жизни и деятельности.— В кн.: Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Гос. изд. геогр. лит., 1956, с. 8.
- ¹⁴ *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений. 1775—1815. *Он же.* Русско-американские отношения. 1815—1832; *Федорова С. Г.* Этнические процессы в Русской Америке.— В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, гл. V. *Gibson J. R.* Imperial Russia in Frontier America.
- ¹⁵ ОР ГБЛ, ф. 204 (ОИДР), Акты, картон 32, д. 1, л. 1—2; Все даты в статье даны по старому стилю. При переводе их на новый стиль следует прибавлять к датам XVIII века 11 дней, XIX века 12 дней.
- ¹⁶ *Попов В. Т.* (сост.). Город Тотьма Вологодской губернии, с. 60.
- ¹⁷ Гос. архив Вологодской области, ф. 388, оп. 10, д. 134, связка 661, л. 18 об.—26. Ревизские сказки о крестьянах и дворовых людях Вологодской губ. Тотемского округа, числящихся [по 5-й народной переписи 1775 г. и] по 6-й народной переписи 1811 г.
- ¹⁸ *Хлебников К. Т.* Первоначальное поселение русских в Америке, с. 56.
- ¹⁹ АГО, Р-99, оп. 1, д. 129. Историческая записка о селении Росс на берегах Нового Альбиона [не ранее 1837 г.], л. 1. Писарское.
- ²⁰ *Болховитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, с. 470.
- ²¹ АГО, Р-99, оп. 1, д. 112 [Хлебников К. Т.]. Записки о колониях Российской-Американской компании в Америке. Писарское, с дополнениями рукой автора, л. 379 об. При публикации части шестой этой работы К. Т. Хлебникова в «Материалах для истории русских заселений...» (СПб., 1861, вып. 3) на с. 138 была допущена опечатка, повлекшая за собой часто встречающуюся в литературе ошибку: русских работных на шку-

- пе «Чириков» в ноябре 1811 г. в Калифорнию отправилось 25, а не 95 человек.
- 22 *Болловитинов Н. Н.* Становление русско-американских отношений, с. 472—473.
- 23 *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. I, с. 138.
- 24 *Потехин В. А.* Селение Росс, с. 11.
- 25 АГО, Р-99, оп. 1, д. 120, л. 2—4. Писарское (до 1831 г.). Документ не имеет заглавия. Приведенное нами заглавие заимствовано из описи АГО.
- 26 *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании..., ч. I, с. 138.
- 27 *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии, с. 254—266, см. также рис. 13. Здесь приводим более точно прочитанную экспликацию к «Ситуационному плану крепости Росс, 1817» о доме И. А. Кускова. Этот план дома И. А. Кускова 1817 г. наряду с проведенными американскими историками и археологами на месте, в крепости Росс, изысканиями помог в восстановлении дома И. А. Кускова в его первоначальном виде. Американские ученые приступили к восстановлению дома И. А. Кускова в 1978 г.
- 28 *Кичин Е. В.* Иван Александрович Кусков..., с. 84.
- 29 ОР ГБЛ, ф. 204, акты, картон 32, д. 40, л. 1—10; д. 42, л. 1—5.
- 30 National Archives Film microcopy. Series II. The Russian-American Company, 1802—1867, 92 Vols. Washington, 1942, Roll 28, p. 4.
- 31 National Archives Film Microcopy. Roll 28, p. 14 verso, p. 12.
- 32 ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 28, л. 2.
- 33 ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 38, д. 29, л. 2.
- 34 ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 30, л. 2.
- 35 ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 32, л. 2.
- 36 *Попов В. Т.* Город Тотьма Вологодской губернии, с. 74.
- 37 *Марков С. Н.* Летопись Аляски. М., 1943, с. 84.
- 38 *Черныцын Н. А.* Портреты И. А. Кускова и его жены, с. 246.
- 39 Отчет Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края за 1915 г. Вологда, 1916, с. 3, 4; Отчет Тотемского отдела... за 1916 г. Тотьма, 1917, с. 14.
- 40 Тотемский краеведческий музей. Список рукописных материалов, № 17-а.
- 41 В ответ на посланное нами в Иркутск письмо, содержавшее вопросы по истории дома № 18 по бывшей Ланинской улице, судьбе его домовладельца Александра Дмитриевича Кускова и двух портретов, был получен ответ от члена Союза писателей СССР Марка Давидовича Сергеева от 9 мая 1977 г. «Бывают странные сближения! — писал М. Д. Сергеев. — Некоторое время назад в Союз писателей пришел некто К. А. Железняков, пожилой иркутянин, вернувшийся в свое время из Маньчжурии, и принес статью его друга по эмиграции И. К. Ковальчука-Ковалю «Для славы России», опубликованную в журнале «Отчизна» (М.: Изд. Общества «Родина», 1976, № 10, с. 12—15). Познакомив меня с ней, он предложил мне те же вопросы, что и в Вашем письме. Он обращался в Краеведческий музей, в архив, но ничего не нашел, дом по бывшей Ланинской № 18 стоит, но никто там не слыхивал о Кусковых...» Далее в письме говорилось, что Иркутское телевидение организовало серию телевизионных передач — «С Иркутском связанные судьбы», которую ведет М. Д. Сергеев. Одна из таких передач была посвящена И. А. Кускову, его славным деяниям в Русской Америке, и были заданы вопросы об интересующих нас портретах. «Телерассказ прошел, — пишет М. Д. Сергеев, — и не успел я отключиться от телекамеры, как раздался телефонный звонок... Звонила невестка Александра Дмитриевича Кускова — Е. Ф. Каршина (ее девичья фамилия). Оказывается, в Иркутске живут еще две дочери А. Д. Кускова...» Как выяснил М. Д. Сергеев, Кусковы, осевшие в Иркутске, по-видимому, в конце XIX в., продолжают родословную ветвь Дмитрия Александровича Кускова — родного брата

И. А. Кускова. Однако поиск продолжается, и ответы на наши вопросы еще предстоит получить.

- ⁴² *Хлебников К. Т.* Дневные записки о походе в Калифорнию и обратно 1820 г..., л. 4.
- ⁴³ ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 33.
- ⁴⁴ ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 33.
- ⁴⁵ Тотемский краеведческий музей. Список рукописных материалов, № 17.
- ⁴⁶ ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 33.
- ⁴⁷ *Кичин Е. В.* Иван Александрович Кусков, с. 85.
- ⁴⁸ ОР ГБЛ, ф. 204, Акты, картон 32, д. 33.
- ⁴⁹ Гос. архив Пермской обл., ф. 445, оп. 1 (фонд К. Т. Хлебникова), д. 351, л. 3.
- ⁵⁰ Гос. архив Вологодской обл., ф. 496, оп. 19, д. 501, л. 9 об.
- ⁵¹ *McKenzie John C.* Some Points of Interest at Fort Ross State Historical Monument. Photography by Edward F. Dolder. MS. Fort Ross, 1948, March 1; *Treganza Adan E.* Fort Ross. A Study in Historical Archaeology.— MS. University of California, 1953; *Haase Ynez P.* The Russian-American Company in California. 2 vols.— MS. University of California, Berkeley, California, 1955; *Hogg Victor.* Historic Fort Ross: a Preliminary Development and Feasibility Study. The California Department of Parks and Recreation, 1970; *Pritchard William E.* An Archaeological Study of the Chapel at Colony Ross.— MS. Fort Ross State Historic Park, Sonoma County. California, 1972.
- ⁵² Fort Ross State Historic Park. Resource Management Plan and General Development Plan. Sacramento (California): State of California and The Resources Agency Department of Parks and Recreation, 1976, February; Fort Ross: Indians — Russians — Americans. General Ed., Bickford O'Brien. Text, Dianne Spencer-Hancock. Graphics, Michael S. Tucker. Publ. by the Fort Ross Interpretive Association. Revised Ed. Jenner, California, 1978.
- ⁵³ *Петров В. П.* Форт-Росс и его культурное наследие, с. 37—38. См. также посвященную этому празднику брошюру: Fort Ross the Russian settlement in California (Indians — Russians — Americans). Published by the Ross Citizens' Advisory Committee. To Commemorate the Re-dedication of the Fort, 1974, June 8.
- ⁵⁴ Проект медали создан американцами русского происхождения А. Ф. Долгополовым и Н. И. Рокитянским. На лицевой стороне — рельефный портрет И. А. Кускова (за основу взят портрет из Тотемского музея), на оборотной стороне — вид крепости Росс с рисунка И. Г. Вознесенского (1840 г.). Медаль металлическая, позолоченная, диаметр 45 мм. Несколько экземпляров медали были подарены ее авторами музеям СССР: Эрмитажу в Ленинграде, Историческому музею в Москве и Тотемскому краеведческому музею в г. Тотьме Вологодской обл.

Г. И. Дзенiskeвич

ТОВАРООБМЕН У АТАПАСКОВ АЛЯСКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

К началу XIX в. у атапасков Аляски (койюконов, ингаликов, атанаина, атена) сложилась определенная система товарообменных отношений¹. Она основывалась на некоторых различиях в хозяйстве этих племен и зачатках ремесленной специализации. Жители прибрежных районов снабжали индейцев внутриматериковой Аляски выделанными кожами и жиром морских животных,

получая взамен меха, готовую меховую одежду, деревянную посуду.

Атапаски атена единственные на Аляске знали кузнечное ремесло, а также славились особым умением обрабатывать лосиные кожи и красить иглы дикобраза, которыми индейцы расшивали замшевую одежду. Их изделия из меди (наконечники стрел и копий, ножи, крючки) вместе с лосиными ровдугами и окрашенными иглами дикобраза пользовались спросом у всех атапаскских племен Аляски². Северные ингалики селения Улукак славились умением делать хорошие кремневые ножи и топоры, ставшие предметами обмена с индейцами соседних селений и племен³. Можно говорить, что это и были те «естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары»⁴.

Еще задолго до установления регулярных прямых контактов с европейцами на индейском рынке во внутренних районах Аляски наряду с предметами охотничьих промыслов и местными ремесленными изделиями в обращении находились некоторые европейские товары. Первые европейцы, проникшие в глубинные районы Аляски (это были члены русских экспедиций В. Иванова в 90-х годах XVIII в. и П. Корсаковского в 1818—1819 гг.), обнаружили, что атапаски ингалики имели металлические котлы, топоры, ножи, а также бисер и табак европейского происхождения. Об одном из путей проникновения этих товаров в глубь Аляски сообщает П. Корсаковский.

По словам его информаторов, ингаликов, встреченных у р. Тогиак, индейцы выменивали эти вещи у киатинцев (эскимосское племя в бассейне р. Нушагак), а те в свою очередь у квихпакцев⁵, торговавших с северными народами, неизвестными индейцам, встреченным П. Корсаковским⁶. Неизвестными северными народами были эскимосы малеймюты, живущие ближе других племен к побережью Берингова пролива и с давних времен бывшие посредниками в обменных отношениях населения северо-западной Аляски и северо-восточной Сибири⁷. От малеймютов европейские товары, а также чукотские (оленьи шкуры и готовая зимняя одежда из них) поступали к индейцам, селившимся по р. Уналаклик, а отсюда переходили в руки низовых копюконов и ингаликов Юкона. Индейцы селений, расположенных на путях сообщений между верхним течением Юкона и побережьем Берингова моря, стали посредниками в обменных операциях внутри-материковых атапаскских племен с малеймютами. К началу XIX в., по свидетельству Л. А. Загоскина, жители селения Улукак (на р. Уналаклик), оставив традиционные охотничий и рыболовный промыслы, уже занимались исключительно торговлей и были «все до одного хорошие торговцы»⁸.

Обособление торговой деятельности, превращение ее в главное занятие происходит в XIX в. в целом ряде атапаскских селе-

ний. Как сообщает Л. А. Загоскин, для ингаликов селения в устье р. Тхальхук (приток Кускоквима) торговля также была уже в то время основным ремеслом⁹. С основанием (с конца XVIII в.) на южном побережье Аляски русских поселений индейцы южных районов бассейна р. Кускоквим стали посредниками в торговом обмене между атапасками внутренней Аляски и прибрежными племенами. Они периодически посещали русские редуты, привозя туда меха, добытые северными индейцами, и взамен забирали европейские товары¹⁰.

Реки на Аляске были основными путями сообщения, а, следовательно, и торговыми путями. Районы важнейших торговых контактов находились в бассейнах Юкона и Кускоквима. Летом на байдарках, зимой на лыжах стекались охотники с пушниной и торговцы со своими товарами к устьям притоков двух великих рек Аляски, где в определенное время по обыкновению устраивались обменные ярмарки. Самая оживленная торговля бывала весной (после зимних промыслов, до начала весеннего хода рыбы) и осенью. Естественно, что байдарка, обеспечивавшая мобильность в это время года, была неотъемлемым атрибутом торговца. Недаром, когда на Юконе или Кускоквиме умирал торговец, то на щите, который обычно прибывался к лицевой стороне гроба, в качестве символа профессии покойного рисовали байдарку¹¹.

До организации Российско-Американской компании основная масса пушнины, добытой индейцами во внутренних лесных районах Аляски, привозилась последними на Юкон, а затем по его притокам переправлялась до р. Баклэнд, верховье которой близко подходит к притоку Юкона Ююкук, и, таким образом, попадала на побережье залива Коцебу, где и переходила в руки чукчей.

В западных, близких к Берингоморскому побережью, районах оживленными обменными пунктами были селение Киктагук, куда ежегодно с Юкона приходили индейцы-охотники со шкурами пушного зверя для обмена с малеймютскими торговцами¹², и большое селение Анинулых-тыхпак (на правом берегу Юкона), куда стекались индейцы селений, расположенных по рекам Анвик, Пшанукшак, Чагилюк, чтобы обменять предметы своих промыслов на табак и изделия из железа, привозимые сюда приморскими жителями¹³.

При заключении торговых сделок действовали веками выработанные приемы, правила и обычаи местного рынка. Л. А. Загоскин, не раз присутствовавший на обменных процедурах в индейских селениях на Юконе и Кускоквиме, следующим образом описывает этот процесс. Приезжий торговец раскладывал свои товары и объявлял, что хотел бы за них иметь. Заинтересованные покупатели, рассмотрев как следует предлагаемые товары, приносили на обмен свои, причем все присутствовавшие должны были хорошо видеть и оценить добротность и количество поступивших на обмен вещей. Если по истечении времени (подчас довольно длительного — года и более) вдруг оказывалось, что вы-

менявший вещь не доволен ею или просто передумал, он был вправе вернуть вещь торговцу, а последний был обязан принять ее без возражения и в свою очередь возратить то, что получил за нее¹⁴.

Русским торговцам приходилось считаться с этими древними обычаями и правилами. К. Т. Хлебников, описавший аналогичную картину обмена между русскими купцами и атапасками та-найна в Николаевской крепости, был вынужден признать, что «для торговли с ними нужно иметь навык и большое терпение»¹⁵. Индейцы «никогда скоро и легкомысленно не заключали своих торгов», также отмечал Л. А. Загоскин¹⁶. Торговля не была привилегией мужчин, с появлением в селении заезжего торговца в обмен нередко весьма бойко участвовали женщины¹⁷.

Насколько необходимыми стали обменные связи и какое большое значение они приобретали для аборигенов Аляски, можно судить по тому, каким почетом пользовалась профессия торговца, какими желанными гостями они были. Следующие факты, записанные русскими путешественниками, красноречиво об этом свидетельствуют: «В дальних индейских селениях всегда с нетерпением ожидали прихода торговцев, и каждый не жалел ни жены, ни дочери для дорогих гостей»¹⁸.

В XIX в. атапаски внутренних районов Аляски, северо-восточные ингалики и койюконы гораздо больше, чем западные, соседствующие с прибрежными эскимосами, сохраняли древние традиции и образ жизни. У них не отмечено наличия общественных домов-кажимов и обычая для мужчин ежедневно париться в них, но они тем не менее строили такие дома специально для приходящих с побережья торговцев¹⁹. Индейцы-ингалики, которых в 1818 г. встретила экспедиция П. Корсаковского на р. Тогиак, присвоили звание почетного тоена своему соплеменнику Укею только за то, что он помог им установить торговый контакт с русскими²⁰. Даже в близких к побережью селениях, где торговцы бывали частыми гостями, вести о возможности расширить торговые связи встречались с радостью и восторгом²¹.

Появление на Аляске европейских торговцев, организация Российско-Американской компании способствовали оживлению и расширению торгово-обменных связей между атапаскскими племенами. В обмен включались все новые и новые группы индейцев. Товары русских купцов, пройдя сложный и длинный путь, достигали индейских селений на самом северо-востоке Аляски²². Меню торговля с русскими основывалась преимущественно на обмене пушнины на вещи уже привычного для индейцев ассортимента: металлические котлы, ножи, иглы, табак, бисер. Новые товары получали у индейцев признание медленно и с трудом. Например, европейскую одежду они первоначально почти не покупали, поскольку к климатическим условиям края она плохо подходила, а оценивалась торговцами очень высоко. В то же время индейцы весьма охотно принимали в дар русские ситцевые

рубахи, суконные шапки и куртки. В глубинных районах Аляски даже в середине XIX в. европейскую одежду покупали лишь богатые торговцы. Низовые койюконы района Нулато, например, в 40-х годах прошлого века по-прежнему интересовались больше бисером, котлами, медными кружками и другими изделиями из металла, и лишь богатые торговцы «требовали ситцевых рубах, одеял, суконного платья, шапок и некоторые даже сапог»²³. Что касается таких предметов, как орудия труда, то, по свидетельству Л. А. Загоскина, индейцы посещенных им селений по Юкону в середине прошлого века «оставили каменные топоры, каменные ножи или пеколки, палочки для добывания огня, костяные иглы и многие другие предметы», заменив их соответствующими европейскими орудиями труда²⁴.

Основные обменные «расторжки» с русскими проходили в редутах и так называемых *одинокках* (маленькие торговые пункты, часто состоявшие из одной избы), которые специально для этих целей строились компанией в местах традиционных торжищ индейцев. Центром самых активных обменных сношений во внутренних районах Аляски стал Колмаковский редут благодаря своему особенно удачному местоположению. Он был основан (в 1841 г.) на Кускоквима, в той его части, где эта река близко подходит к Юкону и где издавна был центр обмена между северными и южными группами индейцев. Охотники привозили в редут добытые ими меха, и, помимо этого, торговый представитель редута ежегодно объезжал селения по верхнему течению Кускоквима, скупая меха на местах.

Из приморских редутов главным пунктом скупки пушнины у атапасков был Николаевский. В него после промыслов съезжались тапайна и торговые посредники ингаликов и атена. На апрельскую ярмарку в Николаевский редут собиралось до 600 индейцев²⁵. Приказчики редута в сопровождении атапаскских проводников из окрестных селений в разное время года отправлялись скупать пушнину в глубь Аляски.

Из небольших торговых центров во внутренних районах активно действовали Хулитнакская одиночка на Кускоквима и Нулато на Юконе. С целью выбора мест, удобных для основания новых торговых постов, правители Российско-Американской компании не раз направляли специальные экспедиции в глубь Аляски (экспедиции П. Корсаковского, И. Я. Васильева, А. Глазунова, Л. А. Загоскина). Налаживание и организация обмена с «дальновскими» (так русские купцы и промышленники называли индейцев глубинных районов Аляски танана и набесна) племенами атапасков также связаны с именами отважных путешественников и деятельных торговых представителей компании С. И. Лукина, Ф. Л. Колмакова, А. И. Климовского и др.

Активное развитие торгового обмена с русскими в первой половине XIX в. привело к появлению нового обменного эквивалента на Аляске. Единицей обмена становится шкура речного

бобра — основного предмета спроса европейских купцов. Иногда роль обменного эквивалента у атапасков выполняли цукли (раковины моллюска *Dentalium*) и бисер, бывшие излюбленными украшениями коренного населения Аляски. «Расторжка» бисером производилась нитками в сажень (2,5 м) длиной. Из одного фунта бисера обычно выходило 12 сажень²⁶. Есть свидетельства, что в XIX в. бисер у атапасков Аляски играл роль денежной единицы и рассматривался ими как денежное богатство. Они охотно выменивали и накапливали его. Например, северные ингаллики и низовые койюконы (в селениях, расположенных от устья притока Чагелюк до Нулато), переняв одежду приморских эскимосов, не украшали ее бисером, но всегда скупали бисер для обмена с атапаскскими племенами по среднему Юкону и накапливали его как богатство²⁷.

Индейцы атена, по свидетельству Ф. П. Врангеля, также считали бисер величайшим богатством. «Зажиточнейшие собирают его сколько могут,— писал он,— закапывают в землю и передают как сокровище наследникам, которые стараются умножить его»²⁸.

Шкура бобра получила признание в качестве денежного эквивалента исключительно благодаря развитию торговли с европейцами. В глазах индейцев Аляски она не имела почти никакой цены. Индейцы убивали бобров ради мяса (копченые бобровые хвосты считались у них лакомым блюдом). Что касается шкуры, то ее лишь иногда, и то не во всех районах, употребляли для зимних чулок или на ремни для изготовления оленьих петель²⁹. Не удивительно поэтому, что при первых обменных контактах с русскими купцами индеец, променивая шкуру большого речного бобра на один железный гвоздь или на лист табака, считал, что совершил выгодную сделку, в то время как в России шкура бобра стоила 200—300 руб. ассигнациями³⁰.

Поскольку европейские изделия из металла чрезвычайно высоко ценились индейцами, торговля ими могла бы долго принести русским купцам баснословные барыши. На первых порах, однако, индейцы не могли удовлетворить их спроса на бобров, так как бобровый промысел у них не был достаточно развит. Скупщики пушнины очень скоро были вынуждены увеличить плату за бобров в целях поощрения занятия охотников именно этим промыслом. Такие меры, а также соперничество иностранных торговых судов, стремившихся перекупить ценный товар и не скупившихся на плату, привели к тому, что еще в годы правления А. А. Баранова индейцы стали требовать за одного бобра не лист, а фунт табаку³¹.

Уже с первых лет деятельности на Аляске Российско-Американской компании были попытки ввести торговый устав и прейскурант закупочных цен. По положению 1825 г. большой речной бобр оценивался в 1 руб. 20 коп., чернобурая лисица — 2—3 руб., большой черный медведь — 2 руб., рысь — 1 руб. 60 коп.³² В 40-х годах XIX в. большой речной бобр уже ценился 4 руб., черно-

бурая лисица — 6 руб. (в России в то же время чернобурые лисицы продавались по 100—150 руб.), большой черный медведь — 4 руб., рысь — 3 руб.³³

С тех пор как шкура речного бобра начала служить единицей обмена, ценность всех остальных товаров, в том числе и пушных, стала определяться сравнительно с ценностью бобра. Так, шкура рыси и росوماхи оценивалась одним бобром, шкура черного медведя — четырьмя бобрами, а накидка из соболя стоила 8 бобров³⁴.

Атапаскские торговцы, связанные с наиболее отдаленными селениями, скупали бобров у тамошних охотников, а в редутах перепродавали их русским купцам. В селениях по среднему Юкону предприимчивые индейские торговцы давали охотникам за шкуру бобра в три раза меньше товаров, чем сами потом получали за нее при перепродаже в Нулато³⁵. Торговцы, объезжавшие селения по Кускоквиму и его верхним притокам, также получали большие барыши, обменивая на ценные меха товары, приобретенные в редуте Колмакова³⁶. Довольно часто, однако, русские торговые посты не имели необходимых индейцам товаров, и в ожидании их привоза некоторые аборигенные торговцы по нескольку лет держали у себя сотни шкур бобров и другого пушного зверя³⁷.

Российско-Американская компания иногда не успевала вовремя обеспечить товарами потребности коренного населения. Торговые лавки компании порой не имели товаров даже того ограниченного ассортимента, на который был постоянный спрос. Товары местного производства (готовая меховая одежда, посуда и пр.), как правило, в них вообще отсутствовали. Индейцы нижнего Юкона и Кускоквима, издавна получавшие жиры, меховую одежду и выделанные оленьи кожи от чукчей, не находя этих вещей в русских лавках, были вынуждены по-прежнему обращаться к малеймятам. Поскольку большая часть мехов при этом, как и раньше, переходила в руки чукчей, колониальное начальство всячески пыталось препятствовать старым торговым связям. Одной из главных целей экспедиции Л. А. Загоскина был выбор мест в бассейнах рек Юкона и Кускоквима для торговых постов, посредством которых предполагалось прибрать к рукам внутренний пушной рынок глубинных районов Аляски. Компания неустанно заботилась о том, чтобы пушной промысел индейцев полностью переходил бы в ее руки, а не к чукчам, подрывавшим ее торговлю и авторитет.

Малеймяты в свою очередь не могли спокойно наблюдать, как с приходом русских на побережье Аляски стало падать их влияние на индейцев, от торговли с которыми они с давних времен получали солидную прибыль. Когда русские обосновались на берегах залива Нортон, беспокойство эскимосских торговцев настолько возросло, что они решились на крайние меры и в 1836 г. напали на Михайловский редут, пытаясь его уничтожить³⁸. К на-

сильственным действиям хотели прибегнуть и киагагмютские торговцы, издавна державшие в своих руках торговые нити на Кукоквие. В знак протеста против появления русских купцов они пытались в 1828 г. убить И. Я. Васильева и членов его экспедиции³⁹.

С особенно большим трудом налаживались торговые связи компании с атапасками р. Медной (р. Коппер). После экспедиции А. И. Климовского в 1819 г. был основан торговый пункт в устье р. Читины (левый приток Медной), который просуществовал всего несколько лет. Посланный в 1847—1848 гг. для оживления торговых связей креол Р. Серебренников был убит медновцами, а после продажи Россией Аляски США (1867 г.) индейцы атна препятствовали проникновению белых торговцев в этот район⁴⁰.

Между тем именно атена явились распространителями среди индейцев танаина и ингаликов тех товаров, торговля которыми была запрещена с самого начала деятельности Российской-Американской компании: огнестрельного оружия, пороха, спиртных напитков. Атена добывали их у атапасков среднего и верхнего течения Юкона, которые вели активную торговлю с тлинкитами и разными атапаскскими племенами Канады. Индейцы чипевайи (атапаскское племя северной Канады) играли роль торговых посредников между соседними индейскими племенами и скупщиками пушнины компании Гудзонова залива, основавшей еще в 1717 г. торговый пост на р. Черчилл⁴¹.

Другим источником приобретения атапасками запрещенных товаров были опять-таки малеймюты, которые выменивали порох, винтовки и спиртные напитки на иностранных судах, занимавшихся контрабандой⁴². В торговом обмене атена с танаина фигурировали иногда и такие изделия, как металлическая посуда, бисер, получаемые от агентов компании Гудзонова залива не только через юго-восточные, но и через соседние северные племена, и в первую очередь — танаина⁴³.

Несмотря на то что атапаски р. Медной дольше своих западных соседей избегали прямых контактов с белыми торговцами, европейские товары также быстро проникали в их быт и оказывали разрушающее влияние на традиционную культуру. Весьма показательным в этом отношении селение Тэраль в устье р. Читины. Как уже упоминалось, члены экспедиции А. И. Климовского (1819 г.) были первыми белыми, посетившими этот район. Следующий белый человек, торговец Аляскинской Коммерческой компании м-р Хольт, появился в селении только в 1882 г.⁴⁴ Между тем, когда в 1885 г. в Тэраль прибыл с экспедицией лейтенант Генри Аллен и был принят в доме одного из вождей селения, его угощали лососями, поданной на фарфоровых тарелках, чаем из фарфоровых чашек с блюдцами, и в сервировке стола были европейские ножи и вилки⁴⁵.

В 60-х годах нашего века американскими учеными проводились археологические работы на Аляске, в районах расселения

атапасков. Джеймсом Ванстоном были раскопаны два селения XIX в.: Киджик — на северо-западном берегу оз. Кларк и Тачик — на правом притоке р. Нушагак. Материалы раскопок также свидетельствуют о большом влиянии на культуру атапасков в первой половине XIX в. торгового обмена с европейцами. Среди найденных предметов гораздо больше вещей европейского происхождения (металлические ножи, топоры, пилы, крючки, кольца, фрагменты европейской расписной керамики), чем традиционных индейских орудий из камня⁴⁶.

Не все европейские товары приживались у индейцев с одинаковой быстротой и легкостью. Как уже отмечалось, очень долго не пользовались большим спросом европейская одежда, а также те орудия, которые либо совсем не подходили для традиционных занятий индейцев, либо предусматривали некоторые изменения в них. Так, первое время не по назначению использовались металлические ловушки, завезенные русскими в целях увеличения пушного промысла. Охотники, не желавшие оставлять традиционные способы охоты и переходить к трапперству, ломали ловушки, чтобы использовать металлические части для изготовления топоров, ножей, наконечников стрел и копий⁴⁷. Такое положение, однако, наблюдалось лишь в первые десятилетия активных контактов с европейскими торговцами и промышленниками. К концу XIX в. индейцы Аляски были подготовлены для более широкого торгового обмена с европейцами, о чем красноречиво свидетельствуют опять-таки материалы раскопок Джеймса Ванстона.

Итак, в течение первой половины XIX в. процессы товарообменных отношений у атапасков Аляски заметно активизируются. Появляются новые обменные эквиваленты, и их роль в обмене постепенно возрастает. Возникают предпосылки для перехода от простой формы межплеменного обмена к товарно-денежным отношениям.

В целом интенсивное развитие в XIX в. межплеменного обмена и обмена с европейцами имело для атапасков Аляски далеко идущие последствия. Обмен и особенно возникновение товарного пушного промысла способствовали быстрому росту имущественного и социального неравенства, формированию новых типов внутриплеменных отношений, распаду родовых связей и усилению связей территориальных, постепенному выделению семьи в самостоятельную экономическую единицу и многим другим неизбежным следствиям интенсивно развивавшегося обмена⁴⁸.

¹ Для изучения процессов межплеменного обмена у трех названных атапаскских племен в первой половине прошлого столетия мы располагаем следующими источниками: 1. Документальными материалами русских путешественников и исследователей Аляски, дневниковые записи которых содержат многочисленные факты, а иногда и целые зарисовки сцен товарообмена у индейцев. 2. Опубликованными материалами археологических раскопок старых индейских селений, найденный инвентарь

- которых также позволяет судить о развитии торгового обмена и связях атапасков Аляски в XIX в.
- 2 *Врангель Ф. П.* Обитатели северо-западных берегов Америки.— Сын отечества. СПб., 1839, т. VII, с. 52, 66.
 - 3 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М.: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1956, с. 122 (примечания).
 - 4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 364.
 - 5 Под этим собирательным названием в русских источниках XIX в. часто фигурируют эскимосские и индейские племена, жившие по Юкону.
 - 6 Путевой журнал П. Корсаковского. Отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина, ф. 256, р. 487, л. 30.
 - 7 *Вдовин И. С.* Из истории отношений чукчей и эскимосов Аляски.— Труды / VII МКАЭН. М., 1971, т. II, с. 19—20.
 - 8 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 123.
 - 9 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 278.
 - 10 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 282.
 - 11 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 231.
 - 12 Путевой журнал помощника мореходства Андрея Глазунова (экстракт).— Архив ВГО, ф. 99, оп. 1, л. 61, л. 4.
 - 13 Путевой журнал..., л. 18.
 - 14 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 227.
 - 15 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке Российско-Американской компании.— ЛОААН, р. II, оп. 1, № 275, л. 46.
 - 16 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 115.
 - 17 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 183.
 - 18 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 76.
 - 19 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 240.
 - 20 Путевой журнал П. Корсаковского..., л. 29.
 - 21 Путевой журнал помощника мореходства Андрея Глазунова..., л. 12.
 - 22 *McKenna R. A.* Athapaskan Groupings and Social Organization in Central Alaska.— National Museum of Canada Bulletin 228, Ottawa, 1969, XI, p. 95.
 - 23 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 183.
 - 24 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 197.
 - 25 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке..., л. 46.
 - 26 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 184.
 - 27 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 131.
 - 28 *Врангель Ф. П.* Обитатели северо-западных берегов Америки, с. 53.
 - 29 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 280.
 - 30 ЦГА ВМФ, ф-7 (фонд В. М. Головина), оп. 1, № 24, л. 105.
 - 31 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке..., л. 41.
 - 32 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке..., л. 41 об.
 - 33 ЛОААН, ф-53 (фонд И. Г. Вознесенского), оп. 1, № 8, л. 4.
 - 34 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке..., л. 41.
 - 35 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 168.
 - 36 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 171.
 - 37 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 223.
 - 38 Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 68.
 - 39 Путешествие по рекам и озерам в Америке г-на прапорщика Васильева.— Гос. архив Пермской обл., ф-445 (фонд К. Т. Хлебникова), оп. 1, д. 15, л. 6, 6 об.
 - 40 *Van Stone J. W.* Exploring the Copper River Country.— Pacific Northwest Quarterly, 1955, X, vol. 46, N 4, p. 115—116.
 - 41 *Аверкиева Ю. П.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974, с. 93.
 - 42 *Тихменев П.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: Тип. Эдуарда Веймара, 1863, ч. II, с. 360.
 - 43 *Хлебников К. Т.* Записки о колониях в Америке..., л. 46 об.
 - 44 *Van Stone J. W.* Exploring the Copper..., p. 116.
 - 45 *Van Stone J. W.* Exploring the Copper..., p. 119.

- ⁴⁶ Van Stone J. W., and Townsend J. B. Kijik: An Historic Tanaina Indian Settlement.— Fieldiana: Anthropology, 1970, vol. 59, Plate 10—23.
- ⁴⁷ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина..., с. 222.
- ⁴⁸ Глубокий анализ всех последствий развития обмена на Аляске содержится в следующих работах: *Аверкиева Ю. П.* Род и община у алгонкинов и атапасков американского севера.— В кн.: *Разложение родового строя и формирование классового общества.* М.: Наука, 1968, с. 117—160; *Она же.* Индейцы Северной Америки. М.: Наука, 1974, с. 101—104, 131—133.

Р. В. Макарова

К ИСТОРИИ ЛИКВИДАЦИИ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ

Вопрос о прекращении деятельности Российской-Американской компании, ликвидации ее дел, которая затянулась до начала 80-х годов XIX в., не изучался специально ни советскими, ни зарубежными исследователями. Нам представляется важным коснуться, хотя бы кратко, этой стороны дела.

Автор первого обстоятельного исследования деятельности Российской-Американской компании¹ П. А. Тихменев² проследил ее историю до начала 60-х годов XIX в. И хотя в то время уже обсуждался вопрос об условиях дальнейшего существования компании, П. А. Тихменев не мог даже предположить, что через несколько лет встанет вопрос о ее ликвидации.

Советский историк С. Б. Окунь в конце 30-х годов опубликовал книгу³, в которой история Российской-Американской компании впервые получила марксистское освещение. Автор довел свое исследование до продажи русских владений Соединенным Штатам Америки, но не рассмотрел при этом русско-американского договора от 18(30) марта 1867 г. и не коснулся вопроса о передаче территории, которой почти в течение 70 лет управляла Российско-Американская компания.

Вопрос о продаже русских владений в Америке США рассмотрел и дал глубокую оценку существа этого акта академик А. Л. Нарочницкий в своей фундаментальной работе о колониальной политике капиталистических держав на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.⁴ и в книге «Международные отношения на Дальнем Востоке»⁵. Останавливаются кратко на этом вопросе также А. И. Алексеев в недавно изданной монографии «Судьба Русской Америки»⁶ и автор настоящей статьи⁷.

С. Г. Федорова в своем историко-этнографическом труде о русском населении Аляски и Калифорнии⁸ и в других работах⁹ глубоко исследовала социально-этнические процессы, которые происходили в Русской Америке вплоть до ее продажи в 1867 г.

Зарубежные историки, особенно американские, уделяли и уделяют немало внимания прошлому Русской Америки. В 1920 г. в Соединенных Штатах была опубликована первая работа о продаже Аляски, автором которой был известный исследователь Франк А. Голдер¹⁰. В связи со столетием продажи русских американских владений в США появился ряд новых работ¹¹, а книга Виктора Фэррера по этой проблеме была переиздана¹².

Возросший интерес к прошлому русских владений в Америке и выявление дополнительных материалов по истории последнего периода деятельности Российско-Американской компании дают нам основание специально рассмотреть вопрос о ликвидации этой компании, выполнявшей в течение более полувека также функции правительственного органа Русского государства.

При внешнем благополучии в деятельности Российско-Американской компании с середины XIX в. уже стали обнаруживаться признаки упадка. Уменьшился не только пушной промысел, но и торговля рыбой, льдом и лесом, разработка каменного угля. К 60-м годам кяхтинская торговля чаем почти замерла: компания не могла состязаться с английскими и французскими фирмами, вывозившими чай из китайских портов и наполнявшими им европейский рынок. Кроме того, с конца 40-х годов XIX в. резко усилилась американская экспансия в северной части Тихого океана: в 1848—1849 гг. добыча американских китоловов в русских водах оценивалась в 17,4 млн. долл.¹³ Российско-Американская компания была не в состоянии сдерживать иностранных соперников без помощи своего правительства.

Окончание третьего срока привилегий Российско-Американской компании — 1 января 1862 г. совпало со временем отмены крепостного права в России.

В обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг., когда стали все чаще раздаваться голоса протеста против порядков, установленных в русских колониях, против эксплуатации алеутов¹⁴ и монопольного характера деятельности компании, царское правительство вынуждено было создать (в 1860 г.) Особый комитет для устройства русских американских колоний и направить туда двух ревизоров: от министерства финансов — С. А. Костливецова, от морского министерства — капитана 2-го ранга П. Н. Головина.

Головин и Костливецов по возвращении из колоний в 1861 г. представили в комитет отчеты о ревизии, а также свои замечания и предложения. В 1863 г. комитет закончил обсуждение этих материалов и представил на рассмотрение правительства «Доклад... об устройстве русских американских колоний» и приложения к нему¹⁵.

Комитет отмечал, что Российско-Американская компания своей деятельностью способствовала распространению влияния России в северной части Тихого океана, развитию в этом районе земного шара торговли, но что в последние десятилетия стал

наблюдаться застой в промышленности, богатства края разрабатывались слабо¹⁶.

В своих рекомендациях по дальнейшему устройству колоний комитет предлагал освободить алеутов от обязательного труда в пользу компании, ликвидировать ее безграничную монополию, ограничив привилегии компании правом пушного промысла в ее владениях¹⁷. Несмотря на резкие критические замечания, комитет считал, что для дальнейшего развития края сохранение компании необходимо. В докладе указывалось, что «...надлежит только направить деятельность компании так, чтобы она не препятствовала самостоятельному промышленному и торговому развитию края; для сей цели предположено ограничить ее привилегии, а с тем вместе определить ее административные обязанности так, чтобы они состояли в самых колониях под прямым надзором правительства»¹⁸.

Главное правление Российской-Американской компании немедленно прореагировало на заключение комитета. В своем «отзыве» оно возражало против сокращения срока привилегий компании до 12 лет (вместо 20), так как это было бы, по его мнению, «равносильно лишению компании ее кредита, а следовательно, и возможности дальнейшего существования, что в этом сокращении срока высказывается близкое закрытие ея дел вообще»¹⁹. Руководители компании выступили против разграничения русских американских владений на «подлежащие *исключительному* праву торговли и промыслов для компании и на *страну*, открытую *свободной* торговле...»²⁰. Они обратили внимание членов комитета на то, что это создало бы иностранцам беспрепятственный доступ в русские владения для производства пушного промысла и «всякого рода недозволенной торговли»²¹.

В связи с замечанием ревизора С. А. Костливецва по поводу слабого заселения компанией колоний главное правление также выступило с возражениями. Оно отметило, что если компании и удалось бы создать поселения в глубинных районах колоний, то положение поселенцев, обосновавшихся на широте 60° на каменистой и болотистой почве, оттаивающей летом не более чем на аршин, среди негостеприимных племен оказалось бы крайне тяжелым.

В заключение главное правление ссылалось на то, что русское правительство, уже более двух столетий владеющее берегами Охотского моря, Чукотской землей и Камчаткой, не позаботилось об их заселении и ничего не сделало, чтобы наладить снабжение этого края продовольствием. «Причины те же: нет почвы и нет средств для водворения там земледелия»²².

Одновременно главное правление выражало сомнение в том, что России нужны поселения за океаном, которые при малейшем политическом перевороте «будут от нее отделены»²³.

Таким образом, главное правление Российской-Американской компании отклоняло от себя все упреки ревизоров и предложения

комитета и настаивало на сохранении своих прежних монопольных прав в русских владениях на Тихом океане.

Отстаивая право Российско-Американской компании на дальнейшее существование на прежних основаниях, главное правление ссылалось на особое положение компании, определенное Государственным советом еще в 1841 г. По мнению совета, правительство не только предоставило компании промышленную и торговую монополию, но и уделило ей «часть своей власти по управлению отдаленным и пространым краем...»²⁴ Поэтому компания представляет не только коммерческое сословие, но в известном смысле и власть политическую. И если бы правительство упразднило компанию, то лишилось бы «самого верного, самого надежного и добросовестного агента», который необходим в тех случаях, когда оно находит «неудобным действовать от своего лица...»²⁵ Так было накануне и во время Крымской войны, когда Российско-Американская компания, заключив с английской Гудзонбайской компанией конвенцию о нейтралитете, оградила русские поселения в Америке от нападений вражеской англо-французской эскадры²⁶.

Вопрос о возможности дальнейшего существования Российско-Американской компании обсуждался в течение последующих лет. В начале 1865 г. министерство финансов сделало в Государственный совет представление о пересмотре устава Российско-Американской компании и устройстве русских американских колоний. Представление рассматривалось в Департаменте государственной экономики 17 февраля и 22 апреля 1865 г. После длительного обсуждения вопроса члены департамента пришли к заключению о полезности сохранения «компании как привилегированного учреждения» для управления русскими колониями в Америке до 1 января 1882 г.²⁷

Одновременно департамент внес предложения по устройству колониального управления и местных жителей. Ссылаясь на то, что в Российской империи «с таким успехом» уничтожена крепостная зависимость, департамент признал «существенно необходимым» освободить алеутов и зависимых «инородцев» «от обязательного труда Российско-Американской компании...» и предоставить им право селиться там, где они найдут для себя удобным²⁸. Кроме того, было признано необходимым, чтобы главный правитель колоний назначался правительством и только ему подчинялся. Колонии и заведование делами компании передавались из Министерства финансов в ведомство морского министерства²⁹.

В окончательном виде решение Департамента государственной экономики было представлено в Государственный совет на утверждение, после чего оно было опубликовано в газетах под названием «Высочайше утвержденное 14 июня 1865 г. мнение Государственного совета»³⁰. По существу это был новый устав Российско-Американской компании, по которому ее привилегии продлевались до 1 января 1882 г.

15 сентября 1865 г. в Петербурге состоялось общее собрание акционеров Российско-Американской компании, на рассмотрение которого был представлен новый проект устава компании, изложенный в «мнении» Государственного совета. Собрание согласилось с проектом нового устава лишь частично и внесло в него некоторые изменения и дополнения. В случае же несогласия правительства с мнением акционеров собрание постановило просить «поручить кому следует немедленно заступить места Компании по управлению колониями с соответственным от правительства вознаграждением...»³¹

Но и после этого собрания продолжалось обсуждение акционерами компании «мнения» Государственного совета. 21 октября 1865 г. Главное правление сообщило министру финансов, что большая часть положений «мнения» компанией принята. Но одновременно оно возбудило ходатайство о сохранении за Российско-Американской компанией некоторых прежних исключительных прав и предоставлении ей в связи с крайне тяжелым финансовым положением ежегодного пособия в 200 000 руб.³²

В ответ на это ходатайство 6 сентября 1866 г. последовало предписание директора Департамента торговли и мануфактур главному правлению Российско-Американской компании следующего содержания: 1) в течение срока привилегий, утвержденных Государственным советом 2 апреля 1866 г., т. е. до 1 января 1882 г., будет ежегодно выплачиваться пособие в 200 000 руб., пока она будет исполнять возложенные на нее обязанности; 2) пособие это будет выплачиваться по смете морского министерства; 3) с компании снимается долг казне 725 000 руб.³³

Одновременно с этим компания предприняла некоторые меры, чтобы выйти из того критического положения, в котором она оказалась в конце 1865 г.: была начата «вытопка» жира из туш морских котов и организован его сбыт на Сандвичевы острова (в 1866 г. было продано до 1000 бочек жира на сумму около 15 000 руб. серебром)³⁴; для сокращения расходов пушнина стала доставляться в Петербург морем (из порта Аян), и теперь транспортировка ее обходилась не 30 руб., а лишь 80 коп. с пуда³⁵. Главное правление в начале 1867 г. было убеждено, что благодаря этим мерам компания вышла из того крайне затруднительного положения, в каком она была в конце 1865 г., и что дальнейшее ее существование «на вновь продолженный 20-летний срок... представляется вполне обеспеченным, могло доставлять акционерам удовлетворительные выгоды и даже постепенное вознаграждение за понесенные до сего жертвы»³⁶.

Однако такое радужное заключение вступало в противоречие с реальной действительностью. Сложившаяся во второй половине 50-х годов XIX в. международная обстановка была для России крайне сложной. После окончания Крымской войны и подписания унижайтельного Парижского трактата перед русским правительством встала задача — как можно скорее выйти из полити-

ческой изоляции. Поэтому было крайне нежелательным любое осложнение на Дальнем Востоке. Между тем враждебно настроенная по отношению к России Англия претендовала на Русскую Америку. Но не меньший интерес к ней проявляли и Северо-Американские Соединенные Штаты, которые вовсе не хотели допустить, чтобы их соперники — англичане — преуспели в осуществлении своих намерений.

К этому времени у части правящих кругов России складывалось убеждение в невозможности сохранить русские владения в Америке в силу их отдаленности и отсутствия на Тихом океане русского флота. Взгляды этих кругов выражал великий князь Константин, стоявший во главе морского ведомства. Еще в 1857 г. он писал министру иностранных дел А. М. Горчакову, что компания «не может продолжать следовать нынешней системе своей, не вовлекая правительство наше в тем более затруднительные споры с американцами...»³⁷ Таким образом, была подготовлена почва для переговоров о продаже русских владений Соединенным Штатам Америки, тем более что со стороны последних уже делались на этот счет предложения^{37а}.

Следует при этом отметить, что русское правительство, оказавшееся после поражения в Крымской войне в трудном положении, считало для себя крайне важным поддерживать дружественные отношения с Северо-Американскими Соединенными Штатами, которые были склонны видеть в России потенциального союзника в связи с ростом англо-американских противоречий. Русская дипломатия учитывала это. Поэтому, когда в начале 60-х годов XIX в. в США началась война между Севером и Югом, министерство иностранных дел России неоднократно высказывало мнение, что нельзя допускать распада Соединенных Штатов как важного фактора международного равновесия³⁸.

Летом 1866 г. (вскоре после неудачного покушения Д. Каракозова на Александра II) в Россию с дружеским визитом прибыла американская эскадра во главе с товарищем государственного секретаря по Морскому министерству Фоксом, который поздравил русского царя от имени американского народа и конгресса с «чудесным избавлением»³⁹. Американской делегации был оказан торжественный прием в Петербурге, Москве, Нижнем-Новгороде, Костроме. На пышных банкетах говорили о знаменательном союзе двух великих народов⁴⁰.

Наличие взаимных интересов между Россией и США нашло отражение в проправительственной русской прессе 60-х годов XIX в. Так, «Московские ведомости» писали: «Происходящее перед нашими глазами сближение двух великих народов Старого и Нового Света, этот обмен изъявлений взаимной национальной дружбы между Россией и Америкой, есть факт величайшей важности, и при том нечто новое, нечто *suī generis*. С этого рода сближением не может идти в сравнение какое бы то ни было дипломатическое соглашение...»⁴¹

Фокс использовал оказанное ему в Петербурге гостеприимство, для того чтобы придать переговорам о продаже русских владений в Америке, которые велись несколько лет, более определенный характер⁴².

В это время Российско-Американская компания была уже в довольно затруднительном финансовом положении и не могла больше продолжать свою деятельность без помощи правительства. Зная об этом, министр финансов России М. Х. Рейтерн писал в декабре 1866 г. князю А. М. Горчакову, что уступка русских колоний представляется желательной. Он подчеркивал, что компания находится в положении, близком к несостоятельности, и может быть поддержана только значительными со стороны правительства субсидиями. Рейтерн указывал, что если компания «не удержится», то придется взять колонии «в казенное управление, что сопряжено, без сомнения, с значительными жертвованиями... В таком положении дела нельзя, по моему мнению, не признать, что наши американские колонии представляют в государственно-экономическом отношении мало для нас пользы»⁴³.

Таким образом, становилась все более очевидной склонность русского правительства уступить свои владения на западном побережье Северной Америки Соединенным Штатам.

В ходе переговоров американская сторона предложила сумму в 7 млн. долл.⁴⁴, что сразу же вызвало отрицательную реакцию русской прессы. Газета «Голос», выражавшая взгляды либеральной буржуазии, в начале 1867 г. писала, что названная сумма слишком ничтожна для России, а если учесть, что правительство должно будет выдавать Российско-Американской компании компенсацию, то останется всего лишь 5—6 млн. долл. И стоит ли лишать из-за этого Россию ее американских владений как раз в то время, когда там открыто золото, «... разработка которого в два-три года доставит более, чем дают за них Северо-Американские Штаты»⁴⁵.

Однако финансовые соображения не играли определяющей роли при решении вопроса о продаже русских владений в Америке. Правительство России исходило в первую очередь из соображений политических, перед которыми нельзя было останавливаться ради прав одной компании.

Рейтерн весьма откровенно указывал на то, что, помимо невозможности защитить колонии в случае войны «с одной из морских держав», продажа колоний Соединенным Штатам сделает их «соседями английских колоний не только с юга, но и с северо-запада», что, по его мнению, «не может не иметь последствием упрочение дружелюбных наших отношений с Соединенными Штатами и увеличение вероятности несогласия этих Штатов с Англией»⁴⁶.

18(30) марта 1867 г. чрезвычайным посланником и полномочным министром России Стеклем в Вашингтоне был заключен с

правительством Северо-Американских Штатов договор об уступке русской территории в Америке с прилежащими к ней островами за 7 200 000 долл. Россия передала США Аляску, Алеутские и лежащие к северу от них острова Прибылова и др. Граница между русскими владениями и североамериканскими проходила отныне по Берингову проливу — по 193-му меридиану западной долготы (ст. 1) ⁴⁷.

Широкие круги русской общественности осудили продажу Аляски. Критикуя действия Российско-Американской компании и выступая за ликвидацию ее монополии, общественность России была против ликвидации самих колоний.

Некоторые английские газеты не усматривали в русско-американской сделке ущемления интересов Англии, утверждая, что ее влияние на Тихом океане остается незабываемым ⁴⁸.

Но К. Маркс очень метко отметил антианглийскую направленность договора от 18(30) марта 1867 г., подчеркивая, что «...с экономической стороны приобретение это пока не стоит ни цента, но — но янки благодаря этому отрежут с одной стороны Англию от моря и ускорят присоединение всей британской Северной Америки к Соединенным Штатам. Вот где собака зарыта!» ⁴⁹

Американская печать отмечала, что в результате сделок США получают все, «что производит земля от тропической полосы до Ледовитого океана» ⁵⁰.

Передача русских владений Соединенным Штатам должна была осуществиться согласно статье IV трактата, в которой говорилось, что для этой цели обе стороны должны направить в Ново-Архангельск — административный центр Русской Америки — своих уполномоченных.

15 мая 1867 г. русское правительство назначило капитана 2-го ранга А. А. Пещурова для передачи представителю США всей принадлежавшей России территории и имущества Российско-Американской компании. Вместе с главным правителем русских американских колоний капитаном 1-го ранга князем Д. П. Максutowым А. А. Пещуров должен был приступить к передаче владений в соответствии с данной ему инструкцией ⁵¹. В ее заключительной части предписывалось все дела по сдаче колоний окончить «без затруднений и в духе дружественных отношений, существующих между обоими правительствами...» ⁵²

18 октября 1867 г. в Ново-Архангельске состоялась официальная церемония передачи Аляски Соединенным Штатам. После спуска русского флага был поднят американский ⁵³.

Уступка Русской Америки США создала для Российско-Американской компании целый ряд непредвиденных трудностей. Они были вызваны тем, что в договоре от 18(30) марта 1867 г. не было статей, предусматривающих охрану интересов компании. Более того, там отсутствовало даже упоминание Российско-Американской компании, и тем самым она была официально поставлена «в бесправное положение, а следовательно, и в зависимость

от доброй воли американских властей»⁵⁴. Дело дошло до того, что суда компании были лишены права плавать «в некоторых случаях» под русским флагом, и поэтому приходилось «различными угодениями и уступками приобретать для них американский флаг»⁵⁵.

Компания понесла огромные убытки. По подсчетам комиссара Российско-Американской компании, направленного в колонии специально для реализации ее имущества, капитана 2-го ранга Ф. Ф. Коскуля и последнего главного правителя колоний капитана 1-го ранга князя Д. П. Максутова, общая сумма убытков компании равнялась 4 043 882 руб. 59 коп.⁵⁶

Новое главное правление компании, избранное общим собранием акционеров 21 апреля 1867 г. «для принятия приуготовительных мер к приведению в исполнение трактата... и для ведения всех переговоров о передаче колоний и реализации имущества компании...»⁵⁷ в составе Ф. П. Врангеля, Э. И. Тилло, Н. И. Любавина, Н. Н. Андиферова и М. Д. Тебенькова, неоднократно обращалось на протяжении нескольких лет в комитет, созданный «для принятия приуготовительных мер к приведению в исполнение трактата... об уступке... наших владений на северо-западном берегу Америки»⁵⁸, в Министерство финансов⁵⁹, в Комитет министров и к самому императору с просьбой выплатить компании компенсацию за понесенные ею убытки. Все эти обращения не достигли цели. А в январе 1869 г. на имя председателя главного правления барона Ф. П. Врангеля было прислано уведомление о том, что на переданное ранее императору прошение «всемилоостивейшего соизволения не последовало»⁶⁰.

В ноябре 1870 г. уполномоченные компании и члены ревизионной комиссии, «сообразив все обстоятельства, постановили» обратиться к министру финансов с докладной запиской «об окончании расчетов» с Российско-Американской компанией⁶¹. Но и это обращение осталось без последствий. Убытки компании были возмещены в очень незначительном размере. Компании было назначено вознаграждение за проданное имущество всего 73 000 руб., правительство же Соединенных Штатов уплатило русскому около 800 тыс. руб.⁶² Осталось «чистого, ничем не покрытого убытка 1 092 352 руб. 71 коп...»⁶³

Главному правлению приходилось своими силами выходить из того трудного положения, в котором оказалась компания и ее акционеры. Оно выплачивало дивиденды (больше всего в апреле 1867 г.)⁶⁴ вплоть до 1881 г., когда оставшиеся немногие владельцы акций получили всего по 3 руб. 95 коп. серебром (на каждую акцию)⁶⁵.

- ¹ *Тихменев П. А.* Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. СПб.: В типографии Эдуарда Веймара, 1861, 1863, ч. I—II.
- ² О Тихменеве П. А. как историке см. в книге: *Мирзоев В.* Историография Сибири. 1-я половина XIX века. Кемерово: Кемеровское книжн. изд-во, 1965, гл. 1, с. 75—86.
- ³ *Окуль С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л.: Соцэкгиз, 1939.
- ⁴ *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 177—181.
- ⁵ Международные отношения на Дальнем Востоке. Книга первая. С конца XVI в. до 1917 г. М.: Мысль, 1973, с. 117—118.
- ⁶ *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки. Магадан: Магаданское книжное изд-во, 1975, с. 312—316.
- ⁷ *Макарова Р. В.* Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII в.—60-е годы XIX в. Учебное пособие по спецкурсу для студентов заочного факультета МГИАИ. М., 1974, с. 108—112.
- ⁸ *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. Конец XVIII в.—1867 г. М.: Наука, 1971. Канадское издание: *Fedorova S. G.* The Russian Population in Alaska and California. Late XVIII Century — 1867. Kingston (Ontario), 1973.
- ⁹ *Федорова С. Г.* Этнические процессы в Русской Америке.— В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973. Американское издание: *Fedorova Svetlana G.* Ethnic Processes in Russian America. Translated by Antoinette Shalkop.— Occasional Paper. Anchorage Historical and Fine Arts Museum, 1975, N 1.
- ¹⁰ *Golder Frank A.* The Purchase of Alaska.— The American Historical Review, 1920, April, vol. XXV, N 3, p. 411—425.
- ¹¹ *Shiels Archie W.* The Purchase of Alaska. Published by The University of Alaska Press College, Alaska. Washington, 1967; *Speigny Hector.* Russian America. The Great Alaskan Venture. 1741—1867. New York, 1965; *Lensen Ronald J.* The Alaska Purchase and Russian-American Relations. University Washington Press, 1975; *Frontier Alaska. Proceedings of the Conference on Alaskan History* Washington, 1968; *Gibson James R.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America. 1784—1867. New York: Oxford University Press, 1976.
- ¹² *Farrar Victor J.* The Annexation of Russian America to the United States. New York, 1966 (first published in 1937).
- ¹³ *Збышевский В.* Замечания о китоловном промысле в Охотском море.— Морской сборник, 1863, т. XV, № 4, с. 229.
- ¹⁴ Московские ведомости. 1862 г., 17 апреля; Северная пчела, 1862 г., 17 февр.; Русское слово, 1864, № 7, с. 66.
- ¹⁵ Доклад комитета об устройстве русских американских колоний, СПб., 1863, 1864, ч. I—II.
- ¹⁶ Доклад комитета об устройстве русских американских колоний. СПб., 1863, ч. I, с. 157.
- ¹⁷ Доклад комитета..., с. 197—198, 200—201.
- ¹⁸ Доклад комитета..., с. 237.
- ¹⁹ Доклад комитета..., ч. I, с. 314—315.
- ²⁰ Доклад комитета..., ч. I, с. 316.
- ²¹ Доклад комитета..., ч. I, с. 317.
- ²² Доклад комитета..., ч. II, с. 466.
- ²³ Доклад комитета..., ч. II, с. 345; *Агранат Г. А.* Об освоении русскими Аляски—Летопись Севера. М.: Мысль, 1971, т. V, с. 188; *Федорова С. Г.* Этнические процессы в Русской Америке.— В кн.: Национальные процессы в США. М.: Наука, 1973, гл. 5, с. 163.
- ²⁴ Доклад комитета..., ч. II, с. 519.
- ²⁵ Доклад комитета..., ч. II, с. 545.
- ²⁶ Доклад комитета..., ч. II, с. 546.
- ²⁷ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, л. 181, л. 97.
- ²⁸ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, л. 181, л. 103, об.

- ²⁹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 104.
- ³⁰ Московские ведомости, 1865 г., 8 августа.
- ³¹ Московские ведомости, 1865 г., 9 октября.
- ³² АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, лл. 111 — об. 136.
- ³³ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, лл. 130 об., 136.
- ³⁴ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 139.
- ³⁵ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 139 об.
- ³⁶ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 140.
- ³⁷ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1857—1863, д. 397, л. 4.
- ^{37a} *Schiels. Archie W.* The Purchase of Alaska. Washington, 1967. Chap. 2. Early Attempts to Purchase Russian America. p. 6—11.
- ³⁸ К истории русско-американских отношений во время гражданской войны в США.— Красный архив, 1939, т. 3(94), с. 122, 125, 126, 146, 147.
- ³⁹ Американцы в Петербурге. Дружественный союз России и Америки и подробное описание монитора «Миантономо». СПб., 1866, с. 4; *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания, с. 246—247.
- ⁴⁰ Американцы в России и русские в Америке. Празднества и речи американцев и русских в Нью-Йорке, С.-Петербурге, Москве, Нижнем-Новгороде и подробное описание монитора «Миантономо». СПб., 1866, с. 3—8.
- ⁴¹ Московские ведомости, 1866 г., 14 августа.
- ⁴² *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания, с. 247.
- ⁴³ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1858—1868, д. 399, л. 10; *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания, с. 247.
- ⁴⁴ *Goldier Frank A.* The Purchase of Alaska.— The American Historical Review, 1920, April, vol. XXV, N 3, p. 413.
- ⁴⁵ Голос, 1867 г., 25 марта (6 апреля).
- ⁴⁶ АВПР, ф. 888, 1858—1868, д. 399, л. 10.
- ⁴⁷ Полный текст договора см.: Полное собрание законов Российской империи, собрание 2-е, т. XLII, Отделение 1-е 1867. СПб., 1871, № 44518, с. 421—424; *Алексеев А. И.* Судьба Русской Америки, с. 312—313.
- О том, как утверждался данный договор в конгрессе США, о спорах, прениях по данному вопросу см.: *Багуева Т. М.* Прохождение договора о покупке Аляски в конгрессе США в 1867—1868 годах.— Новая и новейшая история, 1971, № 4, с. 117—124.
- ⁴⁸ См. передовую статью английской газеты «Morning Herald», перепечатанную в «Московских ведомостях» 20 июля 1868 г.
- ⁴⁹ Письмо К. Маркса к Людвигу Кугельману. 17 февраля 1868 г. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., изд. 2-е, т. 32, с. 542.
- ⁵⁰ Цит. по: Голос, 1867 г., 23 апр. (5 мая).
- ⁵¹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1866—1868, д. 412, лл. 364—366 об.
- ⁵² АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1866—1868, д. 412, л. 366 об.
- ⁵³ Костромские губернские ведомости, 1868 г., 3 февраля; *Федорова С. Г.* Флаг Российско-Американской компании.— В кн.: От Аляски до Огненной земли. М.: Наука, 1967, с. 126—128.
- ⁵⁴ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 319 об.
- ⁵⁵ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 323.
- ⁵⁶ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 327.
- ⁵⁷ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 144.
- ⁵⁸ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 162.
- ⁵⁹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1869, д. 415, лл. 28—47.
- ⁶⁰ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807, 1824—1888, д. 181, л. 297.
- ⁶¹ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., лл. 347—348.
- ⁶² АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 293.
- ⁶³ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 346 об.
- ⁶⁴ АВПР, ф. РАК, оп. 888, 1807..., л. 349.
- ⁶⁵ Правительственный вестник, 1881 г., 8(20) ноября.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ТРУДОВ

А. В. ЕФИМОВА

Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ.— Историк-марксист, 1930, № 16.

Публицист 60-х годов Н. В. Соколов.— Каторга и ссылка, 1931, № 11—12.

К истории капитализма в США. М.: Соцэргиз, 1934.

Из истории борьбы за свободные земли в США (Акт о гомстедах и их коммутация).— Историк-марксист, 1934, № 3.

Основные течения современной американской историографии.— Историк-марксист, 1934, № 4.

Восстание негров-рабов в Северной Америке.— Борьба классов, 1934, № 10.

Кризис буржуазной исторической науки в США.— Историк-марксист, 1935, № 7.

Французская буржуазная революция XVIII в. К 150-летию юбилею. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939.

Главы в учебнике для исторических факультетов — Новая история. М.: Соцэргиз, 1939, ч. I и II.

Методическое пособие по новой истории. М.: Учпедгиз, 1939 (многочисленно переиздавалось с изменениями и дополнениями).

Новая история. Учебник для 8-го класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1940. Переиздавался много раз (последнее изд. 1971 г.) на русском языке, на других языках народов СССР, а также на иностранных языках.

Курс лекций по новой истории, прочитанный в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). 11 выпусков. М., 1940 (переиздано в 1945 г.).

Главы в «Истории дипломатии». М.: Госполитиздат, 1941, 2-е доп. изд., т. I, 1959.

Соловьев как историк международных отношений.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1945, № 4.

Россия и колонизация Америки в первой половине XVIII в.— Известия АН СССР. Серия истории и философии, 1947, № 2.

Из истории русских экспедиций на Тихом океане. 1-я пол. XVIII в. М.: Воениздат, 1948.

Структура и логический стиль курса истории.— Советская педагогика, 1948, № 1.

Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. М.: Географгиз, 1950.

Некоторые вопросы методики истории как науки. «Советская педагогика», 1953, № 10.

Очерки истории США (1492—1877). М.: Учпедгиз, 1955; 2-е изд., доп., 1958.

Проблема сосуществования различных способов производства в работах Ф. Д. Тернера.— Вопросы философии, 1956, № 5.

Общественная деятельность Вениамина Франклина.— Вестник АН СССР, 1956, № 3.

Изучение новой истории в СССР за 40 лет.— Вопросы истории, 1957, № 10.

Вопросы этнографии в американских исторических журналах.— Советская этнография, 1958, № 3.

Некоторые теоретические вопросы методики истории. М.: Учпедгиз, 1958.

Негритянская проблема в США.— Советская этнография, 1959, № 2.

Борьба против расизма в США, за демократию.— Коммунист, 1961, № 5.

Народный подъем и общественное мнение США в критический период гражданской войны.— В кн.: К столетию гражданской войны в США. М.: Соцэкгиз, 1961.

Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке в XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1964.

Формация и эпоха.— В кн.: История и социология. М.: Наука, 1964.

Открытие Америки со стороны России. Доклад на VII МКАЭН. М.: Наука, 1964.

Социальный аспект биологической категории «раса».— В кн.: Против расизма. М.: Наука, 1966.

О направлениях в изучении нации.— Новая и новейшая история, 1967, № 4.

США. Пути развития капитализма. Доимпериалистическая эпоха. М.: Наука, 1969.

Раса как социальная категория и расизм.— В кн.: Нет — расизму! М.: Наука, 1969.

Структуры общества и их модификации.— Новая и новейшая история, 1969, № 6.

В. И. Ленин о развитии капитализма и некоторых национальных проблемах США.— Советская этнография, 1970, № 5.

Декларация прав ООН и борьба против расизма.— В кн.: Народы против расизма. М.: Наука, 1970.

Из истории великих русских географических открытий. М.: Наука, 1971.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. В. ЕФИМОВА

Н. Н. Болховитинов

О творческом пути и научной деятельности Алексея Владимировича Ефимова	6
--	---

Р. Ф. Иванов

Проблемы истории американского капитализма в трудах А. В. Ефимова	16
---	----

А. И. Алексеев

А. В. Ефимов — историк географических открытий	23
--	----

Р. А. Авербух

Воспоминания о товарище	30
-----------------------------------	----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ СЕВЕРНОЙ АМЕРИКИ

Г. П. Куропятник

Народные восстания в североамериканских колониях в XVII в.	34
--	----

Б. П. Полевой

Попытка американского посредничества в Крымской войне	43
---	----

Л. А. Смирнова

«Утечка умов» в Соединенные Штаты — новая форма трудовых миграций в условиях научно-технической революции	54
---	----

А. А. Фурсенко

Франция и американская независимость (из предыстории франко-американского договора 1778 г.)	60
---	----

Ш. А. Богина

Ирландские иммигранты и гражданская война в США	72
---	----

<i>В. А. Скрозникова</i>	
О пенсильванских немцах в этническом составе населения США	81
<i>Л. Н. Фурсова</i>	
Американская революция и формирование населения Канады (к этнической истории Канады)	89

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ
ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

<i>М. С. Альперович</i>	
Карлейль и революционное движение в Латинской Америке	102
<i>Р. В. Кинжалов</i>	
Миф о происхождении какао у народов Месоамерики	119
<i>Ю. В. Кнорозов</i>	
Этногенетические процессы в древней Америке	133
<i>Ю. Е. Березкин</i>	
Идентификация трех антропоморфных мифологических персонажей на изображениях мочика	142
<i>А. Д. Дридзе</i>	
Из истории индейцев Тринидада (60—80-е годы XIX в.) . . .	155
<i>В. Л. Афанасьев</i>	
Две картины об одном событии (к истории латиноамериканской тематики в европейской живописи XIX в.)	162
<i>Л. С. Шейнбаум</i>	
Индейцы гуарани в этнической истории Аргентины	174
<i>В. С. Гайдук</i>	
Этническое развитие Никарагуа во второй половине XIX в. .	181
<i>Л. А. Файнберг</i>	
Проблемы общественного строя индейцев Амазонии в работах немецких путешественников конца XIX в. (К. Штейнен, М. Шмидт, П. Эрнрейх)	189
<i>М. Г. Коговская</i>	
Социальная мобильность негров и мулатов в Бразилии (40—50-е годы XX в.)	192
<i>И. Ф. Хорошаева</i>	
Г. Г. Манизер о «необразильцах»	199

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ АМЕРИКИ

<i>М. И. Белов</i>	
О фантастической Новой земле (XVI—XVIII вв.)	204
<i>Р. Г. Ляпунова</i>	
Записки иеромонаха Гедеона (1803—1807) — один из источников по истории и этнографии Русской Америки	215
<i>С. Г. Федорова</i>	
Русская Америка и Тотьма в судьбе Ивана Кускова	229
<i>Г. И. Дзенискевич</i>	
Товарообмен у атапасков Аляски в первой половине XIX в.	254
<i>Р. В. Макарова</i>	
К истории ликвидации Российско-Американской компании	264
Список основных трудов А. В. Ефимова	275

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
И ЭТНОГРАФИИ
АМЕРИКИ

*

Утверждено к печати
институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Художник *А. Г. Кобрин*
Художественный редактор *И. В. Разина*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*
Корректоры *Т. М. Ефимова, П. А. Пирязев*

ИБ № 15262

Сдано в набор 06.04.79
Подписано к печати 09.07.79
Т-08674. Формат 60×90 1/16
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная

Печать высокая

Усл. печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 20,3
Тираж 1950 экз. Тип. зак. 1818
Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10